

Абхазский государственный университет
Общественная палата Российской Федерации
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Государственный Комитет по репатриации РА

**ЖӘЛАРБЖЪАРАТӘИ АТЦААРАДЫРРАТӘ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КАВКАЗТӘИ АИБАШЬРА: АТОУРЫХТӘ ЛКААҚӘЕИ
ИАХЪАТӘИ ААМҒЕИ»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: УРОКИ ИСТОРИИ И
СОВРЕМЕННОСТЬ»**

Посвящена памяти Г.А. Дзидзария

**Материалы конференции
Сухум, 20–23 мая 2024 г.**

Сухум
2024

УДК 001(5)
ББК 72.5(5Абх)я431
Жэ 64

Редколлегия: *Габелия А.Н., Гумба Г.Д., Инджгия Д.Д.,
Мамедова О.В., Мирзоев А.С., Салакая С.Ш.*

Материалы научной конференции, приуроченной к 160-летию окончания Кавказской войны и 110-летию Г.А. Дзидзария «Кавказская война: уроки истории и современность».
– Сухум: АГУ, ОП РФ, АБИГИ, Госкомитет по репатриации РА, 2024. – 221 с.

В сборник вошли материалы конференции, «Кавказская война: уроки истории и современность», приуроченной к 160 летию окончания Кавказской войны, посвященная 110-летию Георгия Алексеевича Дзидзария.

Сборник предназначен для историков, этнографов, студентов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории Кавказа XIX столетия.

Г/Р 978-5-155-73-05024

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Гумба Г. Д. Русско-Кавказская война: опыт осмысления в контексте современных вызовов	5
Анчабадзе Г.З. Характер и временные рамки Кавказской войны	13
Халидов Д.Ш. Русско–Кавказская война сквозь призму конфликта цивилизаций и долгого пути к миру (<i>опыт историко-социологической и политкультурной реконструкции</i>)	21
Ахмадов Я.З. Некоторые вопросы осмысления истории Кавказской войны	31
Салакая С.Ш. Абхазская советская историография Кавказской войны	38

II. ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Абдулвахабова Б.Б.-А. Торговля и торговые отношения чеченцев с казачеством и народами Кавказа в первой половине XIX века	46
Байрамкулова А.А. Кавказская война и попытки национально-государственного самоопределения народов Карачаево-Черкесии	52
Бегеулов Р.М. Локальный абхазский социум Тебердинского ущелья в военно-политических событиях в Карачае в 1853–1856 гг.	57
Булатов А.А. Кавказская (1817–1864 г.г.) и Крымская (1853–1856 г.г.) войны XIX столетия. Массовые исходы коренных народов и их исторические, экономические и политические последствия.	61
Гаджиев М.О., Муртазалиев М.М. Штурм селения Ахульго (июнь-август 1839 г.): итоги и последствия	68
Галбацев С.М. Битва при ауле Аргвани (май-июнь 1839 г.): значение и последствия	75
Гапуров Ш. А., Магамадов С. С. От военно-политического союза – к государственному единству	79
Гумба М.В. – Уничтожение горцами части Черноморской береговой линии, в результате восстания 1840 года	84
Доного Х.– М.М. Из истории создания артиллерии в имамате Шамиля	90
Кидирниязов Д.С. Участие ногайцев в Кавказской войне	97
Квициния М. Б. Историческая память и принцип объективности в истории (на примере оценок Кавказской войны)	102
Колосовская Т.А. Кавказская война в судьбах ее участников (на материалах Д.А. Милютина)	109
Ливцов В. А. – Жизнедеятельность орловского дворянина Алексея Петровича Ермолова до кавказских войн.	116
Мамчуева Ф.О. Трагические и драматические страницы Кавказской войны в Карачаево-балкарском фольклоре	124
Мусхаджиев С. Х.Х. Кавказская война: зигзаги российской историографии	130
Мирзоев А.С. Кавказская война и выселение черкесов в Османскую империю (причины, этапы, квалификация переселенцев).	139
Озова Ф.А. Демографическая ситуация в Кабарде в начале XIX в.	148
Пахомчик С.А. Кавказская война в произведениях классиков русской литературы	156
Панеш А.Д. Кавказская война как сложное переплетение конкретно-исторических факторов	162
Соловьева Н.Г. Песни кубанских казаков времен Кавказской войны в контексте этнокультурного осмысления истории.	168

Сефербеков Р.И. Экономическое, общественно-политическое и культурное развитие Дагестана после окончания Кавказской войны (1859 г. – первая четверть XXI в.): 165 лет в составе России	174
Ткаченко Д.С. Секретные миссии военных разведчиков как способ изучения Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в.	184
Умаров Д. В. Торгово-экономические Связи Северо-Кавказского Региона в период Кавказской Войны	191
Цвижба Л.И. Некоторые аспекты интеграции народов Кавказа в Российскую Империю (на примере Абхазского княжества первой половины XIX века)	198
Хаджиева М.Х. Обмундирование, амуниция и оснащение карачаевцев периода Кавказской войны.	207
Ярков А.П. Абхазы в Сибири и на Дальнем Востоке.	216

I. ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Гумба Г. Д.
г. Сухум

РУССКО-КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Ключевые слова: Русско-Кавказская война, Северный Кавказ, переселение горцев, историческая реальность, убыхи.

160 лет назад завершилась одна из самых длинных войн в мировой истории, ни начало, ни окончание которой не были оформлены какими-либо правовыми актами. Ее изучению посвящены множество книг, монографий, статей, а за последние 30 лет она была предметом дискуссий многих научных конференций. Однако, до сих пор в историографии не выработана более или менее целостная интерпретация природы и исторического места этой войны. Дискуссионным является практически все, вплоть от времени начала и названия самой войны¹.

Существует множество взаимоисключающих концепций о причинах, характере и последствиях Русско-Кавказской войны. В России они меняются в соответствии с изменениями общественно-политической ситуации. Исходя из влияния идеологических установок, господствовавших на разных этапах развития исторической науки в России, ее трактовки классифицируются на имперско-цивилизаторскую, либерально-демократическую, марксистско-ленинскую, постмодернистскую. Такое многообразие и острая дискуссионность проблематики Русско-Кавказской войны в исследовательской литературе справедливо объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен.² Поэтому, предпринимаемые попытки на основе лишь какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Кавказа, политической истории России и т.д. – выработать целостную интерпретацию Русско-Кавказской войны не имеют успеха.

Но как бы то ни было, ее изучение в научном кавказоведении занимает большое место. Современный исследователь опирается на крепкий научный фундамент позитивного наследия по исследованию Русско-Кавказской войны, особенно, российского и советского, которое надо сохранять и приумножать. Естественно, это не означает, что не нужно выдвигать новые научные гипотезы, предлагать новое видение. С течением времени наши знания об этой войне, как и о любом другом периоде истории, расширяются и углубляются. И как бы не были полно изучены те или иные факты, события, какое бы не существовало устойчивое мнение по ним в академических кругах, проблемы истории Русско-Кавказской войны получают новые интерпретации. Поэтому, естественно, научные дискуссии будут всегда, иное означает отрицание истории как науки. Но при этом, разумеется, исследование должно быть именно научным, т.е. соответствовать правилам и апробированным традициям научно-исследовательской работы, основываться на принципах объективности и правдивости.

Другое дело, когда исследование приобретает характер идеологически заданной направленности, выборочное и одностороннее освещение фактов. В таких случаях на дискуссию накладывается печать политизированности, что, к сожалению, наблюдается чаще, чем хотелось бы. Анализ историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории

¹ См.: Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.

² Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 11.

Русско-Кавказской войны показывает, что ее репрезентация осуществляется с позиций одного из двух исторических субъектов – Российской империи, с одной стороны, и народов Кавказа, с другой.³

В основе же идеологизированности и политизированности лежит чрезмерная идеализация и мифологизация борьбы кавказских народов, представлении их лишь в розовом цвете, с одной стороны; и чрезмерное стремление оправдать и представить как неизбежную, едва ли не божественную предопределенность, включение народов Кавказа в состав Российской империи, с другой. Соответственно, в большинстве случаев, в разработке вопросов Русско-Кавказской войны исследователи волей или неволей оказываются под воздействием этих двух основополагающих подходов, и связанных с ними идеологических стереотипов и штампов.

Безусловно, подобная идеализация, как одной, так и другой стороны, далека от научной истины, поэтому не может быть приемлема. При этом практически все понимают и отмечают жизненную необходимость «исторического консенсуса» и выработки концептуально общего подхода. Исследователи отмечают, что Русско-Кавказская война – трагическая страница нашей общей истории, важно провести гуманитарную реабилитацию болезненных проблем исторической памяти и национального сознания народов, участвовавших в войне с обеих сторон, деактуализировать и деполитизировать их, сделать упор на становление взаимопонимания и примирения, на уважение воинской доблести противоборствовавших сторон, создавать общее символическое пространство⁴.

Пожелания, несомненно, благие и прекрасные, их только можно приветствовать. Но на какой общей платформе возможно установление взаимопонимания и примирения, если еще не выработана общая, взаимоприемлемая оценка Русско-Кавказской войны и не определен, принимаемый всеми сторонами, ее характер. Российская империя вообще не признавала народы Кавказа и тем более Кавказ в целом, легитимным субъектом и своим противником. Николай I в своем послании наместнику Кавказа князю Воронцову указывает: «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое»⁵.

Такой же позиции – отказ в какой-либо легитимной субъектности народов Северного Кавказа, продолжают придерживаться ряд исторических школ и центров РФ, которые пытаются доказать, что вообще не было никакой войны, а был лишь кризис на Северном Кавказе.⁶ Можно сказать, что Русско-Кавказская война еще не завершена, она продолжается, но уже на историографическом поле с вытекающими отсюда последствиями, в частности, своего рода войне мемориалов и памятников и т.д.

Конечно, Русско-Кавказская война, продолжавшаяся столь длительное время, явление сложное, многоплановое и ее нельзя рассматривать прямолинейно. Война принимала различные формы, в те или иные периоды на первый план выходили и становились определяющими различные факторы – геополитические, политические, культурные, религиозные, социальные и т.д. По тем или иным причинам не все народы Кавказа были вовлечены в войну, а были и те, которые переходили в подданство России, но как только сталкивались с попыткой установления имперского колониально-административного управления, ущемляющие их права и свободы, поднимались на народно-освободительную войну и т.д.

Но все эти факторы были порождением самой войны и сопутствовали ей. В чем же заключалась первопричина этой войны? Думаю, что вряд ли у кого-то может вызывать сомнение в том,

³ Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 11.

⁴ Крылов А. Спекуляции вокруг Кавказской войны призваны ослабить Россию // <http://www.kavkazoved.info/news/2020/05/21/spekulacii-vokrug-kavkazskoj-vojny-prizvany-oslabit-rossiju.html>

⁵ Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. «WebKniga», 2014 г. С.32.

⁶ Виноградов В.Б. «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сб. научных статей. Краснодар, 2015. С.43.

что первопричиной Русско-Кавказской войны является приход Российской империи на Кавказ. Как было свойственно всем мировым империям, Россия проводила государственную политику внешней экспансии для захвата территорий, формирования колоний и установления политического или экономического контроля над другими странами. Расширяясь, Российская империя подошла к Кавказу и начала его захватывать, используя мирные и военные методы. Многие народы Кавказа оказали сопротивление и встали на защиту своей родины. В связи с чем, главным средством были признаны военные методы и военная колонизация, что и вызвало войну. Со стороны Российской империи это была война за новые земли, за людские и природные ресурсы, за новые возможности для конкуренции с другими мировыми империями и т.д., т.е. колониально-захватническая.

Как отмечает Н.В. Варивода, «завоевательная политика царизма на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. определила военно-казачий тип колонизации»⁷. Колонизацию региона Российское правительство рассматривало как одну из основных задач создания здесь многочисленного и сильного кавказского казачества, как форпоста Российской империи в наступлении против кавказских народов⁸. В документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего (Российского – Г.Г.) владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим (российским – Г.Г.) вооруженным казачьим населением»⁹.

Российская колонизация Кавказа началась с Центрального Предкавказья с принудительным вытеснением кавказского населения с равнинных, плодородных и обжитых земель в горы, а затем населения Западного Кавказа с последующим заселением этих территорий поселенцами-колонистами. О том, что военная колонизация Кавказа, сопровождаемая насильственным выселением, проживавших здесь на протяжении тысячелетий народов, проводилась по спланированной государственной программе Российской империи, существует множество неопровержимых документальных свидетельств, многие из которых приведены в известной монографии Г.А. Дзидзария¹⁰. Так, наместник Кавказа князь Барятинский А.И. в своем письме Александру II пишет о том, что необходимо «избавить Кавказское плоскогорье от населения... и открыть тем самым прекрасные и плодородные места для казачьего поселения». В другом письме он отмечает: **«Во исполнение высочайшего указания царского правительства о выселении горцев в Турцию** (выделено мной – г.г.), будем действовать осмотрительно, но решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье от населения. ...Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев в Турцию»¹¹.

Директор походной канцелярии наместника Кавказа М. С. Воронцова Золотарев И.Ф. пишет: «...Первоначальным и главнейшим тому средством должно служить заселение богатых и плодородных местностей Кавказа русскими переселенцами»¹².

Командующий российскими войсками Кубанской области Н.И. Евдокимов: **«Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру»**¹³. Генерал-майор Ростислав Фадеев: «Изгнание горцев и заселение западного Кавказа русскими – таков был план войны в последние четыре года. ...Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие»¹⁴.

⁷ Варивода Н.В. «Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX века (Демографические и социокультурные аспекты)» // Кавказский сборник. М. 2017. Том № 10 (42). Стр. 47-48.

⁸ Там же, с. 48.

⁹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.

¹⁰ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982 г.

¹¹ Дзидзария Г.А. Ук. соч., с. 215.

¹² Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С. Петербурге (1861-1872 гг.) С. Петербург, 1873 г. С. 38.

¹³ Дзидзария Г.А. Ук. соч. с. 219.

¹⁴ Фадеев Р. Письма с Кавказа. Письмо 5-е/ Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010 г. с.179, 183-185.

Великий князь Михаил Николаевич в «Записке о положении в Абхазии» писал (1864 г., март): «В виду близкого осуществления высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Чёрного моря от устья Кубани представляется необходимость решить вопрос о будущем положении владетеля Абхазского, а из казачьих поселений от р. Бзыби до р. Энгури могли бы составить Абхазское Казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»¹⁵.

Таких свидетельств можно привести десятки, но и приведенные, а также результат войны и последовавшие затем события, отчетливо показывают, что Российская империя не была исключением, как и все империи, правда с некоторыми отличительными особенностями, она проводила колониально-завоевательную политику. Да, конечно, при большом желании можно найти множество объяснений, оправданий, диктовавших Российской империи необходимость завоевания и колонизации Кавказа. Но они не могут изменить того непреложного факта, что со стороны Российской империи это была колониально-захватническая, т.е. несправедливая война, направленная на захват и колонизацию исторически никогда ей не принадлежавших территорий.

С другой стороны, ни один кавказский народ не нападал на Россию, не претендовал на чужую землю, они защищали свою родину, свои семьи, свой образ жизни, как это они делали на протяжении тысячелетий, когда к ним приходили большие империи с целью их покорения и захвата земель. Для кавказских народов это была оборонительная, т.е. справедливая война.

Это та истина, оспаривать которую невозможно и бессмысленно. Иначе надо переосмыслить все войны, которые вели мировые империи, вообще пересмотреть всю мировую историю. Именно такой подход к Русско-Кавказской войне может стать той общей платформой, на основе которой можно будет достичь взаимопонимания и примирения на поле историографии, а затем уже и гуманитарной реабилитации болезненных проблем исторической памяти и национального сознания, участвовавших в войне народов.

Нет необходимости искать оправдание военным действиям Российской империи на Кавказе, заниматься мифотворчеством и выдумывать какие-то концепции, не имеющие ничего общего с исторической реальностью, типа «набеговой системы». Якобы в силу своей «дикой» и «хищнической» натуры, нахождения на стадии разложения патриархально-родового уклада и «военной демократии», кавказские народы совершали грабительские набеги на казачьи поселения. России же ничего не оставалось, как отвечать тем же. Несмотря на то, что в научной кавказоведческой литературе подобные взгляды подвергнуты убедительной критике и вполне справедливо отнесены к «ненаучной фантастике»¹⁶, они, к сожалению, все еще имеют широкое хождение в российской, как околонуучной, так и научной литературе.

Действительно, как можно говорить о кавказских народах как о пребывающих в своем развитии на уровне «военной демократии» в XIX в., когда они на протяжении нескольких тысячелетий являются субъектами исторического процесса, упоминаются в письменных источниках II тыс. до н.э. В результате археологических, этнолингвистических, исторических, антропологических исследований все больше и больше выявляется, что т.н. горские народы были не только свидетелями, но и участниками становления древних цивилизаций, ставших во многом основами нынешних цивилизаций (европейских и азиатских). Кстати, именно хатты, находящиеся в этногенетическом родстве с представителями т.н. горских народов, являются первооткрывателями металлургии железа, без которого не было бы современной цивилизации.

Одной из главных причин непризнания справедливого, оборонительного характера войны со стороны кавказцев и колониального – со стороны Российской империи кроется в том, что якобы это дает основание для возникновения центробежных сил и несет угрозу безопасности России на Кавказе. Однако, как представляется, именно не признание правды и отрицание очевидного многократно увеличивает угрозу возникновения центробежных сил, углубляет существующие и

¹⁵ Дзидзария Г. А. Ук. соч., с. 177.

¹⁶ Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. Грозный, 2015. С. 83.

провоцирует новые противоречия, поскольку такой подход совершенно не учитывает менталитет, особенности этнопсихологии кавказских народов.

В научной литературе неоднократно отмечалось об особой роли истории на Кавказе, поскольку этническая психология и самосознание народов Кавказа неразрывно связано с их историей. Свойственное кавказским народам уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная в исторических преданиях – обусловило формирование менталитета, тяготеющего к истории. История – один из важных инструментов этнокультурной самоидентификации кавказских народов, она в значительной степени формирует общественное сознание.

Отсутствие письменности требовало особого «устройства» памяти: передача общественно значимых событий осуществлялась живыми носителями памяти непосредственно через имитацию и повторение. Благодаря этому, основные навыки и умения «надежно» сохранялись «как в капсуле» и передавались новым поколениям¹⁷. А Русско-Кавказская война для большинства народов Кавказа стала переломным периодом в их истории, разрушившим традиционный мир, повлекшим глубинные изменения и оставившим неизгладимый след в народной памяти. По историческим меркам эта война была «вчера» и люди помнят о ней по рассказам своих дедов и прадедов. Эти рассказы в той или иной степени, в основном совпадают с документами того периода и письменными свидетельствами участников войны.

В этих условиях попытки представить искаженную картину исторической реальности Русско-Кавказской войны, где защитники своей родины, своих семей, чести и достоинства своего народа изображаются в негативном свете, хищниками и разбойниками, не только не воспринимаются, но и вызывают глубокое чувство возмущения. Если же учесть характерное в культуре кавказских народов трепетное отношение к памяти своих предков, многим все это воспринимается как святотатство, с вытекающими отсюда последствиями.

Речь, в данном случае, идет не о всех народах, проживающих в географических пределах Кавказа, а собственно о народах носителей кавказского менталитета, общих культурных традиций, систем мышления и поведения и т.д., представляющие собой основу кавказской историко-культурной общности, т.е., о т. н. горских народах Кавказа. Так называемые, потому, что понятие «горские народы», на мой взгляд, не совсем соответствует действительности. Как можно назвать горскими народами, например, черкесов, чеченцев, которые на протяжении тысячелетий проживали, как в горах, так и в равнинной зоне Прикубанья и Центрального Кавказа. Да, были периоды, когда под натиском превосходящих сил, они вынуждены были отступать в горы. Но затем, набравшись сил, освобождали свои земли. Такая же ситуация сложилась и с приходом Российской империи – население, проживавшее на равнинах было вытеснено в горы. Но не смирилось и продолжило военные действия по освобождению своих земель.

Именно т.н. горские народы, носители кавказских культурных традиций, оказывали столь длительное и массовое сопротивление, несмотря на огромные и невозполнимые потери вели войну за свою свободу и независимость. В чем особенность кавказских культурных традиций, или что такое кавказскость – тема уже отдельной и не одной международной конференции. Если в двух словах, то, как отмечал известный абхазский писатель Даур Зантария, «Кавказ – это Мир с тысячелетним вольным укладом, с признанием свободы высшей ценностью, с цивилизацией, которая является не европейской и не азиатской в полной мере»¹⁸. На протяжении тысячелетий завоевывать Кавказ приходили многие империи, бывало, завоевывали на время. Но покорить или усмирить кавказские народы никому не удавалось. Впрочем, ни одна из этих империй не стремилась покорить и установить колониальное правление, ограничиваясь лишь вассальными или союзническими отношениями.

Одна из главных причин столь ожесточенной и длительной Русско-Кавказской войны, имевшей столь трагические последствия для кавказских народов, является как раз стремление Российского

¹⁷ Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблема исторической памяти. // Кавказология / Caucasology № 1/2017 56 <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/e-journal-caucasology/>

¹⁸ Даур Зантария. Кавказская война и беженцы (рукопись).

императорского двора покорить и усмирить кавказские народы. Именно такое распоряжение дает император Николай I главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генералу Паскевичу И.Ф.: «Предстоит Вам славное дело... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁹. Как известно, горские народы не покорились и в результате многие древние народы с тысячелетней историей оказались перед реальной угрозой полного физического уничтожения или выселения на чужбину. Особенно это касается абхазов и черкесов, для которых Русско-Кавказская война имела катастрофические последствия. После окончания войны и насильственного выселения у себя на родине абхазов и черкесов (адыгов) осталось не более 10%, а убыхский народ полностью исчез. Вследствие этого Русско-Кавказская война оставила неизгладимый след в коллективной памяти кавказских народов и занимает ключевое место в национальном сознании. Исторические исследования, любые публикации, связанные с этой войной, получают широкий общественный резонанс.

Поэтому важнейшая задача исторической науки наших стран – это снять налет политизированности, идеологизированности при освещении Русско-Кавказской войны. Необходимо примирение сторон уже на историографическом поле. Но это возможно только опираясь на правду, на объективную истину, поскольку на лжи ничего прочного нельзя построить. Нет никакой необходимости проецировать ситуацию XVIII-XIX вв. на современную эпоху и наоборот. В XIX в. была другая геополитическая ситуация, сегодня другая, тогда наши народы были противниками, отстаивали разные ценности.

Сегодня отношения России с народами Кавказа основаны не на подчинении, а на союзе, кавказские народы признаны легитимными политическими субъектами в качестве Республик, составляющими Российскую Федерацию, а Абхазия и Южная Осетия признаны как независимые государства. Сегодня наши народы находятся на одной стороне, в одном лагере и отстаивают общие ценности. Президент РФ В.В. Путин так определяет, за что Россия сегодня сражается на поле боя: «...за суверенные, самостоятельные государства, которые не хотят унижаться и выполнять роль лакеев... За формирование нового, более справедливого, многополярного мира с равными правами и возможностями для всех стран и цивилизации, за принципы справедливого мироустройства, за свободу стран и народов»²⁰.

Т.е. сегодня наши народы вместе сражаются на поле брани против превосходящих сил коллективного Запада именно за те ценности, которые отстаивали народы Кавказа, за что погибли наши деды и прадеды. Это и есть именно те ценности, которые могут и должны стать определяющими в выработке и утверждении в общественном сознании и практике наших народов формулы гражданского консенсуса по проблеме Русско-Кавказской войны.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что существующий на историографическом поле накал страстей по проблемам Русско-Кавказской войны, влияющий и во многом формирующий общественное сознание, используется нашими общими противниками. В последние десятилетия наблюдается резкое возрастание интереса к Кавказу в международных научных кругах, показателем чего стало создание десятков научных кавказоведческих институтов и центров в разных странах Европы, Америки и Азии (США, Англия, Франция, Германия, Китай, Япония и др.)

Помимо научно-исследовательского, такой рост интереса к истории Кавказа, несомненно, связан с принципиально новой геополитической ролью, которую начал играть Кавказ после распада СССР. Свои взоры на регион обратили мировые державы и еще вчера казавшиеся незыблемыми форматы и модели отношения, трансформируются и переоцениваются. США и ее союзники начали рассматривать Южный Кавказ в качестве плацдарма для «второго фронта» против России и создания на ее южных рубежах дуги нестабильности, о чем они открыто говорят и не скрывают.

Нет сомнения и в том, это вновь созданные институты, центры будут использовать болевые точки, противоположные взгляды по тем или иным проблемам, вызывающие эмоциональные

¹⁹ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность // Тифлис, 1904, с. 404.

²⁰ Путин В.В. Выступление на съезде Федерации независимых профсоюзов России. 04.04. 2024 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/73791>.

споры, особенно, по Русско-Кавказской войне, для манипулирования общественным сознанием и специального модулирования ситуации, чтобы вызывать антироссийские настроения в регионе. Но мы не можем допустить, чтобы наши противники использовали трагедию кавказских народов XIX века против современной России, а значит и против кавказских народов.

Нам нужно направить усилия на ослабление, а то и вовсе на устранение антагонистических противоречий исторического, политического, духовно-культурного плана путем разработки новых теоретических и методологических позиций на основе общих ценностей, объединяющих наши народы. Однако, к большому сожалению, сторонники различных подходов фактически не ведут друг с другом научного диалога. Различные научные учреждения, центры, школы издают книги, монографии, сборники статей, в которых не учитываются результаты исследования их оппонентов из соседних республик и областей.

В этой связи, было бы целесообразным учреждение Международного научного консультативного Совета по проблемам Кавказоведения, особенно, Русско-Кавказской войны, куда вошли бы ученые из Абхазии, республик Северного Кавказа, Юга-России, Москвы, Петербурга и др. Как представляется, такой Кавказский консультативный совет с рекомендательными функциями мог бы сыграть важную роль в достижении взаимопонимания и согласованности различных интересов и точек зрения; способствовать эффективному общению между учеными по выработке общих подходов, концепции по тем или иным животрепещущим проблемам научного кавказоведения.

Резюме

В историографии до сих пор не выработана более или менее целостная интерпретация природы и исторического места Русско-Кавказской войны. Основной причиной является чрезмерное стремление оправдать военные действия Российской империи, с одной стороны, идеализация и мифологизация борьбы кавказских народов, с другой. Необходима выработка новых теоретических и методологических позиций по проблеме Русско-Кавказской войны. В этих целях считается целесообразным создание общекавказского научного консультативного совета.

Summary

Historiography has not yet developed a more or less comprehensive interpretation of the nature and historical place of the Russo-Caucasian War. The main reason for this is the excessive desire to justify the military actions of the Russian Empire, on the one hand, and the idealisation and mythologisation of the struggle of the Caucasian peoples, on the other. It is necessary to develop new theoretical and methodological positions on the problem of the Russian-Caucasian war. To this end, the creation of a pan-Caucasus scientific advisory council is considered appropriate.

Литература

1. Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. Грозный, 2015.
2. Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. Ростов-на-Дону, 2016.
3. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.
4. Варивода Н.В. «Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX века (Демографические и социокультурные аспекты)» // Кавказский сборник. М. 2017. Том № 10 (42).
5. Виноградов В.Б. «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сб. научных статей. Краснодар, 2015.

6. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик, 2002
7. Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. «WebKniga», 2014 г. С.32.
8. Зантария Даур. Кавказская война и беженцы (рукопись).
9. Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.
10. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982 г.
11. Кожев З.А. Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.
12. Крылов А. Спекуляции вокруг Кавказской войны призваны ослабить Россию // <http://www.kavkazoved.info/news/2020/05/21/spekulacii-vokrug-kavkazskoj-vojny-prizvany-oslabit-rossiju.html>
13. Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.
14. Путин В.В. Выступление на съезде Федерации независимых профсоюзов России. 04.04. 2024 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/73791>
15. Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С. Петербурге (1861-1872 гг.) С. Петербург, 1873 г.
16. Фадеев Р. Письма с Кавказа. Письмо 5-е/ Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010 г.
17. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблема исторической памяти. // Кавказология / Caucasology № 1/2017 56 <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/e-journal-caucasology/>
18. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность // Тифлис, 1904.

Анчабадзе Г.З.
г. Сухум

ХАРАКТЕР И ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Россия, Кавказ, война, Имамат, хронология

Key words: Russia, Caucasus, War, Imamat, Chronology

Кавказская (русско-горская) война одно из самых значимых общественно-политических явлений в истории Российской империи, следствием которой стало утверждение российской власти на всей территории Кавказа. Ее предыстория восходит ко второй половине XVI столетия, когда южные границы Московского царства после присоединения Астрахани (1556) достигли низовьев Терека. Для дальнейшего продвижения вперед, русское государство, сердцевину которого отделяла от Кавказа обширная полоса слабо освоенных земель, еще не обладало достаточными ресурсами. Это показали неудачные попытки военного проникновения в Дагестан в конце XVI и начале XVII веков. К тому же российские интересы на Кавказе сталкивались с интересами Османской Турции и Сефевидского Ирана, находившихся на пике развития и, в свою очередь, старавшиеся распространить тут свое политическое влияние. Поэтому, создав опорный пункт в дельте Терека, русские стали укреплять свое присутствие, установлением дипломатических и торговых связей с местными княжествами, изучали Кавказ и его население.

Активность российской политики на юге резко возрастает в XVIII веке, особенно с 60–70-х годов, когда началось планомерное продвижение русских войск и администрации на Кавказ. По результатам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов главный соперник России в Кавказско-Черноморском регионе, Турция, потеряла большую часть своих позиций. Россия овладела северным побережьем Черного моря, считавшимся дотоле внутренним бассейном Османской империи. На востоке же она распространила свой контроль над равнинами Азово-Каспийского междуморья. У турок остался единственный опорный пункт на Северо-Западном Кавказе – крепость Анапа. Правда, по договору с Россией зоной влияния Турции была объявлена довольно большая территория, прилегающая к Анапе, от моря до реки Кубань (более 50 000 кв. км.). Однако проживавшие здесь многочисленные и сильные черкесские (адыгские) народы, считали себя независимыми и не подчинялись коменданту Анапы, которого султан назначил их начальником.

Продвижение русских войск и колонистов в местах, которые издавна использовались кавказскими горцами под пашни и пастбища, внесло напряженность в русско-горские отношения, что усиливалось строительством пограничных укреплений на занятых территориях. Как писал советский историк-востоковед Н.А.Смирнов: «Игнорирование царской администрацией интересов горцев, захваты их земель для русских поселенцев... — все это вызывало недовольство кавказского населения»¹. Уже в 70–80-х годах XVIII века почва для вспышки стихийного движения на Северном Кавказе была достаточно подготовлена. Начались стычки между русскими войсками и отрядами горцев, постепенно переросшие в систематические боевые действия. Так начиналась русско-горская война, продолжавшаяся ряд десятилетий и стоившая больших жертв обеим сторонам.

Долгое время в российских источниках военные действия на Кавказе обозначались выражениями: «покорение», «завоевание», «усмирение», «умиротворение», «установление русского владычества». Название «Кавказская война» в научно-публицистический оборот впервые использовал

¹ Смирнов Н.А. *Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках* (Москва, 1958), 138.

русский военный писатель и участник военных действий с кавказскими горцами, генерал-майор Ростислав Фадеев в своей книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» (1860).

Несколько позже в русской историографии появляется термин «Кавказские войны», охватывающий уже весь спектр военных действий России на Кавказе в XVIII–XIX веках. Это и противоборство с Турцией и Персией, и подавление восстаний в Закавказье, и, конечно, война на Северном Кавказе, в Дагестане и Северо-Восточном Причерноморье, или собственно Кавказская война, – предмет нашего обсуждения.

Одна из особенностей русско-горской войны заключается в отсутствии общепринятых хронологических границ этого исторического явления. Не будем останавливаться на максимальных рамках, предлагаемых некоторыми авторами – от XVI столетия почти до наших дней. Большинство ученых ограничиваются периодом XVIII–XIX веков. Однако относительно начальной даты этого продолжительного вооруженного конфликта в исторической науке существует широкий разброс мнений. Указываются 1722–, 1763, 1783, 1785, 1799, 1801, 1816, 1817, 1818, 1829, 1830 и другие годы.

Каждая из этих дат имеет свои более или менее оправдательные мотивы. Так, 1722 год – это начало Персидского похода Петра I, нарушившего более чем вековую паузу в военном наступлении русских на Кавказе. Видимо, в России еще в годы русско-горской войны петровская эпоха мыслилась началом этого противостояния. В рескрипте императора Александра II по поводу окончания Кавказской войны (1864) говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад»². Однако, на мой взгляд, Персидский поход, несмотря на его размах, а также то, что в ходе экспедиции русские имели столкновения с чеченцами и дагестанцами, трудно напрямую увязать с позднейшей Кавказской войной. Во-первых, потому, что конечной целью похода являлся не Северный Кавказ – главный театр русско-горской войны – а каспийский торговый путь на Восток. Поэтому в ходе кампании русские заняли Дербент, Баку, Энзели, Решт и другие каспийские крепости, гавани и центры торговли. Во-вторых, после смерти Петра его ближайшие преемники отказались от масштабных замыслов императора и вернули на Терек русские аванпосты. Только в 30-х годах XVIII века здесь начинается организация первой укрепленной линии, опиравшейся на крепость Кизляр. Военные линии, сооружаемые русскими войсками на Кавказе, представляли собой систему пограничных укреплений, состоявших из крепостей, отдельных фортов, редутов, постов, наблюдательных пунктов и укрепленных казачьих станиц, между которыми передвигались конные патрули.

По словам известного историка-кавказоведа, профессора Н.И.Покровского, сооружение Кизлярской укрепленной линии, стало началом борьбы за захват чеченской плоскости³. То есть укрепленные линии помимо оборонительных задач, имели функции исходных рубежей для поступательного движения вперед⁴. Следовательно, строительство Кизлярской линии, можно расценивать как прелюдию к Кавказской войне. Начало же большого противостояния надо относить к эпохе императрицы Екатерины II (1762–1796). Доводы историков, предлагающих эту точку зрения, мне кажутся наиболее обоснованными. Недаром во многих досоветских изданиях Кавказская война именуется «вековой войной».

Продолжение строительства укреплений вдоль левого берега реки Терек и особенно закладка крепости Моздок (1763), где издавна паслись кабардинские стада, вызвало открытое недовольство в Кабарде. Кабардинская аристократия с XVI века поддерживавшая союз с Россией против Турции и Крыма, понимала, что Моздок станет оплотом Российской империи на среднем Кавказе (неслучайно официальный историограф кавказских войн В.А.Потто отмечает, что закладкой Моздокской крепости был заложен «краеугольный камень завоеванию Кавказа»⁵). Кабардинские посланцы, прибывшие в Санкт-Петербург, потребовали срыть моздокские укрепления, но полу-

² Дзамихов К.Ф. *Кавказская война и ее интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд»* // Северо-кавказский юридический вестник (№1'2014), 41.

³ Покровский Н.И. *Кавказские войны и имамат Шамиля* (Москва, 2000), 107.

⁴ Там же, 108.

⁵ Потто В.А. *Кавказская война*, т. 1 (Ставрополь, 1994), 56.

чили решительный отказ. Не было приостановлено и строительство новых опорных пунктов, протяженная черта которых, получившая название «Кавказская укрепленная линия» к 1790 году достигла на западе Черного моря, а на востоке – каспийского берега.

Русско-кабардинский раздор из-за Моздока и других пунктов в центре Кавказской линии, привел к череде серьезных столкновений, в ходе которых кабардинцы, по выражению генерала Ермолова: «...отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях»⁶. Военные действия с перерывами продолжались до 1825 года и завершились разгромом Кабарды. Война совпала с эпидемией чумы, свирепствовавшей в поселениях горцев. В результате боевых действий и сильной эпидемии население Кабарды намного сократилось, после чего она уже как юридически, так и фактически подпала под власть России.

Некоторые историки видят в Моздокском конфликте начало Кавказской войны, однако я думаю, что с не меньшим основанием точкой отсчета можно считать события середины 80-х годов XVIII века. В частности, выступление горцев под руководством чеченского проповедника Ушурмы (шейха Мансура), когда разрозненное сопротивление вышло за пределы отдельных областей (Кабарда, Чечня, Дагестан, Западная Черкесия) и приняло, по существу, общесеверокавказские масштабы с конкретными идейно-политическими лозунгами. В 1785–1791 годах Мансур активно действовал то в Чечне и Северном Дагестане, то в Кабарде и Западной Черкесии, организуя нападения на русские войска и проповедуя священную войну. В 1791 году он был пленен русскими войсками и окончил свои дни в Шлиссельбургской крепости. Шейха Мансура можно считать идейным предшественником позднейших дагестанских имамов.

В досоветской, а частично в советской и современной историографии начало Кавказской войны нередко увязывается с присоединением Восточно-Грузинского царства к России (1801), в результате которого Империя получила плацдарм в Закавказье, расширенный за несколько лет от моря до моря. По мнению ряда историков, в связи с этим возникла задача покорения кавказских горцев, чтобы прочнее связать новые территории с основной частью государства. Поэтому эти авторы исходный момент Кавказской войны относят к началу XIX столетия. Отсюда выражение: «шестидесятилетняя кавказская война», часто встречающееся в литературе. Но в таком случае из хроники русско-горской войны выпадает значительный предыдущий период, когда к северу от Кавказского хребта также велись боевые действия.

В еще большей степени это замечание заслуживает датировка, отсчитывающая начало Кавказской войны с 1817 года (варианты: 1816, 1818), которая чаще всего встречается в настоящее время (хотя и оспаривается нередко). Здесь хрономаркером выступает назначение русским главнокомандующим на Кавказе генерала Ермолова и перенесение им укрепленной линии с Терека на Сунжу, что сопровождалось частичным вытеснением равнинных чеченцев в горы. С именем Ермолова связано также окончательное покорение Кабарды и активизация российского наступления на Дагестан. Генерала Ермолова считают автором долгосрочной стратегии действий против горцев, предполагавшей окружение непокорных районов укрепленными линиями и неуклонное сжатие блокадного кольца. Ему приписывается часто цитируемая формула: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая многочисленным, полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду»⁷.

Наконец, 1828-1830 годы – время возникновения Кавказского имамата, сложившегося как централизованное государство в годы правления третьего имама – Шамиля (1834–1859). С этого периода в горском сопротивлении окончательно утвердился идеологический фон газавата – священной войны, что способствовало сплочению этнически и политически разобщенных групп населения. В целом, период с 1817 по 1864 годы можно считать кульминационным этапом Кавказской войны, достигшей своего апогея в конце 30-х – начале 50-х годов XIX века.

⁶ *Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг.* / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Федорова (Москва, 1991), 282.

⁷ Потто В.А. *Кавказская война*, том 2 (Ставрополь, 1994), 20.

Однако подобная многофакторность и многогранность не мешают рассматривать русско-горскую войну как единое общественно-историческое явление. Ведь еще Фадеев отметил, что Кавказская война несколько раз меняла свой характер⁸.

Менялись также взгляды на причины и природу Кавказской войны. Досоветская российская историография рассматривала войну с горцами с великодержавных позиций, осуждая лишь злоупотребления чиновников. В те времена расширение государственных границ считалось безусловным благом, а территориальные захваты для этого – вполне допустимым средством. Это была эпоха, когда развивались Британская и Французская колониальные империи, а США раздвинули свои пределы до Тихого океана. Точно также целью Российского правительства было включение Кавказа в состав империи. И при этом не подвергалось сомнению, что все препятствующее достижению этой цели могло быть подавлено силой оружия⁹. Поэтому российские авторы, выражавшие официальную точку зрения, войну на Кавказе рассматривали как покорение края, а в действиях горцев делали акцент на «хищничество» и религиозно-воинствующий характер движения.

Начало советского периода в историографии ознаменовалось разрывом с имперской традицией. Историки-марксисты, опираясь на воззрения Маркса, Энгельса и Ленина, считали национально-освободительные движения частью мирового революционного процесса соответствующей эпохи, а его руководителей – выразителями народных интересов. Однако при этом указывалось, что объективно присоединение Кавказа к России имело прогрессивное значение, ускорив здесь развитие капитализма (со всеми вытекающими последствиями) и способствовавшее сближению местного населения с русским народом.

К концу 1940-х годов под влиянием новой политической конъюнктуры в СССР происходит резкий перелом в трактовке исторических событий столетней давности. Шамиля и других кавказских вождей голословно объявили англо-турецкими агентами, а Кавказскую войну – конфликтом, инспирированным извне врагами России¹⁰. В постсталинскую эпоху подходы к освещению Кавказской войны снова изменились. Историки стали более осторожны в оценках, вернулись тезисы о колониальной сущности политики царизма на Кавказе и освободительном характере горского сопротивления, но при этом акцент ставился на добровольность вхождения в состав России почти всех народов края. При этом не объяснялось, почему после добровольного присоединения, в некоторых районах вооруженное сопротивление длилось еще десятилетиями.

В 1983 году известный российский (осетинский) историк М.М.Блиев в статье, помещенной в одном из ведущих исторических журналов, выдвинул новую в советской историографии идею, согласно которой Кавказскую войну спровоцировали грабительские нападения горцев на российские владения¹¹. По утверждению автора, империи пришлось силой отражать набеги. Поэтому на Кавказе возникло перманентное состояние войны. Эта концепция профессора Блиева законченный вид приняла в монографии «Кавказская война», изданной в соавторстве с профессором В.В.Дегоевым¹².

Постулируемая в этих работах точка зрения не нова: многие российские публицисты и историки XIX века одной из причин военного наступления царских войск называли «хищничество» горцев, хотя они не скрывали и завоевательных устремлений царизма (в ту пору, как отмечалось, внешняя экспансия считалась естественным процессом). Например, в военной энциклопедии Сытина Кавказская война характеризуется как: «длительная борьба России с многочисленными

⁸ Фадеев Р.А. *Кавказская война* (Москва, 2005), 122.

⁹ См., например, *Обозрение высочайше предначертанного плана к общему усмирению кавказских горских племен, от 12 марта 1840 г.* // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, том IX / Под ред. А.Д.Берже (Тифлис, 1884), 246.

¹⁰ Например, характерно название одного из сборников документальных материалов о Кавказской войне, изданного в Тбилиси в 1953 г.: «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Впрочем, название не оказало влияние на ценность самого издания, до сих пор не утратившего научного значения.

¹¹ Блиев М.М. *Кавказская война: Социальные истоки, сущность* // История СССР (№2'1983).

¹² Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказская война* (Москва, 1994).

воинственными племенами Кавказа... с целью умиротворения и покорения этой обширной окраины»¹³. Но М.Блиев, оправдывающий геополитику XIX века с позиции современных воззрений, акцентирует внимание только на горские набеги, отводя русским роль обороняющейся стороны. Он ввел термин: «набеговая система горцев», по существу являющийся эвфемистической заменой слова «хищничество». Стараясь обосновать причины военной активности горцев особенностями их быта и общественного строя, Блиев весьма снижает уровень развития народов Северного Кавказа и Дагестана в XVIII–XIX веках.

Большинство кавказоведов критически отнеслись к положениям этой концепции. Во второй книге обобщающего коллективного труда «История Народов Северного Кавказа» (1988), который фактически подытожил результаты работы нескольких поколений советских историков-кавказоведов, в связи с вышеупомянутой гипотезой, четко отмечается: «Недавняя попытка... возродить представление о чеченцах, аварцах и других горцах как однородной массе с „имманентно присутствующими, ей агрессивно-грабительскими стремлениями не получила поддержки советских историков»¹⁴. Однако позже, на фоне этнополитических конфликтов постсоветского периода, у концепции Блиева появились последователи среди российских историков и публицистов. Дело представляется так, будто бы «экономической основой Кавказской войны стала гипертрофированная набеговая система, возмещающая внутреннюю нищету горских сообществ внешней экспансией и превратившаяся в своеобразный экономический уклад»¹⁵. Тезис о набеговой системе проник даже в школьные учебники, чего не было и в сталинское время. Так, в учебнике 9 класса читаем, что на Северном Кавказе набеги были «... главным занятием мужского населения, из-за того, что гористая местность не позволяла активно заниматься сельским хозяйством»¹⁶.

Однако исторические факты опровергают положение о крайней бедности кавказских горцев, занимавшихся не только скотоводством, земледелием и садоводством, но и многими отраслями ремесла. Так, в одном только Дагестане существуют аулы, жители которых издревле занимаются выделкой вещей из железа, стали, золота, серебра, войлока, кожи, дерева, глины и других материалов. Изделия горских мастеров всегда отличались высоким качеством исполнения и были известны далеко за пределами Кавказа. А вот, что пишет об адыгах историк и археолог П.С.Уварова: «Черкесы, заселявшие этот край, вероятно, с очень давних пор, отнесли весьма разумно к сельскохозяйственному богатству края: они не стеснялись и не останавливались перед глубокой обработкой отдельных горных полей и, заселив все горные ущелья, сумели, несмотря на постоянные набеги, жить с достатком, иметь поля и фруктовые сады, водить пчел, рогатый скот и целые табуны лошадей. Дostatка этого хватало и на лихого скакуна, и на богатое вооружение и на изысканную одежду»¹⁷.

На Кавказе, как и во многих других регионах мира, в определенные периоды истории происходили опустошительные войны и набеги, но они не были вызваны низким уровнем жизни и экономического развития. Даже в упомянутой монографии Блиева и Дегоева приводится следующее сообщение о чеченцах: «Пока чеченцы были бедны... они были покойны и не тревожны; но, когда стали возникать богатые деревни, когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, мирные дотолы соседи превратились в неукротимых хищников...». Таким образом, низкий уровень хозяйственной деятельности не был причиной нападений горцев, что противоречит основному тезису концепции набеговой системы.

В таком случае встает вопрос, насколько правильна сама мысль о том, что Кавказскую войну спровоцировали набеги горцев?

¹³ *Кавказская война* // военная энциклопедия / Под. ред. В.Ф.Новицкого [и др.]. Т. 11 (Петербург, 1913), 220.

¹⁴ *История Народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)* / Ответственный редактор акад. А.Л.Нарочницкий (Москва, 1988), 38.

¹⁵ *Кавказский мятеж и набеговая система*. <http://iamruss.ru/kavkazskij-myatezh-i-nabegovaya-sistema/>

¹⁶ *История России, 9 класс*. Учебник для общеобразовательных организаций, под ред. акад. РАН А.В.Торкунова, в двух частях (Москва, 2016), 86.

¹⁷ Уварова П.С. *Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшети*. Ч.2 (Москва, 1891), 28.

В исторических источниках отсутствуют доказательства масштабных набегов горцев на пограничные районы Российской империи до 60-х годов XVIII века, то есть до начала перманентных боевых действий между русскими и кавказцами. Профессоры Блиев и Дегоев рассматривают «набеговые системы» трех горских регионов – Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа (Западная Черкесия), ставших основными центрами сопротивления русским войскам после покорения Кабарды. В их книге больше всего места уделяется военной экспансии дагестанцев, однако описанные там набеги были направлены против стран Южного Кавказа¹⁸. Таким образом, они не имеют отношения ни к России, ни к Кавказской войне. Также обстоит дела с Чечней и Западной Черкесией.

Во время правления генерала Ермолова на Кавказе (1816-1827) военный нажим на Чечню и Дагестан принял системный характер. Северо-Западный Кавказ не был еще объектом такого давления, так как номинально считался зависимым от Турции, с которой у России сохранялся мир. Однако после русско-турецкой войны 1828-1829 годов, побежденные османы были вынуждены отказаться в пользу России и от этой территории.

Черкесы не признали договор, заключенный за их спиной. Барон Ф.Ф.Торнау передает их слова: «Мы и наши предки были совершенно независимы... Султан нами не владел и потому не мог нас уступить»¹⁹. Однако император Николай I считал договор с Османской империей законным основанием для завоевания черкесских земель. Вдохновленный победами своих войск над Ираном и Турцией в 1828 и 1829 годах, он приказал новому правителю Кавказа графу Паскевичу подчинить или истребить непокорных горцев²⁰.

Таким образом, в первой половине XIX века сформировались два очага кавказской войны, являвшиеся по существу самостоятельными театрами военных действий: 1) восточный – Чечня и Нагорный Дагестан (в русских военных документах: «левый фланг») и 2) западный – территория расселения западных черкесов, убыхов и абхазо-абазинских групп («правый фланг»). Однако если на востоке в конце 20-х годов сложилось централизованное государство – Кавказский имамат, во главе которого последовательно стояли Гази-Магомед (1828–1832), Гамзат (1832–1834) и Шамиль (1834–1859), на западе неоднократные попытки объединения антироссийских сил не имели большого успеха и каждое племя или общество действовали преимущественно автономно, хотя соблюдалась традиция приходить на помощь соседям.

Русское командование постоянно увеличивало на Кавказе вооруженные силы. Если в начале 20-х годов XIX века оно имело здесь около 60 000 регулярных войск, то к 1830 году численность русских войск на Кавказе достигла 142 000, к 1844 году – 185 000, а к 1854 году 270 000. Несмотря на такое наращивание сил, Российская империя не могла добиться решительного успеха. Поэтому армия переносила центр тяжести боевых действий с одной части Кавказа на другую. Ее главные силы действовали сначала на восточном театре войны, с 1832 по 1839 год на западном театре, а затем опять на восточном театре против Шамиля, самого опасного противника России.

В 1856 году император Александр II назначил наместником и главнокомандующим на Кавказе князя Барятинского, которому передал огромные силы – свыше 350 000 солдат и офицеров. Это были лучшие войска Империи, обладавшие выучкой и боевым опытом, накопленным за десятилетия непрерывной борьбы. Барятинский направил основные усилия сперва против Шамиля, развернув вокруг Имамата 200-тысячную группировку. Сжимая кольцо блокады, русские войска летом 1859 года окружили Шамиля на горе Гуниб, где после безнадежного сопротивления имам сдался лично наместнику и был отправлен в Россию. В историографии это представляется обычно концом войны на Восточном Кавказе, хотя разрозненное партизанское движение и локальные восстания происходили здесь еще в течение ряда лет.

¹⁸ Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказская война*, 125.

¹⁹ Торнау Ф.Ф. *Воспоминания Кавказского офицера* (Москва, 2017), 169.

²⁰ Щербатов А.П. *Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность*, т. III. (С.-Петербург, 1891), 230.

После пленения Шамиля, в фокусе внимания Высшего командования оказался опять Западный Кавказ. Для усиления действовавших там войск, с востока были переброшены ударные части Кавказской армии. Систематические боевые действия в Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье продолжались пять лет, результатом чего стало военное поражение западнокавказских горцев и вытеснение основной их части в Османскую империю, выразившую желание принять кавказцев. Как известно, концом этой кампании, как и всей Кавказской войны считается 21 мая 1864 года, когда в урочище «Кбаада» (ныне – Красная Поляна) в ознаменование долгожданной победы, было проведено торжественное богослужение и военный парад.

Таким образом, 21 мая (по юлианскому календарю) 1864 года официально было объявлено днем окончания Кавказской войны, события огромной исторической важности, сыгравшей большую роль в судьбе народов России и Кавказа. Подавляющее большинство современных историков принимают эту дату, что, в принципе, верно. В 1864 году закончилось организованное сопротивление кавказцев, хотя регион еще долго оставался самым беспокойным в России (не зря правительство до начала 1880-х годов держало здесь хорошо вооруженную 200-тысячную армию). Однако отдельные мелкие племена и аулы, расположенные в труднодоступных местах, еще некоторое время оставались непокоренными. Против них в 1865 году и позже предпринимались настоящие военные экспедиции. Небольшие группы адыгов, отступившие в глухие горы и леса своей родины, беспокоили новых поселенцев до 1874 года, когда правительственные войска вывели их последние остатки на равнины. В Чечне, Дагестане и Абхазии происходили восстания, число участников которых порой было значительным, что указывает на всенародный характер сопротивления. Например, число участников абхазского восстания 1866 года оценивается в 15 000 человек²¹.

Пик последнего этапа сопротивления приходится на 1877 год, когда на фоне русско-турецкой войны 1877-1878 годов в некоторых районах Кавказа, не без подстрекательства со стороны турецких эмиссаров, произошли вооруженные выступления. Особенно мощный характер носили восстания в Чечне, Дагестане и Абхазии. Повстанцы выступали за восстановление независимости с лозунгами времен Кавказской войны. Полноценные боевые действия продолжались в Абхазии три месяца, а в Чечне и Дагестане – до семи месяцев. Однако царские войска, имевшие численный и технический перевес, подавили сопротивление. Поэтому авторы, считающие, что русско-горская война продолжалась и после 1864 года, имеют на это определенное основание.²²

Summary

The activity of Russian policy in the south increased sharply in the 18th century, especially from the 1760s, when the systematic advance of the Russian army in the North Caucasus began. The occupation of territories that have long been used by Caucasians for economic purposes brought tension to Russian-highlanders relations. Armed clashes began, escalating into systematic hostilities. Thus began the Caucasian War which lasted for several decades and cost great sacrifices on both sides.

One of the characteristic features of the Caucasian War is the absence of generally accepted chronological boundaries of this historical phenomenon. Most historians attribute the Caucasian War to the 18th-19th centuries, but the specific date of the start of the war is presented in historiography very differently. In particular, different authors call the beginning of this conflict 1722, 1763, 1785, 1801, 1817, 1818, 1830 and other years. We support the idea that the beginning of the Caucasian War coincides with the reign of Empress Catherine II (1762-1796).

By the end of the 1820s, two centers of resistance remained in the Caucasus Mountains, which in fact represented independent theaters of military operations. 1) eastern (Chechnya and mountainous Dages-

²¹ Щербатов А.П. *Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность*, т. III. (С.-Петербург, 1891), 230.

²² Так, например, российский историк доктор В.В.Лапин предлагает считать окончанием Кавказской войны 1877 г. [см. Лапин В.В. *История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу* (С.-Петербург, 2003), 14].

tan) and 2) western (Circassia, Ubykhia and mountainous Abkhazia). But if in the 1830s a centralized state was created in the East – the Caucasian Imamate, then attempts to unite anti-Russian forces in the Western Caucasus did not produce decisive results.

In May 1864, Russian troops captured the last stronghold of the highlanders, which was officially declared as the end of the long war. This version is shared by most modern historians. However, it should be noted that in 1865–1877, new uprisings occurred in some regions of the Caucasus (Chechnya, Dagestan, Abkhazia), the suppression of which required a difficult struggle. Therefore, some researchers propose to consider 1877 as the end date of the Caucasian War.

Литература

1. Дзамихов К.Ф. *Кавказская война и ее интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд»* // Северо-кавказский юридический вестник (№1'2014), 41.
2. Покровский Н.И. *Кавказские войны и имамат Шамиля* (Москва, 2000), 107.
3. Потто В.А. *Кавказская война*, т. 1 (Ставрополь, 1994), 56.
4. *Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг.* / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Федорова (Москва, 1991), 282.
5. Потто В.А. *Кавказская война*, том 2 (Ставрополь, 1994), 20.
6. Фадеев Р.А. *Кавказская война* (Москва, 2005), 122.
7. Блиев М.М. *Кавказская война: Социальные истоки, сущность* // История СССР (№2'1983).
8. Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказская война* (Москва, 1994).
9. Уварова П.С. *Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия*. Ч.2 (Москва, 1891), 28.
10. Блиев М.М., Дегоев В.В. *Кавказская война*, 125.
11. Торнау Ф.Ф. *Воспоминания Кавказского офицера* (Москва, 2017), 169.
12. Щербатов А.П. *Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность*, т. III. (С.-Петербург, 1891), 230.
13. Дзидзария Г.А. *Восстание 1866 года в Абхазии* (Сухуми, 1955), 191-192.

Халидов Д.Ш.
г. Махачкала

**РУССКО-КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНФЛИКТА
ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ДОЛГОГО ПУТИ К МИРУ
(опыт историко-социологической и политкультурной реконструкции)**

Ключевые понятия: кавказские горцы, имамат Шамиля, политическая культура, силовая элита России, черкесский вопрос, рутинизация, бюрократизация, «мягкая» (и «жесткая») сила.

Key concepts: Caucasian highlanders, Shamil's imamate, political culture, Russian power elite, Circassian question, routinization, bureaucratization, "soft" (and "hard) power.

Тема моего доклада весьма обширна и требует целостного анализа общественных систем Сторон конфликта, чтобы получить ясное представление о «дистанции» (и степени конфликтности) между ключевыми признаками этих систем. Поэтому я счел возможным, в рамках цивилизационного подхода, остановиться на узкой, хотя и важной подтеме. Задачи исследования в этом плане сводятся к попытке ответов на вопросы: 1) были ли возможности завершения Русско-Кавказской войны (далее – РКВ) на ранних её этапах и её перевода в режим «щадящей» колонизации; 2) какие были альтернативные методы интеграции горских народов Кавказа; 3) как функционировала имперская система в России и чем она отличалась от имперских практик ряда стран Европы и Азии.

С началом либеральных реформ в РФ, споры вокруг РКВ приобрели характер столкновения, если упростить, двух теоретических подходов. *Первый*, в основном он представлен учеными Юга РФ, в рамках которого снова пытаются обосновать великодержавный дискурс, с опорой на «набеговую систему», возлагая, как бы, значительную часть вины за эксцессы завоевательных практик Империи на самих горцев Кавказа (школа М. Блиева¹, Б. Виноградова² и др.). Для нас важно, что и этот подход, собственно, лежит в русле цивилизационного подхода, но с позиций скрытого расизма, когда «передовая» цивилизация (с комплексом «белого человека»)³ вынуждена применять насилие в непропорционально больших масштабах против кавказских «варваров» («для их же блага», разумеется), которым априори отказано в наличии цивилизационных признаков. Дискурс «вращается» вокруг понятий «набеговая система (горцев)», «патриархально-родовой строй в стадии разложения», в лучшем случае, «ранне-феодальные образования», «военная демократия» (по типу германских варваров). Ангажированные историки вообще избегают рассуждать в понятиях иной цивилизации и культуры горских народов Кавказа, «перпендикулярной», по многим своим характеристикам, сверхцентрализованной цивилизации Российской империи⁴.

Второй подход лежит в русле осмысления РКВ в терминах цивилизационного (и/или культурного) конфликта, легитимирующего право горцев Кавказа на инаковость (культуры, цивилизации) и, соответственно, на освободительную борьбу. Хотя не всегда выдерживается логическая

¹ См. Блиев М.М., Дегоев В.В., Кавказская война. – М.: Росет, 1994 г. – С. 109–147, 404–412, 462–465.

² См. Виноградов Б.В. (под ред.), Виноградов В.Б., Ю.Ю. Клычников, Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI вв. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ, 2012 г. – С. 44–74.

³ Самое интересное, что именно в XIX в. в Европе, на основе научных догадок и гипотез, утвердилась теория белой расы, как кавказской, по этногенезу. Но об этом в России предпочитали не говорить.

⁴ Впрочем, шовинизм и комплекс «белого человека» (а в Пекине – комплекс «желтого» человека и Срединной империи, как центра Земли) – характерная черта имперских наций XIX в.

последовательность. Это направление исследований, на междисциплинарной основе, сулит нам множество открытий по РКВ, и российские ученые, как я полагаю, в самом начале пути. В контексте темы исследования, для нас интерес представляют работы таких авторов, как Я. Гордин⁵, В. Лапин⁶, А. Урушадзе⁷, И. Пашенко, С. Хотко⁸ (его работы к теме имеют косвенное отношение) и др.

Насколько рациональны методы и «инструменты» имперских завоеваний на Кавказе? В такой постановке вопросы, наиболее выпукло, были отражены в мемуарах и письмах декабристов М.С. Лунина и А.Е. Розена⁹. Лунин впервые поставил проблему политики России на Кавказе в системном ракурсе. Причем, внимание обращалось на связь между такими разными, по содержанию, аспектами политики С-Пт. и ситуации на Кавказе, как голодные годы в Империи (1833, 1834, 1840), миллион рекрутов и на «бесконечный» характер РКВ. Лунин писал: *«эффективно воевать и удерживать завоеванное способна отнюдь не военная империя Николая, а либеральное конституционное государство Тайного общества»*¹⁰.

А вот что писал Розен в конце 1850-х гг., до Гунибской эпопеи (в августе 1859 г.), и его признание дорогого стоит: *«Кажется, что самое начало было неправильное; мы подражали прежнему старинному образу действий: как Пизарро и Кортес, перенесли мы на Кавказ только оружие и страх...»*¹¹. Гордин пишет, что Розен имел в виду Петра I, когда писал *«самое начало было неправильное»*¹². Но я считаю, что отсчет надо вести с экспедиций воевод Дмитрия Хворостина (1594), Ивана Бутурлина и Плещеева (1604) в Дагестан, направляемых на помощь православной Грузии¹³. Причем, без всяких попыток договориться с дагестанскими владельцами и разобраться, что же это за страна Дагестан и можно ли оттуда пройти в Кахетию (?!). И второй момент, уже из когнитивной сферы, отсутствие самой постановки проблемы *понимания* (мотивов и ценностей других правителей и народов). Это тоже важный штрих в политической культуре военно-политической элиты той эпохи.

Великие русские классики в лице А. Пушкина и А. Грибоедова рассуждали примерно в тех же терминах, что и декабристы Розен и Лунин, говоря о Кавказе и черкесах в частности¹⁴. «Поумневший» задним числом, уже в 1870-е гг., об этом же писал и самый, пожалуй, продвинутый генерал (и плодовитый публицист), Ростислав Фадеев¹⁵.

Правда, общественное мнение в Империи формировалось не этой плеядой просветителей из декабристов и писателей. Проведя контент-анализ российской прессы по данной тематике за этот период, В. Лапин пришел к удивительным выводам. Оказывается, русское общество живо интересовалось восстаниями в Польше, положением рабов в США, или прусско-датской войной, но только не РКВ¹⁶. Парадокс заключался в том, что РКВ, которая поглощала столько средств

⁵ Гордин Я.А.: 1) Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в.: ж-л «Звезда»; С-Пт, 2000 г. 460 с.; 2) Кавказская Атлантида. 300 лет войны (ознакомительный фрагмент). – «WebKniga», 2014 г. 39 с.; 3) Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность – С-Пт., ж-л «Звезда», 2008 г.

⁶ Лапин В.В., Армия России в Кавказской войне – С-Пт., Европейский дом, 2008 г. 400 с.

⁷ Урушадзе Амиран, Пашенко Ирина, Кавказская война XIX века: цивилизационный конфликт и его функциональные особенности журнал, Кавказ и глобализация (том 6, вып. 4, 2012 г.).

⁸ Хотко С.Х.: 1) Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.; 2) Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

⁹ См. Розен А.Е., «Записки декабриста» – http://az.lib.ru/r/rozen_a_e/text_1870_zapiski_dekabrista.shtml

¹⁰ См. Я.А. Гордин «Кавказ. Земля и кровь.....» С. 15.

¹¹ А.Е. Розен. гл. 14. Кавказские минеральные воды // Записки декабриста.

¹² См. Я. Гордин «Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в.»: ж-л «Звезда»; С-Пт, 2000, с. 17.

¹³ См. А.А. Каспари (составитель), Покоренный Кавказ (сборник очерков, С-Пт., 1904 г.). – Пятигорск, СНЕГ, 2010 г., с. 54–55, с. 59–60.

¹⁴ См. Я.А. Гордин (там же)... С. 19–20.

¹⁵ См. Р.А. Фадеев, Россия и Кавказ. Государство и порядок. – М., ИРЦ, 2010 г., с. 477–483.

¹⁶ См. В.В. Лапин, «Армия России в Кавказской войне». – С-Пт., Европейский дом, 2008 г. – С. 50–60.

(примерно каждый 6-й руб. из бюджета в конце 1840-х г.)¹⁷ и столько жизней Империи (одних боевых потерь – около 100 тыс. за 1801–1864 г.г., а не боевых более 1 млн. чел.)¹⁸ и которая шла столько десятилетий не находила должного отражения в прессе. Понять цензоров и близкий круг императора можно только в контексте: 1) политической целесообразности замалчивания; 2) психологического комплекса перед неразрешимой, недоступной для их понимания, загадкой столь упорного сопротивления кавказских «варваров», которых всего то около 1,5 млн. чел.¹⁹ (от Черного и до Каспийского моря). Понять их можно, ибо нельзя было разрушать образ «священной» Империи. Впрочем, все империи выстраивают соответствующую мифологию. Никто не мог даже допустить саму мысль о более высоком духе и более высоком уровне политической и военной культуры каких-то кавказских «варваров». Такого рода цивилизационно-антропологические «материи» были недоступны им. Поэтому так сильно волновало общественное мнение в Империи положение рабов в США (?!), при том, что в самой Империи около 60% населения находилось в крепостной зависимости.

Альтернативные подходы С-Пт. укладываются в сравнительно либеральные и экономически оправданные методы завоевания Кавказа. До определенного, хотя и очень ограниченного круга лиц, из генералов и высших чиновников, доходила элементарная мысль (в виде следующего нарратива): *«Может, лучше надежно укрепить Кавказские линии, а также Черноморское побережье, обезопасить свои территории и наладить с горами торговлю, вести переговоры с их лидерами»*. Такого рода идеи были вполне созвучны британской, турецкой и персидской имперским практикам. Персы, к примеру, очень редко осмеливались идти вглубь Нагорного Дагестана, ограничиваясь, в лучшем случае, предгорьями и контролем своих вассалов – равнинных владений Дагестана. Турки не раз и не два предпринимали попытки установить более *плотный* контроль за абхазами и адыго–черкесами. И каждый раз терпели неудачу, за исключением отдельных пунктов (Сухум, Анапа)²⁰. Британцы почти всегда опирались на «классику» имперских завоеваний при капитализме: *«Сначала купцы, за которыми стояли ростовщики–банкиры, вместе с разными там «путешественниками» и исследователями, по сути, разведчиками. Затем уже политики и военные, чаще всего, в лице ЧВК (Ост–Индской компании)»* – вот суть этой «формулы».

О попытках С-Пт. опереться на методы «мягкой» силы на Кавказе довольно подробно писал Георгий Дзидзария²¹. Интерес в этом плане представляет и работа А. Урушадзе²². Еще в октябре 1811 г. Александр I издает указ об утверждении Правил для торговых отношений с черкесами и абхазами²³. «Оператором» был определен и некий генуэзец Рафаэль де Скасси, с большим опытом торговых связей с абхазами и черкесами побережья. Идея нашла поддержку у двух мини-

¹⁷ См. В.В. Лапин ... с. 49. Р. Фадеев сравнивал содержание Кавказской армии – «лучшей армии в мире» (как он писал) – численностью более 200 тыс.чел. с содержанием 300 тыс.армии Империи, что составляло около 50% всех вооруженных сил Российской империи.

¹⁸ Вот что писал В.Лапин: *«Т.о., чтобы включить в состав империи 4 млн. чел. (это несколько преувеличенная цифра численности всего горского населения Кавказа. Около 3 млн., скорее всего – прим. Х.Д.) пришлось погубить жизнь 2-х млн. чел. Надо еще иметь в виду огромные финансовые затраты, довольно запутанные и которые трудно подсчитать»* См. там же... с. 48.

¹⁹ Примерно столько оценивали количество всего горского населения Кавказа военное командование к началу 1830-х гг. См. **А.В. Фадеев**, Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., Изд. АН СССР, 1960 г. С. 281.

²⁰ Вот как описывает турецкий путешественник Э. Челеби (в середине XVII в.) религиозные воззрения абхазцев и адыгов (см. **Эвлия Челеби**, гл. III. «Книга путешествий (Сейяхатнаме). Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана): *«Они готовы убить тебя, если назвать их кяфирами. Но они очень обижаются если им сказать, что они, все таки, не мусульмане, потому что не соблюдают обряды и требования религии ислама. В их головах все смешалось: и единобожие, языческие обряды...»* (цит. по смыслу). Таковы результаты (очень скромные, причем) миссионерской деятельности Османов.

²¹ См. **Г.А. Дзидзария**, Присоединение Абхазии к России и её историческое значение. – Сухуми, Абгосиздат, 1960 г., с. 104–107.

²² См. **А. Урушадзе, И.Пашенко**, Кавказская война XIX века: цивилизационный конфликт и его функциональные особенности журнал, Кавказ и глобализация (том 6, вып. 4, 2012 г.).

²³ См. там же... С. 105.

стров (финансов и иностранных дел) Империи и генерал-губернаторов Новороссии в Керчи. Но делу взаимовыгодной торговли мешали, как писал Скасси, ряд факторов²⁴. Через некоторое время, проект колонизации Закавказья, включая и Абхазию, был представлен и Николаю I (октябрь 1827), подчеркивая выгоды для государства политики колонизации (с упором на экономическую составляющую)²⁵.

Но в общем неприятии этой идеи «спелись» турки и царские генералы, и у каждой из этих «партий» был свой «корпоративно»-меркантильный резон. Был еще и другой непроговариваемый мотив: Кавказ – это возможность коррупционного обогащения и получения наград, повышения по службе и славы, наконец. Война (вялотекущая, с взаимными набегами) вошла в привычку и *рутинизировалась*. Довольно подробный разбор конфликта двух этих «партий» освещен в работе В.В. Орехова²⁶. Конфликт разрастался и в итоге торговлю свернули. В этой неравной схватке с генералами, «торговая партия» («мягкой» силы) потерпела поражение.

Интересно, что в это же время, на Восточном Кавказе (в Дагестане) шел процесс совершенно обратный. Тут генералы пытались интегрировать горцев через санкции и запреты на торговлю в «русских» городах от Шемахи и Тифлиса до Кизляра²⁷. И все это, разумеется, имело совершенно обратный эффект. Н.Н. Раевский (из бывших декабристов), будучи начальником Черноморской линией в конце 1830-х, пытался также ввести в более разумное русло политику в отношении адыгов и абхазов²⁸. В Записке на имя военного министра (в 1841) он утверждал, что «10-летнее спокойствие и мирные сношения (очевидно, имеются в виду 1820-е гг. – прим. Х.Д.) улучшили состояние края и сблизили русских с местными жителями»²⁹. Затем, после того как его ввели в состав Государственного совета (в начале 1840-х), Н. Раевский снова пытается достучаться, теперь уже непосредственно к самодержцу. Но увы, система, заточенная на «бесконечную» войну на Кавказе, набрала слишком большую инерцию и слишком большой контингент своих адептов. Скромные успехи имели место главным образом в Абхазии³⁰.

Но наиболее весомый шаг предпринял в 1847 г. наместник на Кавказе, князь Воронцов. Его посланник к императору пытался убедить Николая I в необходимости поменять политику на Кавказе³¹. Но Николай I даже в мыслях не допускал такого варианта решения: «*Слушай меня и помни хорошо... – сказал он посланнику от князя Воронцова. – Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое.*»³²

В царской России либерализм и имперская идеология в её радикальном виде вполне сочетались. В этом тоже проявлялась «цивилизационная» особенность Империи, оправдываемой множественностью причин. В частности, декабрист Павел Пестель в подпольной «Русской правде» (в 1824) предлагал довольно бесчеловечные меры усмирения Кавказа, с депортацией горцев во внутренние области Империи³³. Вопрос же о праве России на далеко нецивилизованные методы заво-

²⁴ Вот эти факторы: «1. Дурное поведение запорожских казаков и других чиновников правительства. 2. Следствие внутренних войн. 3. Пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией. 4. Подстрекательство турок. 5. Надежда захватить пленников» (См. де Скасси (там же)... с. 286.

²⁵ См. Г.А. Дзидзария (там же) с. 107–108.

²⁶ См. Орехов В.В., *Парижская «Записка» о Керчи Рафаэла де Скасси / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 4 (70), № 4. 2018 г.*

²⁷ Содержание 5 документов из Даггосархива и архива Института истории, археологии и этнографии ДНЦ (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН) свидетельствуют именно о такой политике царских властей в Дагестане: см. более подр. документы №№ 7, 14, 16, 18, 109//Даниялов Г-а. А. (отв.ред.), *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века* (сборник документов) – М-кала, ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, Дагкнижное издательство, 1959 г., с. 783.

²⁸ См. А. В. Фадеев, *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.* – М., Изд.АН СССР, 1960 г. с. 367–369.

²⁹ См. Г.Дзидзария, *Присоединение Абхазии к России и её историческое значение...* с. 107–108.

³⁰ См. Г.Дзидзария, там же с. 108–113.

³¹ См. Я.А. Гордин, *Кавказская Атлантида. 300 лет войны (ознакомительный фрагмент).* С. 32.

³² См. Я.Гордин (там же)с. 33.

³³ См. Я.Гордин, *Кавказ: земля и кровь.....*с. 6–7.

евания Кавказа встал тогда, когда Европа (Запад) увидела возможность превращения Черного моря во «внутреннее» море Империи. Именно в этот период (в 1850-е гг.) в западной прессе и парламентах периодически стали муссировать «кавказский (черкесский) вопрос». Без понимания такого геополитического контекста, нам не понять и столь жестокий характер плана по умиротворению Западного Кавказа. Правда, был и другой мотив, изложенный в плане генерала Дмитрия Милютин (начальника Главного штаба Кавказского корпуса), составленном еще в 1857 г., который предполагал депортацию части адыго-черкесов и чеченцев с дагестанцами во внутренние области Империи³⁴. В своих «Письмах с Кавказа» Р. Фадеев открыто писал следующее: *«Не было другого средства укрепить эту землю (Западный Кавказ – прим. Х.Д.) за Россией бесспорно, как сделать ее действительной русской землей.....надобно было истребить значительную часть закубанского населения (жирным шрифтом выделено мной – прим. Х.Д.), чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие,.....Изгнание горцев из их трупов и заселение Западного Кавказа русскими, – таков был план войны в последние четыре года»*³⁵. В геополитическом противостоянии с османами и в том, что черкесский вопрос занял свое место в «повестке дня» западных держав как раз – ключ к разгадке «тайны» спешки Империи с окончательным решением адыго-абхазского вопроса.

Когда Александр II осенью 1861 г. побывал в Кубанском крае, ему представили депутатов от адыгов. Император был готов «войти в положение», учесть если не все, то ключевые условия их подданства и восстановить мир на Западном Кавказе. Но тут свою зловещую роль сыграл главнокомандующий войсками, опытный «кавказец» Н. Евдокимов, у которого были свои «счета» к горцам Кавказа. Чувствуя, что его план с депортацией адыгов и зачисткой территории Западного Кавказа может провалиться, он послал своего помощника из «мусульманских» офицеров к адыгским старейшинам с коварной идеей. Суть его предложений сводилась к следующему (цит. по смыслу): *«Просите больше. Царь милостив и готов на многое, вплоть до вывода войск за Кубань и Лабу, и даже будет готов скрыть некоторые крепости»*³⁶. Неопытные в политических интригах и не допускавшие даже в мыслях такого коварства, адыгские старейшины «поправили» свою петицию к императору и преподнесли её ему на следующий день. И это сыграло, на мой взгляд, свою роковую роль в трагедии адыгского народа³⁷.

Но был и другой план замирения черкесов, которую представлял не менее опытный генерал Григорий Филипсон, тот самый, который осенью 1859 г. заключил договор с Магомед-Эмином (мудиром имама Шамиля на Западном Кавказе) и с лидерами абадзехов и натухайцев. Филипсон предлагал более человечный план интеграции черкесского мира в российский мир, без депортаций и кровавых жертв. Еще ранее (в конце 1830-х гг.) аналогичные попытки замирения Западного Кавказа предпринимали генералы Вельяминов и Симборский на переговорах с шапсугами, убыхами и натухайцами. Но и эти попытки ни к чему не привели³⁸. В результате, в 1840 г. Черноморская линия царских крепостей почти полностью была разгромлена адыгами.

В это же время, аналогичные попытки к мирным соглашениям на Восточном Кавказе предпринимал и имам Шамиль. Суть его предложений сводилась к следующим основным идеям: *«Мир в обмен на гарантии прекращения набегов в российские пределы и социальный (и политический) порядок в пределах имамата, государства основанного на божественных законах.....Вы, как православные*

³⁴ См. Я.Гордин, Зачем России Кавказ. Иллюзии и реальность. ... с. 97; М. Гаммер, Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Дагестана и Чечни – М.: Крон-Пресс, 1998 г., с. 372.

³⁵ См. Р.А. Фадеев, Письма с Кавказа. Письмо 5-е / Государственный порядок. Россия и Кавказ. – М., Институт русской цивилизации, 2010 г. с.179, 183–185.

³⁶ См. Я.Гордин, Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии реальность – С-Пт., ж-л «Звезда», 2008.

³⁷ См. подр. Я.Гордин, «Кавказ. Земля и кровь... с. 106–107». Р. Фадеев, цитируя петицию адыгских старейшин к Александру II, ничего не пишет о том, как этот дерзкий «кусок» *«...не забудьте немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и скрыть крепости»* оказался в Петиции (см. Р.Фадеев, Письма с Кавказа /Россия и Кавказ. Государственный порядок»... с. 204.

³⁸ См. более подр. Я.Гордин, Кавказ: земля и кровь..... с. 89–94.

живете по своим законам, мы мусульмане живем по законам Всевышнего создателя, и давайте не мешать друг другу»³⁹. В других письмах имам обращается к царским генералам от имени уже узкой группы сподвижников. В них, также, снова выражается готовность к российскому подданству и гарантии социального порядка в имамате (и в соседних территориях Империи), но с учетом требований внутренней автономии⁴⁰. По сути, эти предложения сводились к договорам о *вассалитете*. Генерал фон Клугенау, который хорошо разбирался в ситуации на месте, был даже склонен поддержать имама Шамиля, видя в шариате меньшее зло, чем в адатах и внутридагестанских конфликтах. Но слишком сильна была «партия» войны в лице имперской силовой элиты. К тому же, такого рода решения, в конечном счете, замыкались на персону императора. С другой же стороны, слишком сильна была внутренняя оппозиция, представленная в основном сословными верхушками дагестанских ханств (феодалных владений), которые увидели в имаме угрозу для себя и своей клиентелы.

Новые, хотя и не столь настойчивые попытки замирения на Восточном Кавказе (со стороны имама Шамиля и части чеченских наибств) возобновились в 1856 г., после заключения Парижского мирного соглашения, которое сильно поколебало уверенность горцев в конечном успехе своей «бесконечной» борьбы⁴¹. «Ненастойчивость» попыток Шамиля объяснялась просто. Он столько раз был обманут в прошлом (в 1830-е гг.) генералами, что давно уже потерял веру в их слова. Собственно, сверхцентрализованная политическая культура Империи при Николае I исключала саму возможность автономных решений «кавказских» генералов. Слегка эта ситуация была скорректирована только при относительно либеральном императоре Александре I. В конечном счете, и эти попытки провалились. Одной из причин послужила очередная глупость царских властей на Кавказе (в 1857 г.). Было решено депортировать чеченцев и часть дагестанцев во внутренние губернии Империи, в частности, «в Вологду и др. пустынные земли Империи»⁴². Когда Шамилю донесли, снова разгорелась РКВ.

Опора исключительно на силу в ущерб дипломатии и экономическим соображениям стала «визитной карточкой» российской политики на Кавказе, начиная еще с конца XVI в. И этому есть, безусловно, объяснение, которое уходит вглубь истории Московской Руси (России). К множеству мотивов расширения пределов страны, к концу XVIII в. добавился также мотив помощи православной Грузии. Почти 300-летняя *инерция практики* бесконечных войн, для каждого из которых находилось вполне логичное и нравственное (и религиозное) оправдание для милитаризации внешней политики. Уж такова политическая география Московской Руси – России и соответствующая «формула» идеологической легитимации была сформулирована с тех пор (в 1453) как пал Константинополь, начиная с эпохи Ивана III (1462–1505).

Проблема, в интересующем нас ракурсе, заключалась в разной интерпретации «подданства» российскими властями и горцами Кавказа. Последние исходили, по сути, из *конфедеративных*

³⁹ См. более под. письма имама Шамиля (указанны номера документов): №90. Письмо Шамиля к ген.-м. Клюки фон Клугенау о причинах возобновления военных действий. Не позднее 23 июня 1836 г.; №91. Письмо Шамиля к ген.-м. Реуту. 14августа 1836 г.; №98. Письмо Шамиля к ген.-м. Клюки фон Клугенау. Не ранее 22 ноября 1836 г.; №99. Письмо Шамиля к ген.-м. Реуту об условиях перемирия. Не позднее 22 ноября 1836 г.// **Даниялов Г.-А.А.** (редактор), сборник документов «*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века*»). – Махачкала, ИИЯЛ Даг.филиал АН СССР, 1959 г. 782 с.

⁴⁰ См. более подр. письма Шамиля (указанны номера документов): №113. Письмо имама Шамиля командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Г.В. Розену об условиях взаимоотношений с царскими властями на Кавказе (не позднее 5 апреля 1837 г.); №114. Условия мирного договора руководства имамата (от Шамиля, Ташов-Хаджи, Кибит-Магомы, Абдурахмана Карахского, Магомед-Омар-оглы и др. почетных ученых дагестанцев – прим. Х.Д.) с российским командованием на Кавказе (не ранее 5 июля 1837 г.); №115. Письмо имама Шамиля российскому военному командованию на Кавказе о соблюдении условий мирного договора (31 июля 1837 г.); №117. Письмо имама Шамиля командующему 1-й бригадой 19-й пехотной дивизии ген.-м. Клюки фон Клугенау об отказе прибыть в Тифлис для встречи с Николаем I (не позднее 24 сентября 1837 г.) // **Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Казиев Ш.М.** (редакторы, составители и авторы проекта). Сборник документов «*Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля*». – М., ИИАЭ ДНЦ РАН и журнал «Эхо Кавказа», 2005 г. 550 с.

⁴¹ См. более подр. М. Гаммер, Мусульманское сопротивление царизму..... с. 369–371.

⁴² См. более подр. М. Гаммер (там же)с. 372.

по форме (вассальных), отношений. Такие отношения предполагают широкую автономию, будь это Стамбул и Персия, или Россия. А царские генералы исходили, особенно, после присоединения Грузии к России (1801), Гюлистанского (1813) и Адрианопольского (1829) соглашений из строго бюрократической логики централизованной империи. Им было невдомок, что и турки, и персы «подарили» России то, что никогда им не принадлежало. В итоге, начиная с похода Петра I в 1722–1723 гг., политика С-Пт. на Кавказе постепенно приобрела черты рутинизации силовых практик, набравших огромную инерцию. Причем, без учета «цены вопроса» и предполагаемых выгод от покорения края. Слоган «Кавказ понимает только силу» корнями уходит именно в ту эпоху.

Рутинизация же силовых практик привела к формированию своеобразной субкультуры, черты которой определяли «кавказцы», «наполовину русские (европейцы), наполовину азиаты», как охарактеризовал их А. Пушкин. Механизмы заряджения и подражания привели к тому, что русские офицеры и казаки восприняли и усвоили многие образцы из образа и стиля жизни своих же противников. Даже в своих донесениях, после очередной экспедиции в горы Кавказа, генералы писали о «набегах»⁴³, как о рутинном, но необходимом, занятии.

Парадокс заключался в том, что история колониальных войн не знала таких прецедентов восприятия и интериоризации норм и ценностей противника, который априори, якобы, должен стоять ниже по уровню культуры. Стало быть, на бессознательном уровне русские «кавказцы» признавали социальную и военную культуру кавказских горцев, достойными подражания. Для непредвзятых исследователей было очевидно, что они на Кавказе столкнулись не просто с иной культурой, но и с другой цивилизацией свободных людей. Как писал М.Гаммер, Дж. Баделли (в своей книге «Завоевание Кавказа русскими 1720–1860 гг.») удивлялся, почему российские авторы до сих пор не могут разглядеть прямой связи между системой Ермолова и восстанием горцев Восточного Кавказа⁴⁴.

Другой аспект, в интересующем нас ракурсе, связан с пределами централизации Империи, с механизмами функционирования «вертикали» власти. В условиях, когда до царя «далеко», а тут «целое раздолье» для карьеры и гешефта, военно-бюрократическая система постепенно заражается «вирусом» коррупции и лжи, взаимных подсиживаний и кляуз; в конечном счете, «корпоративные» интересы начинают подминать под себя государственные задачи. Кавказ, в этом смысле, не исключение. К тому же, строгая «вертикаль» власти и централизация терпеть не может всякие региональные и местные особенности. Именно этот момент в кавказской политике С-Пт. и отмечали внимательные наблюдатели, в частности, Розен⁴⁵. Ему вторил барон Федор Торнау, 12 лет прослуживший в Генштабе Отдельного Кавказского корпуса в Тифлисе (с 1832 г.) и который изнутри познал то, насколько прогнила бюрократическая система власти Империи на Кавказе⁴⁶. Дзидзария пишет, ссылаясь на Торнау, что повесть «Проделки на Кавказе», написанную Хамар-Дабановым, царская цензура запретила, поскольку, как выразился военный министр Чернышев, «книга эта тем вреднее, что в ней, что ни строка, то правда»⁴⁷. Впрочем, это знакомая картина и по современному периоду. Государственные институты в условиях жесткой централизации «нарабатывают» на протяжении многих десятилетий, а то и столетий, такой багаж «вирусов», что они с какого-то периода начинают функционировать в режиме приоритета «кор-

⁴³ См., к примеру, документ №133 (1834 г.) «Описание экспедиции дагестанского военно-окружного нач-ка М.П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзат-бека с кратким обзором истории завоевания Дагестана, составленное подпоручиком Кузьминским» / Бушуев С.К., Магомедов Р.М. (отв.ред.), Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). – Махачкала, Даггосиздат, 1940 г., с. 329–349. Автор донесения пишет буквально следующее: «Вспоминая о блестящем набеге на Гимры (это родное село первых двух имамов Дагестана и Чечни, Газимагомеда и Шамиля – прим. Х.Д.) сопряжено с воспоминаниями о горостной потере достойного начальника....» (с. 338).

⁴⁴ Моше Гаммер, Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму..... с. 63.

⁴⁵ См. А.В. Розен, Гл. тринадцатая. Грузия в 1838 г. // Записки декабриста.

⁴⁶ См. Г. А. Дзидзария, Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы.

⁴⁷ См. Г.Дзидзария (там же).

поративно»-меркантильных интересов, в ущерб общественным и государственным. В России это проявляется особенно выпукло, и в этом тоже один из секретов «бесконечной» Кавказской войны.

История, если её рассматривать с позиций синергетики, а не марксистской (детерминистской) теории, предполагает различные варианты эволюции народов и стран. Только эти варианты отличаются по степени вероятности их реализации. Как правило, вероятность «маловероятных» (с точки зрения политиков, ученых и аналитиков) сценариев истории резко возрастает в «точках бифуркации», когда в Системе начинается процесс реформ. Такой растянутой по времени «точкой бифуркации» в Российской империи был период после победы над Наполеоном (1813–1820 гг.), когда Александр I был готов к относительно либеральной и более рациональной модели интеграции горцев Кавказа в жизнь Империи. В правительстве также была представлена эта «партия» «мягкой» силы. Этот, по сути, шанс был упущен по причине на порядок более значимой роли силового фактора в истории России. «Партия» войны на протяжении веков набрала такую инерцию и такую «корпоративную» мощь, что она сумела нейтрализовать альтернативные варианты в кавказской политике С-Пт. Второй раз такой шанс был предоставлен историей после смерти Николая I и завершения Крымской кампании (1856). И этот шанс был использован на Восточном Кавказе, теперь уже с опорой на децентрализацию при принятии решений, комбинацию методов «мягкой» и «жесткой» силы, всеобщей амнистии, внедрения элементов автономии в местном самоуправлении и коррумпирования бывшей военно-политической элиты имамата. В трагедии мухаджирства на Западном Кавказе, включая и Абхазию (1859–1878 гг.), большую роль сыграли геополитические соображения.

Возможность «досрочного» завершения РКВ открывалась и на Восточном Кавказе при имаме Шамиле (в 1830-е и 1850-е гг.). Анализ архивных документов показывает, что и здесь открывались своеобразные «окна возможностей», которые не использовались в должной мере. Причины, если вкратце, это – чрезмерная централизация принятия решений по Кавказу в период Николая I и качественные различия в политической культуре сторон переговоров. С одной стороны, император-самодержец и его *подданные* в лице генералов, зачастую руководствовавшиеся своими субъективными комплексами, с другой же, имам Шамиль, который решения по судьбоносным вопросам «молодого» государства принимал на основе консультаций с советом (*диваном*) ближайших сподвижников. Часть этих проблем была снята Александром II, когда он предоставил широкие права Бяргинскому (в 1857).

Выдающаяся (в иррациональном и деструктивном смысле) роль силовой «корпорации» в истории России – это судьба, предопределенная особенностями цивилизационного развития, политической и экономической географией страны, начиная со времен царя Ивана III. Она сохраняется до сих пор и задача государственных «мужей» и ученых, в том числе и историков, заключается в том, чтобы содействовать нейтрализации деструктивной роли этого фактора и повышению его рационального (конструктивного) содержания. Политика слишком серьезная вещь, чтобы доверять её генералам – именно этой установкой руководствуются в наиболее успешных странах, играющих выдающуюся роль в мировой геополитике.

Резюме

В статье сделана попытка анализа возможностей более рациональной модели, с минимизацией человеческих жертв и государственных расходов, и «досрочного» завершения Русско-Кавказской войны (далее, Войны). Такой подход предполагает рефлексию относительно причин затянувшегося характера Войны, своеобразную «ревизию» методов и «инструментов» политики на Кавказе, опору, говоря современным языком, на «мягкую силу»: сочетание дипломатии, логистических и коммерческих проектов с собственно «жесткой» силой.

В статье показано, что действительно были такие возможности, которые озвучивались различными представителями русской культурной и военно-политической элиты. В совокупности

я их называю «партией» «мягкой силы», представители которой пытались убедить императора и кавказских наместников вести политику в другое, более конструктивное, русло. Но инерция бюрократически–централизованной системы, процесс рутинизации силовых практик на Кавказе на протяжении многих десятилетий сформировал целый слой из силовой элиты, которая, в подавляющем своем большинстве, была абсолютно не критична и к привычным практикам «усмирения» горцев Кавказа, и к собственному поведению, которая укладывалась в модель «корпоративно-меркантильного сосуществования в рамках сложившейся Системы. Силовая элита из «кавказцев» в XIX в. не могла адекватно объяснить и понять «природу» горской культуры, которую они, как правило, редуцировали до очень упрощенных моделей поведения.

Summary

The article makes an attempt to analyze the possibilities of a more rational models, minimizing human casualties and the “early” end of the Russian-Caucasian War (hereinafter, War). This approach presupposes reflection on the causes of protracted nature of the War, a kind of “revision” methods and “instruments” of policy in the Caucasus, support, in modern terms language, into “soft power”: a combination of diplomacy, logistics and commercial projects with actual “hard” power.

The article shows that there really were such opportunities which were voiced by various representatives of Russian cultural and military-political elite. Collectively I call them “Other Russia” (or the “party” of “soft power”), whose representatives tried to convince the emperor and the Caucasian governors to conduct Caucasian policy in another, more constructive direction. But the inertia of bureaucratic–centralized system, the process of routinization of power practices over decades in the Caucasus has formed a whole layer of power elite, which, in its overwhelming majority, was absolutely not critical of the usual practices of “pacifying” the Caucasian mountaineers, and to their own behavior, which fit into the model of “corporate-mercantile coexistence within the framework of the existing System. The power elite from the “Caucasians” in the 19th century could not adequately explain and understand the “nature” of mountain culture, which they usually reduced to very simplified models of behavior.

Литература

1. **Блиев М.М., Дегоев В.В.**, Кавказская война – М.: Росет, 1994. – 592 с.
2. **Бушуев С.К., Магомедов Р.М** (отв. ред.), Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века)/ Сборник документов (Документ №133 (1834 г.) «Описание экспедиции дагестанского военно-окружного нач-ка М.П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзат-бека с кратким обзором истории завоевания Дагестана, составленное подпоручиком Кузьминским) – Махачкала, Даггосиздат, 1940 г. 471 с.
3. **Виноградов Б.В.** (под ред.), **Виноградов В.Б., Ю.Ю. Клычников**, Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI вв. – Славянск-на-Кубани Издательский центр филиала КубГУ, 2012 г. 224 с.
4. **Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Казиев Ш.М.** (редакторы, составители и авторы проекта), *Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля* /Сборник документов (документы №№ 113, 114, 115, 117 из Даггосархива и архива Института, истории, археологии и этнографии ДНЦ (ДФИЦ) Российской академии наук) – Москва, ИИАЭ ДНЦ РАН и журнал «Эхо Кавказа», 2005 г. 550 с.
5. **Гарданов В.К.** (составитель, редактор, введение и вступительные статьи), Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (сборник)/ Записки де Скасси о торговых делах в Черкесии (1816) – Нальчик: «Эльбрус», 1974. 637 с.
6. **Гаммер Моше**, Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана – М.: Крон-Пресс, 1998 г. 509 с.

7. **Гордин Я.А.**, Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в.: ж-л «Звезда»; С-Пт; 2000 г. 460 с.
8. **Гордин Я.А.**, Кавказская Атлантида. 300 лет войны (ознакомительный фрагмент) –«WebKniga», 2014 г. 39 с.
9. **Даниялов Г.-А.** (отв. редактор), Движение горцев Северо–Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века / Сборник документов. Документы №№7, 14, 16, 18, 90, 91, 98, 109 из Даггосархива и архива Института истории, археологии и этнографии ДНЦ (ДФИЦ) Российской академии наук)– М-кала, Даг.книжное издательство, 1959 г. 783 с.
10. **Дзидзария Г.А.**, Присоединение Абхазии к России и её историческое значение – Сухуми, АБГОСИЗДАТ, 1960 г. 272 с.
11. **Дзидзария Г.А.**, Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы / <https://irsl.narod.ru/books/KMTweb/text.html>
12. **Дзидзария Г.А.**, МАХАДЖИРСТВО и проблемы истории Абхазии XIX столетия – Сухуми, Изд. «Алашари», 1982 г. 540 с.
13. **Каспари А.А.** (автор проекта и составитель), Покоренный Кавказ / (впервые изд. в С-Пт., в 1904 г.) – Пятигорск: СНЕГ, 2010 г. 672 с.
14. **Лапин В.В.**, Армия России в Кавказской войне – С-Пт., Европейский дом, 2008 г. 400 с.
15. **Розен А.Е.**, Записки декабриста http://az.lib.ru/r/rozen_a_e/text_1870_zapiski_dekabrista.shtml
16. **Фадеев Р.А.**, Письма с Кавказа / Государственный порядок. Россия и Кавказ – М., Институт русской цивилизации, 2010 г. (992 с.). с.132-322.
17. **Фадеев А.В.**, Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., Изд.АН СССР, 1960 г. 402 с.
18. **Орехов В.В.**, Парижская «Записка» о Керчи Рафаэла де Скасси / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 4 (70), № 4. 2018 г.
19. **Урушадзе А.Т., Пашенко И.В.**, Кавказская война XIX века: цивилизационный конфликт и его функциональные особенности журнал, (том 6, вып.4 2012 г.).
20. **Хотко С.Х.**: 1) Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: – ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.
21. **Челеби Эвлеби**, гл. III. «Книга путешествий (Сейяхатнаме) Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана» / http://apsnyteka.org/file/Chelebi_Kniga_puteshestviy%281%29.pdf.

Ахмадов Я.З.
г. Грозный

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: коренные народы, Северный Кавказ, Абхазия, горские народы, «набеги» горцев, геополитика, имамат.

Историческое развитие коренных народов Кавказа между Черным и Каспийским морем, в течение последних 6-8 тысячелетий, привело к складыванию некоей «горской цивилизации»¹, которая показала свою относительную устойчивость и тогда, когда ее носители оказалась (по крайней мере с XVI-XVII вв. н.э.) на стыке восточно-исламской и русско-европейской цивилизационных плит. Здесь, кстати, лежит вопрос не только о цивилизационном сближении, но и цивилизационно-культурном противостоянии как одном из факторов столь длительной Кавказской войны.

Уместно в начале текста ограничиться несколькими предварительными историографическими примечаниями, учитывая, что в принципе большая историография Кавказской войны подвергается в последние годы серьезному рассмотрению². Первое замечание относится к той части современных дипломированных историков, которые занимаясь перелицовкой социокультурных особенностей горских народов в общественно-политические оценки, нацелены на пропаганду антинаучных оценок в отношении к той же Кавказской войне³. Хуже того, «национально-освободительная борьба горских народов виртуально-фразеологически исторгается из исторической реальности и предстает неким грубым мыслительным просчетом первых советских идеологов и историков, а все попытки т.н. «национальных историков» объективно исследовать вопросы Кавказской войны и русско-горских отношений в целом, носят, по их мнению, вполне предосудительный, если не политически преступный характер»⁴.

Второе суждение относится к случайному или совсем неслучайному «изъятию» Абхазии и абхазского народа в исследовательской литературе из географии Кавказской войны и ее сущностного содержания, хотя именно абхазский народ наряду с черкесами-адыгами является наиболее пострадавшей стороной в результате поражения горцев в данной войне. Протестное движение на Кавказе, переходящее в военные действия, шло как известно далеко за политическими границами собственно государства Имамат Чечни и Дагестана⁵.

При этом, начало XIX в. для народов Северного Кавказа и Черноморской Абхазии не предвещало перспективы столь изнурительной войны – на юге, в Закавказье стояли иранские и турецкие полки, на севере – за Терек и Кубанью русские войска, а наиболее сильные народы Северного

¹ Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // *Dediediem: Памяти А.П.Пронштейна 1919-1998.* – Ростов н/Д, 2004. С.306-328.

² Журтова А.А. Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22-25 июня 2016 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С.519-524.

³ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века / Ред. Б.В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани: Издат. Центр Фил. КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012.

⁴ Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война / Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. С. 178.

⁵ Анчабадзе Георгий. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864 гг. – Б/м и Б/и. 2018.

Кавказа и их феодальные образования, вступая зачастую в политические союзы с великими державами, пытались завоевать для себя выгодные позиции, не только противодействуя, но порой и содействуя планам и конкретным действиям той же Турции, России или Ирана, более того – по мере сил, вовлекая в сферу своего влияния более малочисленные полуязыческие народы по обеим сторонам Главного Кавказского хребта.

Когда в 1801 г. Российская империя в лице императора Александра I приняла окончательное решение о принятии Восточной Грузии в подданство России и в очередной раз ввела в Закавказье свои войска, то она приступила к прямому подчинению «предполя» – Северного Кавказа, будучи уверенной с одной стороны в неизбежности столкновения с восточными империями, а с другой – в успехе покорения горских народов. Но здесь, акторами истории и конкретно оппонентами политике царизма выступили полная сил «демократическая» Чечня, народы Нагорного Дагестана со своими союзами обществ, «княжеская» Кабарда, огромная Черкесия (формально считавшаяся под протекторатом турецкого султана) и близкая к ней Абхазия.

Важное обстоятельство заключалось также и в том, что в конце XVIII – начале XIX в. в масштабах региона произошел своеобразный общественный переворот, когда на первый план вместо аристократии выдвигается свободное крестьянство – узденство, оформление общественного сознания которого произошло под идеологическим воздействием политически крепнущего мусульманского духовенства, завоевавшего серьезные позиции в среде горских народов⁶. Горское узденство, как значительный вооруженный свободный класс, отрицало навязываемое подчинение, повинности, угрозы царской военной администрации, торговые ограничения и блокаду свободного передвижения⁷.

При этом, нельзя не указать, что избери верхушка Российской империи изначально ту же тактику и стратегию, что была взята на вооружение в 50-х гг. XIX в., а именно: минимальное вмешательство во внутреннюю, «домашнюю» жизнь горских народов и максимальное использование преференций и преимуществ, предоставляемых империей для народов, вступающих в ее состав, Кавказской войны удалось бы избежать. Однако, в первые десятилетия рассматриваемого столетия преимущественным средством политики великой российской державы по отношению к тем же горским народам было избрано «покорение» и «наказание». Причем именно при «раннем» Ермолове такая политика, нацеленная на превращение горцев, именовавшихся «хищниками» в бессловесных «податных рабов» приобрела институциональные формы⁸.

Речь также должна идти о том, что «устроением» тех же горских народов Кавказа в колониальных интересах занималась целиком и полностью имперская армия, главная опора отсталого по определению феодального правящего сословия России. Для военно-дворянского класса Российской империи именно война была культурно близким способом достижения внешних задач. В этой среде определяющим императивом являлись милитаризм и полное неуважение к правам народов, общества и личности⁹. Более того, благодаря тесному соединению на Кавказе регулярной армии с казачеством архетип набега, хищничества с быстрым передвижением вооруженной силы с целью захвата материальных богатств обретает новое дыхание¹⁰.

Ухудшало ситуацию и то обстоятельство, что в руководстве Кавказской армии зачастую находились офицеры и генералы «темного» (или как еще тогда писали «подлого») происхождения, выросшие в глухих кавказских гарнизонах в диком страхе перед нападениями горцев. Об одном из них – генерале Н.И. Евдокимове, так сказать, «солдате империи» – исследователь

⁶ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. / Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С. 49, 219.

⁷ Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа: конец XVIII-60-е гг. XIX в. – Майкоп: ООО "Kachestvo", 2002. – 202 с.

⁸ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период "проконсульства" А.П. Ермолова (1816-1827). – Нальчик: Эль-Фа, 2003.

⁹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Изд. Европейский дом, 2008. – 396 с.

¹⁰ Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. «Битва за Чечню: «война историографий» или информационная война». С.113-130.

Я. Гордин с психологической точностью и исторической достоверностью написал: «С детства Евдокимов воспринимал горцев как угрозу, как врагов – явных или тайных, и, несомненно, ненавидел их. Кавказ был его миром. Горцы в общей картине этого мира были лишними»¹¹. Потому указанный генерал стал страстным апологетом изгнания горских народов с их исторической родины, почему в т.ч. получил от императорской фамилии в награду графский титул, огромные земли и пенсии¹². Всевышний также отметил палача – полным разорением, слепотой и нищей старостью.

Необходимо присоединить в данном случае к понятию «армия» и такую категорию военных сил России на Кавказе, как казаки – терско-гребенские, кубанские и черноморские. В XIX в. царские военачальники четко определили их главную задачу: «водворение казаков на передовых линиях, [необходимо], чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни»¹³. Но с другой стороны казаки занимались здесь и мирным земледельческим трудом, что неизбежно приводило их к сближению с горцами в культурно-хозяйственной сфере.

Громадным конфликтогенным фактором на Кавказе являлась вся военная Кавказская Линия, представлявшая собой густую систему крепостей, станиц, фортов, «крестьянских и солдатских поселений», протянувшуюся от Каспия до Азовского, а затем и до Черного моря. И дело не только в том, что Линия, законченная еще в последней четверти XVIII в. и все усиливаемая в первой половине XIX в., отрезала горские народы от равнинных и степных районов, имевших жизненное значение в их традиционном хозяйстве. Главная опасность для горских народов заключалась в том, что Линия означала такой тип военной колонизации края, в процессе которого горцы в массе оказывались лишними на своей же земле¹⁴.

При этом все нападения – т.н. «набеги» горцев, на Линию направленные, в конечном счете, к принуждению империи к отказу от ее сооружения и отступлению от их земель, объявлялись безусловным «хищничеством» со стороны «диких племен». Считалось, говоря словами современника, что «мы не воевали с горцами, а постоянно их наказывали»¹⁵. И, тем не менее, те же станицы, крепости и форты Кавказской Линии в ходе длительной войны становились привлекательными для горцев как своеобразные центры сбыта и получения изделий и товаров.

Так, трудно, через войну, кровь и непонимание пробивались элементы взаимодействия, вначале экономического, а затем и чисто культурного, человеческого понимания и соседства. Потому-то весьма важно постоянно уделять внимание вопросам истории русского населения и раскрытию влияния русских городов и других поселений на кавказский край.

Другим моментом, на который следует обратить особое внимание, но малоисследованным, является вопрос о рабстве и работорговле в регионе в XIX в. Известно, что сторонники традиционного формационного подхода рассматривают рабство как уклад горского общества, приводя все его формальные определения. Есть и обыкновенные фальсификаторы от науки, которые много говоря о горском «рабстве» (по существу, весьма ограниченном и экзотическом явлении для горцев), «забывают», что Россия в период Кавказской войны являлась классической рабовладельческой страной. Даже самый европеизированный российский город XVIII – первой половины XIX в. – Санкт-Петербург – «представлял собою тип античного невольничьего города, перенесенного

¹¹ Гордин Я.А. Черкесия – Кавказская Атлантида // Звезда. №12, 2007. С. 90-118.

¹² Темиров У.Е. Черкесский вопрос в России и проблемы его решения // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2009. Т. 11, №2. С. 118.

¹³ Бурькина Л.В. Казачество как главный колонизационный элемент освоения Северо-Западного Кавказа в планах И.Ф. Паскевича // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып IV. – Майкоп, 2008. С.36.

¹⁴ Федосеева Л.Д. Внутренние миграции населения и военная колонизация Северо-Западного Кавказа в проектах А. А. Вельяминова, Н. Н. Раевского и Н. И. Евдокимова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. №4(130). 2013. С.76-80.

¹⁵ Карпов Ю.Ю. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее: материалы для Научно-практического семинара "Проблемы толерантности в петербургской школе" / [сост.: Д. В. Дубровский]. – СПб.: Изд. журн. "Звезда", 2007. С.49.

в XIX век»¹⁶. Данный уклад не только занимал ведущее положение в социально-экономической жизни империи, но и определял практически многие стороны как внутренней, так и внешней политики. «Крепостной режим развратил русское общество – и крестьянина, и помещика, – научив их преклоняться лишь перед грубой силой, презирать право и законность. Режим этот держался на страхе и грубом насилии...»¹⁷.

Кстати, ничего сверхъестественного и противоречивого в политике хищнического и конфликтного по своей сути офицерского корпуса Кавказской армии в отношении горских народов Северного Кавказа не было. Всякая армия – всего лишь составляющая общества, а потому она усиливает и генерирует ценности того общества, частью которого является. Потому действия «русских рабовладельцев» в регионе не являлись принципиально другими, нежели в отношении миллионов тех же русских людей, говорящих с ними на одном языке и разделяющих одну веру.

Так, в 1817 г. «проконсул» Кавказа генерал А.П. Ермолов, убеждая царя увеличить численность войск на Кавказе, ничего не упоминал о «набеговой традиции» горцев, якобы угрожающей границам Российской империи. Он говорил Александру I другое: усиление войск и скорейшее покорение Кавказа необходимо потому, что горские народы «примером независимости своей, в самих подданных в.и.в. порождают дух мятежный и любовь к независимости»¹⁸.

А.П. Ермолов знал, что говорит. По существу, наряду с Кавказской войной на далеком юге, крепостническая военно-феодалная империя вела параллельно войну и против собственного народа в тех же хронологических рамках XIX столетия. Только с конца XVIII – начала XIX в. (1796–1817 гг.) российские крестьяне произвели почти 600 крупных выступлений, включая в ряде случаев разграбление поместий и убийство помещиков, что заканчивалось вызовом воинских команд, прямыми убийствами крестьян, розгами, пытками и ссылкой на каторгу оставшихся в живых¹⁹. Так, в 1812 г. крестьянская война в России охватила всю ее европейскую часть – 32 губернии, против повстанцев направлялись части регулярной армии с пушками²⁰. По существу, имперская власть и помещичий класс на русской земле «поступали и ощущали себя как завоеватели в покоренной стране, отданной им «на поток и разграбление»²¹.

Но мало в каких современных работах по истории Кавказской войны мы найдем анализ «сопряженности» событий на Кавказе с внутривосточным состоянием Российской империи, а уж тем более с раскрытием социально-экономических причин войны. Между тем Российская империя, начиная с конца XVIII в. испытывала не только аграрное, но и демографическое напряжение, которое можно было снять либо буржуазными реформами, либо завоеванием и переселением миллионов крестьян в Предкавказье и Кавказ, являвшихся кстати привлекательными зонами устойчивого, высокоурожайного зернового земледелия.

В связи с этим, можно полагать, что Кавказская война, в которую были вовлечены многие горские народы, и которая продолжалась десятилетиями в течение жизни нескольких поколений, объяснялась не только геополитическими и конкретными факторами военно-политической ситуации на Кавказе и вокруг нее, но и природой общественно-политического строя Российской империи того времени. Не случайно, что окончание Кавказской войны примерно совпало с отменой крепостного рабства и эпохальными прогрессивными реформами в России.

¹⁶ Яцевич А. Крепостной Петербург пушкинского времени. – Ленинград: Изд. Пушкинское общество, 1937. С.20.

¹⁷ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. С.24.

¹⁸ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сборник документов / сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. С. 28.

¹⁹ Федоров В.А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий: Первая половина XIX века. – М.: Изд. Высшая школа, 1974. С. 40-41.

²⁰ Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. – Волгоград, 1967. С. 130.

²¹ Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. – М.: Изд. Вече. 2011. С.151.

Нельзя не учитывать, что бурное XIX столетие, начавшееся с Кавказской войны, закончилось для горцев Кавказа в течение последней трети века заметными приметами передовой эпохи того времени: развитием товарного земледелия, железной дорогой, пароходами на Черном и Каспийском морях, нефтяными вышками, заводами и фабриками, банками и представительствами виднейших компаний России и мира. Правда, горские народы, как и рядовые русские люди, были самыми скромными участниками этого пиршества финансово-промышленного капитализма на южной окраине Российской империи. Тем не менее под воздействием капитализма шло неумолимое вовлечение вчерашних воинов и земледельцев в новую экономическую систему, ломавшей также сословные и национальные перегородки, независимо от воли и желания правящего класса России. Особое значение имели прогрессивные изменения в горском обществе, связанные с его европеизацией: в данном случае через усвоение достижений русской культуры, породившей и первые кадры горской интеллигенции.

Следует отметить, что поступательный процесс в научном исследовании Кавказской войны выявляет и ставит новые важные вопросы, нуждающиеся в рассмотрении. Это закономерно, ведь любой шаг вперед в науке открывает с достигнутых высот новые горизонты неизведанного. Так, чрезвычайно важно, обнаруживать системные связи между всеми общественными, экономическими и политическими явлениями и процессами, происходившими в ходе длительной Кавказской войны.

Как нам представляется, в первую очередь речь должна идти об «очеловечивании» нашей истории. Именно человек, в конечном счете, должен занять главное место в историческом исследовании тех или иных событий в ходе Кавказской войны. Именно человек реализует историю, потому необходимо выявлять действия индивидуальных личностей, имеющих свободу воли и возможность влиять на ход событий составляющих историю. Например, что мы знаем о таком явлении, как «усталость» горцев от непрекращающейся войны из поколения в поколение, что приводила порой, к полному безразличию, а то и к бегству массы жителей из под контроля Имамата²². Или же о таком явлении как деромантизация горцев в русской литературе и общественном восприятии в последние годы Кавказской войны²³.

И последнее: профессиональные историки должны осознавать, что история как наука, обречена на периодическое переосмысление. В особенности это происходит в процессе исследования феноменальных исторических явлений – таких, к примеру, как Кавказская война.

Резюме

Системные исследования феноменального явления истории как Кавказская война закрывают имеющиеся лакуны и приводят к возникновению все новых вопросов, которые необходимо осмысливать и изучать. Назовем некоторые из них.

К таковым относится общественный переворот в северокавказском регионе в конце XVIII – начале XIX в., когда на первый план вместо аристократии выдвигается свободное крестьянство – узденство, которое и стало становым хребтом национально-освободительного движения.

Следует также осмыслить, что главные особенности Кавказской войны объяснялись тем, что для правящих кругов Российской империи война была главным способом достижения внешних задач. Также как насилие главным приемом управления внутри страны (Россия в период Кавказской войны являлась классической рабовладельческой страной).

²² Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный сборник, № 7. – СПб., 1859. 110-111.

²³ Пономарева А.А. Деромантизация Кавказа в «кавказских» травелогах XIX века // Русский травелог XVIII-XIX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С.69-91.

Resume

Systematic studies of the phenomenal phenomenon of history as the Caucasian War close the existing gaps and lead to the emergence of new questions that need to be comprehended and studied. Let's name some of them.

These include the social upheaval in the North Caucasus region at the end of the XVIII – early XIX centuries, when the free peasantry, the *uzdenie*, which became the backbone of the national liberation movement, came to the fore instead of the aristocracy.

It should also be understood that the main features of the Caucasian War were explained by the fact that for the ruling circles of the Russian Empire, the war was the main way to achieve external goals. As well as violence, the main method of governing within the country (Russia was a classic slave-owning country during the Caucasian War).

Литература

1. Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. – Волгоград: [Газ. «Волгогр. правда»], 1967. С. 106-146.
2. Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – 432 с.
3. Анчабадзе Г.З. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864 гг. – Б/м и Б/и. 2018. – 104 с.
4. Бурыкина Л.В. Казачество как главный колонизационный элемент освоения Северо-Западного Кавказа в планах И.Ф. Паскевича // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. IV. – Майкоп, 2008. С. 33-36.
5. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века / Ред. Б.В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани: Издат. Центр Фил. КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 224 с.
6. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. – М.: Изд. Новое литературное обозрение, 2003. – 505 с.
7. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816-1827). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 381 с.
8. Гордин Я.А. Черкесия – Кавказская Атлантида // Звезда. №12, 2007. С. 90-118.
9. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века: Сборник документов / сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 785 с.
10. Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный сборник, № 7. – СПб., 1859. С.89-112.
11. Журтова А.А. Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22-25 июня 2016 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С.519-524.
12. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. / Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – 624 с.
13. Карпов Ю.Ю. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее: материалы для Научно-практического семинара «Проблемы толерантности в петербургской школе»: / [сост.: Д. В. Дубровский]. – СПб.: Изд. журн. «Звезда», 2007. С. 25-62.

14. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Изд. Европейский дом, 2008. – 396 с.
15. Пономарева А.А. Деромантизация Кавказа в «кавказских» травелогах XIX века // Русский травелог XVIII-XIX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С.69-91.
16. Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. – М.: Изд. Вече. 2011. – 315 с.
17. Темиров У.Е. Черкесский вопрос в России и проблемы его решения // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2009. Т. 11, №2. С. 109-128.
18. Федоров В.А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий: Первая половина XIX века. – М.: Изд. Высшая школа, 1974. – 272 с.
19. Федосеева Л.Д. Внутренние миграции населения и военная колонизация Северо-Западного Кавказа в проектах А. А. Вельяминова, Н. Н. Раевского и Н. И. Евдокимова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. №4(130). 2013. С.76-80.
20. Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // *Dediediem*: Памяти А.П. Пронштейна 1919-1998. – Ростов н/Д, 2004. С.306-328.
21. Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа: конец XVIII-60-е гг. XIX в. – Майкоп: ООО «Kachestvo», 2002. – 202 с.
22. Яцевич А. Крепостной Петербург пушкинского времени. – Ленинград: Изд. Пушкинское общество, 1937. – 234 с.

Салакая С.Ш.
г. Сухум

АБХАЗСКАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Кавказская война, Северный Кавказ, Абхазия, русский царизм, Багировская концепция, махаджирство.

Народно-освободительное движение горцев Кавказа, известное как Кавказская война, является одной из важных проблем истории Кавказа вообще и Абхазии в частности. Сам термин Кавказская война, внедренный ранее в историческую науку, а затем, по идеологическим причинам принятый и в советской историографии, нуждается в серьезной корректировке. Этот вопрос неоднократно ставился в основном северокавказскими историками, так как название «Кавказская война» носит нейтральный характер, не понятно, кто был ее участником и какие цели преследовались. Между тем, как отмечает «Советский энциклопедический словарь»: «Кавказская война – это завоевание Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа». С другой стороны, популярный в последние годы термин «Русско-кавказская война» также некорректен, т. к. совмещает этнонимы и политонимы с топонимами. Видимо, наиболее верно обозначение, бытовавшее в основном в первые советские годы – «национально-освободительная борьба горцев Кавказа против царских колонизаторов», но поскольку оно чересчур громоздкое, то будет использоваться в основном термин «Кавказская война».

Участие Абхазии в Кавказской войне является одним из самых проблемных пунктов в истории Абхазии XIX в., хотя литература по этому вопросу весьма обширна. В российской дореволюционной историографии события Кавказской войны занимают почетное место. Немало написано и о событиях в Абхазии. Но у историков дореволюционной России основной целью в изложении истории Кавказа было во-первых, оправдание захватнической политики русского царизма, во-вторых, прославление «доблести» и «подвигов» царской армии, в-третьих, описание «мудрой» и «культурной» реформаторской деятельности «цивилизаторов» в генеральских ботфортах по устройению «доселе диких местностей» Кавказа.

Для историков дворянско-охранительного направления это особенно характерно. Один из его крупнейших представителей Н. Н. Дубровин свой обширный труд «История войны и владычества русских на Кавказе» предваряет описанием народов Кавказа, которым он дает крайне негативные и унижительные характеристики. Дубровин – апологет колониальной политики на Кавказе. Он подробно описывает ход боевых действий, планы русского командования и их исполнения, подвиги русских солдат. Что же касается кавказцев, то здесь его описания поверхностны, далеки от истины. Даже описание мужества горцев дается лишь для того, чтобы оттенить победы русских войск. К сожалению, Дубровин был лишь одним из многих. Аналогичной точки зрения придерживаются Р.А. Фадеев, В. А. Потто, Н.Башенев, Ф.А. Щербина, А.М. Зайончковский, С.С. Эсадзе и многие другие.

Большое внимание в работах военных историков царской России уделяется и описанию событий в Абхазии. Особенно это касается завершающего этапа Кавказской войны, когда центр сопротивления горцев переместился на Западный Кавказ, особенно его Черноморское побережье. Из всего описанного они делают вывод об активном участии абхазов в этой войне. Именно поэтому планы царского правительства были направлены на изгнание горцев с их насиженных земель и заселение Западного Кавказа и особенно Черноморского побережья русскими колонистами. Ге-

нералы с радостью и воодушевлением докладывали о победах царских войск, об уничтожении поселений горцев, массовых убийствах их жителей, изгнании их с родной земли. А историки того времени в своих работах оправдывали эти действия высшими интересами.

После установления советской власти в официальной исторической науке происходит резкая смена оценок Кавказской войны. В первые годы существования советского государства был выдвинут тезис об «абсолютном зле» политики царской России. Основой оценки национально-освободительного движения горцев Кавказа было принято ленинское положение: «марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологии». К событиям Кавказской войны историки Абхазии обращаются уже в своих первых работах в 20-х годах XX века.

В 1923 году вышла в свет книга выдающегося абхазского общественного деятеля, просветителя и педагога С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом отношении». Она была предназначена стать учебником географии для школ, но работа оказалась значительно шире и содержала богатый исторический материал. Значительная часть так называемого этнографического обзора книги посвящена событиям XIX в. и Кавказской войны, которой автор дает весьма емкую характеристику: «...величайшая трагедия – истребительная война русских самодержцев с горцами». Далее автор указывает, что последнее сопротивление в Кавказской войне было оказано западно-абхазскими племенами, поголовно исчезнувшими в результате войны, частично истребленными, частично изгнанными. Также справедливо увязывается с окончанием Кавказской войны и упразднение абхазской государственности.

Тяжелейшим последствием Кавказской войны является махаджирство – насильственное переселение абхазов и других горских народов с родной земли в пределы Османской империи. Басария считает, что в Турцию было выселено до 400 тысяч абхазов.

Книга содержит также много интересных сведений о более поздних периодах истории Абхазии, особенно это период 1917–1921 гг.

С.П. Басария также справедливо критикует появившуюся еще в конце XIX в. теорию о том, что Абхазия всегда была грузинской землей, а современные абхазы (апсуа) – переселенцами из за гор, ассимилировавшими грузинское население Абхазии.

Сейчас эта теория ассоциируется с именем грузинского литературоведа П. Ингороква, но она возникла на много раньше. В частности, С. П. Басария критиковал видного грузинского историка, проф. Хаханова (Хаханейшвили), который в своей статье «Древнейшие расселения грузин» пишет, что абхазы, жившие по ту сторону Кавказского хребта, перевалили через Кавказские горы и оттеснили мегрельцев к югу. Басария опровергает это мнение, используя данные статистики и материалы по колонизации абхазских земель.

Почти сразу после своего выхода, книга С.П. Басария стала подвергаться жесткой критике сначала со стороны представителей Грузии, а затем и партийно-советского руководства за национализм. Впоследствии, в начале 30-х годов ученым был написан учебник географии Абхазии уже без исторических разделов.

В середине 30-х годов указанная книга Басария вновь была подвергнута жесткой критике, автор обвинялся в подверженности метафизической философии Бокля, в национализме и идеализации общественного строя абхазов.

В работе К. Кудрявцева «Материалы по истории Абхазии» (Сухум, 1926) есть и много интересных сведений, связанных с присоединением Абхазии к России, народными восстаниями 1821 и 1824 годов, карательными экспедициями русских войск против горцев и последовавшими за этим волнами махаджирства и т. д.

Кудрявцев вполне четко отмечает различие позиции абхазского владетеля Михаила, занявшего пророссийскую позицию, и абхазского народа, активно боровшегося за свою независимость. Ха-

рактеристики, данные в этой работе, вполне определены. Четко выражено негативное отношение к самодержавию. Эта работа имеет весьма важное значение, так как является одной из первых попыток создания цельного курса истории Абхазии, хотя, конечно, в ней много существенных недостатков. Помимо чисто фактических неточностей в работе отсутствует список использованных источников и литературы (впрочем, на это указывает и сам автор), а также присутствует преувеличение роли чужеземного влияния на ход исторического развития Абхазии. Даже разделы получили название – период Эллинского влияния, период Римского влияния, период Византийского господства, ... период русского влияния и т. д.

В начале 30-х годов в исторической науке Абхазии, как и всего Советского Союза, окончательно утверждается марксизм. В это время в Абхазии появляются первые профессиональные историки-марксисты. Наиболее видным их представителем был тогда еще молодой историк, впоследствии видный ученый Анатолий Всеволодович Фадеев. В начале 30-х гг. одна за другой выходят его работы «К вопросу о феодализме в Абхазии», «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», «Меч и золото на берегах Абхазии», «Крестьянское восстание в 1866 г. в Абхазии» и т.д. Особое место среди них занимает «Краткий очерк истории Абхазии». Авторы предисловия к этой работе З. Агрба, А. Хашба отмечают, что работы А.В. Фадеева являются первыми марксистскими книгами по истории Абхазии. Несмотря на ярко выраженный классовый подход оценки, данные автором, не сильно отличаются от оценок С. П. Басария. Так, глава, посвященная событиям в Абхазии в первой половине XIX века, называется «Захват Абхазии русским царизмом». При этом в духе марксистского классового подхода говорится о блоке русского царизма с абхазскими феодалами, которые становятся их социальной опорой. Весьма положительно оцениваются восстания 1821 и 1824 годов, которые характеризуются как национальные крестьянские движения против русских захватчиков и их союзников – феодалов. Далее автор указывает, что после заключения выгодного для себя Адрианопольского мира 1829 года, принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «Кавказскую» политику, царское правительство становится более решительным в отношении Абхазии и Черкесии. При описании событий 30–60-х годов автор чрезмерное значение придает классовому фактору. Так, события 1840 года он называет восстанием Цебельдинских, Дальских и Кодорских крестьян. Вождем этого восстания он называет крестьянина Измаила Джопуа и пишет, что оно было подавлено русскими войсками при активном участии абхазских феодалов, в том числе и князей Маршан, что не вполне соответствует реальности. Далее автор справедливо увязывает стремление царизма к полному покорению Абхазии и махаджирство, однако данная им статистика махаджирства все же является не полной и заниженной. При этом следует заметить, что события в Абхазии почти никак не увязываются автором с событиями Кавказской войны, из чего невозможно сделать вывод об участии абхазов и Абхазии в этой войне.

В 1935 году в историческом сборнике вышла большая статья А.В.Фадеева «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе». В ней автор называет Кавказскую войну освободительной борьбой трудящихся масс Кавказа против колониальной экспансии русского царизма. Уделяя, конечно, главное внимание убыхам, автор много места отводит и событиям в Абхазии. Неоднократно указывается на тесный союз убыхов с абхазами в борьбе с царскими колонизаторами как во время отпора карательным экспедициям в Абхазии, так особенно и на последнем завершающем этапе Кавказской войны.

В этой работе Фадеев несколько раз подчеркивает контакты убыхов и жителей вольных обществ Абхазии с Имамом Шамилем, то есть, на их непосредственное участие в Кавказской войне. Большое внимание уделяется в работе попытке создания объединенного центра сопротивления на Западном Кавказе в 60-е годы XIX века.

Автор также указывает, что сопротивление горных абхазских обществ Ахчипсы и Псху было сломлено. Таким образом, в данной работе ученый определенно придерживается точки зрения участия абхазов в Кавказской войне, правда, указывает, что феодальные круги Абхазии поддерживали царскую администрацию.

В середине 30-х годов произошёл очередной пересмотр отношения к национально-освободительному движению и присоединению к России.

Официально был выдвинут тезис о том, что присоединение к царской России являлось наименьшим злом для народов Кавказа, по сравнению с нахождением под властью Турции или Ирана. Несмотря на это, хотя и были сделаны определенные корректировки, главным образом, вопросов касающиеся присоединения Абхазии к России, национально-освободительная борьба горских народов рассматривалась как прогрессивное явление.

Сталинско-бериевские репрессии 30-х годов, особенно тяжело ударившие по абхазскому народу, не могли не сказаться и на судьбе науки, в том числе и исторической. Был репрессирован целый ряд представителей абхазской интеллигенции, ряд ученых вынуждены были покинуть Абхазию, но в тот момент еще не произошло коренного пересмотра основных вопросов истории Абхазии.

В предвоенные годы начинается научная деятельность выдающегося абхазского ученого Георгия Алексеевича Дзидзария. Его особенно интересовали вопросы истории Абхазии XIX – начала XX веков, в том числе Кавказской войны. Этой теме, в частности, посвящена его дипломная работа «Завоевание Абхазии царской Россией». Интерес представляет и его первая самостоятельная работа «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века» (1940).

В связи с началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. наступает вполне естественный перерыв в научной деятельности историков в Абхазии. Однако в послевоенные годы грядёт новая черная полоса, связанная с зловещей деятельностью Сталина и Берия, направленная на физическое и духовное уничтожение абхазского народа.

Все чаще абхазский народ лишают права на самостоятельную историю, возрождаются старые полузабытые теории о прищлости абхазов в Абхазию и, наконец, с подачи высшего партийного руководства Грузии утверждается тезис, что абхазы это этнографическая группа грузин, и поэтому, нет смысла рассматривать их историю самостоятельно в отрыве от истории Грузии.

В письме-протесте против национального ущемления абхазского народа видные абхазские ученые, общественные деятели Г.А. Дзидзария, Б.А. Шинкуба, К.С. Шакрыл указывают и на то, что вышло из официального употребления словосочетание «абхазский народ». Подвергшемуся после написания письма жесткой критике, обвиненному в антисоветизме и национализме Г.А. Дзидзария фактически было запрещено работать по проблемам Кавказской войны. Написанная в 1947 году статья «Абхазо-убыхский союз в освободительном движении на Западном Кавказе», так и не вышла в свет при жизни автора.

Судьба его работы «Келешбей» еще трагичней, ее так и не удалось обнаружить.

Вообще оценка роли Келешбея в этот период претерпела значительные изменения, если до конца 40-х годов его историческая роль оценивалась как весьма прогрессивная, то затем он был подвергнут сокрушительной критике, как партийно-государственным руководством республики, так и ряда ученых. Так, во втором издании «Очерков истории абхазского княжества XVII–XVIII вв.» (1951) И.Г. Антелава дается резкая критика Келешбея как реакционного деятеля и турецкого агента, причем главная его вина заключалась в том, что он принадлежал к числу реакционных феодалов Грузии и мешал грузинскому народу в его борьбе против турецких захватчиков. Особо отмечается, что Келешбей не поддерживал прогрессивных начинаний грузинских передовых деятелей, в частности, выступал против объединения Грузии. Резкой критике подвергались книги и их авторы, положительно оценивавшие деятельность Келешбея, такие как Г.А. Дзидзария, Г.Д. Гулиа и др.

В 1950 году началась резкая критика Шамиля и всего национально-освободительного движения горцев. Шамиль был объявлен реакционным, религиозным деятелем, агентом султанской Турции и европейских держав. Само освободительное движение так же было объявлено реакционным, проходившим под знаменем мюридизма, боровшегося с прогрессивным присоединением к царской России.

Было издано немало работ с подобным освещением Кавказской войны. Царская Россия оказалась почти не причём в массовой гибели горских народов и их цивилизации. Даже в махаджирстве основная вина за «переселение» горцев возлагалась на «англо-турецких» «агентов», проповедников мюридизма. Вершиной всей этой кампании по замыслу составителей стал объемный сборник документов «Шамиль ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» (1953).

После смерти Сталина и начала критики «культы личности» начался пересмотр взгляда о реакционности движения горцев за независимость. Одним из первых выступил за это А.В. Фадеев, который, к сожалению, в начале 1950-х годов поддержал «багировскую концепцию» (получила название по имени М.-Д. Багирова, одним из первых выдвинувшего тезис о реакционной сущности движения горцев). В своей работе «Кавказ в системе международных отношений 20-х – 50-х гг. XIX в.» (М., 1956) он еще весьма осторожно призывает разоблачать завоевательную политику царизма, не сводить движение горцев к узкому вопросу о мюридистском движении, не изображать его как реакционное, но и не приукрашивать его. Позднее в одной из своих лучших работ – монографии «Россия и Кавказ первой трети XIX в.» (1960) А.В. Фадеев отказывается от своих взглядов нач. 50-х гг., называя борьбу горцев национально-освободительной и подчеркивая завоевательный характер политики царской России на Кавказе. В книге весьма много места уделено Абхазии, показано ее значение в планах русского царизма покорения Кавказа. Автор придерживается концепции добровольного вхождения Абхазии в состав России, но при этом не стремится заглушать антирусские выступления абхазов, в том числе и руководимых представителями феодальных слоев. Кстати, само название «Кавказская война» автор берет в кавычки, подчеркивая его условность и неточность. Примерно такой же точки зрения придерживается А.В. Фадеев и в составленном им курсе лекций и в редактировавшемся им IV томе «Истории СССР».

Гораздо сложнее пришлось историкам Абхазии. Здесь помимо общих положений «багировской концепции» надо было бороться с представителями грузинской науки за собственную историю Абхазии. Недаром именно в это время в Тбилиси была издана в полном объеме книга П.И. Ингорквва «Георгий Мерчуле...», в которой была сделана попытка доказать, что абхазы (апсуйцы по терминологии автора) лишь 200–300 лет назад спустились с гор и заняли Абхазию, где до этого проживали исключительно грузинские племена. Эта теория получила тогда поддержку ряда видных грузинских ученых и лишь благодаря массовому протесту абхазского народа и обоснованной критике абхазских ученых она была объявлена ошибочной. Это не мешает периодически реанимировать ее и, в частности, сейчас она занимает почетное, если не господствующее место в грузинской историографии.

Несмотря на все эти сложности, изучение истории Абхазии XIX века было поднято на новый уровень. Выдающаяся роль в этом принадлежит без сомнения Г.А. Дзидзария.

В 1955 году была издана первая крупная монография Г.А. Дзидзария «Восстание 1866 года». Тогда вышла и книга первого абхазского этнографа Соломона Званба «Этнографические этюды». Большой библиографический очерк об авторе книги написал Г.А. Дзидзария. В нем показана ситуация Абхазии в середине XIX века, участие части абхазских феодальных кругов в завоевании царизмом Кавказа и т.д.

В 1958 году выходит одна из ведущих работ ученого «Народное хозяйство и социальное отношение в Абхазии в XIX веке (до крестьянской реформы 1870 года)», являющаяся крупнейшим вкладом в изучение социальной экономической теории Абхазии XIX века.

В 1960 году вышла следующая фундаментальная монография Г.А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение». В книге дан богатейший фактический материал. Присоединение Абхазии к России рассматривается на широком фоне развития России и той исторической обстановки, которая сложилась на Ближнем Востоке в начале XIX века. При этом необходимо отметить, что над автором довлела официальная установка о добровольном вхождении Абхазии в состав России. Наиболее важным историческим последствием присоединения Абхазии к России объявлялось приобщение абхазского народа к общероссийской освободительной борь-

бе, приведшее в конечном итоге к победе Великой Октябрьской Социалистической революции. Так же в духе «пролетарского интернационализма» и негласно существовавшей тогда иерархии народов присоединение Абхазии к России толковалось как одно из звеньев присоединения отдельных частей Грузии и Закавказья.

Большой интерес представляет и относительно не большая по объему, но очень ценная по содержанию книга «Декабристы в Абхазии». В ней с большой полнотой и тщательностью собраны факты о жизни и деятельности в Абхазии декабристов А. и П. Бестужевых, С. Кривцова, В. Норова, близкого к декабристам генерала Н.Н. Раевского и многих других. Многие из декабристов, ознакомившись с Абхазией, сделали немало для того, чтобы обратить внимание общественности России на бедственное положение этого края. Они резко осуждали военно-колониальный режим, установленный царизмом. Налаживали дружественные культурные связи с коренным населением, в меру своих возможностей оказывали плодотворное влияние на культурное развитие Абхазии. В работе ясно показана колониальная политика царской России в Абхазии и активное участие абхазов в борьбе с ней. Конечно, в книге несколько идеализированно показаны декабристы, как революционеры и борцы с самодержавием, хотя многие из них в вопросе покорения Кавказа были солидарны с правительством, даже иногда укоряя его в чрезмерной мягкости к «туземцам». Но такова была официальная идеологическая установка игнорировать которую было невозможно.

Без сомнения крупнейшей работой по истории Абхазии XIX века является фундаментальный труд Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». Очень большое место в этой монографии занимает вопрос участия Абхазии в Кавказской войне. Само махаджирство, являющееся главным объектом исследования, является по мнению автора, главным образом, следствием колониальной политики России на Кавказе в целом, и в Абхазии в частности, наиболее агрессивным актом которой является Кавказская война. И хотя Г.А. Дзидзария является сторонником многопричинности махаджирства, тем не менее основным фактором выселения абхазов он называет именно политику царской России. Особенно подчеркивается участие горских племен Северо-Западного Кавказа в борьбе с царизмом на завершающем этапе Кавказской войны. Этому посвящена целая глава монографии. Несмотря на то, что Г.А. Дзидзария придерживается официальной точки зрения о добровольном вхождении Абхазии в состав России, объективное описание последующих событий говорит о неприятии большинством населения Абхазии новой власти. Сам автор неоднократно подчеркивает национально-освободительный характер народных выступлений 20–40-х годов XIX века и карательные захватнические действия царских войск в Абхазии. Говорится также о тесной связи горных абхазов и садзов с убыхами и адыгами в борьбе с царскими колонизаторами, о попытках создания единого фронта борьбы на Западном Кавказе, установления связи с национально-освободительным движением Центрального и Восточного Кавказа, контактов с Имамом Шамилем и его представителями. В последней своей крупной работе «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» автор также много внимания уделяет интересующему нас вопросу. Г.А. Дзидзария в этой монографии не только дает общую картину ситуации в Абхазии XIX века, но и в биографических очерках представителей абхазской военной интеллигенции, в основном офицеров царской армии, довольно подробно описывает события Кавказской войны. И хотя в своих последних работах Г.А. Дзидзария прямо не пишет об участии Абхазии в Кавказской войне, весь фактический материал данных работ, в первую очередь «Махаджирство...», говорит о том, что ученый не сомневался в участии весьма значительной части населения Абхазии в национально-освободительной борьбе горских народов.

В книге С.З.Лакоба «Очерки политической истории Абхазии» и написанной под его руководством «Истории Абхазии» в очень сложной общественной политической обстановке в начале 90-х годов, все еще утверждается тезис о добровольности вхождения Абхазии в состав Российской империи. В этих работах несмотря на это, показана агрессивная карательная политика Российской империи в Абхазии.

Лишь с обретением независимости в работах некоторых ученых Абхазии стало открыто утверждаться насильственное присоединение Абхазии к России и участие населения Абхазии в Кавказской войне. В первую очередь это относится к некоторым исследованиям С.З. Лакоба, ставшими весьма популярными, а также работам по этнической истории абхазов Т.А. Ачугба.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в абхазской советской историографии вопросы участия Абхазии в Кавказской войне оказались недостаточно разработанными из-за положения о добровольности вхождения Абхазии в состав России, в связи с чем считалось неуместным заострять чрезмерное внимание на вопросах, связанных с Кавказской войной. Поэтому абхазские историки, даже самые крупные, приводя многочисленные факты участия абхазского народа в борьбе с царскими колонизаторами, сам вопрос участия Абхазии в Кавказской войне старались обходить. Наверно давно назрела необходимость более тщательного изучения и освещения во всей их многогранности, как позиции владетеля и его окружения, так и позиции простого народа в данной проблеме.

Резюме

Как указывает Советский энциклопедический словарь: «Кавказская война – это завоевание Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа». Сам термин «Кавказская война», как и часто встречающиеся в последнее время названия «Русско – кавказская война», «Русско – горская война» не совсем научно корректны и дискуссионны.

После установления советской власти в официальной исторической науке происходит резкая смена оценок Кавказской войны. В первые годы существования советского государства был выдвинут тезис об «абсолютном зле» присоединения к царской России. Сопrotивление горских народов расценивалось как народно – освободительное движение горцев Кавказа против царских колонизаторов. В таком духе были написаны и первые работы по истории Абхазии. С 30-х гг. XX в. в историографии происходит некоторая корректировка этой установки – присоединение к России по прежнему объявлялось «злом», но меньшим, чем нахождение под властью Турции и Ирана, поэтому для кавказских народов считалось в целом прогрессивным явлением, несмотря на все негативные последствия сопровождавшие его, включая Кавказскую войну и его последствия.

В кон. 40-х гг. наметилась тенденция к пересмотру оценки Кавказской войны, которая окончательно оформилась в 1950 г. («Багировская теория»). Началась резкая критика Само присоединение к России было объявлено «благом» для горских народов, а все негативные последствия перекладывались на внешние силы и реакционные круги самих горцев (феодалы и духовенство).

После смерти И.В. Сталина происходит отказ от этой концепции, вновь появляются работы, в которых борьба горцев называется национально-освободительной и подчеркивается завоевательный характер политики царской России на Кавказе.

В Абхазии вопросы истории XIX в. были в сфере интересов выдающегося историка-кавказоведа Г.А. Дзидзария. Хотя он придерживался позиции добровольного вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи, но в то же время указывает на усилившийся национально-колониальный гнет и неприятие новой власти значительной частью населения Абхазии. Эта точка зрения была господствующей в исторической науке Абхазии вплоть до распада СССР.

Лишь с обретением независимости в работах некоторых ученых Абхазии стало открыто утверждаться насильственное присоединение Абхазии к России и участие населения Абхазии в Кавказской войне.

Литература

1. Абхазия. Краткая энциклопедия в двух томах. Т. 1 – 2. СПб. 2022
2. Агрба З., Хашба А. Вместо преисловия //А. Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934.
3. Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII – XVIII вв. Сухуми 1951.
4. Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми. 1986.

5. Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум.2018.
6. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX-XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум. 2010
7. Басария С.П. Абхазия в географическом этнографическом и экономическом отношении. Сухуми, 1923.
8. Башенев Н. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т.1 – 2. Екатеринбург, 1910-1913.
9. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Учебник для 10–11 классов. Сухум. 2-е, допол., изд. 2015.
10. Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940.
11. Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970.
12. Дзидзария Г.А. Завоевание Абхазии царской Россией // Труды. Т. 1. Сухум, 2014.
13. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, 1982 (2 изд.)
14. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.
15. Дзидзария Г.А. Труды. Т. 3. Сухум. 2005.
16. Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979.
17. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6, С-Пб 1871-1888.
18. Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. С-Пб. 1908.
19. Ингороква П.И. Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954 (на груз. языке).
20. История Абхазии. Учебное пособие. / под. ред. С.З. Лакоба. – Сухум, 1991.
21. История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. IV. М., 1967.
22. Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии 1922.
23. Лакоба С.З. Асланбей. Сухум. 1999.
24. Лакоба С.З. Из века в век. Сухум. 2022
25. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми ,1990.
26. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС, Т.24.
27. Очерки истории Абхазской АССР. Т. 1. Сухуми. 1960.
28. Салакая С.Ш. Абхазия и Кавказская война в советской историографии // Абхазоведение. № 5 – 6. Сухум. 2011
29. Салакая С.Ш. Келешбей в абхазской историографии // Кавказские Научные Записки. № 3. М., 2011
30. Советский энциклопедический словарь. М. 1987.
31. Фадеев А.В. Дореформенная Россия (1800 – 1861). Лекции из курса истории СССР, прочитанные на историческом факультете МГУ. М., 1960.
32. Фадеев А.В. Краткий очерк по истории Абхазии. Ч.1. Сухум, 1934.
33. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.
34. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. //Исторический сборник, выпуск 4. М. – Л. 1935.
35. Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
36. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов. Тбилиси, 1954.
37. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа. Тифлис, 1914.

II. ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Абдулвахабова Б.Б.-А.,
г. Грозный

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ С КАЗАЧЕСТВОМ И НАРОДАМИ КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова. Северный Кавказ, Чечня, Российская империя, чеченцы, казачество, народы Кавказа, торговля, торговые отношения.

Keywords. North Caucasus, Chechnya, Russian Empire, Chechens, Cossacks, peoples of the Caucasus, trade, trade relations

Первая половина XIX века в истории чеченского народа насыщена судьбоносными событиями. При многообразии современных методов и подходов, изучение торговых отношений чеченцев с соседними народами, обретает новое звучание. В научный оборот вводятся новые источники, меняется методология исследования.

Весьма актуальным также остается изучение процесса превращения горского натурального хозяйства в мелкотоварное производство и расширение торговли и торговых отношений в крае в первой половине XIX века. Важно также осмысление каждого исторического этапа развития края, в период, когда, в связи активизацией колониальной политики Российской империи, начинается многолетняя Кавказская война, которая разрушала веками складывающиеся межэтнические связи чеченского народа.¹

Торговля и торговые отношения Чечни занимали важное место в политике Российской империи, поскольку регион представлял собой природно-географическое разнообразие. Интенсивное земледелие, характерное для гористой местности, наращивало плодородность за счет удобрений, террасированием склонов. В основе экономики региона были земледелие, скотоводство, домашнее ремесло.

Согласно данным И. Гюльденштедта, местные жители сеяли пшеницу, просо и сорочинское пшено. Урожаи обеспечивали не только удовлетворение своих пищевых потребностей, но и направлялись на продажу.²

Равнинную Чечню, академик А.П. Берже называл «житницей Дагестана» и высоко ценил плодородную территорию равнинной Чечни.³ Она поставляла пшеницу, ячмень и просо на продажу не только внутри самой Чечни, но на рынки в казачьи станицы и другие территории.

И другие исследователи, посетившие территорию Чечни, в частности Д.А. Милютин, также отмечали, что чеченцы специализировались в выращивании пшеницы и ячменя в горах, и кукурузы и проса на равнине, а также в разведении крупнорогатого скота.⁴

И.И. Норденстам также отмечал, что в Чечне производилось больше хлеба, чем была необходимость для собственных нужд, избыток его обменивался у соседей-горцев на изделия домашних промыслов.⁵ А свежие и сушеные фрукты чеченцы вывозили продавать в российские крепости.

¹ Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик, 2003; ; Его же. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик. 2004; Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д. 2000.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 378, 379, 360.

³ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1982. С.70-88.

⁴ История Чечни с древнейших времен до наши дней. Т. 1. Грозный, 2006 – С.192-193.

⁵ Норденстам И.И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера, составленное капитаном Генерального штаба И.И. Норденстаммом. Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801-1839 гг. Махачкала, 1940. С. 303-305.

В дореволюционных исследованиях А.И. Ахвердова, Г.И. Гербера, И.-Г. Георги и других также указывается на успешное занятие хлебопашеством в Чечне.⁶

Традиционное землепользование на Северо-Восточном Кавказе заключалось в сохранении в горах и предгорьях трехполья: черного пара, зяби и перелога, а на равнине – двухполья.

Широкое применение получила система орошения: в горных районах прокладывали водопроводы, на равнине орошали с помощью водяных каналов.

С древнейших времен чеченцы выращивали и технические культуры: лен и коноплю, но особенное развитие получил сбор дикой марены, из корней которой получали натуральный краситель. Мареневодство со временем превратилось в выгодное занятие. Терские тезики, иранские купцы скупали у местных жителей корень марены, вывозили в Персию, получали огромную прибыль.

Развивающаяся текстильная промышленность в России, в свою очередь, приводила к закупкам марены через комиссионеров-посредников. Ежегодно, на территории Чечни, в начале XIX века собирали до 20 тысяч пудов сырой марены.

Важнейшим занятием чеченцев было животноводство. Экстремальные климатические условия определили разведение мелкого рогатого скота. Крупный рогатый скот разводился в объеме домашнего потребления. Также разводили лошадей, а также ослов для перевозки грузов в горах.

Большой популярностью пользовалось пчеловодство. Чеченский мед вывозился как в Россию, так и на местные рынки в казачьи станицы.

Продукция домашних промыслов и ремесел служила предметом обмена и торговли, особенно с казачеством. В горной Чечне развивалась обработка металла и шерсти.

Бурочное производство было развито в Старом Юрте, Белгатое, Харачое и в других чеченских селениях и аулах.

Развитие ремесла и мелкотоварного производства способствовали расширению торговли. Большая роль в торговле принадлежала шелководству. Шелк-сырец отправлялся в Россию, Западную Европу и Иран.

Обработкой шелка занимались чеченцы из Кази-юрта и кумыкского Аксяя. Гехинцы продавали шелк русским «на тысячи рублей» ежегодно.

Известными торговыми центрами являлись Старые Атаги, Чечен-аул, Урус-Мартан, Алды, Шали, Наурская, Старый юрт, Брагуны, Гудермес и др.

В селении Эндирей функционировал большой базар, где торговали кизлярские, русские, армянские купцы. Там торговали бурками, коврами, паласами, кошмами, овчинами, сафьяном, медом, воском, кинжалами, кожами и другими ремесленными изделиями. В Эндирей приезжали торговцы из Чечни, Кабарды, Балкарии, Карачая, Черкесии и даже Крыма, с русских городов и казачьих станиц.

В Эндирее объединялись представители разных народов, как кавказские (чеченцы, кумыки, ногайцы, горские евреи, армяне и др.), так и мигрировавшие сюда представители ближневосточных стран, что определило и специфику хозяйственных и ремесленных занятий.

В Аксае торговали привозными из России и Востока товарами, перекупали и торговали товарами, привезенными из разных концов Северного Кавказа.

Центры торговли воздействовали на экономику региона. Крупным торгово-экономическим центром являлись Чечен-Аул, Старые Атаги. Торговали здесь постоянно терские и сунженские казаки, армянские, грузинские еврейские купцы, имевшие свои торговые кварталы и лавки.⁷

В начале XIX в. крупные торговые центры Чечни и Дагестана – это селения Эндирей, Тарки, Костек и Кази-юрт. Откуда товары везли в Кизляр. Везли партии бурок, ковров, паласов, сафьяна,

⁶ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г.; Гербер Г.И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря живущих. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М, 1958. С. 557-558;

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах татарского племени. СПб., 1796. Ч. 2. С. 58.

⁷ Кавказский сборник Т. 13 Тифлис, 1889. – С.34.

овчин, местного сукна и ремесленных изделий, продукты животноводства и садоводства. В Кизляр чеченцы поставляли строевой лес, колья и дрова.⁸

Чеченские торговцы равнинных сел и аулов, вывозили на продажу зерно (пшеницу, просо), рис, бобы, виноград, рыбы, фрукты, хлопчатобумажные и шелковые ткани, шелк-сырец. Чеченцы из горных территорий поставляли на рынки овец, коз, коней, лес, арбы и аробные колеса, оружие, сукна, овчины, сыр, масло, бурки, шерсть, горское сукно, ковры, паласы, ювелирные, гончарные, деревянные изделия и многое другое.⁹

Российские власти придавали торговым отношениям больший смысл, чем просто товарообмен. Эти процессы сближали местные и русские народы.

Кизляр торговал с селами Большой Чечен (Чечен-Аул), Старый Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги, Шали и др. Здесь были представлены разные товары: зерно, мясомолочная продукция, крупнорогатый скот, мед, лошадей и т.д. Большим спросом на торговых рынках, особенно в казачьих станицах, пользовались шерстяные изделия: истанги (безворсовые войлочные ковры), бурки, сукна разных сортов, мужские головные уборы и другие. В крупные чеченские торговые центры везли железные и чугунные орудия труда, фабричные ткани, посуду, а также ювелирные украшения.

Торговля лесом составляла занятие жителей Брагунов и притеречных сел. Строевой лес сплавлялся в размере 500 до 800 плотов в год.

Торговали с Россией и горные чеченцы. Известным региональным торговым центром в этот период является Кизляр. Здесь появляются русские, армянские, татарские лавки, рынки, гостиные дома.

Кизляр становится крупным экономическим центром края, где сосредоточилось 90% всей региональной торговли. В городе насчитывалось около 15 тысяч человек (без войск и пришлых). В первой четверти XIX в. его размеры превышали Симферополь, Новочеркасск и Таганрог, Одессу, Полтаву и Харьков. Кизляр был многонациональным, и это имело позитивное значение в новом образе межнационального взаимодействия.

Кизляр стал полиэтничным, поликонфессиональным центром региона, связанный торговлей и другими формами взаимодействия.

Благодаря хорошим климатическим условиям, благодатным степным просторам развивалось животноводство и земледелие. Казаки и русские разводили крупный рогатый скот, мериносов, строевых лошадей.

Развивались пищевая и перерабатывающая отрасли – мукомольная, маслособойная, винокуренная, кожевенная, салотопенная, шерстобойная.

Невзирая на военно-политическую ситуацию в крае, люди продолжали взаимодействовать и торговать. Гребенские и терские казаки приобретали в Чечне арбы и колеса. Однако торговые отношения сковывали высокие пошлины, что вызывало недовольство горцев.

По свидетельству архивных источников, важной статьей дохода было табаководство. В «Ведомости...», составленной Кизлярской гражданской канцелярией в 1795 году, перечисляются: калмыцкий, саксонский, чеченский сорта табака.

В Кизляре действовала пограничная таможня и форпост для взимания пошлин с заграничных товаров. В первой половине XIX в. в Кизляре сосредоточилось 90 % региональной торговли. Некоторые чеченцы приходили в Кизляр и в казачьи станицы также заниматься отхожими промыслами. Они обрабатывали сады и виноградники, молотили хлеб и т.п.

Чеченцы покупали в Кизляре оружие, принадлежности к ним. В Дербент чеченские торговцы везли ткани разных сортов, хлопок и т.д.

⁸ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – начале XIX вв. Грозный, 1961. – С. 74.

⁹ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 годы). – Нальчик:Элб-Фа, 2004. – С.32.

Через Дербент шли транзитные товары в Астрахань и далее вглубь России: ткани разных сортов, хлопок, ремесленные изделия местного производства и т.д.

Все большую роль в торговле Чечни играла Россия. Это не только из-за усиления России на Северном Кавказе, но из-за характера товарооборота. Русские города региона нуждались в местных сельскохозяйственных товарах, а народы Чечни – в российских промышленных товарах. Торговля с Россией носила прогрессивный характер для чеченского народа, поскольку стимулировала местное производство.¹⁰

Расширялись меновые операции, рыночные отношения, преодолевались различные барьеры и преграды. Дабы обойти грабительские таможенные пошлины, местному населению пришлось прибегать к разным способам обхода. Местные проводники стали водить торговые караваны в обход таможни. Были случаи обращения местного населения с просьбами на свободу торговли за пределами своей территории.

Кавказская политика России была достаточно гибкая, чтобы прочно обосноваться на Кавказе. В этот период Россия пользовалась не только силовыми методами, а российские государственники считали залогом сотрудничества – уважительное отношение к местному населению.

Русские крепости с течением времени становились полиэтничными. В них стала развиваться городская жизнь, каждый этнос занимал свой экономический ареал: торговали, занимались промыслами.

Длительное время города-крепости Моздок, Кизляр, Дербент и др. определяли геостратегическую ситуацию в регионе.¹¹ Историческое развитие превращало их в крупные торгово-экономические центры транзитной торговли и культурного развития, где постоянно торговали и чеченцы.¹²

Населению этих городов было свойственно этническое, конфессиональное, религиозное многообразие, что помогало народам поддерживать взаимовыгодные торгово – экономические связи.

Местные народы, как уже отмечалось, продавали овец, крупный рогатый скот, лошадей, фрукты, ремесленные изделия также на осенних ярмарках в притеречных казачьих станицах. В среду местного населения постепенно вошли в обращение русские деньги.

Необходимо подчеркнуть, что в начале XIX века, а особенно после победоносного окончания войн с наполеоновской Францией, шахским Ираном и султанской Турцией, царское самодержавие резко усилило колониальную политику на Северо-Восточном Кавказе. Царское правительство стремилось как можно прочнее утвердиться на Северном Кавказе, отделявшем Российскую империю от ее закавказских провинций (восточная Грузия еще в 1801 году была окончательно присоединена к России). Активизация действий царских войск на Кавказе выразилась, в частности, в расширении системы передовых военных укреплений в важнейших в стратегическом отношении районах. Продвижение царской армии в глубь Кавказа, сопровождалось заменой существовавшей формы местного управления военно-административным режимом. Все это естественным образом сказывалось очень отрицательно на торговле и торговых отношениях чеченцев с соседними народами, в том числе и с казачеством.

Многолетняя Кавказская война явилась одной из самых трагических страниц в истории чеченского народа в первой половине XIX века, которая не только разрывала многовековые межэтнические, в том числе и торгово-экономические связи чеченцев с народами Кавказа, но и нанесла огромный урон демографии народа.

«Историю российско-северокавказских отношений необходимо изучать и в дальнейшем. Изучать спокойно и, главное, объективно, не впадая в крайности. Это нужно во имя уважения к про-

¹⁰ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – С. 168 – 170.

¹¹ Магомаев В.Х., Магомаева Ф.В. Российская политика на Северном Кавказе в конце XVII – в первой половине XIX в. – М.: Парнас, 2018. – С.315-316.

¹² Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С.28.

шлomu российских народов, во имя укрепления многонационального Российского государства, во имя политической стабильности в нашем общем доме, где все народы должны быть равноправны и равно уважаемы».¹³

Резюме

В современный период первейшей задачей в кавказоведении, является исследование актуальных проблем истории народов Северного Кавказа, особенно периода девятнадцатого столетия, когда активизируется борьба Российской империи за этот регион. Весьма актуальным также остается изучение процессов развития торгово-экономических связей чеченцев с соседними народами, несмотря на то, что именно чеченцы и Чечня оказались в первой половине XIX века в гуще военных событий в период многолетней Кавказской войны, проблема, которая остается до сих пор дискуссионной. Необходимо объективное, корректное освещение проблемы межэтнического взаимодействия в регионе, раскрытия торгово-экономического аспекта – важнейшего фактора в политике российских властей в начале XIX века на Северном Кавказе.

Summary

In the modern period, the primary task in Caucasian studies is to study the actual problems of the history of the peoples of the North Caucasus, especially the period of the nineteenth century, when the struggle of the Russian Empire for this region intensified. The study of the development of trade and economic relations between Chechens and neighboring peoples also remains very relevant, despite the fact that it was the Chechens and Chechnya who found themselves in the thick of military events during the long-term Caucasian War in the first half of the XIX century, a problem that remains debatable to this day. It is necessary to provide objective, correct coverage of the problem of interethnic interaction in the region, the disclosure of the trade and economic aspect – the most important factor in the policy of the Russian authorities in the early 19th century in the North Caucasus.

Литература

1. Ахвердов А. И. Описание Дагестана 1804 г. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М. Издательство восточной литературы. 1958. <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820..>
2. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. – Элиста: АПП «Джангар», 2002.
3. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1982.
4. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII– XIX вв. Ростов н/Д. 2000.
5. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик: Эль-Фа, 2003.
6. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик. 2004.
7. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). – Грозный: АО «Издательско – полиграфический комплекс» «Грозненский рабочий», 2016.
8. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах татарского племени. СПб., 1796. Ч. 2.
9. Гербер Г.И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря живущих. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958.
10. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – начале XIX вв. Грозный, 1961.

¹³ Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). – Грозный: АО «Издательско – полиграфический комплекс» «Грозненский рабочий», 2016. – С.560.

11. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.-М.: Наука, 1988.
12. История Чечни с древнейших времен до наши дней. В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный:ГУП «Книжное издательство», 2006.
13. Кавказский сборник Т. 13 Тифлис, 1889.
14. Магомаев В.Х., Магомаева Ф.В. Российская политика на Северном Кавказе в конце XVII – в первой половине XIX в. – М.: Парнас, 2018.
15. Норденстам И.И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера, составленное капитаном Генерального штаба И.И. Норденстамом. Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801-1839 гг. Махачкала, 1940.

Байрамкулова А.А.
г. Черкесск

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ПОПЫТКИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Ключевые слова: самоопределение народов, военная теократия, абадзехи, убыхи, мюридизм, меджлис.

Кавказская война 1817-1864 гг. не имеет аналогов в мировой истории по своему характеру и движущей силе, а также по продолжительности и итогам. Это была одна из самых болезненных и противоречивых войн в истории Российской империи. Она оставила глубокий след в исторической судьбе всех народов Кавказа. Стала неиссякаемым источником антиколониальной борьбы за свободное и независимое существование.

Настоящая статья посвящена изучению вопроса попыток национально-государственного самоопределения народов Карачаево-Черкесии, в период Кавказской войны.

Именно во время Кавказской войны среди горцев начали формироваться и развиваться политические идеи и осознаваться необходимость организации национальной государственности. Особенно это проявилось во время второго этапа Кавказской войны – освободительной борьбы горцев Восточного Кавказа под предводительством Шамиля, третьего имама Дагестана. Религиозная доктрина Шамиля стала идеологической основой военной теократии – имамата. На этом этапе борьбы за независимость доктрина Шамиля выступила фактором интеграции и мобилизации всех социальных слоев населения Чечни, Дагестана и части северо-западных адыгов на борьбу с колонизаторами. Из избранного народом лидера он постепенно превратился в шариатского монарха, в руках которого сосредоточилась светская и духовная власть.

Начиная с 40-х гг. XIX в. Шамиль стремился расширить пределы имамата за счет включения в его состав горских народов всего Северного Кавказа. С этой идеей был связан его поход в Кабарду в апреле 1846 г. Хотя Шамиль не получил широкой поддержки в Кабарде по причине необходимости сохранения физического существования народа, потерявшего 90% населения в ходе первого этапа Кавказской войны, тем не менее, появление отряда Шамиля в пределах Кабарды оказало большое влияние на развитие антифеодальной, антиколониаторской борьбы.¹

С конца 50-х гг. XIX в. национально-освободительные движения в Дагестане и Чечне вступили в завершающую фазу, что привело к краху системы имамата и установлению российского правления на Северо-Восточном Кавказе. В то же время на Северо-Западном Кавказе происходила ожесточенная борьба горцев, сопровождавшаяся поиском путей организации системы национально-политического управления у западных адыгов.

Первые самостоятельные попытки национального самоопределения народов Карачаево-Черкесии относятся к 1822 г., когда на всеадыгском народном собрании было принято решение создать единое черкесское государственное образование с введением шариатского судопроизводства.² Эта попытка не имела продолжения. Однако уже в начале 30-х гг. адыги предпринимали еще один шаг на пути государственного строительства, создав «Великое свободное собрание»

¹ Кармов А.Х. Кавказская война и формирование идеи горской государственности // Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. С. 276.

² Земля адыгов. Земля адыгов / Под ред. А.Х. Шауджена. – Майкоп, 1996. С. 465.

и учредив государственный символ – национальный флаг с тремя скрещенными стрелами и 12 звездами по количеству основных народов и округов объединенной Черкесии.

Между тем на Северо-Западном Кавказе шла ожесточенная борьба горцев, которая сопровождалась поиском путей организации государственно-политической системы управления у западных адыгов. В этом отношении знаменательным историческим рубежом в общественно-политическом развитии шапсугов, натухайцев, абадзехов, убыхов явилось Адагумское собрание, продолжавшееся с некоторыми перерывами целый год и сыгравшее выдающуюся роль в выработке у них единой системы управления. По времени это совпало с деятельностью Мухаммад-Амина, который проявил себя как выдающийся реформатор. В течение 1848-1850 гг. он смог радикальным образом изменить политическое устройство адыгского общества и создать на базе ряда черкесских племен независимое исламское государственное объединение.

Плацдармом для реализации своих планов Амин избрал территорию абадзехов, лежащую в границах течения р. Лабы, среднего и нижнего течения р. Кубани и берега Черного моря от устья р. Кубани до границ Абхазии. Именно здесь энергия и настойчивость наиба оказались востребованы более всего. В донесениях царских лазутчиков по этому поводу не без тревоги сообщалось: «Магомет Амин достиг невероятной популярности у абадзехов. Каждое его повеление исполняется свято, а ослушников или действующих против него он карает самовластно...».³

Закрепившись в Абадзехии, Амин направил свою активность и на другие соседние с абадзехами районы Северо-Западного Кавказа. Весной 1849 г. он подчинил своей власти (в основном силой оружия) махошевцев, на – тухайцев (натухажцев) и большую часть темиргойцев. В следующем году к нему добровольно присоединились бжедуги. Летом 1850 г., преодолев сопротивление части шапсугов, Мухаммад-Амин присоединил к черкесскому государству и шапсугские территории. Осенью 1850 г. ему удалось распространить свое влияние на земли приморских черкесов и убыхов. Таким образом, к концу 50-х гг. XIX в. практически все западные адыги оказались интегрированы в структуру вполне функционального государственного образования.

Как подтверждают документальные источники на территориях, находившихся под контролем Мухаммад-Амина, действовала довольно стройная система государственного управления. Основой для формирования этой системы было положено решение Адагумского собрания представителей шапсугского, натухайского, абадзехского и убыхского народов (1848-1849 гг.) об их объединении и переходе на унифицированную схему административно-территориального деления. По решению собрания территория нового межнационального объединения должна была быть разделена на участки по 100 дворов каждый.

Административную структуру этой своеобразной конфедерации лучше всего описал Т. Лапинский: «Административное деление, если можно употребить это выражение, – это каждая сотня дворов (юнэ-из), которая, так сказать, представляет деревню, простирающуюся на одну и более квадратных миль. Такие юнэ-из образуют до известной степени маленькую независимую республику, которая управляется старшинами и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из из крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выбранных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов (юнэ-ипс) и десять представителей образуют с имамом совет и суд своего юнэ-из»⁴.

Взяв за основу данную форму административного устройства, Мухаммад-Амин привнес в нее специфические черты управления, присущие мюридистскому обществу. В частности, юнэ-из были объединены им в округа (четыре округа были созданы в землях абадзехов, два – натухайцев, один у – шапсугов); в каждом округе создавалось центральное управление – «мяг – кеме». Мяг-кеме представляло собой военное укрепление: горский аул, окруженный рвами и плетнями, за

³ Земля адыгов. Земля адыгов/Под ред. А.Х. Шауджена. – Майкоп, 1996. С. 470.

⁴ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. – Нальчик, 1995. С. 65.

которыми устанавливались пушки. По замыслам Мухаммад-Амина, мягкеме должны были стать некой интегрирующей силой, призванной объединить адыгские народы и обратить их к мюридизму. Как показало время, данным планам не суждено было сбыться. Государство Мухаммад-Амина создавалось по чуждым для западных черкесов канонам.

Особенности общественно-политического устройства «демократической» группы адыгов (шапсугов, абадзехов, натухайцев, убыхов и др.), конечно, были учтены при создании этого государства, однако, в новой системе управления данные элементы заняли довольно скромное место.

Использование Амином привычных для западных черкесов форм управления видно, в частности, из того, что «совет мягкеме состоял из двух старшин, избираемых от каждого из восьми племен, в общем из шестнадцати тамад, которые заседали в суде, взыскивали подати, наблюдали за защитой страны»⁵. «Тамады» в свою очередь избирали двух кадиев. Но начальника мягкеме (муфтия), фактически сосредоточившего в своих руках всю полноту административной и судебной власти, назначал сам Мухаммад-Амин, что было чуждо демократическим ориентациям шапсугов, натухайцев и абадзехов и превращало данный институт в механическое соединение чужеродных элементов. Усугубляла ситуацию и новая система отправления правосудия. Суд на территориях, контролируемых Мухаммад-Амином, вершился исключительно по шариату в его самых ортодоксальных формах. Забвение обычаев предков (адатов) не добавило Мухаммад-Амину популярности в адыгском обществе и лишило его поддержки значительной части населения Западной Черкесии.

Когда вопрос о независимости Черкесии встал особенно остро, можно было подумать, что они пожертвуют всем ради укрепления политического единства страны, примут все нововведения Мухаммада-Амина и установят теократию, подобную имамата Шамиля. Однако этого не произошло. Реформы Мухаммада-Амина провалились. В итоге, после капитуляции Амина царским войскам в 1859 г. созданное им государственное образование полностью утратило свои организационные формы и перестало существовать как факт. Симбиоз местных территориальных и родственных связей с привнесенным элементом – мехкеме не обеспечил нормального функционирования государственного аппарата управления и свидетельствовал о незавершенности процесса становления новой государственно-политической системы в Западной Черкессии.⁶

В то же время преобразования Мухаммад-Амина, хотя они не принесли желаемых результатов, убеждали западных адыгов в том, что только объединение и государственное устройство позволят оградить их независимость и самобытную культуру от притязаний российской колониальной экспансии. Последняя попытка создания на территории Северо-Западного Кавказа подобия государственного объединения была предпринята во второй половине XIX в. В июне 1861 г. в долине реки Сочи ими был проведен съезд, избравший «Великий Меджлис вольности черкесской», т.е. по сути создано государственное образование с присущей ему административной системой. На съезде территории западных адыгов была разделена на 12 округов и назначены уполномоченные в различных областях администрирования, в которые были определены два законника – муфти и кади, обязанные исполнять решения Меджлиса и действовать заодно с Великим заседанием. Вводилась военная повинность (по пять вооруженных всадников от 100 дворов и налоговая система, прежде всего в целях создания фонда обороны).⁷ В итоге была создана постоянно действующая государственная власть – Чрезвычайный союз горцев, наделенный верховной государственной властью и Меджлис, как высший исполнительный и распределительный орган.

Первоначально члены Меджлиса пытались решить конфликт между Россией и Западной Черкесией мирным путем. Однако после отказа Александра II не применять в отношении прибрежных адыгов санкции по переселению их с гор на Кубанскую равнину или в Турцию, Меджлис

⁵ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. С. 227.

⁶ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик, 1999. С.29 – 30.

⁷ Исторический очерк о горских народах в период мировой войны. – Константинополь, 1918 г. С.8.

обнародовал призыв к «священной войне» с неверными, чем дал России формальный повод для возобновления и усиления военных действий на территории Закуба – нья.

Однако после пленения Шамиля Северо-Восточный Кавказ уже не представлял для России серьезной военной угрозы и поэтому на западном направлении – последнем очаге сопротивления горцев царское правительство смогло сосредоточить свои основные силы. Исход этой борьбы был предрешен. Россия активно стремилась включить Северо-Западный Кавказ в рамки своей государственно-правовой системы, в связи с чем, было принято высочайшее решение завершить кавказскую кампанию к 1864 г.

Следуя принципу: «где остановилась нога русского солдата, там земля делалась русской», царские войска двинулись дальше по берегу моря на юг, уничтожая на своем пути все непокорные аулы. Однако, дойдя до границы земли убыхов, он натолкнулся на ожесточенное сопротивление горцев. По словам Р. Трахо, «Убыхия стала последней цитаделью черкесской свободы».⁸ Убыхи и некоторые соседние с ними племена делали последние усилия, чтобы продлить агонию, но русские войска неумолимо сжимали кольцо окружения: с юга Гагр был высажен десант в самом центре убыхской земли, а с севера через горы и по побережью двигались три колонны российских войск. Последнее сопротивление горцев было сломлено, война подошла к завершению. Непокоренными оставались лишь маленькие прибрежные племена: псху, ахципсоу, айбог (абхазские племена) и джигитов (южные абазины). Но в течение мая 1864 г. и они принесли присягу на верность России. Таким образом, была поставлена точка в истории военного покорения Северного Кавказа мощи Российской империи.

Результаты этой войны ошеломляющие. Черкесы со времени Правления Екатерины II потеряли в ней более полутора миллиона человек,⁹ огромное их количество было изгнано за пределы родины. Выселение черкесских племен как военная и политическая мера началось в 1862 г., когда 10 мая состоялось утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев. Первыми были выселены натухайцы, затем список вынужденных эмигрантов дополнили шапсуги, абадзехи и многие др. Известный историк Кавказской войны А.П. Берже так описывает эти события: «русские войска сжигали поселения, а жителей теснили к морскому берегу, где их силой сажали на баржи для отправки в Турцию. Многие баржи тонули в открытом море вместе с выселяемыми. В 1864 г. Северо-Западный Кавказ фактически лишился почти всего своего коренного населения. Примерно около 120-150 тыс. черкесов были выселены на указанные русским правительством места, а около 1500000 «добровольно» переселились в Турцию. Примерно 50 % выселенных погибли в пути, от голода, холода, и в результате кораблекрушений».¹⁰

Таким образом, усилившаяся агрессия не позволила воплотиться и этому проекту образования независимого государства на территории Северо-Западного Кавказа. Однако сами подобные попытки являются ярким свидетельством того, что народы Карачаево-Черкесии в середине XIX в. стояли на пороге создания собственной государственной системы.

В связи с этим начался новый этап формирования государственно – административной системы управления в регионе – поиск форм государственно-правовых отношений народов Карачаево-Черкесии в составе единого централизованного государства – Российской империи. В исторических условиях, возникших к середине XIX в., кавказские народы не располагали достаточными силами, чтобы отстоять свою национальную независимость. Тем не менее, вхождение в состав России создавало у кавказских народов благоприятные условия для социально-экономического, политического и культурного развития, ускоряло ликвидацию патриархально-родовых отношений и развитие капитализма. Кавказ, стоявший «...в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории...», включаясь в жизнь России, оказался вовлеченным в капиталистические отношения со всеми присущими им противоречиями.

⁸ Трахо Р.Х. Черкесы. – Мюнхен, 1956. С. 58.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик. 2001. С. 22.

Summary

This article is devoted to the study of the issue of attempts at national and state self-determination of the peoples of Karachay-Cherkessia during the Caucasian War. An important place is occupied by the theme of the statehood of the Highlanders, internal and external factors of its origin, ideological and administrative-political institutions of existence and the causes of its fall. It was during the Caucasian War that political thought began to form and develop in the mountain environment, and the need to organize national statehood began to be realized.

Литература

1. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик, 1999.
2. Земля адыгов/ Под ред. А.Х. Шауджена. – Майкоп, 1996.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.
4. Исторический очерк о горских народах в период мировой войны. – Константинополь, 1918 г.
5. Кармов А.Х. Кавказская война и формирование идеи горской государственности // Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006.
6. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. – Нальчик. 1995.
7. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик. 2001.
8. Трахо Р.Х. Черкесы. – Мюнхен, 1956.

Бегеулов Р.М.
г. Карачаевск

ЛОКАЛЬНЫЙ АБХАЗСКИЙ СОЦИУМ ТЕБЕРДИНСКОГО УЩЕЛЬЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В КАРАЧАЕ В 1853-1856 ГГ.

Ключевые слова: карачай, Шабат Маршания, абазины, абхазы, наибы, Кадырбей Маршания, Тебердинская долина.

Карачай и Абхазия, будучи соседними регионами, на протяжении веков довольно тесно взаимодействовали друг с другом в хозяйственной, культурной, военно-политической сферах. Происходили и взаимные миграции населения, в том числе в годы Кавказской войны. Как правило, большинство мигрантов, переселявшихся в одиночку или отдельными семьями, довольно быстро ассимилировались в новой этнической среде. Но были случаи, когда Главный Кавказский хребет переходили довольно значительные группы населения, расселявшиеся компактно и создававшие собственные поселения.

Сложная военно-политическая обстановка в Абхазии в 1830-е гг., связанная с активизацией российской политики по непосредственной интеграции региона в состав России и подавлением очагов сопротивления этому процессу, заметно активизировала миграционные потоки в крае. При этом часть переселенцев стала переходить на северные склоны Главного Кавказского хребта, расселяясь в аулах иноэтнических обществ или создавая собственные локальные социумы.

По имеющимся у нас сведениям, довольно масштабная попытка переселения из сопредельного Карачаю абхазского округа Цебельда произошла в 1837 г. В это время один из местных князей Шабат Маршания был арестован российскими властями. Часть его подданных в количестве 80 семей прислала делегацию к карачаевскому князю Крымшамхалову (из атаула (фамильного подразделения) Сосрановых). Представители цебельдинских семей изъявили желание переселиться под его покровительство. Крымшамхалов такое решение поддержал, надеясь с помощью новых подданных «подкрепить свои силы в народе»¹.

Нам неизвестно, состоялось ли в итоге это довольно масштабное переселение зависимых от Шабата Маршания крестьян в Карачай или нет. По крайней мере, положительный ответ карачаевского князя на просьбу цебельдинской делегации вызвал большое неудовольствие пристава и российского командования на Кавказской линии². Таким образом, если переселение и произошло, то вряд ли в масштабе всех 80 семей.

Тем не менее, в 1838 г. из Цебельды в Тебердинское ущелье переселилась другая группа абхазов. Во главе переселенцев стоял Кадырбей Маршания. Вместе с ним мигрировали и его братья – Асланбек и Мисост «со всеми крепостными людьми своими и стадами»³. Они поселились на небольшой речке Агур – левом притоке Теберды. Поселок, образованный ими, был первоначально небольшим – всего около 15 домов⁴.

Однако в 1841 г. он пополнился за счет новой волны беженцев из Цебельды. После военной экспедиции российских войск в этом горном крае на Северный Кавказ переселилось еще несколько князей Маршания (Шабат, Батал-бей, Есшау, Беслангур) вместе с частью зависимых от

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168. Л. 44об.

² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168. Л. 44об.

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 3.

⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 3об.

них людей. Часть из них осела на левобережье Теберды, другая обосновалась на реке Кяфаре в бассейне Большого Зеленчука⁵. Переселенцы были полны «негодования на цебельдинских Маршаниевых, остающихся покорными правительству» и решились «мстить им за это равнодушие»⁶. Таким образом, «беглые» князья пытались организовать набеги на Цебельду, о чем стало известно российскому командованию. Оно первоначально планировало истребить «жилища беглецов», но выделить достаточное количество войск для операции сразу не удалось, а, позднее, ситуация несколько стабилизировалась⁷. Это позволило поселению, получившему в официальных русских документах название «аул Кадырбея Маршания», закрепиться на р. Агур.

По сведениям российских военных на конец 1841 г. в данном селении имелось 20 саклей узденей, в которых проживало около 80 людей обоого пола, и 40 саклей крестьян, «мужского пола около 100 и женского до 80»⁸. То есть, всего около 260 человек.

Жители абхазского поселения на Теберде довольно быстро наладили тесные связи с местными горцами – абазинами, карачаевцами, черкесами. Особенно интенсивными они были с карачаевцами, как в силу близкого соседства, так и родственных связей. Карачаевский князь Идрис Карабашев, проживавший в соседнем Дуутском ущелье, заключил брак с дочерью Кадырбея Маршания⁹. По-видимому, часть карачаевцев проживала в самом ауле Кадырбея Маршания или рядом с ним. На это косвенно указывают данные, согласно которым Идрис и Басият Карабашевы занимались хлебопашеством возле данного населенного пункта¹⁰. Понятно, что сами князья физическим трудом не занимались и непосредственно в пахоте не участвовали. В данном случае имеется в виду, что они руководили полевыми работами своих крестьян, которые, скорее всего, здесь же и проживали.

На дальнейшую судьбу цебельдинского аула в Тебердинском ущелье повлияли военно-политические события 1850-х гг. Продолжавшаяся Кавказская война нередко приводила к осложнению ситуации в регионе Верхней Кубани. Еще в 1840-е гг. Кадырбей Маршания и Идрис Карабашев имели контакты с наибами имама Шамиля, обосновавшимися в Закубанье. Антироссийский настрой обеих сторон был очевиден, но общая ситуация заставляла их проявлять осторожность.

Следует отметить, что в 1840-1850-е гг. силы Шамиля и его наибов в Закубанье уделяли большое внимание Карачаю. Как известно, в их планы входило объединение сил всех антироссийски настроенных горцев и создание на Северном Кавказе исламского государства. В этой связи Карачаю, равно как и Кабарде, и Балкарии, уделялось особое внимание. Только путем вовлечения горцев этих регионов в вооруженную борьбу против России можно было добиться желаемого результата. Это во многом предопределило активность наибов Шамиля в Закубанье на карачаевском направлении. К тому же они нередко получали прямые указания от имама, содержавшие призыв о немедленном начале наступления в направлении верховий Кубани¹¹. Но этот настрой вождей горского сопротивления напрямую затрагивал и жителей аула Кадырбея Маршания. Дело в том, что он расположился на самой удобной высокогорной дороге из Закубанья в верховья Кубани. Поэтому практически все военные операции противников и сторонников России, собственно отрядов русской армии в западной части Карачая не могли в той или иной степени не затрагивать абхазское население Теберды. Это во многом предопределило то, что аул Кадырбея Маршания постоянно оказывался в центре событий в случае обострения военной обстановки в регионе Верхней Кубани.

В июле 1853 г. Мухаммад-Амин – третий наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе – совершил поход в направлении Карачая, пытаясь поднять его население на антироссийское восста-

⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 460. Л. 9об.

⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 3об.

⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 4.

⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 7.

⁹ Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М., 2006. С. 269.

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6642. Л. 32об.

¹¹ См., например: Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1642. Л. 13.

ние. Его основной отряд 21 июля (здесь и далее даты даны по старому стилю) вышел к Кубани напротив Хумаринского укрепления. В то же время разведывательный отряд наиба двинулся в Тебердинское ущелье, где должен был дойти до аула Кадырбея Маршания и разведать места расположения российских войск¹². Однако последние были вовремя предупреждены о замыслах Мухаммад-Амина и заняли наиболее выгодные позиции, перекрыли все дороги и т.д. В итоге данный поход наиба закончился неудачно.

Но в дальнейшем обстановка в регионе стала обостряться после начала Крымской войны в октябре 1853 г. Как известно, вскоре русские войска покидают Абхазию, а в Сухум прибывают османские эмиссары, в частности известный лидер черкесов Сефер-бей Зан. В мае 1854 г. Кадырбей Маршания был допрошен приставом Карачая Х. Тургиевым по поводу его связей с проосманскими лидерами горцев. Князь сообщил, что ему были доставлены бумаги «от турецкого султана и Сафар-Бея Заноко, адресованные на имя всего карачаевского народа», но в то же время ни он, ни находившиеся вместе с ним в тот момент Идрис и Басият Карабашевы, якобы не приняли османских воззваний¹³. В июне 1854 г. состоялась личная встреча Кадырбея Маршания и Исмаила Семенова, представившихся в качестве делегатов от всего карачаевского общества. Сефер-бей призывал карачаевцев поднять восстание в ближайшее время. В противном случае он угрожал репрессиями со стороны турецких войск после выдвижения их через перевалы на северные склоны Кавказского хребта¹⁴. В свою очередь Кадырбей Маршания и Исмаил Семенов говорили о невозможности открытого мятежа в ближайшее время, так как в Тебердинском и Кубанском ущельях находятся российские войска, а скот и даже дети их (аманаты) «находятся в руках русских»¹⁵.

В то же время неудачи России в ходе Крымской войны подталкивали горцев к активизации сопротивления. Ряд карачаевских религиозно-политических деятелей (кади Магомет Хубиев, Идрис Карабашев и др.) и, по-видимому, сам Кадырбей Маршания, начинают вести тайную переписку с Мухаммад-Амином, планируя поднять восстание и рассчитывая в этом случае на военную помощь со стороны наиба¹⁶. Последний в августе 1855 г. решил повторить свое наступление в направлении Карачая. В этот раз действия горцев были более удачными. 15 августа 1855 г. Мухаммад-Амин во главе отряда немирных горцев вошел в аул Кадырбея Маршания. Жители селения и сам князь присягнули на верность наибу. На следующий день с Мухаммад-Амином в ауле Кадырбея встретились представители карачаевского общества во главе с кадием Магометом Хубиевым. Они также принимают решение о присоединении к силам наиба.

Так в Карачае начинается августовское восстание против российской власти, основной движущей силой которого становится радикально происламски настроенный контингент населения. Активное участие в нем приняло и абхазское население Тебердинского ущелья. В начале горским отрядам под общим руководством Мухаммад-Амина сопутствовал успех. Но 25 августа 1855 г. в ходе большого сражения в местности Уллу-Хасаука горцы потерпели поражение. Мухаммад-Амин через Дуутское и Тебердинское ущелье смог покинуть Карачай и вернулся в свою основную ставку к абадзехам на р. Белую. Поражение августовского восстания предопределило возобновление карачаевцами присяги на верность государю императору.

Зачинщики восстания (в том числе Кадырбей Маршания) перебрались в Абхазию. За ними, опасаясь репрессий со стороны российского командования, последовала часть карачаевцев и население абхазского аула на Теберде. После этого все постройки в ауле Кадырбея Маршания в октябре 1855 г. русским отрядом были сожжены или срыты¹⁷, а жителям запрещено возвращаться. В последующем, в преддверии занятия Абхазии российскими войсками большая их часть эмигрировала в Османскую империю.

¹² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6638. Л. 35об.

¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6642. Л. 32об

¹⁴ ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 863. Л. 121.

¹⁵ Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. С. 148.

¹⁶ ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1632. Л. 104.

¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6649. Л. 89.

Кроме того, в ходе произошедших событий от горского населения «зачищалась» вся Тебердинская долина, по которой было решено «проложить со временем... прямое сообщение Кавказской линии через Тебердинское ущелье и Клухорский перевал в Сухум-Кале»¹⁸. Позднее, этот транспортный путь станет известен как Военно-Сухумская дорога. Запрет на проживание в Тебердинском ущелье для карачаевцев и других горцев действовал в течение последующих 13 лет. Он был снят только в 1868 г.

Таким образом, абхазский поселок в Тебердинской долине просуществовал с 1837 по 1855 г. Его жители, равно как и стоявший во главе поселения князь Кадырбей Маршания, смогли бесконфликтно обосноваться на новом месте, установив тесные хозяйственные, политические и родственные связи с карачаевцами. Однако военно-политические события Кавказской войны привели, в итоге, к ликвидации этого сформировавшегося в верховьях Теберды локального абхазского социума.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы становления и существования небольшого абхазского аула в ущелье реки Теберды на северных склонах Главного Кавказского хребта. Отмечается, что он был образован в 1837 г. переселенцами из абхазского округа Цебельда, несогласными с распространением российской власти в регионе. В официальных российских документах поселение именовалось по имени владетельного князя – «аул Кадырбея Маршания». Автор отмечает, что абхазские переселенцы установили тесные хозяйственные, культурные, политические связи с соседним карачаевским народом. Они были подкреплены браком между княжескими родами двух народов. Однако военно-политические события Кавказской войны в 1850-е гг. и поддержка абхазским населением Теберды антироссийского восстания в Карачае привели к уничтожению аула Кадырбея Маршания в 1855 г.

Summary

The article deals with the formation and existence of a small Abkhazian village in the gorge of the Teberdy River on the northern slopes of the Main Caucasian Ridge. It is noted that it was formed in 1837 by immigrants from the Abkhazian district of Tsebelda, who disagreed with the spread of Russian power in the region. In official Russian documents, the settlement was named after the sovereign prince – “Kadyrbey Marshania village”. The author notes that the Abkhazian settlers have established close economic, cultural, and political ties with the neighboring Karachay people. They were reinforced by the marriage between the princely families of the two peoples. However, the military and political events of the Caucasian War in the 1850s and the support of the Abkhazian population of Teberda for the anti-Russian uprising in Karachay led to the destruction of Kadyrbey Marshania village in 1855.

Литература

1. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск: КЧИКПМЗ, 2002. 178 с.
2. Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М., 2006. 360 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6638, 6642, 6649.
4. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411, 460.
5. РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 59.
6. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168.
7. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 863, 1632, 1642.

¹⁸ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 59. Л. 2а об.

Булатов А.А.
г. Симферополь

КАВКАЗСКАЯ (1817 – 1864 г.г.) И КРЫМСКАЯ (1853 – 1856 г.г.) ВОЙНЫ XIX СТОЛЕТИЯ. МАССОВЫЕ ИСХОДЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: Крымская война, Кавказская война, коалиция, Севастополь, крымские татары, эмиграция (мухаджир), эмиграция горцев.

Key words: Crimean war, Caucasian war, coalition, Sevastopol, Crimean Tatars, emigration (muhajir), emigration of highlanders.

В 1864 году, 160 лет тому назад, завершился самый длительный в истории России военный конфликт, названный Кавказской войной. Когда анализируешь итоги этого трагического события, невольно возникают исторические параллели с другим военным конфликтом, называемым Крымской войной. Оба военных события вписали незабываемые как героические, так и трагические страницы в историю народов Кавказа и Крыма.

Крымская война. Крымская война продолжалась с 1853 по 1856 годы между Россией и странами объединённой коалиции, в состав которой входили: Османская империя, Англия, Франция и Сардиния. В самой России до начала XX века использовались названия «Восточная война» и «Турецкая война», пока не было принято общеупотребительное (во всем мире) обозначение «Крымская война», хотя боевые действия происходили одновременно на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, в низовьях Амура, на Камчатке и Курилах. Но основные события, решившие судьбу Крымской войны, происходили на территории Крыма, а точнее в основном, в городе Севастополе.

Причины Крымской войны и соотношение сил. Каждая из сторон имела собственные расчеты в Крымской войне. Россия, опираясь на свою военную мощь, усилив свои позиции на Ближнем Востоке и Балканах, стремилась решить вопрос о пересмотре правового режима прохода российским флотом средиземноморских проливов Босфор и Дарданеллы. Согласно зафиксированной в 1840-1841 гг. Лондонской конвенции, проливы были закрыты для всех военных флотов, но особенно тяжело это отразилось на русском флоте, оказавшегося запертым в Черном море.

Османская империя, в свою очередь, стремилась вернуть территории, потерянные в результате русско-турецких войн конца XVIII – первой половины XIX века, а Англия и Франция надеялись сокрушить Россию как великую державу, лишив ее влияния на Ближнем Востоке и Балканском полуострове.

Начало принявшим общеевропейские масштабы конфликту было положено в 1850 году на Ближнем Востоке, в результате разгоревшихся споров между православным и католическим духовенством Палестины о том, кто будет владеть Святыми местами в Иерусалиме и Вифлееме. Православную церковь поддерживала Россия, а католическую – Франция. Спор между священнослужителями перерос в противостояние этих двух европейских государств. Османская империя, в состав которой входила Палестина, встала на сторону Франции. Это вызвало резкое недовольство России и лично императора Николая I.¹ Но главной провокацией, приведшей к началу

¹ Причины Крымской войны. <https://crimeanwar.ru/istoriya-krymskoj-vojny-1853-1856-g/g/krymskaya-vojna-kratko-prichiny-hod-itogi/prichiny-krymskoj-vojny>

войны, стала передача ключей от Вифлеемского храма Рождества Христова в руки католического духовенства. Этот акт был воспринят в России как оскорбление русского императора и всего православного народа страны. Об этом свидетельствует и Манифест Николая Первого. «Не завоеваний ищем Мы; в них Россия не нуждается, – писал в своем Манифесте к россиянам Николай Первый. – Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш и, с полной надеждой на Всемогушую Десницу, пойдем вперед – за веру Православную».²

Накануне Крымской войны русская армия в Крыму насчитывала всего 19 тысяч солдат. На Кавказе значительная часть российских войск была связана Кавказской войной, а для прикрытия границы с Турцией был сформирован 30-тысячный корпус. В западных областях, для прикрытия австрийской границы, был оставлен крупный контингент войск – 256 тысяч человек; ещё около 500 тысяч оставалось во внутренних районах России. Как выяснилось в ходе войны, армия была несовершенной, прежде всего, в техническом отношении. Её вооружение (гладкоствольные ружья) уступало нарезному оружию западноевропейских армий. Устарела и артиллерия. Флот России был по преимуществу парусным, тогда как в военно-морских силах Европы преобладали суда с паровыми двигателями. Отсутствовали налаженные коммуникации. Это не позволило обеспечить место военных действий достаточным количеством боеприпасов и продовольствия, людским пополнением. Русская армия могла успешно бороться с подобной по состоянию турецкой, но противостоять объединенным силам Европы не имела возможности. В ходе последовавших боевых действий союзники, используя техническое отставание русских войск и нерешительность русского командования, сосредоточили количественно и качественно превосходящие силы армии и флота на Чёрном море, что позволило им произвести успешную высадку в Крыму десантного корпуса, нанести находившимся там частям российской армии ряд поражений и осадить главную базу русского Черноморского флота – Севастополь. В течение весны и лета 1855 г. союзные войска (175 тыс. человек) провели 5 многосуточных артиллерийских обстрелов и предприняли несколько штурмов Севастополя. В результате последнего из них 27 августа (8 сентября) был захвачен ключевой объект обороны Севастополя – Малахов курган. Российское командование приняло решение покинуть город и перейти на северный берег Севастопольской бухты. Оставшиеся корабли были затоплены. Ослабленные союзные войска, заняв южную часть города, не смогли продолжать наступление³. На этом активные военные действия были приостановлены.

Состояние местного коренного населения Крыма. В ходе Крымской войны, у российской власти особую озабоченность и подозрительность вызывала позиция коренного мусульманского крымскотатарского населения. Подозрения возникали в связи с возможным переходом аборигенного населения на сторону неприятеля. Факты притеснений по национальным и религиозным признакам и многочисленные земельные махинации, приведшие к обезземеливанию и разорению крестьян и последующему принуждению их к батрачеству, были широко известны со времён включения Крыма в состав Российской империи.⁴ Поэтому, начиная с осени 1854 года, были начаты акции по переселению крымских татар с прибрежной полосы на расстояние не менее 25 миль вглубь полуострова, а также массовые переселения осуществлялись на север Крыма за Перекопские степи. Кроме того, немалое число крымских татар было выселено в Орловскую Курскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии. Невинных людей переселяли за пределы полуострова без возможности брать с собой домашнюю утварь и сельскохозяйственные орудия труда. Депортации сопровождалась жестокими репрессиями в отношении как простых

² ОГАЧО. (Объединенный государственный архив Челябинской области) Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3745. Л. 2.

³ Крымская война 1853–1856. Большая российская энциклопедия

⁴ В.Е. Возгрин. «История крымских татар»: Том I XI. Крым во второй турецкой войне и после нее/ Первый исход <https://www.krimoved-library.ru/books/istoricheskie-sudbi-krimskih-tatar45.html>

людей, не замеченных в какой-либо гражданской активности, так и в отношении авторитетных людей, особенно в отношении мусульманских служителей культа.

Итоги Крымской войны. К концу 1855 года боевые действия на фронтах Крымской войны практически прекратились. Потери армии России и объединённой коалиции за время войны были приблизительно сопоставимы и составили:

Россия – свыше 522 тыс. человек,

Турция – около 400 тыс. человек,

Франция – 95 тыс. человек,

Англия – 22 тыс. человек.⁵

После завершения боевых действий стороны начали готовить переговоры о мире. 13 (25) февраля в Париже открылся дипломатический конгресс. По его итогам 18 (30) марта 1856 года был подписан Парижский трактат между Россией с одной стороны и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией с другой. Россия возвращала Турции крепость Карс взамен южной части Севастополя, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств. Чёрное море и проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись нейтральными: открытыми для торгового мореплавания и закрытыми для военных судов, как прибрежных, так и всех прочих держав. 1 марта 1871 года в Лондоне была подписана конвенция об отмене режима демилитаризации Чёрного моря, предусмотренного статьями Парижского трактата.⁶

Эмиграционные процессы (мухаджирство) из Крыма. В современном контексте этот термин применяется к различным массовым переселениям мусульман с территорий, контролируемых немусульманским большинством или правительством. Предыстория мухаджирства в Крыму связана с присоединением Крыма к Российской империи в 1783 году, а на Кавказе уходит корнями в эпоху массовых внутренних миграций времен Кавказской войны (1817-1864). Как в Крыму, так и на Кавказе, в истории мухаджирства выделяют до шести этапов.

Таблица периодизации эмиграционных процессов населения (мухаджирства) из Крыма

Волны эмиграции (мухаджирства)	Период
1.	1784-1800 гг.
2.	1800-1812 гг.
3.	1854-1862 гг.
4.	1873-1877 гг.
5.	1892-1894 гг.
6.	1901-1904 гг.

После окончания Крымской войны, с 1860 года эмиграционные движения в Крыму разгорелись, подобно степному пожару, и переселения приняли неуправляемый лавинообразный характер. Пик переселения пришёлся на 1863 год, когда совершенно опустели 784 аула и татарские деревни. И на этот раз родину покинули в большинстве своём степняки, скотоводы, дочиста разорённые Крымской войной. «Бросив на произвол судьбы свои постройки и сельские принадлежности, расставшись навеки с прахом своих предков, эти татары громадными нестройными массами, со всем своим движимым имуществом, со старцами, жёнами, детьми, большими двинулись из своих прадедовских жилищ к Евпатории, Севастополю, Феодосии, Керчи, откуда на пароходах и парусных судах переправились в Турцию. Сколько всего бежало, сказать сложно. По подсчётам

⁵ Ташлыков Сергей Леонидович. Первая публикация: Большая российская энциклопедия, 2010.

⁶ Лондонская конвенция 1871 г. – Выдающиеся дипломаты России XIX в.: жизнь и политическая деятельность А.М. Горчакова

правительства, 141 667 человек, но сюда не входят те, кто выехал без паспорта, а их было немало. Согласно тому же источнику, когда эмиграция закончилась, в Крыму остался 102 951 житель. Северная часть Крыма, за исключением приморских пунктов и долин по течению рек, осталась после татар пустынной и безлюдной, и только опустелые и разбросанные там и сям деревни, засорившиеся колодцы, полуразвалившиеся каменные изгороди и заросшие в степи углубления просёлочных дорог свидетельствуют, что здесь когда-то всё было заселено, была жизнь и довольство. В ходе эмиграции XVIII–XIX веков значительная часть степного Крыма была практически лишена коренного населения».⁷ Государственные архивы Крыма подтверждают, что Евпатория, бывшая одним из торговых портовых городов юго-западного степного Крыма, пребывала в плачевном состоянии. Её население сократилось до критической отметки и в 1802 году составляло всего лишь 1912 человек.⁸ Одна из причин упадка Евпаторийского порта, по словам Тунманна, заключалась в том, что основным контрагентом гёзлёвской торговли являлись восточные ногайцы, орда которых полностью эмигрировала в конце XVIII века в Турцию.⁹ На протяжении многих поколений составляя главную производительную силу и основную военную мощь Крымского ханства, ставшие свидетелями бесславного конца некогда мощной европейской державы, огромная часть крымских степняков навсегда покинула Крым. Осталась малая часть тех, кто решил не покидать родину ни при каких обстоятельствах и навсегда связал свою судьбу с Крымом.

Официальную статистику третьей волны эмиграции со ссылкой на «Памятную книжку Таврической губернии на 1867 год» передает Ю.Янсон. Число эмигрировавших крымских татар определено в 181177 человек. В Перекопском уезде опустело 278 селений, в Евпаторийском – 196, в Феодосийском – 67, в Симферопольском – 24.¹⁰ Современные исследователи приводят несколько иные данные, по которым число эмигрировавших в Турцию крымских татар в 1860-1863гг. составило 192360 человек; совсем обезлюдели 784 татарских села и аула Таврической губернии.¹¹

Последствия мухаджирства для Крыма. Почти полтора века продолжались переселенческие волны, которые достигли своего апогея в начале 1860-х гг. Именно в это время границы Таврической губернии покинуло около 2/3 всех крымских татар (более 40% тогдашних жителей полуострова), большую часть которых составляли безземельные крестьяне. Масштабность этого явления отразилась на благосостоянии всего региона, приведя к экономическим, социальным и демографическим изменениям в регионе. Так, среди последствий эмиграции начала 1860-х гг. Можно назвать потери региона особенно центральных и северных районов:

- упадок сельского хозяйства;
- острую нехватку рабочей силы;
- рост цен на продовольствие;
- снижение цен на землю;
- изменение этнического лица региона.

...Сбылась и самая спорная (самая бесспорная!) часть любопытного пророчества «Консерватора», а именно насчёт того, что исход татар будет пагубен и для их гонителя, для самой же крымской администрации. «Замерли земледелие, торговля, ремёсла, соляной промысел... Городским управлением вместо прежних тысяч рублей дохода едва получены десятки рублей и так далее». Сбылось и предсказание насчёт русских, призванных заменить в Крыму коренных крымчан. «Странствуя по Крыму с одного места в другое, терпя от безводья, потеряв скот свой, пригнанный с родины, несчастные переселенцы, в числе почти пяти тысяч душ, вынуждены были, наконец, наняться в качестве батраков к помещикам».¹²

⁷ Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М. : Мысль, 1992. 446, С. 2

⁸ Кутайсов В. А. Евпатория в конце XVIII – начале XX века // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 66–77.

⁹ Тунманн. Крымское ханство. Симферополь : Таврия, 1991. С. 38.

¹⁰ Янсон Ю. Крым. Его хлебопашество и хлебная торговля.– СПб., 1870.– С. 8.

¹¹ Бекирова Г. Проблема эмиграций крымских татар в российской исторической литературе XIX в. – 30-х годов XX века // Режим доступа: <http://www.kirimtatar.com/Researches/1783.html>.

¹² В.Е. Возгрин. «История крымских татар»: Том II VI Вторая великая эмиграция. С. 650-65.

Удаляясь в Азию, татары унесли с собой тайну своего довольства и преуспевания; ни один колонист, будь он русский, болгарин или немец, не создаст на незнакомой почве чуждой ему земли тех садов и виноградников, которые давали обильные плоды любимым сынам своим, потомкам первых обитателей Тавриды, и путешественник, проезжая теперь по бесконечным пространствам северо-западной части полуострова, взирает с изумлением на эти сожженные горячим солнцем поля, дающие земледельцу скудную жатву, и не узнает в безлюдной, сухой, безжизненной степи ту страну, которая некогда слыла житницей Греции и славилась своим богатством и плодородием. Животная жизнь здесь также постепенно исчезает; породы измельчали: верблюды, буйволы становятся редки, рогатый скот, овцы и козы убавились наполовину, и маленькие табуны лошадей, встречающиеся теперь в степи, не могут сравниться с прежними татарскими конями, горячими, быстрыми...¹³

Мухаджирство из Кавказа. Апогей эмиграции (мухаджирства) как с Кавказа также пришёлся на 3-й и 4-й волны эмиграций. Это соответствует периоду Крымской (1853-1856 гг.), Кавказской (1817-1864гг.) и русско-турецкой (1877-1878гг.) войн.

Таблица периодизации эмиграционных процессов населения (мухаджирства) из Кавказа

Волны эмиграции (мухаджирства)	Период
1.	Вторая половина 1850-х гг.
2.	Первая половина 1860-х гг.
3.	Вторая половина 1860-х – начало 1870-х гг.
4.	1870-е гг.
5.	1880-е и начало 1890-х гг.
6.	Вторая половина 1890-х – 1920-е гг.

Эмиграция горцев в Османскую империю обусловлена целым комплексом причин, а не только репрессивной политикой российских военных властей. Главной причиной был, конечно, насильственный сгон из родных мест, но также имел место и экономический фактор. Растущее разорение местной элиты и обезземеливание горцев после Кавказской войны. Знать лишилась своих привилегий, горские кланы не смогли вернуть конфискованные у них российскими военными и имамами владений, рядовые горцы остались без привычных видов деятельности. Уничтожено рабство и работоторговля военнопленными, составлявшими важный источник доходов. Наиболее мухаджирство затронуло Северо-Западный Кавказ, чуть менее Центральный, где проживали осетины и вайнахи, еще менее – Дагестан.

По разным источникам до 3,5 миллионов выходцев со всего Кавказа, начиная от Абхазии и кончая Дагестаном, расселились на территории Турции. Большинство мухаджиров в XIX веке составили представители адыгских народов, как шапсуги и кабардинцы, предпочитавших называться единым именем – черкесы. Османская Турция добивалась иммиграции мусульман, чтобы формировать из них боевые подразделения на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Царское правительство расселяло на освободившихся землях христианское население, укрепляя свой южный форпост. Несмотря на объявление покорности правящими элитами и согласие на присоединение, регионы Кавказа, заселенные народами, в основном исповедующими ислам, заявляют о начале борьбы за освобождение. Формируются два главных региона, в которых ощущается готовность к неповиновению и вооруженной борьбе за независимость: западный (Черкесия и Абхазия) и Северо-Восточный (Чечня и Дагестан). Именно эти территории стали основной ареной боевых действий 1817-1864 годов. Самый длинный период войны длился с 1834 по 1859 год. В этот период местный предводитель Шамиль объявляет себя имамом и также объявляет газават

¹³ Горчакова, Е.С. Воспоминания о Крыме. Ч. 2. С. 27, 31-32.

России. Его армия устанавливает контроль над Чечней и Дагестаном. На несколько лет Россия полностью теряет эту территорию, особенно во время участия в Крымской войне, когда все военные силы были брошены для участия в ней. Что касается самих боевых действий, то долгое время они велись с переменным успехом. Несмотря на объявление покорности правящими элитами и согласие на присоединение, регионы Кавказа, заселенные народами, в основном исповедующими ислам, заявляют о начале борьбы за освобождение. Формируются два главных региона, в которых ощущается готовность к неповиновению и вооруженной борьбе за независимость: западный (Черкесия и Абхазия) и Северо-Восточный (Чечня и Дагестан). Именно эти территории стали основной ареной боевых действий 1817-1864 годов. После разгрома имамата Шамиля с 1859 по 1864 год происходит завершающий период войны. Это были небольшие локальные сопротивления, которые очень быстро удавалось устранить. В 1864 году удалось полностью сломить сопротивление горцев. Россия закончила сложную и проблемную для себя войну победой.

Основные результаты Кавказской войны. Кавказская война 1817-1864 годов завершилась для России победой, в результате чего было решено несколько задач:

– Окончательный захват Кавказа и распространение там своего административного устройства и правовой системы;

– Усиление влияния в регионе. После захвата Кавказа этот регион становится важным геополитическим пунктом для усиления влияния на Востоке;

– Начало заселения этого региона славянскими народами.

Но, несмотря на успешное завершение войны, Россия приобрела сложный и беспокойный регион, который требовал усиленных ресурсов для поддержания порядка, а также дополнительных мер защиты в связи с интересами Турции в этой области. Такой была Кавказская война для Российской империи.

Резюме

В представленной работе наибольшее внимание уделяется судьбе коренных народов в период Кавказской войны (1817-1864 гг.). Проведены исторические параллели Кавказской войны с другим военным конфликтом, который называют Крымской войной (1853 – 1856 гг.). Жестокость и трагичность военных действий привели к нескольким волнам массовой эмиграции (мухаджирству) мусульманских народов из исторических мест проживания. Значительное количество коренных народов Кавказа и Крыма были вынуждены навсегда покинуть свою родину. Описываются причины начала военных конфликтов, также исторические, экономические и политические последствия Крымской и Кавказской войн.

Summary

In the presented work, the greatest attention is paid to the fate of indigenous peoples during the Caucasian War (1817-1864). Historical parallels are drawn with another military conflict, which is called the Crimean War (1853-1856). The brutality and tragedy of the hostilities led to several waves of mass emigration (muhajirism) of Muslim peoples from both regions of the indigenous peoples' residence from their historical places of residence. They were forced to leave their homeland forever. The causes and results of the Caucasian and Crimean military conflicts, as well as the historical, economic and political consequences of the Crimean and Caucasian wars are described.

Литература

1. Причины Крымской войны. <https://crimeanwar.ru/istoriya-krymskoj-vojny-1853-1856-g/g/krymskaya-vojna-kratko-prichiny-hod-itogi/prichiny-krymskoj-vojny>

2. ОГАЧО. (Объединенный государственный архив Челябинской области) Ф. И-33. Оп. 1. Д. 3745. Л. 2.
3. История Российской империи. Крымская война 1853-1856 г.г. <https://www.rosimperija.info/post/231?ysclid=lt5hahll12262218510>
4. Крымская война 1853–1856. Большая российская энциклопедия
5. В.Е. Возгрин. «История крымских татар»: Том I XI. Крым во второй турецкой войне и после нее/ Первый исход <https://www.krimoved-library.ru/books/istoricheskie-sudbi-krimskih-tatar45.html>
6. Ташлыков Сергей Леонидович. Первая публикация: Большая российская энциклопедия, 2010.
7. Лондонская конвенция 1871 г. – Выдающиеся дипломаты России XIX в.: жизнь и политическая деятельность А.М. Горчакова
8. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М. : Мысль, 1992. 446, [2] с.
9. Кутайсов В. А. Евпатория в конце XVIII – начале XX века // Историческое наследие Крыма. 2006. № 14. С. 66–77.
10. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь : Таврия, 1991. С. 38.
11. Янсон Ю. Крым. Его хлебопашество и хлебная торговля.– СПб., 1870.– С. 8.
12. Бекирова Г. Проблема эмиграции крымских татар в российской исторической литературе XIX в. – 30-х годов XX века // Режим доступа: <http://www.kirimtatar.com/Researches/1783.html>.
13. В.Е. Возгрин. «История крымских татар»: Том II. VI Вторая великая эмиграция. С. 650-65.
14. Горчакова, Е.С. Воспоминания о Крыме. Ч. 2. С. 27, 31-32.

Гаджиев М.О., Муртазалиев М.М.
г. Махачкала

ШТУРМ СЕЛЕНИЯ АХУЛЬГО (ИЮНЬ–АВГУСТ 1839 г.): ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: Кавказская война, Северо-Восточный Кавказ, народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни, битва при Ахульго.

В 1839 г. Кавказское командование предприняло двустороннее наступление на Дагестан. Генерал Головин усмирил Южный Дагестан, а генерал Граббе, пройдя Ичкеррию, с боем взял селения Арчуки и Чирката и обложил крепость Ахульго¹.

С 12 июня 1239 г. началась осада резиденции имама Шамиля. Как вспоминал Д.А. Милютин: «Аул Старое и Новое Ахульго занимал два больших утёса, разделенных ущельем р. Ашильты и омываемых с трёх сторон р. Андийское Койсу. Верхние площадки утесов, суживаясь к югу, примыкали к горам узкими перешейками, перекопанными горцами и укрепленными каменными постройками. В систему укреплений входили также завалы, подземные сакли и пещеры, соединенные траншеями и ходами сообщений. Наконец, впереди Нового Ахульго возвышалась остроконечная крутая гора, вершина которой была сильно укреплена каменными постройками, названной «Сурхаевой башней»: постройка эта состояла из нескольких отделений различной высоты, но большей частью была скрыта за огромными камнями и скалами. Шамиль заперся в Ахульго со всеми своими приверженцами. Более 4000 душ обоего пола заключено было на голом раскаленном утёсе; вооруженных было свыше 1 тыс.; из них человек 100 самых отчаянных мюридов, предводимых Али-беком, заперлись в Сурхаевой башне»².

Штурм «гнезда мюридизма» П.Х. Граббе решил вести с юга. К 18 июня 1839 г. войска возвели пять артиллерийских батарей и разработали пути сообщений к ним. На левом фланге позиции по гребню горы прокладывались траншеи к Старому Ахульго. Но и Шамиль не дремал. Пользуясь тем, что численности русского отряда не хватало для полной блокады Ахульго, имам установил связь со своими сподвижниками на левом берегу Андийского Койсу³.

На призыв Шамиля откликнулись до 6 тыс. ополченцев. Часть из них из сел. Карата двинулась по левому берегу Андийского Койсу к Чиркату, чтобы перерезать коммуникации отряда Граббе. Остальные собрались 17–18 июня 1839 г. в сел. Игали, и под руководством сподвижника имама, бывшего хунзахского абрека Ахбердилава направилась к Ашильте, чтобы укрепиться там и постоянными набегами тревожить осаждавших. Однако в ночь на 19 июня горцы были внезапно атакованы двумя батальонами Апшеронского и Кабардинского пехотных полков с 3 орудиями и отеснены к Сагритлохскому мосту. Не давая восставшим возможности соединиться, П.Х. Граббе с 4 батальонами пехоты, 4 горными орудиями, казаками и горской милицией 22 июня напал на ополченцев Ахбердилава и после короткого боя рассеял их по горам. В то же время осажденные воспользовались отвлечением части сил отряда Граббе, произвели в ночь на 23 июня удачную вылазку, разрушив часть осадных траншей и позицию строящейся 6-й батареи⁴.

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 147.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 51. Л. 21.

³ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Изд-во «Лотос», 2006. С. 259.

⁴ Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 138–139.

26 и 27 июня 1839 г. к сел. Ашильта прибыли два транспорта с продовольствием и боеприпасами для Чеченского отряда, а также 6 орудий 19-й артиллерийской бригады, что дало возможность П.Х. Граббе перейти к активным действиям. После усиленной бомбардировки 29 июня был предпринят штурм Сурхаевой башни, прикрывавшей подступы к Новому Ахульго⁵.

3 июля из Темир-Хан-Шуры на помощь осаждающим прибыл еще один батальон пехоты с 4 орудиями. Войска построили новую батарею с восточной стороны башни, и на следующий день начался её повторный обстрел. Только к ночи, когда большая часть защитников была перебита, а уцелевшие бежали в Новое Ахульго, русские овладели этой ключевой позицией обороны горцев⁶.

Ахульго в переводе с аварского языка обозначает «Набатная гора», «Тревожная гора». Ахульго находится в кольце других гор. К северу от него, над Сулаком, возвышается гора Салатау. На востоке – Гимринский хребет. На западе – Андийский хребет. И, наконец, на юго-западе – Бетлинские горы. Река Андийское Койсу, огибая с трёх сторон северную подошву Ахульго, образует полуостров, который, в свою очередь, разрезан на две части речкой Ашильта. В западной части полуострова располагался аул Старое Ахульго, в восточной части Шамиль построил Новое Ахульго. Оба аула и Старое и Новое Ахульго занимали два высоких утёса. Между ними в глубоком ущелье протекала Ашильта. В одном месте оба утёса, на которых стояли аулы, близко сходятся друг с другом. Их соединял узкий бревенчатый мостик. Под ним зияла пропасть глубиной в 40 метров.

Над Ахульго возвышалась скала – Шулатлулго (в переводе с аварского «Крепостная гора»). Вершина Шулатлулго – это почти ровная площадка, площадью не более ста квадратных метров, на которой сподвижник Шамиля – мастер по имени Сурхай построил несколько саклей, одна из которых возвышалась над другими и напоминала собою нечто вроде башни. Поэтому Шулатлулго стали называть ещё и Сурхаевой башней. Этот своеобразный форт благодаря своему положению растягивал блокадную линию русских войск более чем на четыре километра. Башня располагалась на господствующей высоте, по этой причине осаждённые могли держать под обстрелом практически все участки местности, на которых располагались русские войска.

Непосредственный участник событий – Д. А. Милютин в своих воспоминаниях описывал: «Шамиль заперся в Ахульго, со всеми своими приверженцами, их семьями, и заложниками от покорных ему племён, число которых доходило до 4000 душ обоого пола. Вооружённых было свыше 1000 человек, из них 100 самых отчаянных мюридов, предводимых Али-Бекком заперлись в Сурхаевой башне»⁷.

К 18 августа состав осаждающих был следующим:

- 4 батальона Куринского егерского полка;
- 4 батальона Апшеронского пехотного полка;
- 2 батальона Кабардинского егерского полка;
- 1 рота Кавказского сапёрного батальона;
- 5 сотен казаков (2 конных и 3 пеших);
- 500 всадников милиции;
- 18 орудий (6 лёгких, 8 горных, 4 орудия казачьей артиллерии).

Общая численность частей Отдельного Кавказского корпуса под Ахульго достигала около 10000 человек (не считая местной милиции, численность которой достигала примерно 3500 человек).

Местная милиция включала:

- У Шамхала
- из Нижнего Дагестана: конных – 316,
- Койсубулинцев – пеших 1000.
- У Ахмет-хана:

⁵ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. С. 260.

⁶ Там же.

⁷ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 79.

- Аварцев: конных 250, пеших – 747.
- Мехтулинцев: конных 210, пеших – 807.⁸

К приходу русского войска гора Ахульго была опоясана траншеями и окопами. Горцы воздвигли на горе и каменные постройки с бойницами. В новом Ахульго перед главной башней был построен небольшой бастион. Одна из траншей проходила по середине горы и заканчивалась у обрыва над Андийским Койсу. Этим же путём защитники Ахульго добирались к Шулатлулго и доставали воду из реки. Сурхаева башня господствовала над всей окружающей местностью. Любое движение противника здесь становилось заметным. На башне находилось около ста самых отчаянных мюридов, под командованием Али-бека Аварского. Защитники Ахульго расставили посты по периметру вершины горы. Основные же силы заняли оборону в верхней части восточного склона у тропы, ведущей вниз.

Подступив к Ахульго Граббе полностью окружил его. На 9 июня русские войска овладели обеими берегами Андийского Койсу.

С рассветом 29 июня 1839 г. русские батареи провели артподготовку, открыли огонь по башне, а уже в 9.00 батальоны Апшеронского и Куринского полков с трёх сторон подошли к подошве горы и начали подниматься наверх. Крутизна подъёма, по которому поднимались атакующие, превышала 45 градусов. Защитники башни обрушили на атакующих град пуль и камней. Несмотря на это, русские солдаты подобрались к самой вершине. Ожесточённый бой длился несколько часов, пока наконец, около 16:00 по приказанию Граббе генерал-майор Лабынцев лично не повёл на штурм батальон Кабардинского полка. Усилия штурмующих оказались тщетными – Сурхаева башня устояла перед их натиском. С наступлением темноты войска получили приказ отступить с буквально залитого кровью и заваленного трупами утёса⁹.

Падение Сурхаевой башни значительно ухудшило положение осаждённых. Русские войска готовились к решающему штурму. 12 июля на помощь Граббе из Южного Дагестана прибыли три батальона пехоты с орудиями под командованием полковника Врангеля. Численность русских войск возросла до 13 тысяч. На крепость нацелили свои жерла уже 30 орудий.

16 июля генерал Граббе решился произвести штурм. С рассветом все артиллерийские батареи открыли сильнейший огонь по укреплениям горцев. Затем русские батальоны двинулись на приступ. Главный удар наносила колонна Врангеля. Под шквальным огнём мюридов Шамиля убитые и раненые солдаты падали шеренгами, но воодушевляемые личным примером командиров, стремились вперёд. Буквально в несколько минут русские были уже во рву и затем ворвались в укрепление. После кровопролитной рукопашной схватки боковые башни были взяты. Горцы защищались с редким упорством. Вместе с мюридами дрались даже женщины, переодетые в черкески. Внезапно среди штурмующих произошла заминка. Вдохновлённые героизмом своего передового батальона, остальные подразделения бросились к ним на усиление раньше, чем следовало. В результате на узком перешейке столпилось около 1500 солдат и офицеров, представлявших собой прекрасную мишень для стрелков-горцев. Мюриды, воспользовавшиеся такой благоприятной для них возможностью, обрушили на атакующих град пуль из множества бойниц и завалов. Неся огромные потери от огня противника, батальоны рванулись было вперёд, но за небольшой площадкой оказался второй глубокий ров, находившийся под перекрёстным огнём из двух скрытых капониров.

Положение русских солдат стало катастрофическим. Узкий путь для возможного отхода был завален множеством убитых и раненых. К довершению всего российские подразделения практически оказались без офицеров. Сам Врангель был тяжело ранен, остальные командиры либо погибли, либо также были ранены. Некоторые солдаты в невероятной толкотне даже оказались сброшены с гор в пропасть. С наступлением ночи был получен приказ Граббе на отход. Подобрал

⁸ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: тип. военно-учебных заведений, 1850; С. 24-25, 29, 140.

⁹ Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане (стр. 92-94).

раненых и тела убитых товарищей, измученные боем войска молча отступили за нижний гребень. Продолжать штурм на следующий день батальоны Врангеля были уже не в состоянии. В других двух колоннах до решительного столкновения дело не дошло. Урон российского отряда был на этот раз очень велик: убито 7 офицеров и 153 солдата, ранены 31 офицер и 580 солдат.

С рассветом 17 августа 1839 г. загрохотали все русские пушки. Батальон Куринского полка прошёл по крытой галерее и быстро начал подниматься на скалу, несмотря на град камней и пуль.

Отчаянное сопротивление мюридов, засевших в передовом укреплении под начальством наиба Сурхай-кадия, не смогло остановить русских солдат. Горцы с отчаянием врывались в боевые порядки российских войск и погибали на штыках или же умирали в разрушаемых саклях. Кроваво-пролитный бой за обладание передовым укреплением горцев длился до полудня. Из защитников Ахульго уцелели немногие, был убит и сам Сурхай-кадий. Этот успех позволил русским войскам закрепиться в непосредственной близости от Нового Ахульго. Стало ясно, что взятие Ахульго является вопросом нескольких дней. Когда стрельба со стороны русских войск утихла, Шамиль выслал к генералу Граббе в заложники своего старшего сына Джамалуддина.

На рассвете 21 августа приступ возобновился.

Русские солдаты бросились к аулу. Преодолев слабое сопротивление его оставшихся в живых защитников, бойцы ворвались в Новое Ахульго. Первым был унтер-офицер Куринского полка Костенецкий. В ауле разгорелись ожесточённые схватки. Даже горские женщины сражались с полным самоотречением, бросаясь, порой без всякого оружия, на штыки русских пехотинцев. Однако вскоре сопротивление горцев было сломлено, и они бросились бежать в ущелье Ашильты и пещеры. Лишь 200 мюридов, окружённых со всех сторон, заперлись в саклях и продолжали отстреливаться. Бой разбился на отдельные рукопашные единоборства, и к полудню в Новом Ахульго не осталось в живых ни одного защитника.

В то время, когда на Новом Ахульго побоище уже достигло пика, по приказанию генерала Граббе, батальон апшеронцев пошёл на приступ Старого Ахульго. Мюриды встретили штурмующих ружейным залпом, но это не могло ничего изменить. Апшеронцы ворвались в Старое Ахульго и опрокинули горцев штыками. Около 600 сподвижников Шамиля продолжали сражаться. После прибытия частей из Нового Ахульго и длительного боя все они до последнего человека погибли.

К двум часам дня 22 августа над обоими хребтами Ахульго развевались русские знамёна. 80-дневная эпопея Ахульго была окончена.

23 августа отряд генерала Граббе приступил к окончательной «зачистке» Старого и Нового Ахульго¹⁰.

Мелкие боестолкновения продолжались ещё почти неделю. Особенно больших трудов стоило выбить горцев из пещер, вырытых в отвесном берегу Койсу. Чтобы добраться до засевших в пещерах мюридов, русские солдаты спускались в последние убежища горцев на верёвках. К 29 августа сопротивление оставшихся горцев было окончательно подавлено.

Потери русской армии за время штурма составили до 500 человек убитыми, 1722 ранеными, 694 контуженными; в этом числе было из строя 117 офицеров (23 убитых, 91 раненый, 33 контуженных)¹¹.

Участник штурма Д. А. Милютин оценивал потери горцев как огромные.

Насчитано было свыше 1000 неприятельских трупов, большое число их неслось по реке. В плен было взято до 900 человек, большей частью женщин, детей, и стариков.

Из Ахульго удалось вырваться примерно двум десяткам человек, во главе с Шамилём, который был ранен. При штурме погибла жена Шамиля Джавгарат и их грудной сын Саид. Сестра Шамиля покончила с собой, бросившись в ущелье. Старший сын Шамиля Джамалуддин был отдан аманатом (заложником) Граббе.

¹⁰ Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. Полковник Милютин Д. А. СПб., 1850. С. 119.

¹¹ Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. Полковник Милютин Д. А. Санкт-Петербург 1850 год стр. 122

Сведения о количестве пленных также не совпадают. Мухаммад Тахир в своём труде писал: «Взято было русскими до 300 душ, считая в том числе мужчин, женщин и детей»¹².

Горцы понесли большие потери, аул Ахульго был взят и разрушен. Впоследствии аул так и не был отстроен заново.

Вместе с тем достичь глобальных целей командованию Отдельного Кавказского корпуса не удалось. Через несколько дней русская армия покинула Ахульго. Шамиль продолжал сопротивление ещё почти 20 лет.

Кавказское командование считало взятие Ахульго концом сопротивления горцев, хотя Шамиля и не удалось захватить. Однако оно ошибалось. Победа на Ахульго не прекратила сопротивления горцев¹³.

В память о битве Государственный академический ансамбль танца Дагестана «Лезгинка» имеет в своём репертуаре танец «Битва за Ахульго».

В 2009 году писатель Шапи Казиев написал исторический роман «Ахульго»¹⁴. В начале 2017 года в ближайшем к Ахульго селе Ашильта (откуда была родом мать Шамиля) по инициативе Рамазана Абдулатипова был открыт мемориальный комплекс «Ахульго», стилизованный под 17-метровую аварскую сигнальную башню^[22]. В выставочном зале представлены портреты основных военачальников Кавказской войны и современная репродукция панорамы Рубо.

В 2019 году вышел фильм «Имам Шамиль. Осада Ахульго».

Таким образом, Помимо царских войск в этой битве на стороне русских принимала участие местная милиция. Битва продолжалась 80 дней, а в ходе осады укреплений царскими войсками было предпринято пять штурмов. Несмотря на поражение горцев, командованию Отдельного Кавказского корпуса Русской Армии не удалось достичь своих главных целей. Имам Шамиль продолжил сопротивление ещё почти 20 лет.

Резюме

Статья посвящена одной из самых кровопролитных сражений Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе – битве при ауле Ахульго. Помимо царских войск в этой битве на стороне русских принимала участие местная милиция. Битва продолжалась 80 дней, а в ходе осады укреплений царскими войсками было предпринято пять штурмов. Несмотря на поражение горцев, командованию Отдельного Кавказского корпуса Русской Армии не удалось достичь своих главных целей. Имам Шамиль продолжил сопротивление ещё почти 20 лет.

Литература

1. Муханов В.М. Ахульго штурм, 1839 г. // М.: Большая российская энциклопедия, 2005. [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 2. С. 580.
2. Булач Гаджиев. Дагестан в историях и легендах. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Махачкала, 1959.

¹² Мухаммад Тахир аль-Карахи «Три имама». Перевод с арабского. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. С. 45 – 46

¹³ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 510.

¹⁴ Владимир Мухин. Полуденный жар долины Дагестана. Независимая газета. 26 августа 2011.

Гора Ахульго

*Франц Рубо
Штурм аула Ахульго. 1890*

Бой на мосту над горным ущельем в Ахульго. Худ. Н. С. Самокиш, (1894).

Мемориальный Комплекс «Ахульго». Унцукульский район Дагестана, с. Ашильта.

Галбацев С.М.
г. Махачкала

БИТВА ПРИ АУЛЕ АРГВАНИ (МАЙ–ИЮНЬ 1839 г.): ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ключевые слова: Кавказская война, народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни, Аргванинское сражение, имам Шамиль.

Key words: Caucasian War, people's liberation movement of the highlanders of Dagestan and Chechnya, Battle of Argvanins, Imam Shamil.

В ряду крупнейших сражений Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (сражения при Атлы-Боюне и Эрпели, Бышлынская битва, штурм Илису, Даргинский поход, битвы за Ахты, Гимры, Унцукуль, Цельмес, Белоканы и др.) особое место занимает битва при ауле Аргвани (нынешнего Гумбетовского района Дагестана).

В мае 1839 года русское командование решило нанести сокрушительный удар по главному опорному пункту имамата, столице Ахульго. 21 мая 1839 г. 8-тысячный отряд генерала П.Х. Граббе выступил из крепости Внезапной. Выступивший из Чечни отряд Граббе в течение месяца совершил опасный путь к крепости через территории, находившиеся под контролем Шамиля. В кратчайшее время Шамиль собрал под свое знамя более 10 тыс. чел. С этими силами он занял укрепленное сел. Аргвани и окрестные высоты со стороны сел. Мехельта. По словам Д.А. Милютин, позиция горцев была очень выгодной¹.

На пути к Ахульго отряд Граббе неоднократно вступал в бои с горцами, которыми руководил имам Шамиль. Самое крупное сражение на подступах к Ахульго произошло в селении Аргвани².

Сражение за Аргвани продолжалось непрерывно 36 часов – с вечера 30 мая до утра 1 июня 1839 г. Оно стоило огромных жертв обеим сторонам. Войска потеряли 146 человек убитыми и 500 ранеными; горцы – до 2 тыс. убитыми и ранеными (только в селении осталось около 500 тел погибших)³.

В расчете на успех к завоевателям примкнула и дагестанская феодальная знать, у которой были свои счёты с Шамилем. В помощь отряду П.Х. Граббе шамхал Тарковский и Ахмедхан Мехтулинский выставили 3,5 тыс. человек. В экспедиции участвовало 45 дагестанских князей, беков и старшин⁴.

Отряд Граббе состоял из 9-ти батальонов, роты сапёр, 17-ти орудий, 400 конных и 400 пеших казаков: всего силою свыше 8 тыс. После боя под Буртунаем, отряд продолжал движение по горным ущельям двумя колоннами. Первая колонна – 3 батальона и пять легких орудий. Вторая колонна 6 батальонов, 8 горных и 4 легких орудий, казаки и милиция. Обе колонны должны были соединиться уже на самой вершине Суук-Булака (Салатавский хребет).

К 30 мая 1839 г. состав штурмующих был следующим:

- 4 батальона Куринского егерского полка;
- 3 батальона Апшеронского пехотного полка;
- 2 батальона Кабардинского егерского полка;

¹ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Изд-во «Лотос», 2006. С. 258.

² Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 54 – 65.

³ Там же. С. 19.

⁴ Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. М.: «Эхо Кавказа», 1997. С. 58–65.

- 1 рота Кавказского сапёрного батальона;
- 2 сотен казаков (2 конных и 4 пеших);
- 200 всадников милиции;
- 17 орудий (9 лёгких, 8 горных, 4 орудия казачьей артиллерии)⁵.

В продолжении всей зимы и начала весны имам обращал внимание чеченцев, салатавцев и дагестанцев на аул Аргвани, предвидя, что сюда непременно двинутся русские, и успел убедить горцев сплотиться, чтобы воспрепятствовать дальнейшему движению отряда⁴.

В битве при Аргвани против отряда Граббе, кроме жителей аула, участвовал отряд из дагестанцев и чеченцев под командованием Шамиля. Примерно от 2900 до 4000 тысяч из разных вольных обществ между реками Аварским Койсу, Сулаком и Аргуном⁶.

В Аргвани из поколения в поколение передают, что после сражения на кладбище селения похоронили 600 мюридов имама Шамиля. Надо отметить еще один важный эпизод аргванинского сражения. На помощь Шамилю в Аргвани по дороге из Чиркаты приехал отряд даргинцев-цудахарцев. Отряд прибыл тогда, когда село уже было окружено войском Граббе. На цудахарцев напали, начался бой в восточной стороне от села в местности Багарлабаби. Битва была страшная, а силы были неравны. Не желая сдаваться в плен, мужественные цудахарцы начали прыгать со скалы, и те, кто были в бурках, остались живы, а кто без них – погибли. Эту скалу называют «Скалой мучеников». Имеется завещание аргванинцев потомкам – не забывать о подвиге цудахарцев и оказывать им всяческую поддержку. Аргванинское сражение отличается от всех битв в Дагестане и Чечне в ходе Кавказской войны XIX века. Никогда до и после Аргвани Шамилю не удавалось собрать такого количества горцев вместе⁷.

30 мая 1839 года русские войска к полудню подступили к аулу Аргвани. Шамиль основательно укрепил село. Само селение состояло из 500 каменных толстостенных домов, располагавшихся шестью ярусами по скатам горы. Каждый дом представлял собой как бы отдельную крепость, которую нельзя было взять без штурма. Все улицы были укреплены каменными завалами. Сам аул имел естественную природную защиту, любая ошибка при движении по узким тропам могла стоить дорого, падением в пропасть.

В 5 часов вечера батарея открыла огонь по селению. Ни горные, ни легкие орудия не смогли нанести значительного вреда горцам, закрытым толстыми стенами и утесами. Ядра отлетали от каменных стен. Горцы же открыли меткую ружейную стрельбу из бойниц по войскам. На некотором расстоянии от аула было построено круглое укрепление в виде низкой башни с бойницами. 4-й батальон Апшеронского полка, несмотря на меткие выстрелы горцев и на трудности подступа, бросился в штыки и быстро ворвался в укрепление, завязался рукопашный бой. Мюриды отчаянно сопротивлялись, там же все они и погибли. Но далее наступление было приостановлено глубоким рвом. Оба Апшеронских батальона понесли довольно большую потерю. Первый день штурма, несмотря на попытки русских войск до темна ворваться в село, не увенчался успехом. Штурм Аргвани был назначен на утро 31 мая⁸.

К 9-часам утра войска заняли большую часть селения, но мюриды упорно защищались. Бой в Аргвани продолжался целый день до наступления темноты. Чтобы заставить горцев выйти из каменных домов не было другого способа как пробить отверстие в крышах, бросать туда горючие средства и зажигать балки. Несмотря на это, мюриды оставались по несколько часов в доме, иногда им удавалось пробить себе выходы и скрыться через потаенные сообщения из одной сакли в другую, однако много тел было найдено обгорелыми. При всем невыгодном своем положении, горцы успевали наносить много вреда войскам. С шашками и кинжалами отбивались они пооди-

⁵ Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 54 – 65.

⁶ Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. 1700–1892: в 3-х томах. СПб.: Тип. Мин. путей сообщ. (А. Бенке), 1892. Т. 3. С. 492.

⁷ Джамалудинов М.Д. Сражение в селении Аргвани летом 1839 года // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 4–5.

⁸ Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 54 – 65.

ночке до тех пор, пока не умирали на штыках, некоторые же мюриды бросались на десятки солдат без всякого оружия.

Несмотря ни на что, горцы не сдавались, на ночь приняли самые строгие меры к полному окружению аула, особенно тех саклей в которых еще находился неприятель. Ночью оставшиеся в живых мюриды начали выходить из Аргвани, некоторые вступили в рукопашный бой с цепями егерей, другие в темноте по неосторожности падали с утесов в обрыв. Немногим удалось покинуть село. Штурм начался с 4 часов вечера 30-го мая и продолжался до рассвета 1-го июня, в итоге – 36 часов непрерывного боя. В конце концов после ожесточенных боёв аул был взят. Царские власти торжествовали победу. За бой при Аргвани Граббе получил придворный чин генерал-адъютанта.

После взятия Аргвани царские войска продолжили движение через Чиркату к столице имамата – сел. Ахульго. После 80-ти дневной осады крепость Ахульго пала, а Шамиль с приближенными мюридами ушел в Чечню.

По официальным данным русские войска потеряли 146 убитых (в том числе 6 офицеров) и 500 раненых (в том числе 30 офицеров) и был тяжело ранен генерал А. И. Пантелеев. По другим данным, в отряде Граббе вышло из строя убитыми и ранеными более 2 тыс. солдат. Понесенные при Аргвани потери заставили Граббе обратиться к генералу Головину с просьбой выслать подкрепление из Самурского отряда (три батальона)⁹.

В Аргванийской битве пало около 500 мюридов, аргванийцев и прибывших мюридов из других мест, ранено около тысячи человек. По мнению военного историка Л. А. Богуславского в этом сражении было убито 600 мюридов и ранено 1500 человек¹⁰.

Таким образом, анализ состава противоборствующих сторон, исход битвы и её последствия позволяют утверждать, что битва при ауле Аргвани является одной из значительных по составу противоборствующих сторон вооруженных столкновений горцев с царскими войсками в ходе Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе. Эта ожесточённая битва предшествовала другому более кровопролитному сражению горцев с царскими войсками – битве при ауле Ахульго.

Резюме

В статье рассматривается одно из важнейших событий Кавказской войны – битва при ауле Аргвани. С одной стороны в ней противостояли горцы Дагестана под руководством имама Шамиля, а с другой – руководимые царскими генералами русские солдаты. Дается анализ причин, хода, значения и последствий этого сражения для исхода борьбы горцев Дагестана в Кавказской войне. Сражение при ауле Аргвани предшествовало битве при Ахульго и с обеих сторон в нём участвовало значительное количество войск, оно имело кровопролитный характер. Аргванинское сражение отличается от всех битв Кавказской войны в Дагестане и Чечне тем, что никогда до и после Аргвани Шамилю не удавалось собрать такого количества горцев вместе.

Summary

The article examines one of the most important events of the Caucasian War – the battle of the village of Argvani. On the one hand, it was opposed by the mountaineers of Dagestan under the leadership of Imam Shamil, and on the other, by Russian soldiers led by the tsarist generals. An analysis is given of the causes, course, significance and consequences of this battle for the outcome of the struggle of the mountaineers of Dagestan in the Caucasian War. The battle at the village of Argvani preceded the battle at Akhulgo and a significant number of troops took part in it on both sides; it was bloody. The Argvani battle differs from all the battles of the Caucasian War in Dagestan and Chechnya in that never before or after Argvani did Shamil manage to gather so many highlanders together.

⁹ Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 54 – 65.

¹⁰ Богуславский Л. А. История Апшеронского полка. 1700–1892: в 3 томах. СПб.: Тип. Мин. путей сообщ. (А. Бенке), 1892. С. 496.

Литература

1. *Богуславский Л. А.* История Апшеронского полка. 1700–1892: в 3 томах. СПб.: Тип. Мин. путей сообщ. (А. Бенке), 1892.
2. *Джамалудинов М.Д.* Сражение в селении Аргвани летом 1839 года // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4.
3. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Изд-во «Лотос», 2006.
4. *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850.
5. Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. М.: «Эхо Кавказа», 1997.

Аул в горах Дагестана. Картина худ. Г.Г. Гагарина. 1847 г.

Сцена сражения в Дагестане. Картина худ. Г.Г. Гагарина. 1847 г.

Гапуров Ш. А., Магамадов С. С.
г. Грозный

ОТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА – К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЕДИНСТВУ

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Чечня, российско-горские взаимоотношения, Ушурма-мурза, Ших-мурза, Батай.

Key words: Russia, North Caucasus, Chechnya, Russian-Mountain relations, Ushurma-Murza, Shikh-Murza, Batai.

Северный Кавказ является важной составной частью современной России, регионом, прикрывающим южные границы страны. Российско-северокавказские отношения, зародившиеся в XVI веке, прошли долгий и сложный путь: от военно-политического союза в XVI–XVIII вв. – до государственного единства с рубежа – XVIII–XIX вв.

Российско-горские отношения, российско-горский союз в XVI–XVIII вв. были результатом взаимного притяжения, взаимной заинтересованности. Россия в силу геополитических и стратегических интересов, на пути к превращению в великую державу была крайне заинтересована в утверждении своего влияния на Северном Кавказе. Для этого, в условиях острой борьбы с Турцией и Ираном за регион, Россия нуждалась в союзе с горцами. Сами же горцы также были заинтересованы в торгово-экономических отношениях с Россией и нуждались в ее помощи для отражения постоянных нападений крымских татар, Османской империи и Ирана. В результате этой взаимной заинтересованности в военно-союзнических отношениях горские делегации в XVI–XVIII вв. постоянно посещали Москву (где их принимали на самом высоком уровне) и российские административные центры на Северном Кавказе. Точно так же, официальные российские представители были частыми гостями у горских владельцев и обществ. В результате и заключались различные соглашения о подданстве и покровительстве России над горскими народами, приносились соответствующие присяги «верности» со стороны горцев.

У кавказоведов нет единства мнений об этапах российско-горских взаимоотношений до XX века. По нашему мнению, многовековая политика России на Северном Кавказе может быть разделена хронологически на четыре этапа: 1) вторая половина XVI – конец XVII века, когда происходит закладка ее основ, намечаются стратегические цели, путем «проб и ошибок» идет поиск оптимальных форм и методов установления российского влияния в крае, форм взаимоотношений с местными народами, Россия закрепляется на дальних кавказских рубежах;

2) XVIII век – переходный период в кавказской политике России, когда она явственно начинает одерживать верх в борьбе с Турцией и Ираном за Северный Кавказ, а в отношениях с горцами происходит постепенный переход от «политики ласканий» к политике силового давления;

3) первая четверть XIX в., когда российское правительство начинает устанавливать свою реальную административную власть на Северном Кавказе предельно жесткими, военно-силовыми методами, что явилось основной причиной Кавказской войны 20–50-х годов XIX в.;

4) конец 1820-х годов – 1864 год, время российско-горской (Кавказской) войны, завершившейся окончательным присоединением Северного Кавказа к России, полным установлением здесь российской власти.

XVI – середина XIX в. – это время сложных, далеко не прямолинейных взаимоотношений между Россией и горскими народами, когда «помимо войн, грабительских набегов, оборони-

тельно-наступательных союзов и контрсоюзов, существовали отлаженные торговые, политико-дипломатические, культурные связи на всех уровнях, династические браки, личная дружба и симпатии между правителями и пр. ...Граница между Российским государством и местными раннеполитическими образованиями находилась в подвижном состоянии, представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения (даже в период Кавказской войны), но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные (куначеские) связи. Шел процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие...» [1].

Своеобразными вехами в становлении и развитии политических отношений между Россией и горскими владельцами (или обществами) становилось подписание соглашений о верности и подданстве горцев России, в которых оговаривались, как правило, права и обязанности сторон. Как известно, первыми акт о вступлении в российское подданство подписали кабардинские феодалы. Они же в 1558 г., в условиях резко возросшей турецкой угрозы Кабарде заключили с Москвой соглашение, ставшее «образцом для последующих договорных грамот, заключаемыми Москвой с северокавказскими феодалами» [2]. За покровительство и защиту кабардинцы обязаны были выставлять войска против врагов России, от них требовалось полное и безусловное подчинение. Нарушение горской стороной взятых на себя обязательств предусматривало серьезное наказание.

Историю становления и развития российско-северокавказских отношений в XVI–XIX вв. нам бы хотелось показать на примере Чечни.

Первые контакты между русскими и чеченцами восходят к раннему средневековью. В конце же XVI века между Россией и Чечней устанавливаются отношения военно-политического союза.

В таком сближении, в создании такого союза были заинтересованы обе стороны – и чеченская, и российская. Российские городки-укрепления, казачьи станицы по Тереку (в 1567 г. была основана станица Червленая, в 1569 г. – Щедринская, в 1588 г. в устье р. Терек была построена российская крепость Терки) [3], являлись одновременно и центрами местной торговли и чеченцы крайне были заинтересованы в продаже здесь излишков своего производства (земледелия, скотоводства, домашних промыслов) и приобретении необходимых для себя мануфактурных товаров. Чеченцы рассчитывали также на помощь царских властей в борьбе с кабардинскими и дагестанскими феодалами, стремившимися установить свою власть над переселяющимися на равнину чеченцами.

Интерес московского правительства к Чечне объяснялся прежде всего ее географическим положением – непосредственным соседством с терскими городками и тем, что по ее территории проходили наиболее удобные пути сообщения с Грузией [4] (с которой Россия интенсивно начала обмениваться посольствами с 80-х годов XVI века, заинтересованная в распространении своего влияния в Закавказье, откуда уже был непосредственный выход в страны Среднего Востока и в Индию). Основным путем, связывающий Московское государство с первыми его союзниками на Кавказе – Кабардой и Грузией, – назывался в источниках «дорога в черкасы», Черкасской дорогой. Один из важных отрезков ее проходил вдоль левобережья Сунжи в непосредственной близости от мест обитания чеченцев и вел затем по верховьям Терека через кабардинские и ингушские владения в Грузию [5].

«Эта малодоступная страна (Чечня – Авт.) лежала первою на пути распространения русского владычества не потому только, что она приходилась ближайшею к русским владениям, с которыми не могла не сталкиваться постоянно, – подчеркивал В.А. Потто. – Главнейшее ее значение было в том, что она, со своими богатыми горными пастбищами, с дремучими лесами, посреди которых были раскиданы роскошные оазисы возделанных полей; с равнинами, орошенными множеством рек и покрытыми богатою растительностью была житницей бесплодного каменистого Дагестана. И только завоевав Чечню, можно было принудить к покорности и мирной гражданской жизни горные народы восточной полосы Кавказа...» [6]. Стратегическую значимость Чечни увеличивал и тот факт, что по ее территории проходила так называемая «Османовская дорога».

(Название его связано с событиями 1583 года, когда турецкий Осман-паша с войском, шедшим из Дербента в Крым, «был побит на Терке» казаками) [7]. По ней осуществлялась связь Дагестана с Кабардой и северокавказских народов с Россией. Она шла из Кабарды вдоль Терского хребта, мимо современной станицы Горячеисточненской, пересекала Сунжу южнее Сунженских городков 1635, 1651 и 1653 годов и далее через Качкальковский хребет, через чеченские земли мичкизов, ауховцев и выходила к Таркам [8].

Разумеется, в XVI–XVII вв. царизм не ставил задачу завоевания или покорения Чечни: но стратегическая важность Чечни для дальнейшего продвижения на Северном Кавказе московским правительством была четко осознана уже тогда. В тот период Россия устанавливала с горскими народами Северного Кавказа отношения военно-политического союза, что вполне устраивало и горскую сторону. Иные формы взаимоотношений между Россией и горскими народами вряд ли были возможными в тот период. В XV–XVII вв. Россия весьма гибко и искусно создавала фундамент для будущего включения северокавказских народов в состав единого российского государства и действовала при этом преимущественно мирными средствами. Как полагала Е.Н. Кушева, установление политических и иных отношений с чеченцами было связано для русского правительства с общими вопросами русской политики на Кавказе и шире – на Востоке, с задачей борьбы с Крымом и Турцией [9].

Основоположником русско-чеченских отношений в 60-е годы XVI в. стал Ушурма-мурза. Во главе со своими подвластными чеченцами-окочанами он вместе с терскими и гребенскими казаками охранял на Кавказе русскую порубежную границу, выходил вместе с казаками в военные походы против противников Москвы на Кавказе (Ушурма имел до ста конников и около тысячи пеших воинов), помогал терским воеводам в строительстве первых русских городков по Тереку, снабжал их продовольствием [10]. После смерти Ушурмы его политический курс – служение России – продолжил его сын – Ших-мурза. При нем русско-чеченские отношения стали очень тесными и приняли качественно новый уровень.

Отношения России и чеченцев к этому времени вполне созрели для того, чтобы уже официально закрепить их путем проведения соответствующих переговоров и подписания договора о союзе. И в том же 1588 году в Москву, ко двору Российского царя, отправляется первое чеченское посольство, с грамотой от Ших-мурзы.

21 ноября 1588 г. чеченский посол Батай был принят царем Федором Ивановичем. В целом аудиенция носила весьма торжественный характер.

В августе 1589 г. в Терки из Москвы прибывают послы московского царя князь Семен Звенигородский и Тихон Антонов, которые привезли Ших-мурзе грамоту московского царя о принятии чеченцев под «покровительство России». С этого времени чеченцы активно участвуют во всех военных и дипломатических мероприятиях «царских людей» на Кавказе.

Таким образом, первое чеченское посольство и присяги чеченских владельцев до и после посольства, по существу привели к официальному оформлению союзнических отношений ряда вайнахских обществ с Россией. Российское правительство информировало дворы европейских государей о вступлении чеченцев в российское подданство [11]. Так, с конца XVI века чеченцы твердо и осознанно избрали политический курс на сближение и единство с Российским государством.

В XVII веке политические и экономические связи чеченцев с Россией расширяются и укрепляются. Ориентация большинства чеченских обществ на союз с Россией становится господствующей тенденцией в развитии Чечни.

Уже к середине XVIII в. значительная часть чеченцев, учитывая выгоды торгово-экономических связей с русскими поселенцами, «обнаруживали относительную устойчивость в отношениях с Россией» [12]. В 1747 г. российское подданство приняли жители обществ Чебутли, Шали, Алды и Герменчик [13]. В 1748 г. Коллегия иностранных дел России установила жалованье 50 чеченским старшинам и четверым князьям: Росланбеку Айдемирову, Алисултану и Алибеку Казбу-

латовым, Турлову, принявшим российское подданство [14]. Видимо, В.А. Потто не без оснований отмечал, что к середине XVIII в. большая часть Чечни считалась в российском подданстве [15]. Я.З. Ахмадов считает, что в течение первой половины XVIII в. взаимоотношения Чечни с Россией намного расширились, ориентация на Россию стала преобладающей [16].

Несомненно одно: продвижению, утверждению России на Северном Кавказе способствовало наличие пророссийских политических настроений среди определенной части местного населения. Они обуславливались тем обстоятельством, что в России, как мощном военном и политическом факторе, были заинтересованы различные общественные слои, стремившиеся использовать его в своих целях. Сфера распространения этих настроений, бывало, сужалась, в том числе из-за просчетов русской администрации, желавшей ускорить вовлечение новоприобретенных территорий в общеимперскую систему [17].

Царское правительство, в свою очередь, подчеркивало в документах середины XVIII в., что «чеченской подданной ея императорского величества народ», «жительство имеет на реке Сунже из гор вытекающей, не в дальнем расстоянии от Червленного и Щедрина казачьих городков, в гористых и лесных, а потому и весьма крепких местах» [18].

Даже крайне неровные, иногда противоречивые русско-чеченские отношения конца XVI – первой половины XVII в. «вполне созидательно сказывались на Чечне». Наметился процесс национальной консолидации, «менялся внутренний и внешний мир Чечни», она втягивалась в российское экономическое пространство, ускорилось развитие внутренних социальных процессов [19]. Однако это в целом поступательное развитие русско-чеченских отношений шло далеко не прямолинейно и зачастую прерывалось непоследовательной, непродуманной политикой и действиями царской администрации в крае. М.М. Блиев подчеркивает, что «российские власти не имели еще достаточного опыта, чтобы строить свои контакты с учетом многообразия этнокультурных сообществ, с которыми им предстояло столкнуться. Они не вникали в веками складывавшиеся межэтнические отношения северокавказских народов, ...не отдавали себе отчета в том, к каким последствиям приведет столь активное вмешательство в незнакомый и в сущности чуждый для них мир» [20].

Важным этапом в присоединении Чечни к России явилась последняя треть XVIII в.

В 1781 г. целый ряд равнинных чеченских обществ подписали соглашения (договоры) о подданстве России, весьма неоднозначно толкуемые в исторической литературе последних 30 лет. В.Б. Виноградов, М.М. Блиев и их единомышленники назвали это событие «добровольным вхождением Чечни в состав России» [21]. Однако целый ряд авторов (Е.Н. Кушева, Л.И. Лавров, Я.З. Ахмадов, С.С.-А. Исаев и др.) уже тогда (в начале 1980-х гг.) не согласились с этой «концепцией». Они считали, что присоединение Чечни к России – это результат Кавказской войны.

И все же нет сомнения, что в 1781 г. в российско-чеченских взаимоотношениях произошло важное событие, безусловно, наложившее отпечаток на их дальнейшее развитие. Россия с этого времени будет рассматривать Чечню как составную часть своей территории.

Российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев, при всей их непрочности, подготавливали постепенно политическую почву для будущего установления власти России на Кавказе, укрепляли здесь ее позиции. Эти соглашения – особенность кавказской политики России.

Российско-горский союз, пророссийская ориентация большей части тогдашнего горского общества явились главным фактором в победе России над Османской империей и Ираном в борьбе за Северный Кавказ. Так что «реальный вклад» горцев «в обеспечение безопасности собственной территории и российского пограничья» был огромным. Достаточно вспомнить борьбу дагестанцев с иранскими завоевателями и борьбу кабардинцев с крымскими нашествиями. Но с конца XVIII в. Россия берет курс на превращение северокавказских вассалов-союзников в покорных подданных. И задача эта выполняется преимущественно силовыми методами, сводя к минимуму использование политико-экономических средств.

В 1807 году в Чечню, под командованием генерала Булгакова вводятся российские войска. Многие чеченские равнинные селения были уничтожены. По требованию военных властей почти все равнинные чеченские общества подписали (уже в который раз) соглашения о принятии чеченцами российского подданства. Эти соглашения были отосланы в Тифлис, на утверждение Кавказского наместника, а оттуда – и на хранение в Петербург. Целый ряд историков считают, что именно в 1807 году произошло реальное присоединение Чечни к России.

Однако к 1816 году, ко времени приезда на Кавказ в качестве наместника генерала А.П. Ермолова, с чьим десятилетним правлением связывается начало Кавказской войны, практически вся горная часть Чечни была вне контроля России. Да и на чеченской равнине российская власть существовала лишь на бумаге. С 1818 года и до 1859 года почти на всей территории Чечни (за исключением притеречных районов) идут военные действия.

Окончательное присоединение Чечни к России происходит в 1859 году, с окончанием Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе.

Таким образом, присоединение Чечни (и остальных северокавказских регионов) к России – это длительный исторический процесс. Он начался в конце XVI в. и завершился в 1859 году. Это результат применения и действия различных методов: политических, экономических, культурных и военных. Утверждая свою власть на Северном Кавказе, Россия исходила из своих геополитических, стратегических и экономических интересов. Чеченцы (и горцы в целом) в силу различных причин (политических, экономических) были заинтересованы в союзе с Россией, готовы были и на принятие подданства, но при этом стремились сохранить свою внутреннюю автономию. Однако логика и законы создания державы и империи, из которых исходила Россия (и другие великие державы), отрицали сохранение такой автономии. И тем не менее, с XVI века (адыги с середины этого столетия, чеченцы – с конца, с XVIII века – большинство дагестанских владельцев и обществ) северокавказские горцы стремились к союзу, добрососедству и дружбе со своим великим северным соседом – Россией. С середины же XVIII века стало складываться и российско-северокавказское государственное единство. Процесс этот, замедленный трагической Кавказской войной, завершился к середине 60-х годов XIX века. У северокавказских народов началось ускоренное развитие экономики и культуры, и в результате начались серьезные изменения в социальных отношениях внутри горского общества.

Создание российско-северокавказского государственного единства, когда в рамках одного государства объединились, преимущественно мирным путем, народы с разной культурой, разной религией, разным уровнем общественного развития – уникальное явление, аналога которому нет в мировой истории. Это был результат многовекового (XVI–XIX вв.) развития отношений России и народов Северного Кавказа, когда обе стороны взаимно были заинтересованы в союзе и в государственном единстве. Разумеется, это был сложный и длительный путь.

Резюме

В статье рассматриваются российско-горские отношения в XVI–XVIII вв. которые были результатами взаимного притяжения, взаимной заинтересованности. Россия в силу геополитических и стратегических интересов, на пути к превращению в великую державу была крайне заинтересована в утверждении своего влияния на Северном Кавказе.

Отмечается, что у кавказоведов нет единства об этапах российско-горских взаимоотношений до XX века. Авторы статьи придерживаются мнению, что многовековая политика России на Северном Кавказе может быть разделена хронологически на четыре этапа. Дается характеристика этих этапов.

Присоединение Чечни (и остальных северокавказских регионов) к России – это длительный исторический процесс. Это результат применения и действия различных методов: политических, экономических, культурных и военных.

Summary

The article examines Russian-mountain relations in the 16th-18th centuries, which were the results of mutual attraction, mutual interest. Russia, due to geopolitical and strategic interests, on the way to becoming a great power, was extremely interested in establishing its influence in the North Caucasus.

It is noted that Caucasus scholars do not have a consensus on the stages of Russian-Mountain relations before the twentieth century. The authors of the article are of the opinion that Russia's centuries-old policy in the North Caucasus can be divided chronologically into four stages. Characteristics of these stages are given.

The annexation of Chechnya (and the rest of the North Caucasus regions) to Russia is a long historical process. It is the result of the application and action of various methods: political, economic, cultural and military.

Литература

1. Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности //Институт цивилизации (Владикавказ). Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 1999. С. 94.
2. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988. С. 34.
3. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1912. С. 74.
4. Там же.
5. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв. //Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 26.
6. Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 65-66.
7. Магомадова Т.С. Указ. соч. С. 25.
8. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI-первой половине XVII в. //Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии... С. 20.
9. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сборник документов. М., 1997. С. 10.
10. Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) //Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII-начало XX в.). Грозный, 1983. С. 27-28.
11. Там же.
12. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М., 2004. С. 80.
13. ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3372. Л. 1 об. – 2.
14. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д.1. Л. 74.
15. Потто В.А. Указ. соч. С. 72.
16. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века //Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии.... С. 65.
17. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. М., 2003. С. 16.
18. АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1757 г. Д. 9. Л. 1.
19. Блиев М.М. Указ. соч. С. 83.
20. Там же.
21. Бузурганов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный. 1980.

Гумба М.В.
г. Сухум

УНИЧТОЖЕНИЕ ГОРЦАМИ ЧАСТИ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОССТАНИЯ 1840 ГОДА

Ключевые слова: черноморская береговая линия, западный кавказ, царское командование, береговая торговля, блокада, горцы, солдаты, восстание, штурм, уничтожение

Наибольший накал сопротивления горцев Западного Кавказа был вызван неурожаем в 1839 году, который привел к голоду зимой 1840 года. Зима оказалась очень суровой, падеж скота и неурожай обрекли население на небывалые лишения¹. Виной всех бедствий, горцы считали российские войска, которые своим присутствием лишали и препятствовали их традиционному образу ведения хозяйства, источников дохода и т.д.². Оттесненные в предгорья убыхи и шапсуги, вследствие суровой зимы, испытывали большие трудности. На побережье их не пропускали царские укрепления, из-за чего они были лишены элементарной возможности произвести натуральный обмен через береговую торговлю.

Вместе с тем, военное командование на Кавказе, вынашивая план покорения горцев, преследовала цель не только силового воздействия, но и экономического подчинения. Для чего при укреплениях были открыты меновые дворы.

Вблизи укрепления Гагры кое-где наблюдались признаки меновой торговли, но на территории возле укреплений, находящихся непосредственно в земле убыхов, она совершенно отсутствовала.

Царское командование умышленно запретило продажу хлеба из продовольственных складов кордонных укреплений, полагая, что эта мера сломит гордых горцев, и они перестанут сопротивляться. В рапорте Л.М. Серебрякова от 31 января 1841 года на имя ген. Н.Н. Раевского прямо сказано: «...потому что голод и хищных зверей делает ручными»³.

На всеобщем совете горцев было принято решение – уничтожить Черноморскую береговую линию и захватить склады с продовольствием. Совет возглавил князь Хаджи Берзек Дагамуко, за голову которого в 1839 году, генерал Н.Н. Раевский предлагал 1000 рублей серебром. Так, начиная с 7 февраля 1840 года, в течении двух месяцев (февраль, март) под сильным натиском горцев начинается целая серия, вооруженных нападений на Российские укрепления.

Первым 7 февраля был разрушен форт Лазаревское⁴, можно сказать, что он был взят без боя (всего 15 минут). Именно этот положительный результат, дал необходимый импульс к дальнейшим действиям.

Далее были взяты: 27 февраля Головинское⁵, 29 февраля Вельяминовское⁶, 22 марта Михайловское⁷ укрепления. 14 марта под угрозой штурма находилось укрепление Святого духа. 23-24 марта было взято Навагинское укрепление в устье реки Сочи, но его не удалось удержать. После

¹ Акты Кавказской Археографической комиссии, (в дальнейшем АКАК). Т.-9, с. 500.

² ГАКК. Ф.260,д.558. В кн.: Материалы по истории Абхазии.Т.-2.... с. 308.

³ АКАК. Т.-9, с. 500.

⁴ Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. – Санкт-Петербург 2009. с. 128.; Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. Исторический сборник. 1935. № 4. В кн.: Материалы по истории Абхазии в 7-ми томах. Т-2, с. 147.

⁵ План был изменен, и они повернули обратно. См.: АКАК. Т. – 9, с. 480-481.

⁶ Лавров Л.И. Убыхи... с. 129.

⁷ Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Майкоп. 1993. с. 56-59.

полученного призыва к действию натухайцы, объединившись с шапсугами 30 марта 1840 года, взяли еще одно укрепление – Николаевское⁸. Весть об успешном движении убыхов завлекла и абадзехов. Собрал большое ополчение, к которому присоединились шапсуги и убыхи, 26 мая предприняли попытку захвата Абинского укрепления. Под градом пуль, картечи и ручных гранат, пренебрегая жизнью, бросились они на штурм. Но силы оказались неравными, Попытка закончилась большими потерями, горцы потеряли 685 человек⁹. Необходимо отметить, несмотря на то, что шапсуги и садзы проявляли невиданную храбрость и героизм, и, тем не менее, ведущая, авангардная роль, почти всегда принадлежала убыхам. Здесь уместно вспомнить слова начальника войск в Абхазии ген.м. М.Т. Лорис-Меликова, который отмечал: *«У горцев существует поверье, чтобы стать храбрым, надо пожить и поучиться у убыхов»*¹⁰.

В жестокой кровопролитной схватке погибло много как защитников, так и нападающих, историческая хроника пестрит выдержками: *«истреблены все защитники», «гарнизон был изрублен», «взорван пороховой погреб вместе с 3 тысячами черкесов»*¹¹.

Военное командование на Кавказе было в замешательстве, и очень опасалось удара убыхов на Абхазию, что могло повлечь за собой неприятные последствия для Закавказья; с этой целью в срочном порядке был выслан на реку Бзыбь – один батальон с двумя пушками¹².

Таким образом, мы видим, что серийный штурм, береговых укреплений, предпринятый горцами, имел определенный успех, местами он достигал своей цели, местами – нет.

Здесь необходимо указать на причины, мешавшие положительному успеху горцев. В первую очередь это, конечно, разобщенность убыхов и шапсугов. Как правило, жители одной долины, после того, как укрепление на их участке было разрушено, уже удовлетворившись, теряли интерес и неохотно шли в поход в другое «соседнее» укрепление, т.к. оно для них не представляло прямой опасности. Говоря о внутренней разобщенности, можно привести пример взятия убыхами и шапсугами Михайловского укрепления (22 марта), в котором явно не было единства, разногласия их порой чуть ли не доходили до столкновения¹³. И, как сообщает источник, дело дошло до того, что во время второй попытки штурмовать крепость, были расставлены конные заградотряды, чтобы они рубили всякого, кто повернется к врагу спиной¹⁴.

О том, как не все представители шапсугов и натухайцев охотно брались за оружие, отмечал А.В. Фадеев: *«Феодальные элементы шапсугов и наткуаджей (натухайцев) вообще не принимали участия в движении»*¹⁵.

О том, как разобщенность негативно отражалась на освободительной борьбе горцев, писал выдающийся ученый кавказовед Г.А. Дзидзария: *«Однако, слабо поддержанные соседними племенами, убыхи, которые играли ведущую роль в этом движении, в конце концов, теряют свои достижения»*¹⁶.

Именно отсутствие понимания цели и задач, общего единения, необходимости твердого идейного плана и руководства – позволило царскому военному командованию выиграть время, подтянуть резервы и от обороны перейти в наступление. Здесь следует учесть и один весьма важный фактор, который в силу обстоятельств не мог быть преодолен на тот период горцами – это военная морская эскадра русских, ведь именно под прикрытием судовой артиллерии военное командование достигало главного успеха.

⁸ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе... с. 147.

⁹ Лавров Л.И. Убыхи ... с. 130.

¹⁰ акак. Т.-12, с.796.

¹¹ Агумаа А.С. Черноморская береговая линия.//Абхазоведение. № 7. – Сухум. 2012. с.145.

¹² Лавров Л.И. Убыхи ... с. 129.

¹³ Лавров Л.И. Убыхи.... с. 128.

¹⁴ Лавров Л.И. Убыхи.... с. 128.

¹⁵ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе, с. 150.

¹⁶ Дзидзария Г.А. Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине 19 века.//Труды. Т.-3. – Сухум. 2006. с.113.

Были отмечены отдельные колебания и в среде убыхов. Эти обстоятельства позволили русским, уже в апреле 1840 года, вновь занять Вельяминовское и Лазаревское укрепления и более того, организовать карательный отряд по долине реки Псезуапсе, в результате чего было «сожжено 13 аулов с уничтожением всех виноградников и насаждений»¹⁷.

Несмотря на то, что Хаджи-Берзек, на какое-то время лишается союзников в лице шапсугов, он принимает решение привлечь к борьбе западно абхазское население: садзов, ахчипсхувцов, айбговцев, стремясь объединенными силами поднять их на борьбу против царского самодержавия. Эти его намерения по времени совпадают с переговорным процессом царского военного командования с садзами. Здесь командование, в свою очередь преследовало цель, в союзе с садзами, пойти против убыхов. Таким образом, мы видим, что Берзеку не удается в 1840 году достигнуть намеченной цели. Его внимание теперь было обращено конкретно на Абхазию, где ищет союзников среди жителей горных районов, преимущественно дальцев.

Георгий Алексеевич Дзидзария писал: «Он (Хаджи-Берзек – М.Г.) ясно учитывал популярность освободительной борьбы и лояльность к ней абхазских племен»¹⁸.

Осенью 1840 года, Хаджи Берзек с 2.500 горцами появляется на Бзыбь. Но решительных действий с его стороны не происходит, чему помешали разногласия с отдельными представителями убыхской знати. В частности имеется в виду глава сочинских убыхов Аубла Ахмет, который отказался принять участие в наступлении на Абхазию.

Вспомним, что первоначально, царское военное командование на Кавказе было определенно растеряно «такими блестящими успехами убыхов и шапсугов». Известно, что начальник Штаба Кавказской Армии ген. П.Е. Коцебу получив рапорт, в котором сообщалось о падении Лазаревского укрепления – поставил резолюцию «не может быть»¹⁹.

Военный министр, граф А.И. Чернышев, узнав о разгроме Черноморской береговой линии, тотчас понял, что зачинщиками были убыхи. Уже в начале апреля 1840 года, он отдает приказ ген. Н.Н. Раевскому, о немедленной отправке «в землю убыхов» карательного отряда с целью «жечь и уничтожить их посева, жатву и запасы»²⁰.

Император Николай I, возмущенный слабостью своих воинов и успехами горцев, принял решение об увольнении в отставку начальника Черноморской береговой линии Н.Н. Раевского²¹. 6 февраля 1841 года Н.Н. Раевский покинул свой пост. Одной из причин, приведшей к такому разгрому русских укреплений, были не только, тяжелые условия в гарнизоне, где солдаты изнывали от болезней²², но и поставленная на вооружение совершенно устаревшая военная техника. По сообщению А.Н. Дьячкова-Тарасова: «Вооружение их (русских – М.Г.), ружья и артиллерия, были негодны: ружья были тульские, кремневые, прослужившие более 25 лет, а пушки разного калибра, чугунные, служившие с 1815 года с деревянными лафетами, которые были до такой степени гнили, что нередко рассыпались после нескольких выстрелов. Все настоятельные представления ген. Раевского о пополнении и увеличении гарнизонов и высылке годного вооружения оставались без исполнения. Равнодушие военного министра к бедственному положению черноморских гарнизонов дало неожиданно печальный эффект: в 1840 году горцы овладели укреплениями...»²³.

Убыхи, привыкшие из года в год совершать набеги, в основном, для угона скота, захвата пленных (для продажи), первое время, не были готовы к ведению длительного боя. И новую для себя освободительную борьбу они продолжали вести старым оружием и традиционной тактикой. Но, с течением времени, можно наблюдать, как в процессе военных столкновений с русскими стали

¹⁷ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе.... с. 150.

¹⁸ Дзидзария Г.А. Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе.... с.113.

¹⁹ Фадеев А.В. Лекция по обзорному курсу... с. 61.

²⁰ Хафизова М.Г. Убыхи ... с. 80.

²¹ Фадеев А.В. Лекция по обзорному курсу истории Черноморского побережья Кавказа. Стенограмма, с. 62.

²² В частности речь идет о малярии, в год вымирала десятая часть от всего гарнизона. См. Дзидзария Г.А. Труды. Т.2. (2015) с. 7.

²³ Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и их окрестности. – Тифлис 1903. с. 72.

меняться и тактика, и вооружение. Узнав в действии русскую артиллерию, траекторию гаубичных ядер, они в бою стали подходить почти вплотную к русской линии, обезвреживая себя от артиллерийского огня.

Кроме того, военному командованию было известно, что инструкторами в черкесских отрядах были дезертиры из русских войск, большей частью это были поляки. Если в первые годы в штурме крепостей применялся – длинный шест, к одному концу которого крепилась коса, чтобы колоть и рубить противника, а к другому – крючья, чтобы влезать на крепостные стены, то постепенно можно было наблюдать, как стал обновляться арсенал горцев, они стали вооружаться последними новинками европейской военной техники.

Об этом было подмечено Е.А. Головиным в ноябре 1839 года, он в частности писал: *«Видно, что план нападения горцев был соображен с искусством, основанным на знании сильных и слабых частей укрепления и способов обороны его, что заставляет предполагать в составлении его участи – посторонних руководителей. Исполнение было учинено с решимостью и сметливостью, свойственным горцам, а потому оно и удалось до известной степени»*²⁴.

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал П. Х. Грабе, давая анализ происшедшего на береговой линии, в рапорте от 7 апреля 1840 года в адрес военного министра А.И. Чернышева отмечал *«К несчастью, нашлись, как кажется люди, которые умеют управлять этим народным восстанием, придать ему нужное единство и единодушие и направить частные усилия к одной общей и обширной цели... Продовольственные запасы, взятые ими у нас, распределяются правильно по аулам, а орудия, снаряды и порох поручаются ведению некоторых почетнейших старшин. Они хотят, как кажется, воспользоваться этой добычей, чтобы завести у себя артиллерию, в чем им способствуют наши дезертиры из поляков»*²⁵.

После падения российских фортов в 1840 году, вопрос восстановления – уцелевших укреплений стал главенствующим для кавказского военного командования. Вследствие чего, наступательные действия против горцев Западного Кавказа по Высочайшей воле были *«отложены»*. Началась работа по восстановлению и укреплению береговой линии. К этому времени, и гарнизоны береговых укреплений были удвоены и даже утроены, но это в значительной мере было проведено за счет ослабления гарнизонов в Абхазии²⁶.

В укреплениях, в первую очередь, была улучшена её обороноспособность, были восстановлены палисады, где это было необходимо во рву где на бруствере, также внешние постройки: блокгаузов и отдельных башен. Необходимо было перестроить все «средние» укрепления в каменные стены с башнями. Как это было построено в Гаграх.

Таким образом, если военное командование было поставлено в необходимость «отложить» всякие наступательные действия, то результаты погрома береговой линии, еще больше воодушевляли героический дух сопротивляющихся горцев. Тем более, что горцы убедились в возможности их разгрома.

Резюме

В начале 1840 года, с февраля по май, черкесские отряды овладели штурмом целым рядом российских военных прибрежных крепостей и фортов, что фактически означало уничтожение большей части черноморской береговой линии.

Основной причиной возведения этих укреплений являлось стремление российского командования прекратить сношения черкесов с внешним миром, создав в первую очередь экономическую блокаду черкесского побережья.

²⁴ Половинкина Т. В. Адыги История Сочи. Ч. 4. Убыхи во всеобщем восстании Черноморской береговой линии в 1840 году.

²⁵ Половинкина Т. В. Адыги История Сочи. Ч. 4. Убыхи во всеобщем восстании – Черноморской береговой линии в 1840 году.

²⁶ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе, с.151.

Но надежды Российской империи на эти укрепления оказались напрасны: не русские форты и крепости угрожали черкесам, а черкесы держали всех их в постоянном страхе.

Черкесы не только с дистанции расстреливали солдат гарнизона, но и регулярно наведывались и за крепостные стены.

Российское командование, понимая всю уязвимость своих укреплений, старалось снабжать свои гарнизоны всеми необходимыми материалами, доставляя их морским путем.

Черкесы буквально за 3 месяца низвели в прах все усилия Российской империи, потраченные за несколько десятков лет войны. Естественно Империя, находившаяся в зените своего могущества, не могла простить адыгам такого к себе отношения, и уже через год, в октябре 1841, была организована и осуществлена крупная карательная экспедиция под командованием генерала Анрепа, в составе 11 батальонов пехоты и трех тысяч мушкетеров, которая, впрочем, окончилась полным провалом.

Таким образом воинственность горцев низводила в ничто все усилия могущественной Российской империи в её попытках усмирить и покорить их.

Литература

1. Дзидзария Г.А. Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX в.
2. Дьячков-Тарасов А.Н. Гагры и ее окрестности.
3. Хафизова М. Г. Убыхи.
4. Лавров Л. И. Убыхи.
5. Половинкина Т. В. Адыги. История Сочи во всеобщем востании на Черноморской береговой линии в 1840 году.
6. Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны.
7. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе.

Доного Х.-М. М.
г. Махачкала

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АРТИЛЛЕРИИ В ИМАМАТЕ ШАМИЛЯ

Ключевые слова: артиллерия, пушка, лафет, порох, Ведено, Гуниб.

Изготовление и употребление пушек малых калибров в Дагестане отмечено лишь с XVIII в. и только у кубачинцев. Источники дают сведения о захвате трофейных пушек Надир-шаха, но ничего не говорится об их использовании. В 1830 г., захватив в бою у Чарталы русское орудие, сторонники Гамзата вместо того, чтобы попытаться использовать ее, «... прилагали все ухищрения разломать эту пушку, но не могли ничего сделать»¹. Не были использованы две пушки, взятые в том же году в бою воинами имама Гази-Мухаммада под Гудермесом. Именно Шамилю удалось превратить артиллерию в род войск. Более того – сделать серьезные попытки производства собственных горных пушек.

Первым кто предложил отлить пушку, а затем и создать артиллерию был Хидатли-Магома, заведовавший у Шамиля производством пороха и патронов. По его предложению, необходимо было выковать из нескольких железных полос орудийный ствол и сверху для большей прочности обшить его несколькими слоями кожи буйвола. Однако Шамиль не согласился, не веря в осуществление этой идеи.

В 1840 г. в горах были сделаны первые попытки изготовить собственные пушки. Для этого в столице имамата Дарго была организована литейная мастерская. Главным литейщиком являлся Гаджи-Джабраил Унцукульский, который познакомился с литейным делом в Египте (по русским сведениям, в Эрзеруме), во время своего путешествия в Мекку. Первый экземпляр отлитой пушки оказался неудачным, после выстрела орудие разорвалось. Зато следующее оказалось более качественным. «На этот раз отлили хорошую славную пушку. Легко ее передвижение и велико от нее поражение, – отмечал летописец ал-Карахи. – Имам собрал для пушки порох и велел собрать ядра на местах сражений у Ашильта, Ахульго и др.»² (т.е. с мест, где ранее были крупные сражения). В мастерской было изготовлено несколько хороших орудий, вследствие чего в поход 1843 г. Шамиль выступил, имея три пушки собственного литья. Сохранились сведения об изготовлении пушек малых размеров. «Известный среди нас искусством гидатлинец Муртазали, – вспоминал Абдурахман, – отлил нам небольшие пушки с печатью Шамиля. Они были хорошего качества, неплохо стреляли в боях»³.

В 1843 г., во время успешных военных действий против царских войск, Шамилем были взяты трофейные: четыре 6-ти фунтовые пушки, четыре 1/4 пудовых единорога, два 10-ти фунтовых горных единорога и две 5-ти фунтовых мортирки. При поражении русских войск в 1845 г. (Даргинская экспедиция) в руки горцев попало три горных орудия. Тем не менее, дефицит артиллерии сказывался, в связи с чем Шамиль пытался просить помощи у турецкого султана и его окружения. Так, в письме к Ибрагим-паше-беку (1843 г.), одному из приближенных султана (халифа) Абдул-Меджида, Шамиль пишет: «...Просим Ибрагим-паша-бека прислать к нам двух людей, искусных в делании оружия, военных снарядов и в извлечении железа, серебра и про-

¹ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля... С. 44.

² Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля... С. 152.

³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 107.

чих материалов из земли. Об этих людях он может просить даже самого халифа, если найдет нужным»⁴.

В последующем, когда артиллерийское дело в имамате относительно наладилось, Шамиль в одном из писем к султану просит «оградить его величайшей силой», при этом сообщая о некоторых успехах: «...Теперь у нас по милости Божией развились умы и понятия об оружии для военных действий: отливаются орудия, делается порох и конгревовые ракеты, которые в военное время вредят столько же, сколько и самые орудия»⁵.

Благодаря записи рассказа Шамиля, сделанной приставом А. Руновским, можно примерно представить картину всего процесса изготовления артиллерийских орудий в литейной мастерской в Ведено, ставке Шамиля. Вначале изготовлялась цельная, цилиндрической формы опока длиной около 2 метров, в диаметре ее размеры колебались от 50 до 70 см. Опока изготовлялась из железных прутьев, шириною в 3–4 см, толщиной в 1 см. С одного конца прутья переплетались, образуя круглое, плоское дно. Между прутьями имелись промежутки, через которые, по окончании процесса отливки, выбивалась глина. Опока оковывалась в трех, а иногда и четырех местах массивными железными обручами. Ее дно плотно укладывалось сырой глиной, после чего в центре опоки вставлялась форма орудийного ствола, сделанная из дерева; пустое же пространство между стенками опоки и формой набивалось глиной, которую смачивали водой и плотно утрамбовывали.

Приготовленную таким образом опоку ставили на землю, обкладывали со всех сторон дровами и поджигали. Железный каркас и глина накалялись, а деревянная форма, дополнительно политая нефтью, сгорала. Образовавшийся уголь вынимали специальным черпаком. Остывшая опока переносилась к приготовленной яме, куда вертикально опускалась так, чтобы верхняя часть находилась чуть ниже уровня земли. После этого, в центр формы опускали железный цилиндрический брус, оканчивающийся тупым концом (все орудия отливались камерными). Брус предварительно обмазывали глиной, перемешанной с золой. Диаметр бруса зависел от калибра, какой хотели придать орудию. В верхнем конце бруса имелось отверстие, сквозь которое продевался железный прут, опускавшийся на землю и не допускавший, таким образом, чтобы конец бруса дошел до конца формы. Вследствие этого внизу оставалось расстояние достаточное, чтобы образовать дно и торель орудия. После этих действий над ямой складывался большой, каменный конусообразный горн из камня и огнеупорной глины. На дне горна, по направлению оси канала орудия, проделывалось отверстие, которое на время плавки металла затыкалось железною втулкой. В своде горна, над поверхностью металла, проделывались три окна для закладки металла и угля и для контроля за ходом плавки. Дутье устраивалось ниже. Когда горн был окончательно готов, в него закладывали количество металла, необходимое для отливки орудия. Кроме меди других металлов не употребляли, но так как вся медь была с полудюю (котлы, тазы и прочая посуда, конфискованная по разным причинам), то это делало менее чувствительным отсутствие бронзы. После меди в горн насыпался уголь, которого на каждую отливку требовалось не менее ста пудов. Когда металл расплавлялся, из дна горна особыми щипцами вытаскивали пробку, и расплавленная медь стекала в форму. Через несколько дней после того, как отливка остывала, опоку вынимали из ямы, глину разбивали и вытаскивали готовый орудийный ствол. Внешние стенки пушки, так же, как и канал ствола, всегда бывали шероховатыми. Канал опиливали и выравнивали ручными средствами, а само тело орудия обтирали железными брусками и точильным камнем, после чего просверливали затравку. В некоторых случаях качество отливки было сравнительно неплохим, хотя, конечно, и уступало заводской. На стволе выбивалось клеймо с именем имама – «Шамуиль». По окончании работ проводили испытание, для чего заряжали пушку двойным, а то и тройным зарядом. Многие орудия не выдерживали про-

⁴ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов (Далее ШССТАК)... С. 226.

⁵ ШССТАК... С. 367.

бы и разрывались, поэтому из предосторожности фитиль при испытании употреблялся очень длинный, а прислуга пряталась за каким-либо укрытием⁶.

Орудия отливались преимущественно небольшие. Так, например, у телетлинского наиба Абдурахима была пушка, изготовленная в Ведено, длиной около 70 см. «Потребные для этой пушки заряды были так малы, что один человек мог нести до двадцати зарядов. Принадлежащие к ним ядра были с половину кулака»⁷.

Как свидетельствуют источники, за все время правления Шамиля было отлито 40–50 орудий, из которых годными к использованию было признано всего 12–14 пушек. Один из сохранившихся образцов орудий, отлитых оружейниками Шамиля из чугуна, в настоящее время находится в собрании Национального музея Республики Дагестан. Общая длина орудия 940 мм. Дульная часть ствола к концу несколько расширена. Диаметр расширенной части – 74 мм. Толщина стен дула – 16 мм. Калибр – 42 мм. Также немного расширено дно ствола (казенная часть), в конце которого сооружен прицел в виде треугольного разреза. У самого дна канала в стене орудия, справа, над небольшим плоским выступом, имеется сквозное отверстие – запал ($d = 8$ мм), через который заряду сообщался огонь при выстреле. Диаметр каждой цапфы 30 мм. Длина канала 937 мм. Никаких клейм и других знаков на поверхности орудия нет, данных о том, как была приобретена пушка, также не сохранилось, скорее всего, она трофейная, захваченная у горцев после сражения или же в связи с окончательным завершением военных действий. По всей видимости, пушка устанавливалась на деревянном лафете.

Лафеты для орудий изготавливались мастерами по образцу противника, при этом изымался ряд частей, считавшихся, по мнению горцев, лишними. О качестве лафетов сам Шамиль рассказывал, что в Гунибе они «были так ветхи и вообще дурные, что при каждом выстреле орудия выскакивали из своих гнезд; оковки и винты разлетались далеко в разные стороны... Подъемных клиньев, совсем не было, а вместо них защитники Гуниба употребляли большей или меньшей величины камни, смотря по наклону орудия»⁸. Лафеты изготавливали и русские солдаты-перебежчики, находящиеся в Ведено. «Беглые солдаты, – докладывал Устархан, житель селения Катер-юрт, – смотрят за ними и деятельно занимаются постройкою лафетов, зарядных ящиков и колес, часть коих совершенно готова и окрашена зеленою краскою»⁹.

Пушки Шамиля перевозились упряжками из нескольких лошадей, подобными русским. «И надо отдать справедливость, – вспоминал современник, – что при столь непривычной для горцев упряжи, все движения были чрезвычайно быстры и не уступали нашим»¹⁰. Иногда горцы, так же, как и в регулярной артиллерии, подбирали лошадей для одной упряжки по масти. Обслуживали орудия, в основном, беглые русские солдаты. Местные жители, привлекавшиеся в качестве орудийной прислуги, освобождались от всех видов повинностей. Их обучал беглый русский фейерверкер, назначенный на эту должность имамом.

Определенные трудности представляло снабжение артиллерии Шамиля боеприпасами. Это в равной степени относилось как к пороху, так и к снарядам различных типов. Порох изготавливался самым простым методом. Во многих селениях на площади или возле мечети находился большой камень, с выдолбленной в середине глубокой выемкой, представлявшей собой ступку. Житель села, нуждаясь в порохе, собрав все необходимые материалы (селитра, сера, уголь) и расположив их в ступке, придвигал к ней другой камень и укреплял на нем деревянный рычаг, к которому приспособлялся деревянный пест и затем, при помощи двух-трех человек, приводил устройство в движение. При действии рычага, пест дробил селитру, серу и уголь. В полученный порошок добавлялось немного воды и образовавшееся «тесто», перекладывалось в мешок, сши-

⁶ Дневник полковника Руновского... С. 1400.

⁷ Выдержки из записок Абдурахмана сына Джемалэдинова о пребывании Шамиля в Ведено... С. 28.

⁸ Дневник полковника Руновского... С. 1400.

⁹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века (Далее ДГСВК)... С. 498.

¹⁰ А.В. Воспоминания о былом... С. 342.

тый из невыделанной, тонкой подбрюшной кожи барана. Усилиями нескольких человек, мешок приводился в быстрое движение, продолжающееся до тех пор, пока из теста не образовывались зерна, которые затем пересыпали в решето и просеивали. Процеженные крупинки и представляли собой порох, готовый к применению. Оставшиеся в решете крупные зерна, пересыпались в мешок, который вновь трясали. Приготовленный таким образом порох имел буро-зеленый цвет, портился от небольшой сырости, при сожжении, оставлял много копоти и редко бывал хорошего качества¹¹.

Выделка пороха в больших размерах производилась в Дарго, Унцукуле, Ведено, Гунибе. Веденский пороховой завод представлял собой длинное деревянное двухэтажное строение, в верхнем этаже которого была устроена мельница с деревянными жерновами, приводившимися в движение водою из нарочно проведенной через завод канавы. На двух длинных фасах нижнего этажа были установлены 24 каменные ступы, по двенадцати с каждого фаса. При этих ступах были устроены рычаги с тяжелыми деревянными пестами, обитыми листовою медью. Рычаги приводились в движение тоже посредством водяных приводов. Сера и селитра доставлялись в эти мастерские жителями Тлоха, Муно, Гуниба, Хоточа, Хиндаха, Койсубулинского и Андалалского обществ, которым эта обязанность засчитывалась вместо воинской повинности, а кроме того, каждое семейство получало из казны имама по 1,5 руб. серебром.

Непростым было и снабжение артиллерии снарядами. По показаниям русских солдат и офицеров, бывших в плену, к 1843 г. в Дарго, ставке Шамиля, была создана небольшая литейная мастерская, в которой изготовляли ядра и картечь. На ядрах выбивалось клеймо «Шамуйиль», а также надпись: «Да возвеличит и возвысит его Бог еще больше!»¹². Поскольку качество производимых Шамилем снарядов было невысоким и изготовлялись они в небольшом количестве, главным источником пополнения боеприпасов были трофеи. Самый крупный урожай трофейных запасов снарядов, горцам достался после взятия ими русской крепости при Цатанихе в 1843 г. – 30 000 различных снарядов, которые они перевезли в Хидатли и хранили на складе, высеченном в скале. Во время осады Чохарусскими ядрами были заполнены три дома. Практиковался сбор ядер и картечи, выпущенных русской артиллерией, после боя, что поощрялось Шамилем в виде отмены установленного налога для жителей некоторых селений.

Горцы умели начинать гранаты, однако нередко ввиду дефицита пороха и запалов, они заполняли их песком и стреляли ими, как ядрами. В некоторых сражениях, когда не хватало снарядов, пользовались каменными ядрами, выделывавшимися тут же на месте, в других случаях стреляли осколками топоров и других железных инструментов. Наконец, однажды горцы отливали ядра из чугуна, материалом которому послужили орудия, брошенные русскими в Хунзахе в 1844 г.

Интересной особенностью артиллерийского дела в имамате можно считать использование трофейных и создание собственных ракет. Изготавливались они в слободе, где проживали русские перебежчики, расположенной недалеко от местожительства Шамиля в Ведено. По свидетельству Абдурахмана, ракеты готовил бывший русский солдат Урус-Хасан, параллельно обучая этому делу горцев, и впоследствии этим стали заниматься местные мастера¹³.

В 1933 г. А. Генко, исследуя карту ставки Шамиля в Ведено, из архива графов Шуваловых переданную с другими материалами в рукописное отделение библиотеки Академии наук, а затем в Историко-археографический институт, автором которой являлся Хадджи Йусуф (Сафаров), обратил внимание на несколько «различных изображений, нанесенных на карту слева от Ведено...»¹⁴. Над схемой одного помещения, как отмечает А. Генко, «изображено 15 неясного назначения предметов (не то копий, не то шомполов), приписано «Это дом, где сохраняются yalunus». Здесь же А. Генко отмечает, что «yalunus» «слово не арабское, установить проис-

¹¹ Дневник полковника Руновского... С. 1399.

¹² Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 107.

¹³ Выдержки из записок Абдурахмана сына Джемалэдинова о пребывании Шамиля в Ведено ... С. 23.

¹⁴ Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля... С. 30.

хождение и точное значение затруднительно». На самом деле, слово «yalunus» не арабского, а аварского происхождения, и на аварском языке звучит как «гьалупуш», т.е. ракеты. Подтверждением этому может служить перехваченное русскими письмо имама Шамиля, адресованное турецкому султану Абдул-Меджиду в 1843 г., в котором он пишет: «Из числа орудий мы делаем большие ружья, также сами делаем и порох; кроме сего мы делаем стрелы в большом размере, бросаемые посредством пороха. Стрелы эти вредотворностью равняются большим ружьям, их на нашем языке мы называем галуфушь»¹⁵. Примечательно, что переводчик письма, капитан Ахундов, выказывает предположение, что «галуфушь» – это конгревовые ракеты. То есть речь идет о так называемой «ракетe Конгрива», разработанной Уильямом Конгривом (1772–1828) и состоявшей на вооружении армии Великобритании в первой половине XIX в., позже принятой на вооружение во многих других армиях мира, в том числе и в России. Сопоставление чертежей Конгрива и рисунка Хаджжи Йусуфа на карте убедительно подтверждает рассказ Абдурахмана о производстве ракет в имамате. Как известно, ракета Конгрива была пороховой, с оболочкой из листового железа и основанием, прикрывавшимся диском с отверстием посередине, из которого при пуске выходила реактивная струя, а направление пущенной ракеты координировал шест-стабилизатор. Однако полностью освоить это оружие, в то время, еще недостаточно разработанное даже в европейских армиях, горцы не смогли и, судя по сохранившимся данным, боевое применение ракет с их стороны чаще всего оканчивалось неудачей. Например, в ночь с 6 на 7 февраля 1853 г. горцы использовали ракеты против лагеря русских войск, расположенного у ручья Шевдон. Ракеты не причинили русским никакого вреда, так как они «подымались сажен на пять, и с этой высоты или обратно спускались к горцам, или разрывались, освещая на мгновение лагерь»¹⁶. К тому же для их изготовления требовалось железо и качественный порох, которые всегда были дефицитом. Так, в 1854 г. во время похода в сторону Кахетии, горцы сорвали с одной из башен на Лезгинской линии железную крышу, которая впоследствии использовалась как материал для изготовления ракет. «Был у нас и железоплавильный завод, – вспоминал Абдурахман, – но через короткий срок им перестали пользоваться из-за отсутствия (у нас) умения плавить железо. Оно дробилось при ударе молотком»¹⁷.

Горцы применяли различные виды стрельбы. В большинстве случаев они стреляли навесно, в связи с чем сильно снижалась эффективность их орудий, но нередко велся настильно-рикошетный огонь, который наносил большой урон противнику. Орудия устанавливались на выгодных позициях и дополнительно укреплялись. «Неприятельская батарея, – вспоминал современник, – вся освещенная солнцем, рисовалась, как на ладони. Видна была ее прочная одежда из толстых брусев, окутанных кругом колючкою и валежником»¹⁸. Вместе с тем артиллерия Шамиля отличалась большой подвижностью на поле боя, а также в труднопроходимых местах, благодаря использованию конной тяги. Стремясь сохранить свои пушки от неприятеля, горцы достигли совершенства в искусстве моментально снимать орудия с огневой позиции и прятать в различных трудно достигаемых местах. По словам очевидцев, «в искусстве прятать свою артиллерию в минуту крайней опасности, горцы ... могли перещеголять все народы земного шара»¹⁹.

Шамиль предписывал беречь орудия не только ввиду их сложного изготовления, но и, как нам представляется, по той причине, что наличие артиллерии в его армии увеличивало авторитет имама в глазах подвластных народов. Вся артиллерия горцев имамата находилась непосредственно в распоряжении Шамиля, который в зависимости от обстоятельств распределял ее между своими наибами. Так, в письме к наибу Галбацу имам писал: «Я разрешил тебе взять два орудия в твой

¹⁵ ШССТАК... С. 228.

¹⁶ А.В. Воспоминания о былом... С. 344.

¹⁷ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 109.

¹⁸ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 г.... V. С. 80.

¹⁹ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 г.... С. 170.

вилайет»²⁰. По велению имама мобильные пушки находились у некоторых наибов, например, у Талхика, Османа, Саадулы, Хаджи-Мурада. Среди опытных горцев-артиллеристов и начальствующих артиллерией, можно отметить таких как Талхик из с. Шали, Яхья Хаджи из с. Чиркей, наиб Сухайб из с. Арсеней, Мухаммад-Мирза Анзоров из Малой Кабарды и др.

Пушки крупных размеров, большей частью трофейные, использовались для защиты крепостей: в селении Карата, резиденции Гази-Мухаммада, сына Шамиля, в крепостях Улиб, Чох и др. В Ирибе, одной из сильнейших крепостей Шамиля, находилось девять орудий разных калибров. Установить точное количество пушек, бывших в распоряжении Шамиля сложно, поскольку оно постоянно менялось, можно лишь констатировать их число по различным источникам. По словам наиба Хаджи-Мурада, в 1851 г. у Шамиля было до 30 орудий русского литья. Из беседы Шамиля с М. Казем-беком в октябре 1859 г. в Санкт-Петербурге, известно, что «артиллерия у Шамиля доходила до ста орудий»²¹. По другим данным, в течение 1856–1859 гг. царскими войсками у горцев было отбито 60 орудий, а на заключительном этапе военного противостояния командующий Кавказской армией князь А. Барятинский 22 августа 1859 г. докладывал царю: «48 пушек, все крепости и укрепления неприятельские в наших руках»²².

Несколько иная обстановка была на Западном Кавказе, где артиллерия стала использоваться местными горцами раньше, чем в Чечне и Дагестане. Здесь пушки являлись собственностью отдельных владельцев, но артиллерия не достигала такого развития, которое она получила в войсках имама. В лучшем положении орудия были у черкесов, ведущих военные действия на Черноморском побережье, «поскольку фактически ими распоряжались и обслуживали их турецкие и европейские агенты, засылаемые на Кавказ»²³.

Таким образом, за сравнительно короткий срок имаму Шамилю в непростых условиях и при отсутствии соответствующей материально-технической базы удалось создать боеспособную артиллерию. Несмотря на то, что она уступала артиллерии русской регулярной армии, данный факт не может не вызывать удивления. Артиллерия как род войск, впервые созданная на Кавказе, явилась значительным фактом в деятельности имама Шамиля по созданию им регулярных вооруженных сил.

Summary

Many years of resistance to a strong enemy during the Caucasian War testify to the fact that the army of Imam Shamil was well organized. The study of the types of troops, weapons, tactics and strategy of the army of the Imamate of Shamil (1840–1859), despite a number of publications of different times, requires more attention and painstaking research. One of the important areas is the study of the history of the creation of artillery. Shamil managed to turn artillery into a branch of the army. Moreover, to make serious attempts to produce their own mountain guns.

Литература

1. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / перевод с арабск. М.-С. Саидова. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1997.
2. А.В. Воспоминания о былом // Военный сборник. 1872. Т. LXXXIII. № 2. С. 313–358.
3. Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник. 1880. Т. V. С. 1–234.
4. Вилинбахов В. Артиллерия Шамиля // Ученые записки ИИЯЛ ФАН. – Махачкала, 1963. С. 159–172.

²⁰ ДГСВК... С. 483.

²¹ Каземек М.А. Муридизм и Шамиль... С. 222.

²² Всеподданнейшая телеграмма ген.-адъют. кн. Барятинского, от 22-го августа 1859 года. – Главная квартира при ауле Кегер // АКАК. 1904. Т. XII. С. 1171.

²³ Вилинбахов В. Артиллерия Шамиля... С. 168.

5. Всеподданнейшая телеграмма ген.-адъют. кн. Барятинского, от 22-го августа 1859 года. – Главная квартира при ауле Кегер // АКАК. 1904. Т. XII. С. 1171.
6. Выдержки из записок Абдурахмана сына Джемалэддинова о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем. – Тифлис, 1862.
7. Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1933. [Т.] II, [Вып.] 3.
8. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории языка и литературы им. Гамзата Цадасы. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959
9. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 гг. // АКАК. – Тифлис, 1905. Т. XII. С. 1395–1526.
10. Казем-Бек Мирза А. Муридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. Вып. XII. С. 182–242.
11. К. Обзор событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. 1894. Т. XV. С. 451–505.
12. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А.М. Барабанова; предисл. акад. И.Ю. Крачковского; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941.
13. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. – Тбилиси, 1953.

Кидирниязов Д.С.
г. Махачкала

УЧАСТИЕ НОГАЙЦЕВ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Турция, ислам, политика, освободительная борьба, руководители, итоги, переселение.

В 1817 г. началось народно-освободительное движение горцев региона против колониальной политики имперских властей. В Кавказской войне XIX в. участвовали многие народы края.

Ногайцы, как и другие местные народы, жившие в центральных районах Северного Кавказа, в силу ряда причин не испытали на себе большого влияния движения горцев под руководством первого имама Дагестана – Газимухаммеда. Документальные факты свидетельствуют о том, что часть ногайцев, хотя и сочувствовали повстанцам, а некоторые из них даже участвовали в народно-освободительном движении горцев, под угрозой опасности со стороны близлежащих русских крепостей и кордонной линии не могли принять активного участия в борьбе с имперской Россией.

Однако архивные документы указывают о том, что эндириевские, костековские, аксаевские, тарковские ногайцы Дагестана активно участвовали в начальном этапе Кавказской войны во главе с имамом Газимухаммедом.

Значительные архивные документы говорят о том, что к ногайцам приходили проповедники из среды горцев, чтобы привлечь их к движению. Так, в октябре 1831 г. к ногайцам приезжали горцы во главе с абреком Абдулкеримовым. Ногайцы дали им для продовольствия баранов и учинили между собою присягу «О приезжавших к ним начальству не заявлять» [11, Ф. 1. Д. 15, л. 141].

Еще раньше, в июне 1828 г. в пределы Кавказской области вторгся вооруженный отряд адыгов численностью 3 тыс. человек, и напал на с. Незлобное. Восставшие также хотели присоединить ногайцев к себе и воевать против русских, но были отбиты русскими войсками [11, Ф. 1. Д. 15. л. 93].

За сопротивление местной администрации российское правительство в отдельных случаях расселяло местные народы в русских селах и станицах и даже выселяло в другие губернии. В частности, в 1832 г. царь Николай I в наказание за участие ногайцев в борьбе горцев против российских властей предложил русской администрации переселить в Саратовскую губернию 300 ногайских семей. Их предполагалось расселить мелкими партиями с тем расчетом, чтобы следующее поколение уже ничего не знало о прежних обычаях и обрусело [1, Т. 8. с. 770].

Победы восставших повстанцев в начале 30-х гг. XIX в. над российскими войсками и силами местных владетелей послужили сигналом к массовым волнениям населения в зависимых русской власти районах Дагестана. На основании сведений Прушановского, в лагерь Газимухаммеда «начали стекаться все храбрейшие горцы Дагестана» [13, Ф. 100. Оп. 2. Д. 122, л. 29-29об.].

Вскоре Газимухаммед перенес свои действия на Северный Дагестан, который в это время был охвачен восстанием. Здесь главным театром военных действий между повстанцами и российскими войсками стала крепость Внезапная (к востоку от Эндирей, на переправе через Сулак), а также Кумыкская равнина. Еще до подхода отряда имама Газимухаммеда Внезапная была обложена восставшими салатавцами (аварцы), чеченцами, а также жителями окрестных кумыкских и ногайских сел.

Когда в 1831 г. Газимухаммед прибыл под крепость Внезапную, «все кумыки, исключая одной деревни Аксаевской, уже передались ему, – доказывал ген. Эмануэль управляющему главным

штабом ген.-адъютанту Чернышеву, – а жители деревни Казийорт переселены все Кази-Мулою к Костекам» [5, с. 95].

Однако, вооруженные выступления в зависимых русской администрации районах Дагестана ширились, многие жители Засулакской Кумыкии (кумыки и ногайцы), оставляя свои родные очаги, уходили в недоступные для русских войск места. Такие крупные селения, как Казийорт, Чонта-аул, Костек и некоторые другие стали почти безлюдными [2, Т. 14, с. 158]. О широком участии жителей Кумыкской плоскости в выступлении против русской администрации и известие Служивого, который указывал, что появление отряда ген. Эмануэля «заставило удалиться в горы» Газимухаммеда из-под Внезапной, но тем не менее кумыки (и ногайцы) толпами стали уходить под знамена имама» [14, Т. 14, с. 56].

В одном из архивных источников упоминается о переходе на сторону Газимухаммеда во время его действий под крепостью Внезапной не только крестьян и узденей Засулакской Кумыкии, но и некоторых князей, состоящих на российской службе [12, Оп. 2, Д. 13454, л. 2-14].

Н.А. Волконский указывал, что «андреевские и костековские ногайцы» примкнули к осаждающим крепость Внезапную [2, Т. 13, с. 223].

Когда имперские войска были заняты подавлением восстания в Южном Дагестане, Газимухаммед предпринял поход в Кумыкскую плоскость, где к нему присоединились жители Эндирея, Аксая и близлежащих чеченских сел [1, с. 670].

Вслед за крайне репрессивными мерами имперских войск в Кумыкской равнине, например, в Верхнем Чирюрте, устроенными отрядом ген-м. Вельяминова (который, как отмечал Н.А. Волконский, оказал важное «влияние на кумыков и на остальных ногайцев, доселе... упорствовавших»), «отложившиеся кумыки и ногайцы стали постепенно водворяться на прежних местах и к 10 ноября возвратились до 145 семейств в Казийорт, в Чонтаул – до 70 семейств, а в Костек – до 30 семейств» [2, Т. 14, с. 158].

Вслед за подавлением вооруженного выступления в Засулакской Кумыкии и Чечне Газимухаммед вынужден был возвратиться во Внутренний Дагестан, имам остался в селе Ирганай и стал создавать оборонительные укрепления к нему. Туда на помощь ему, по сведениям Мухаммед-Тахира, прибыли «его последователи из Чечни и Кумыкской плоскости» [10, с. 10].

В 1834 г. руководителем стал имам Шамиль.

В 1834 г. за причастность к Кавказской войне по приговору военного суда 4 ногайца: Джумали Сойнакаев, Отекай Джанмагомедов, Кинджакай Баймагомедов и Темирбулат Аджигулов со своими семьями были высланы в Саратовскую область [11, Оп. 1, Д. 15, л. 469]. В 1846 г. джамаат аула Едишкуль-бии (князя), муллы и представители народа в количестве 77 человек представили прошение к Главнокомандующему Кавказской области о разрешении этим сосланным возвратиться обратно. В скором времени было возбуждено ходатайство Главнокомандующего Кавказской области. В начале 1848 г. вышел высочайший указ этим ногайцам вернуться назад [11, Оп. 1, Д. 15, л. 469].

Ситуация на Кумыкской равнине также была беспокойной для имперских властей. Жители ее, испытывая нужду и неприятности непосредственно от местной русской администрации, готовы были принять сторону Шамиля.

Беспокойство главнокомандующего российскими войсками на Кавказе ген. Головина за преданность местного населения зависимых ему районов Дагестана не были неожиданными, так как люди довольно часто переходили на сторону Шамиля при появлении его отрядов. Российское командование также беспокоилось, что жители равнинных и предгорных районов не последовали бы примеру вайнахов-чеченцев, и не стали переселяться в горы. Так, в начале 1842 г. начальник Сунженской кордонной линии доносил ген-м. Ольшевскому о подготовке побега в горы не только кумыкских крестьян, но и князей [12, Оп. 1, Д. 6462, л. 2 с об.]. Генерал также указывал, что ничего подтверждающего «сказать о ногайцах, живущих по эту сторону Терека», невозможно, «но судя по слухам, можно почти безошибочно заключить, что при побеге кумыкских князей они не

останутся на своих местах...» [12, Оп. 1. Д. 6462, л. 2 об]. По этой причине кавказская администрация вынуждена была приступить к специальным мероприятиям для предупреждения, судя по всему, бегства населения Кумыкской равнины (кумыков и ногайцев) в горную зону края.

Для воздействия на жителей тех или иных обществ и владений за помощь войск имама Шамиля, местная российская администрация организовывала карательные преследования в отношении к их заложникам, подвергая местное население лишению свободы, отбирали животных и др. Для реализации своих собственных побуждений и разъединения горцев русское командование стремилось подстрекать отдельные народы на других, однако потерпели неудачу. Например, ген. Вельяминов сообщал военному министру: «Многие полагают, что, заставляя мусульман сражаться друг против друга, мы можем возродить между ними ненависть. Мне сие кажется ошибочным. Сколько раз употребляли мы кумык против чеченцев, чеченцев против кабардинцев, сии последние употреблены были против закубанцев, закубанские ногайцы против абадзехов и шапсугов (адыгские племена. – Авт.), но это не произвело до сих пор ни малейшей между ними неприязни. Все готовы помогать друг другу к ниспровержению владычества нашего» [4, с. 133-134].

Относительно, что ногайцы поддержат народно-освободительную борьбу, Газимухаммед и Шамиль твердо были гарантированы, поскольку они прекрасно знали этот народ. До этого времени, в начале 20-х гг. XIX в. Газимухаммед, который был затем первым имамом Дагестана и Чечни, прожил более года среди ногайцев. Он учил их детей в мектебе основам религии. Газимухаммед оценил, что ногайцы безгранично сильные поборники исламской религии. Поэтому в 1823 г. Газимухаммед вместе со своим учеником Шамилем поехал к ногайцам обучать их детей канонам ислама. Шамиль пробыл у ногайцев непродолжительное время, так как в скорости Газимухаммед получил известие о смерти отца. Поэтому Газимухаммед был обязан вместе с Шамилем возвратиться в родные края [6, с. 13].

Возможно, что Газимухаммед и Шамиль предполагали склонить ногайцев к участию в Кавказской войне [6, с. 13-14].

В имамате Шамиля в с. Дылым (соврем. Казбековского района) Дагестана, жил ученый-арабист, ногаец Уразбай, который хорошо владел арабским, русским и своим родным языком, а также некоторыми другими кавказскими языками. Уразбай в сельской примечетской школе – мектебе преподавал арабский язык, народную медицину, астрономию и другие науки. Он был любимым учеником духовного наставника имама Шамиля – Джамалутдина. Сам он был родом из села Сангиши Кизлярского района. Когда Уразбай попал в плен к русским, то его духовный учитель обращался с просьбой к имаму Шамилю, чтобы он обратился к российским властям освободить его. Вскоре он был освобожден властями из плена.

Всенародная любовь к имени и делам Газимухаммеда и Шамиля, к их сподвижникам рождала у ногайцев легенды и предания, пословицы и поговорки, героико-исторические песни. В известной ногайской песне «Шейх Шамиль» имам представлен как защитник справедливости. В этой песне поется о том, что все мусульмане должны выйти на священную войну против неверных. В песне также говорится о силе армии Шамиля, о том, что даже Турция и Франция восхищаются ее силой [11, Ф. 28. Д. 5, л. 186-188 об].

Известны в этот период абреки и среди самих ногайцев. Так, например, в августе 1845 г. смотритель Серебряковского провиантского магазина сообщал титулярному советнику Грушецкому, ссылаясь на информацию, полученную от старшины ас-костамгалинского куба Якуба Нурлаева о тайных сношениях абрека Арак-Мурзы, который скрывался у закубанца Кара-Мурзы. Старшина дал показания, что 28 августа к нему в кибитку приезжал «моздокский черкес» Шаулюк Абреков, сказавший, что накануне ночью он был у брата «поясненного разбойника» едишкульского мурзы Терек-Бая, который будто-бы получил от брата письмо с советом откочевать подальше, чтобы не пострадать во время его рейдов «от русских» [15, Оп. 4. Д. 1279, л. 92 с об.].

В том же августе 1845 года под суд был отдан уличенный в тайных сношениях с Арак-Мурзой житель селения Кубчак (вероятно Кипчак – Авт.) караногаец Бакам-Мулла Кулгушев. Подпоручик

Измайлов в рапорте на имя кизлярского коменданта Тимермана особо отметил, что при задержании Бакам-Муллы оказывал вооружённое сопротивление. У арестованного был изъят кинжал [9, с. 277].

Стремясь держать население в повиновении, военная администрация брала под стражу не только самих абреков, но и их семьи. Так, например, в документе, обозначенном как «Список арестованных семей тарковских ногайских абреков» упоминаются находившиеся на 1 июня 1839 года под гауптвахтным караулом брат абрека Кара-Мурзы (не следует путать его с закубанцем Кара-Мурзой, товарищем вышеупомянутого Арак-Мурзы) Мамат Толеев 50 лет от роду, жена его Ашу Абакарова 40 лет отроду, сыновья Сарау 3 лет отроду (помер), Байрам 10 лет и дочь Арюджан 10 лет. Вместе с ними находилась под арестом их холопка Курман-Бике Байрамалиева. Помимо них под караулом находилась семья абрека Айтухана, а именно жена его Сартан-Бике – 40 лет, сыновья Абдул 16 лет, Кувандык 14 лет и Байтуган 20 лет, дочери его Исеп 10 лет, Макюзим 8 лет и Дауш 6 лет. На них выделялось по 10 копеек «кормовыми деньгами» в сутки на каждого [15, Оп. 4, Д. 839, л. 16-17]. Однако даже такие радикальные меры не сдерживали активность протестного абреческого движения среди тарковских ногайцев. Сохранилась жалоба царских чиновников шамхалу Абу-Муслиму на подвластных ему ногайцев, совершавших по их словам разбойные рейды под самый Петровск в начале 1850-х годов [15, Оп. 1. Д. 56, л. 14].

Чеченские предания донесли до нас имя абрека Горчахана, бывшего родом якобы из ногайских князей. Действовал он совместно со своим другом ичкеринцем Голбулатом. По преданию, когда вовремя набега Голбулат увидел, что Горчахан серьёзно ранен, то поспешил к нему на помощь, но сам получил тридцать шесть ран. Так оба абрека пали в одном бою [3, с. 32].

26 марта 1848 г. армянский купец Черепищников пишет жалобу на имя местной русской администрации. В письме он жалуется на переводчика пристава и некоторых ногайцев, что они намереваются его убить. Он также доносит, что в ногайских аулах производится сбор денег для выкупа у русских властей двух плененных женщин, из которых одна невестка, а другая дочь кадия, находящегося при Шамиле [11, Оп. 1. Д. 15, л. 174].

В 1848 г. к ногайцам приезжал урядник Закорков вместе с чиновниками, чтобы провести следствие по поводу поддержки ногайцами движения горцев. Представитель русской администрации Закорков злоупотребил своей властью, поэтому ногайцы написали жалобу на него. Они писали в своей жалобе, что урядник Закорков собрал ногайцев и через двух ногайцев, которые знали немного по-русски, грозил им, что «стариков пошлет в Сибирь, других заключит в тюрьму, а молодых отдаст в солдаты». Многих Закорков тогда же арестовал. За прекращение дела он потребовал от ногайцев крупную взятку [11, Оп. 1. Д. 15, Л. 346]. Естественно, жалоба ногайцев осталась без ответа.

В 1857 г. произошли значительные волнения среди ногайцев Северо-Западного Кавказа, в аулах владельца Сагат-Гирея. Началось массовое бегство крестьян к горцам, что вызвало большую тревогу не только у самого владельца, но и у русских властей. В связи с этим начальник Усть-Лабинского участка получил приказ послать туда сотню казаков. Восстание было подавлено, но войска по просьбе владельца были оставлены «до того времени, когда он примет все меры к прекращению всякого беспорядка» [9, с. 283].

В Москве в Российском государственном военно-историческом архиве хранится документ «по обвинению поручика Даута Утакаева за измену России». Согласно этому документу, ногайский поручик Д. Утакаев в 1854 г. помогал посланникам имама Шамиля на Северо-Западном Кавказе [12, Оп. 3, Д. 399, Л. 176]. В августе 1857 г. за активную помощь Шамилю Даут Утакаев был заключен в тюрьму. За его освобождение ходатайствовал джамаат с. Шабазовское, они просили русские власти выдать Д. Утакаева им на поруки. Однако местная администрация отклонила ходатайство джамаата.

24 марта 1858 г. семьи поручика Даута Утакаева, его помощников – Айдара Аджиева и Идриса Муллаева были сосланы «во внутрь России», в частности Д. Утакаев – в Олонецкую губернию под надзор местных властей. По пути в ссылку Д. Утакаев тяжело заболел и умер, а его сообщники были сосланы в Калужскую и Воронежскую губернии соответственно [7, с. 43-44].

Таким образом, отношение ногайцев к Кавказской войне XIX в. было положительным. Как показывают приведенные многочисленные факты, ногайцы не только поддерживали, но и активно участвовали в народно-освободительном движении горцев Северного Кавказа.

Исход Кавказской войны привел к массовой эмиграции ногайцев в османскую Турцию.

Резюме

В научной публикации на основе документального материала и специальной научной литературы показано деятельное взаимодействие ногайцев в Кавказской войне XIX столетия.

Возникновение Кавказской войны включает промежуток времени самого начала вооруженной борьбы горцев на Восточном Кавказе. В народно – освободительном движении участвовали многие народы края.

Ногайцы, как и другие местные народы, проживавшие в центральных регионах Северного Кавказа, в силу некоторых обстоятельств, не перенесли на себе большого влияния движения горцев под руководством имама Газимухаммеда. Однако, многочисленные документальные материалы показывают о том, что немалая часть ногайцев, хотя симпатизировали повстанцам, а некоторые из них даже непосредственно участвовали в Кавказской войне, под угрозой опасности со стороны близлежащих русских крепостей и Кавказской кордонной линии не могли принять деятельного участия в движении горцев. Тем не менее, отправили табуны лошадей, скот, муку и т.д.

Кроме того, достоверные источники основательно подтверждают то, что ногайцы Северного Кавказа наступательно взаимодействовали в Кавказской войне XIX века.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Тифлис, 1881. Т. 8.
2. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1842 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1892. Т. 13, 14.
3. Гатуев Дзахо. Зелимхан. Ростов на Дону – Краснодар, 1926.
4. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. 7. С. 133-134.
5. Движение горцев Дагестана в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959.
6. Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860.
7. Керейтов Р.Х. Участие кубанских ногайцев в движении Шамиля // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы: Тезисы докладов Международной научной конференции Махачкала, 1998. С. 43-44.
8. Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.
9. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017.
10. Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама. Махачкала, 1990.
11. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15; Ф. 28. Оп. 1. Д. 5.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6462; Оп. 2. Д. 13454; Оп. 3. Д. 399.
13. Рукописный фонд Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Санкт-Петербург. Ф. 100. Оп. 2. Д. 122.
14. Служивый. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1877.
15. Центральный государственный архив Республики Дагестан Ф. 379. Оп. 1. Д. 56; Оп. 4. Д. 1279.

Квициния М. Б.
г. Сухум

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ В ИСТОРИИ (на примере оценок Кавказской войны)

*«На Кавказе история – это всегда больше,
чем история»
/А. Епифанцев /*

Ключевые слова: мифологизация истории, историография, Кавказская война, контристория, махаджирство

Key words: mythologization of history, historiography, Caucasian War, counterhistory, Mukhajirism

Как известно, одной из социальных функций истории является функция социальной памяти, которую некоторые авторы называют исторической и определяют, как способность общества сохранять и передавать из поколения в поколение знания о событиях прошлого, об опыте коллективной деятельности этноса и о конкретных личностях.

Замечено, что историческая память меняет свое содержание на разных этапах развития исторической науки не только вследствие избирательного подхода ученых к явлениям прошлого, но и в не меньшей степени в силу их оценки. Одни и те же явления прошлого нередко получают в исторических исследованиях диаметрально противоположные оценки, что определяет различное понимание их значимости в памяти народа и необходимость интерпретаций в русле навязанных реалий времени.

Не вызывает сомнений тот факт, что «осознание прошлого – составная часть исторического существования. Человек имеет прошлое тогда, когда он осознает себя частью, частицей этого прошлого, то есть является носителем исторической памяти» [2, с. 8]. В этом смысле история является жизнью для живых, смыслом их существования. Единственной целью истории может быть воссоздание чистой реальности. И это не самоцель (Ф. Ницше), а лишь условие для извлечения уроков из прошлого.

В современных условиях информатизации общественного сознания историческая память подвергается воздействию новых, конъюнктурных клише, которые разрушают содержательный пласт исторических событий, их интерпретация приобретает иное направление, укрепляющие прагматическое отношение к сложившейся исторической ситуации. В последнее время в сфере внимания историков в большей степени входит проблема «мифы и история» и «историческая память».

Мифологизация истории есть свидетельство непрекращающейся борьбы различных идей и мнений, порой не имеющих ничего общего с истиной. Одни ученые оправдывают возможность перетолкования исторических событий (например, причин махаджирства абхазов в XIX веке, характера отношений к крестьянской реформе 1871 г. и других), что ведет к разорванной памяти поколений и неадекватной оценке вариантов развития общества. Этим самым они закладывают почву для превращения исторической реальности в выдуманные мифы. Об объективной истории здесь и речи не может быть.

Несмотря на наличие множества работ, посвященных проблеме изучения Кавказской войны, российская историческая наука и абхазское кавказоведение до сих пор находятся в поисках объ-

яснения ее причин, движущих сил, оценки задействованных в ней личностей и последствий. Сегодня в работах историков даже вкралось словосочетание **«кавказская война историографий»**. В этом смысле некоторые российские авторы выражают обеспокоенность относительно позиции государства, которое «в ряде случаев потеряло инициативу в политике памяти», что ведет к постепенной фрагментации исторической памяти. В случае с северокавказским регионом эта проблема видится достаточно актуальной [1, с.192].

Сегодня все больше получает развитие концепция «горской экспансии», созданная еще в XIX в. Начало этой концепции положили историки, военные специалисты, непосредственно генералы-участники событий, чиновники разных рангов. Это – Н. Дубровин, А. Ермолов, Р. Фадеев, Н. Грабовский, Н. С. Мордвинов, И.Ф. Паскевич, Д.А. Милютин и др. В угоду политических целей исторические события трактовались ими упрощенно, а именно: судьбой России предначертано «цивилизовать» горцев, «отсталых варваров», которые не понимают эту «миссию» и всячески противостоят ей. Экспансия ведется не со стороны царских властей, а горцев, не приемлющих «благородных» целей имперской державы. Они совершают набеги на их крепости, угоняют коней, наносят вред имуществу, потому руководство военных гарнизонов вынуждено давать приказы на совершение карательных экспедиций, «...последний час пробил для этих человеческих скопищ, лишенных всякой внутренней связи» [13, с. 13], «...защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край» [13, с. 26]. Эти оценки не имеют под собой реальной исторической действительности, кроме того, что обеляют историческую память кавказских народов.

На первый взгляд, ищущий историческую правду, считающий, что первой жертвой на каждой войне является правда» [8, с. 16], проф. Санкт-Петербургского института истории РАН В.В. Лапин в курсе лекции о Кавказской войне пишет: «...по военно-стратегическим соображениям покорение горцев было весьма важным делом: прекращались набеги, оказывавшие разрушительное воздействие на экономику и административное устройство этого края» [8, с. 39], при этом «тип кавказской культуры был сильным раздражителем для лиц с «государственно-рациональным» типом мышления» [8, с. 38]. К сожалению, и сегодня защищаются диссертации, пишутся монографии и статьи, выражающие поддержку этой концепции.

Небезосновательны опасения В.В. Цибенко, которая считает, что «в настоящий момент можно наблюдать, как формируется северокавказская контристория, выросшая из советской идеологии борьбы против колониального гнета царизма, но сменившая классовый подход на этнонациональный, опрокинутый в имперское и советское прошлое. Теперь места трудящихся и угнетенных заняли, соответственно, кавказцы и русские, последние из которых обвиняются в совершении с XVI по XXI века серии этноцидов. Попытки давления на местные элиты с целью привести в соответствие «большой» и «малый» нарративы порождают лишь имитационные практики. [14, с. 214]

Современные историки¹ признают, что политическая история Кавказа, в особенности XIX века, по сей день остается предметом научных дискуссий, идеологических инсинуаций и некоего мифотворчества, начиная с оценки **понятия «махаджирство»** вплоть до исследования ее в контексте событий наших дней и словосочетания **«Кавказская война»**.

Во многих современных работах, диссертациях обнаруживается тенденция упрощения понятия **«махаджирство»**. Суть его объясняется переселением населения Северо-Западного Кавказа в Османскую империю, то есть свободной миграцией. Следует подчеркнуть, что миграция и депортация – понятия разные по значению: первое подразумевает собой переезд из одной страны

¹ См.: Гарунова Н.Н. Дискуссии о термине Кавказская война//Материалы Международного Форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013г. Ростов-на-Дону, 2013)// отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону 2013; Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной конференции. Махачкала. 1998; Тимошенко Е. Н. Миграция народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX века / Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. СПб., 2008; Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004; и др.

в другую по разным причинам, в том числе по собственному желанию, в то время когда второе заключает только насильственное перемещение, фактически изгнание. Понятие «мухаджир» изначально означало «изгнанник» и связано было с вынужденным бегством пророка Мухаммада из Мекки в Медину. Иное толкование этого понятия фактически меняет всю объективную картину происходивших событий на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии в XIX столетии. К примеру, фраза в диссертационном исследовании «изучить главные тенденции эмиграции и реэмиграции мухаджиров» [12, с. 5] содержит противоречие в понятиях «эмигрант» и «мухаджир». Эмиграция – ненасильственное переселение, а махаджирство – изгнание или депортация. Также в источниках, используемых современными авторами, отмечаются факты смешения понятий «выселение» и «переселение» (А.Берже), что указывает на преемственность этой тенденции в работах современных ученых.

О необходимости изменения географического по сути термина «Кавказская война» историки пишут давно. По настоящее время часть используемыми словосочетаниями являются «Русско-Кавказская война» и «Российско-Кавказская война». Известный кавказовед М. Блиев считает, что формулировка «Кавказская война» совершенно не отражает историческую реальность. Часть дагестанских ученых, в их числе проф. Х.Х. Рамазанова, предлагает вместо этого словосочетания другое – «народно-освободительное движение». В этом смысле вполне справедливо замечание Н.Н. Гаруновой: «Русско-» отражает принадлежность к народу. «Кавказская» – географию.

Если использовать концепт «Русско-кавказская» война, то это означает, «что русские воевали с Кавказским хребтом» [5, с. 12].

Современный историк К.Ф. Дзамихов подчеркивает, что «репрезентация «Кавказской войны» осуществляется с позиции одного из двух исторических субъектов – России с одной стороны и народов и обществ Северного Кавказа, с другой [6, с. 40]. Он видит в словосочетании «Северный Кавказ» самостоятельную культурно-историческую единицу и отмечает факт противостояния позиции кавказоведов-историков с коллегами из федерального центра [6, с. 44]. В числе не согласных с трактовкой Центра называются абхазские историки С.З. Лакоба, Р.Х. Агуажба, А. Татырба и др. [10, с. 177]. В абхазской историографии по многим аспектам Кавказской войны имеются весьма значимые труды, монографии, статьи, которые составляют важнейшее направление кавказоведения.

Выдающийся абхазский историк-кавказовед, проф. Г.А. Дзидзария в своем фундаментальном труде «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 1982; Сухум, 2017) термин «Кавказская война» употребляет в контексте работ Р.А. Фадеева, который применял также термин «горская война», А.И. Лилова и других авторов, поддерживавших и оправдывавших политику царизма в регионе. Лишь вторую главу он называет «Завершение Кавказской войны и ее результаты», в которой использует этот термин, цитируя работы Ф. А. Щербины («История Кубанского казачьего войска. Т.П. Екатеринодар, 1913), относительно мирных горцев Западного Кавказа, которые «будучи возмущены, поднимались с оружием в руках» [7, с. 221]. При этом он применяет понятие «**абхазское махаджирство**» на фоне общекавказского освободительного движения, указывая на факторы, повлиявшие на процесс в целом. Это – отсутствие идеи этнического единства, разобщенность в стремлениях абхазской знати, усобицы между ее представителями, излишняя уверенность в «благородных» устремлениях Великобритании, Франции и Турции к горцам и пр. Следует заметить, что оценивая военные действия в Чечне, Дагестане, в целом на Северном Кавказе в период Крымской войны, Г. А. Дзидзария использует словосочетания «антиколониальные войны», «антифеодальные выступления» [7, с. 195-196]. Другой абхазский историк Г. Вардания выделяет такие причины поражения горцев, как подавляющее военное превосходство царской России, с одной стороны, и индивидуальный героизм представителей коренного населения, а также его разобщенность. «Кавказ не стал единым военным лагерем...», отмечает он [4, с. 125].

Разнообразие подходов к определению термина «Кавказская война», вне сомнения, ведет к

дополнениям в понимании его сути – от признания единого освободительного движения горцев до выделения отдельных событий вне общего сопротивления (к примеру, восстание или выступление некоторых сел и пр.).

На наш взгляд, анализируя события, происходившие на территории Большой Абхазии первой половины XIX века, а именно: постоянные попытки дестабилизации политической обстановки в крае со стороны внутренних и внешних сил; осознание владельцем М. Чачба (Шервашидзе) насколько неравносильны стороны противостояния и понимания важности сохранения этноса на исторической Родине, можно заключить следующее:

а) термин «Кавказская война» применительно к территории Большой Абхазии не вполне отражает хода единого исторического процесса. Сопротивление абхазов носило непоследовательный локальный характер. В этой связи акцентация сопротивления горцев регионально (Дагестан, Чечня, Адыгея, обществ Малой и Большой Абхазии) в русле единообразного отношения не совсем оправдано. События на Северо-Западном Кавказе и на восточном берегу Закавказья не всегда отражали консолидированность и единонаправленность горцев в борьбе за свободу. Кутаисский генерал-губернатор Д.И. Святополк-Мирский подчеркивал, что «покорность Абхазии избавила нас от военной границы в этой части Кавказа и... сберегла наши силы и издержки...» [7, с. 306];

б) умеренно-предусмотрительная политика владельца Михаила Чачба за период 1842-1863 гг. не создавала в лице российского военного командования образа массового врага по отношению к абхазам, которые желали самосохраниться под управлением владетельного дома. Противоречивое отношение представителей царской власти к личности Михаила, одновременно доверительное и неприязненное, с опаской на попытки владельца помочь убыхам в условиях блокады с берега, осознание ими влияния его авторитета на население Северо-Западного и Восточного Кавказа привели к отстранению владельца от власти, и после событий мая 1864 года к упразднению автономного княжества;

в) с середины 60-х годов XIX в. накал борьбы абхазского этноса за сохранение свободы, уклада жизни стал нарастать, и связан он был с так называемыми «административными реформами» и выраженными антиколониальными способами управления. Это противостояние, по сути спровоцированное царскими органами власти и использованное внешними силами, привело к массовым насильственным исходам населения 1867 и 1877 гг.

Эти выводы с большей ясностью показывают предлагаемые нами модели фазовых переходов, которые обычно изображаются графически как диаграммы с блоками, соединенными стрелками. Блоки обозначают фазы – периоды относительно стабильного состояния, а стрелки вниз – переходы между фазами для целостного осмысления социального явления, степени его интенсивности, состояния Абхазского владетельного княжества до его упразднения и после этого по своей значимости переломного события.

1 фаза

- Присоединение Абхазского княжества к России 1810 г.
- Бегство сторонников Асланбея в Турцию - 1 волна махаджирства

2 фаза

- Борьба за власть между Асланбеем и Георгием 1810-1821

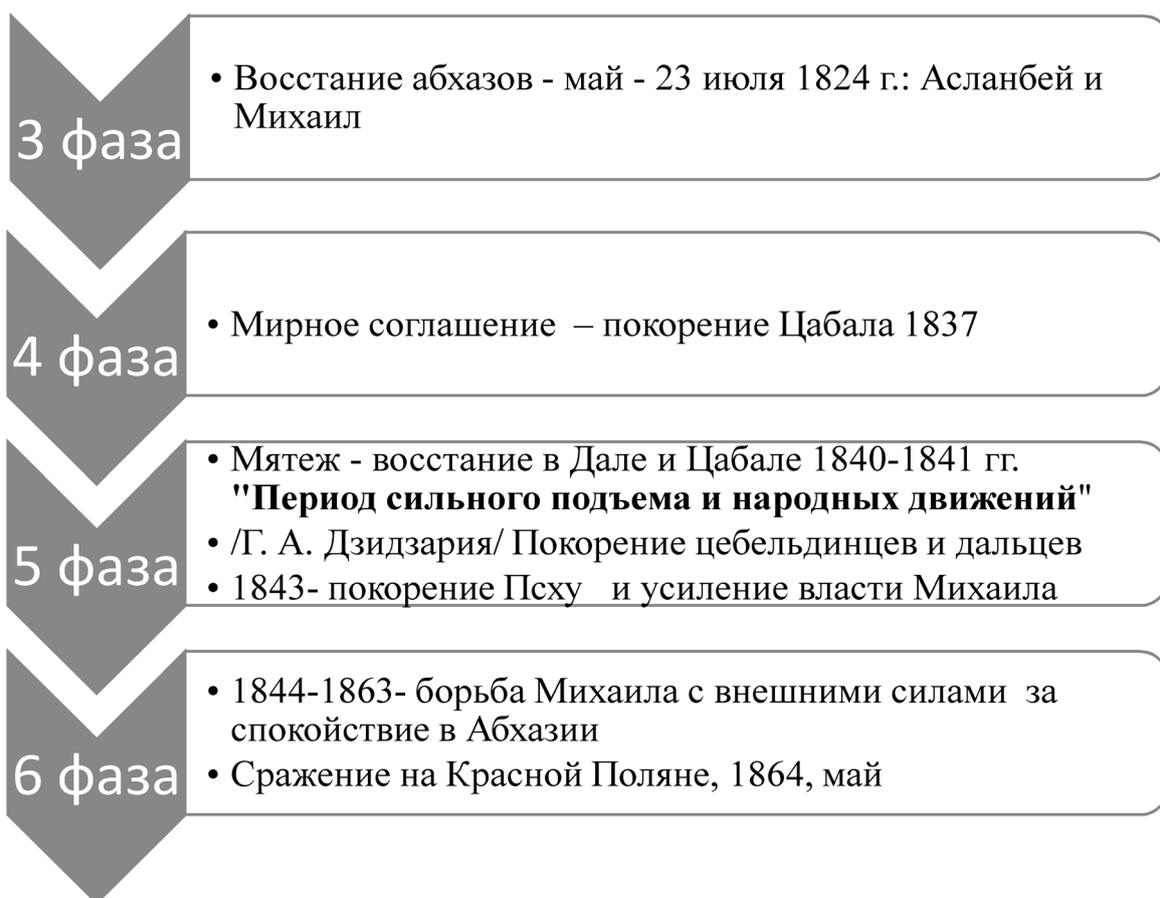
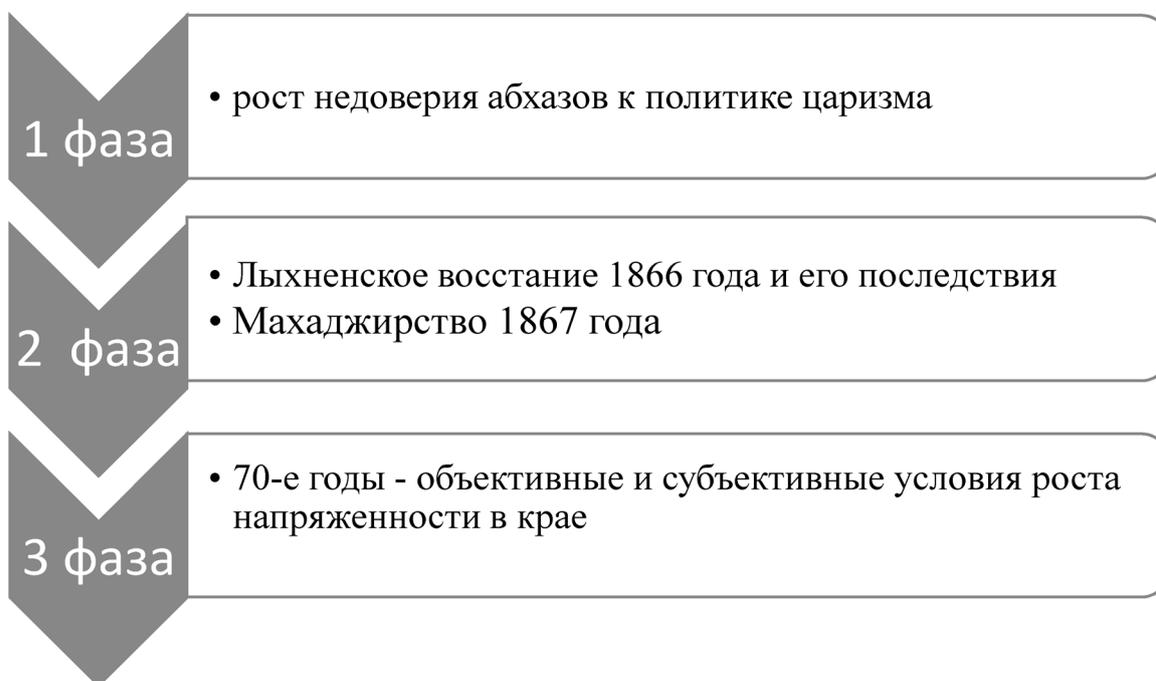

Рис. 1. События в Абхазии до упразднения владетельного княжества (1864)

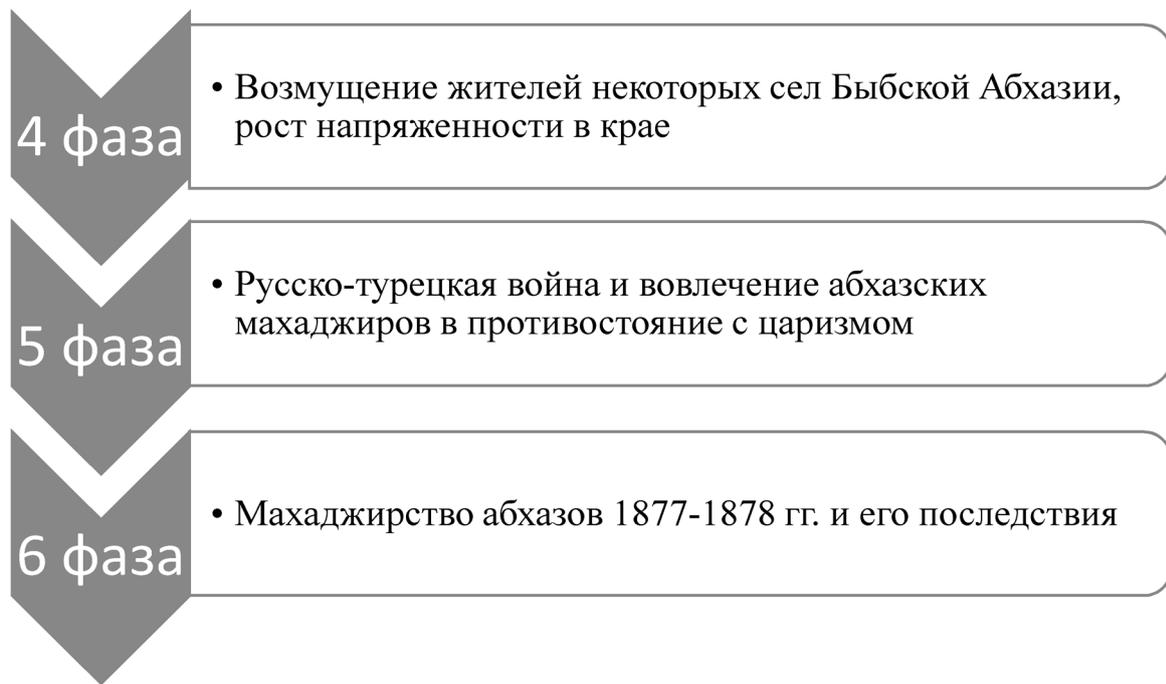

Рис. 2. События в Абхазии после упразднения владетельного княжества

На наш взгляд, к анализу трагических событий в Абхазии в пореформенный период вполне применимо словосочетание «освободительное движение», фраза «борьба абхазского народа за социальную справедливость и историческое право жить на земле предков».

На сегодняшний день состояние так называемых кавказско-национального и либерально-западнического направлений в современной науке, «определяющих политику России в регионе как исключительно захватническо-колониальную, кроваво-поработительскую и т.п., формирует своеобразный тупик» [11, с. 315]. Проф. О.В. Матвеев придерживается теории «контактных зон» на основе «опыта военно-исторической антропологии США, связанный с изучением фронта американской истории [9, с. 286]. В основе данной теории лежит путь примирения и культурного переопределения», а по отношению к кавказским народам учета позитивных моментов и событий совместного исторического существования. Фактически к такому подходу вопроса склоняется ряд ученых (Н.Н. Великая, Д. И. Олейников, Т.П. Хлынына, А.В. Щербина и др.), которые считают необходимым и назревшим фактом написание научных работ, монографий не только о трагической, военной стороне событий на Кавказе прошлых веков, но и таких трудов, которые отражали бы диалог культур, включали бы социокультурные и иные мирные отношения с кавказскими народами. При этом, как и представители власти, так и историки понимают, что сглаживание или отказ от прошлого в исторической памяти народов недопустимо.

Резюме

Цель статьи – показать проблематичность определения историографической линии для объективной оценки Кавказской войны с учетом исторической памяти кавказских народов

Метод – краткий историографический обзор работ, указывающий на многофакторность в методологии вопроса

Выводы – в решении поставленной задачи представляется актуальным обращение к теории «контактных зон», наступило время диалога культур, который включал бы социокультурные и иные мирные отношения с кавказскими народами.

Литература

1. Абазов А. Х. Память во имя мира // Дискуссия Past indefinite: Историческая память и политика на Северном Кавказе. Новое прошлое • The New Past • №3 2018. С. 190-186 [Электронный Ресурс]. URL: File:///C:/Users/User/Downloads/
2. Арон Р. Избранное: Измерение исторического сознания /Пер. с франц. М., 2004
3. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004
4. Вардания Г. Из истории возникновения кавказской диаспоры // Кавказ и глобализация. Т. 1, 2007. С. 121-133 [Электронный Ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
5. Гарунова Н.Н. Дискуссионные аспекты термина «Кавказская война» в работах северокавказских историков // Журнал «Life Science Journal», США, 2014. – Т. 11. № 11s.-С. 171-177. [Электронный ресурс]. URL: roskav.ru
6. Дзамихов К.Ф. Кавказская война и ее интерпретация в Отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд» // Северо-Кавказский юридический вестник, Ростов-на-Дону, 2014, №1. С. 37-46 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
7. Дзидзария Г. А. Труды. IV том. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия / Сухум, 2017
8. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003.
9. Матвеев О. В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопонимания // Исторические науки, 2013, № 11. С. 285-288 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
10. Овсянников Д.В. Влияние ислама на этнополитические процессы в Абхазии. М., 2015. С. 175-194 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
11. Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio nova 2000. Сборник научных статей. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://roskav.ru/>
12. Тимошенко Е.Н. Миграция народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине века // Автореферат дисс. канд. ист. н. СПб., 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/>
13. Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860 [Электронный ресурс]. URL: 000199_000009_003542596
14. Цибенко В.В. Такое разное прошлое: коммуникативный разрыв и другие вызовы для современного кавказоведения. М., 2018. С. 211-215 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/>

Колосовская Т.А.
г. Ставрополь

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ (на материалах Д.А. Милютина)

Ключевые слова: Кавказ, Ставрополь, Черноморская береговая линия, Кавказская армия, Кавказская война.

Кавказская война стала одним из важных и трагических событий XIX в. Несмотря на имеющуюся в настоящее время значительную историографию вопроса, современные авторы вполне справедливо подчеркивают необходимость усиления антропологического ракурса в ее изучении. «Исследователи русской истории, – подчеркивает Я.А. Гордин, – по странной особенности подхода и избирательного направления взгляда на материал, удивительно мало обращали внимания на то принципиальное обстоятельство, что судьбы чрезвычайно многих государственных и военных деятелей, игравших существенную роль в жизни страны, непосредственно связаны были с Кавказом, Кавказской войной»¹.

Со службой на Кавказе связано начало военной карьеры одного из известнейших сподвижников Николая I, организатора тайной полиции и жандармерии Александра Христофоровича Бенкендорфа. В 1803–1804 гг., в составе отряда П.Д. Цицианова, он участвовал в боевых действиях на Кавказе и отличился при взятии Гянжи. В 1856 г. в чине штабс-капитана был направлен на Кавказ в будущем покоритель Кушки Александр Виссарионович Комаров. В регионе он прослужил до 1883 г., последовательно занимая должности военного начальника южного Дагестана и начальника военно-народного управления. На Кавказе прошла значительная часть жизни Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, где ему суждено было проявить свои не только военные, но и административные способности. Будучи начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска, он много сделал для реализации «Великих реформ» в регионе, а приобретенный тогда опыт окажет влияние на ту политику, которую он станет проводить на посту министра внутренних дел России.

Список государственных деятелей, в биографиях которых прослеживается кавказский след, можно продолжить и далее, что говорит о реальных основаниях обозначенной проблемы и необходимости ее осмысления профессиональным историческим сообществом. Традиция изучения Кавказской войны сквозь судьбы ее участников была заложена еще в имперской историографии. Примером тому служит 5-ти томное издание В.А. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях»². Современные ученые продолжают работать в этом ключе и все чаще обращаются к исследованию судеб ее непосредственных участников. Весьма удачным примером тому может служить монография А.Т. Урушадзе, в которой автора интересует не история походов, сражений, покорения или сопротивления, а целостная, многоликая история человека в Кавказской войне³.

Среди известных исторических личностей, становление которых связано с Кавказом и Кавказской войной выделяется фигура Дмитрия Алексеевича Милютина (28.06.1816–25.01.1912),

¹ Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – Москва: Время, 2014. С. 371.

² Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Ставрополь, репринт. изд., 1994. 672 с.

³ Урушадзе А.Т. Кавказская война. Семь историй. Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2018. 336 с.

которого академик Е.В. Тарле называл лучшим военным министром, которого когда-либо знала императорская Россия⁴. Его административная и реформаторская деятельность неоднократно становилась предметом изучения историков. Особый интерес к истории его жизни и деятельности проявился на рубеже XX – XXI вв. К настоящему времени обширная библиография о нем включает труды как научного, так и научно-популярного характера⁵.

Широкую известность получили изданные воспоминания и дневники Милютин, которые по своему содержанию являются энциклопедией истории России XIX в. Дополненные архивными документами, отложившимися в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)⁶ они образуют весьма репрезентативную источниковую базу для изучения различных граней этой персоналии. Остановимся на характеристике роли Кавказской войны в становлении его как государственного деятеля и как личности.

Д.А. Милютин происходил из небогатой, но достаточно известной в государственных кругах дворянской семьи. Его дядя по материнской линии был П.Д. Киселев – автор реформы государственных крестьян и последовательный сторонник отмены крепостного права. Образование Милютин получил в Московском университетском пансионе, который окончил в 1832 г. На следующий год вступил в военную службу. В 1835 – 1836 гг. обучался Военной академии Генерального штаба, которую успешно окончил с малой серебряной медалью и чином поручика⁷.

Начало служебной карьеры Милютин проходило в условиях Николаевской России. Впоследствии, в своих воспоминаниях он напишет: «Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствование императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, т. е. забота об охране порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати»⁸. Единственным местом в стране, где можно было дышать более-менее свободно был Кавказ и именно об отправке туда мечтал молодой офицер: «...Мне начинали уже надоедать бесцветная петербургская жизнь и формализм гвардейской службы; чувствовалась потребность подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме Петербургских, местности, и в особенности ознакомиться с настоящей военной службой...»⁹ Участие в Кавказской войне в то время было не только хорошей школой, но и открывало более выгодные служебные перспективы.

Получив благословение отца, который не сочувствовал намерению сына отправиться туда, где можно было, по его словам, «погибнуть ни за грош», однако, не стал препятствовать, понимая «нравственный долг каждого, носящего военный мундир»¹⁰, в 1839 г. Милютин впервые оказался на Кавказе. Здесь он был прикомандирован к штабу войск Кавказской линии и Черномории, который располагался в г. Ставрополе. В служебные обязанности молодого офицера входило участие в боевых действиях и изучение особенностей административно-территориального и военного устройства края, условий жизни местного населения. Важным событием его первого пребывания в регионе стала экспедиция к аулу Ахульго, где он был ранен пулей в плечо на вылет, но остался в строю.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Москва: Изд-во АСТ, 2005. Т. 1. С. 42.

⁵ Жерихина Е.И. и др. Д.А. Милютин: министр, военачальник, ученый. Санкт-Петербург: Издательство «Аврора», 2016. 416 с.; Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. Москва: Animi Fortitudo, 2005. 320 с.; Копытко В.К. и др. Д.А. Милютин – ученый, военачальник, военный министр России // Военно-исторический журнал. 2021. № 6. С. 79–86; и др.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. Личный фонд Д.А. Милютин.

⁷ Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. Москва: Animi Fortitudo, 2005. С. 14–23.

⁸ Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856 / ред. Л.Г. Захарова. Москва: «Российский Архив», 2000. С. 325.

⁹ Милютин Д.А. Воспоминания, 1816–1843 / ред. Л.Г. Захарова. Москва: «Российский Архив», 1997. С. 191.

¹⁰ Там же. С. 191–192.

Служба на Кавказе позволила Милютину увидеть все своими глазами и составить свое собственное представление о недостатках образа действий против горцев. Офицер понимал, что отсутствие достоверных сведений мешало адекватно оценить складывающуюся в регионе обстановку и приводило к появлению различных, порой совершенно противоположных мнений относительно самого образа действий в крае. По мере знакомства с положением дел на Кавказе он пришел к убеждению о необходимости изучения и анализа предшествующего исторического опыта и его изложения в виде официальной истории Кавказской войны.

Свою идею Милютин изложил командующему Отдельным Кавказским корпусом генералу Е.А. Головину и получил от него полную поддержку. Головин предлагал молодому офицеру немедленно приняться за работу и перейти на службу в корпусный штаб. Милютин был не против таких перемен, но тогда судьба распорядилась иначе. Он получил новое назначение и в феврале 1840 г. вернулся в Петербург¹¹.

Второй раз Милютин прибыл на Кавказ в 1843 г., когда уже будучи полковником получил назначение на должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории. Незадолго до отъезда он женился на дочери генерал-лейтенанта Понсэ – Наталии Михайловне. В Ставрополе, где по – прежнему располагался штаб командующего войсками на Кавказской линии, им пришлось провести свой медовый месяц. Трудности походной жизни укрепили семейный союз. Брак оказался удачным. Чета Милютиных прожила вместе 68 лет и родила 7 детей. При этом первенец – дочь Елизавета появилась на свет 15 марта 1844 г., когда молодая семья проживали в съёмном двухкомнатном домике, расположенном на окраине Ставрополя, в соседстве с городским острогом.

Самую необходимую мебель пришлось привезти из Петербурга, единственным развлечением были балы, которые проводились в местной гостинице, а общение ограничивалось формальными визитами. Тем не менее, это был светлый период в жизни Милютина и даже происходившие тогда неприятности он вспоминал с ностальгией и душевной теплотой: «... Мы с женой вели жизнь самую скромную; в хозяйстве своем должны были держаться строгой бережливости, отказывая себе во всем прихотливом, – вспоминал Милютин. – Но недаром гласит русская пословица – где тонко, тут и рвется. Все, что имели мы ценных вещей, как-то: серебряные приборы, женины туалетные украшения и небольшая сумма наличных денег (около 1500 рублей ассигнациями), хранилось в небольшой шкатулке, которая обыкновенно стояла на подоконнике в спальней; окно, не далее трех шагов от наших кроватей, выходило во двор, близ самых ворот. В одну из теплых июльских ночей я был разбужен шорохом в комнате; вскочив с постели и отдернув занавеску, увидел я в окне темную фигуру, которая, схватив шкатулку, мгновенно скрылась за ворота. Пока я набросил на себя халат и надел сапоги, вор уже исчез, и мы не только лишились того немногого, что имело какую-либо ценность, но остались без копейки даже для насущной жизни. Я должен был просить о выдаче мне на первый раз хотя бы небольшой суммы в счет жалования...»¹²

Выполнение Милютиным служебных обязанностей предполагало рассмотрение переписки своих предшественников, знакомство со статистическими и этнографическими материалами о местном населении. Особое внимание Милютина привлекал вопрос о мерах дальнейших действий на Кавказе: «Досугами своими я воспользовался, чтобы пересмотреть дела старых времен, – вспоминал Дмитрий Алексеевич. – В особенности заинтересовали меня найденные в архиве штаба за 1828, 1830, 1832 и 1833 годы некоторые записки по поводу предполагавшихся в ту эпоху решительных мер к покорению Кавказа. В числе их замечательны были мнения, высказанные генералом Вельяминовым, Паскевичем и самим императором Николаем... Из рассмотренных дел

¹¹ Колосовская Т.А. Д.А. Милютин и его кавказские материалы: о первых опытах создания военно-политической истории Кавказа // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 1 (22). С. 11–12.

¹² Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856... С. 84.

составлял я выписки и заметки, в том соображении, что, быть может, когда-нибудь они пригодятся мне как материал для истории Кавказской войны»¹³.

Отношения с непосредственным начальником, полковником И.И. Норденштамом у Милютина не заладились. Его угнетало отсутствие возможности для самореализации и инициативы, что было типично для военной службы в царствование Николая I. Он даже размышлял о том, чтобы оставить армию. Но, тут открылась вакансия преподавателя военной географии в Военной академии. В конце 1844 г. Милютин покинуть Кавказ и в феврале 1845 г. вернулся в Петербург, заняв профессорскую должность.

Основные итоги своего изучения региона он изложил в курсе военной статистики Кавказа¹⁴, который преподавал в Военной академии. Курс включал в себя общий обзор Кавказа в географическом, топографическом, этнографическом отношении и характеристику отдельных его частей, в том числе Кавказской линии, Дагестана, Черноморской береговой линии и Закавказского края. При этом само изложение органично включало краткие исторические экскурсы о постепенном распространении российского влияния в регионе, объясняющие «каким образом Россия была постепенно вовлечена в упорную борьбу с кавказскими народами».

Милютин настаивал на гибкой политике, с учетом конкретной специфики местности и настроений населения. Под влиянием идей Милютина в военной среде утверждалось понимание того, что без точного представления о географии расселения народов Кавказа, о их быте и обычаях, без учета предыдущего исторического опыта разрешение кавказского вопроса невозможно. Многие из выпускников Военной академии, изучивших Курс военной статистики Кавказа, затем отправлялись в регион и становились теми самыми «местными начальниками», от которых в конечном итоге зависел исход Кавказской войны. Среди них можно назвать Л.П. Николаи, Н.Н. Забудского, братьев А.В. и В.В. Комаровых и многих других офицеров¹⁵.

Собранные и проанализированные Милютиным материалы позволили не только создать адекватное представление о регионе, но и способствовали формированию верной стратегической линии, позволившей разрешить военный конфликт с горцами. Главная идея Милютина – не покорение, а удержание в повиновении разумной политикой, основанной на глубоком и всестороннем знании специфики региона, стала применяться в полной мере на Кавказе в период наместничества М.С. Воронцова.

В Петербурге Кавказ по-прежнему оставался в поле зрения Милютина. «По своей привязанности к этому краю и по своей обязанности постоянно освежать в курсе военной статистики статьи о Кавказе, – вспоминал он, – я не переставал следить за ходом тамошних дел»¹⁶. Материалы, собранные им в регионе и о регионе, нашли отражение в историческом сочинении о военных действиях в Северном Дагестане в 1839 г.¹⁷

Рассуждая о перспективах своих дальнейших исторических изысканий, Милютин сообщил военному министру А.И. Чернышеву о своем намерении приняться за историю Кавказской войны, начиная с первых походов русских войск в тот край. «Военному министру, – вспоминает Милютин, – видимо, это не понравилось; он признавал более “интересным” ближайшие к нам войны царствования императора Николая Павловича, имея, конечно, в виду Турецкую войну 1828–1829 гг. и Польскую 1830–1831 гг.»¹⁸ Дмитрий Алексеевич настаивал на необходимости изучения событий более отдаленных исторических эпох, твердо решив не поддаваться требованию, кото-

¹³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856... С. 86.

¹⁴ Милютин Д.А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекций полковника Милютина в Императорской Военной академии. [Б.м.: б.и.], 1848. 168 с.

¹⁵ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. Санкт-Петербург, 1882. Прил. С. 32–205.

¹⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856... С. 202.

¹⁷ Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. Санкт-Петербург, 1850. 144 с.

¹⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856... С. 178.

рое поставило бы его «в крайне неприятное и неудобное положение – сочинителя панегириков в прославление властей предержавших»¹⁹.

После длительных согласований Милютину все-таки удалось получить разрешение написание истории присоединения Кавказа к России. В 1849 г. на него было возложено одобренное императором поручение по подготовке «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии»²⁰. В новом сочинении предполагалось раскрыть не только военные, но и политические аспекты утверждения российского присутствия в регионе и показать их в широких хронологических рамках: начиная с походов киевского князя Святослава и заканчивая описанием военных действий первой половины XIX в. Для реализации столь обширной программы, в помощники к Милютину были назначены офицеры, занимавшиеся сбором архивных материалов.

Эти научные изыскания Милютина были прерваны изменениями в его служебном положении. В 1856 г. он был и назначен начальником штаба Кавказской армии. Так, из человека, пишущего историю, он превратился в человека ее делающего, став основным помощником князя А.И. Барятинского в его планах по покорению Кавказа. Хотя Милютину не удалось завершить подготовку нового исторического сочинения, он смог применить накопленные знания для решения текущих проблем в регионе. При его непосредственном участии был разработан план действий, который привел к завершению военного противостояния с горцами Северного Кавказа. В 1859 г. он находился при войсках Чеченского отряда, действовавшего в Нагорном Дагестане, участвовал в овладении аулом Гуниб и пленении Шамиля.

Милютин принимал самое живое участие в разработке коренных реформ по управлению краем. Здесь он осуществил свой первый опыт военных преобразований: реорганизовал управление войсками и создал новую структуру военных учреждений Кавказа, которая по сути являлась штабом военного округа. По поручению А.И. Барятинского предлагаемые преобразования он лично продвигал во время командировок в Петербург в Военном министерстве.

Об увлеченности Милютина Кавказом в 1857 г. писали современники: «...Он приехал сюда [в Петербург, – Т.К.] очарованный Кавказом, как двадцатилетний юноша, увлекающийся своей любовницей и требующий от своей бедной матери Центральной России, больной, разоренной, пользующей несведующими и неспособными врачами, возможных трат на пожертвования в пользу этой прекрасной иностранки, которая его (Милютину) околдовала и которая, наверное, не раз ему изменит...»²¹

Еще одним доказательством не равнодушного отношения Милютина к региону служит то, что в его личном фонде в НИОР РГБ сохранился альбом его рисунков по кавказской тематике. В нем представлены зарисовки местных жителей, их жилищ и пейзажей. Выполненные с натуры в технике рисования карандашом и не отличающиеся каким-либо особенным мастерством, они показывают стремление Милютина увидеть и понять специфику мира «другого», которым представлялся ему Кавказ²².

В 1860 г., с назначением на должность товарища военного министра Милютин покинул Кавказ. Более в регион он не возвращался. 9 ноября 1861 г. состоялось назначение его на пост военного министра. С этого времени он всецело посвятил себя организационной и административной работе по реформированию армии. Инициированная им военная реформа коренным образом реорганизовала вооруженные силы России. Позитивные результаты преобразований были проявлены уже в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. При этом Кавказ по-прежнему оставался в его поле зрения. Занимая пост военного министра, он поддерживал идею написания официальной военной истории Кавказа, одобрил проект по изданию «Кавказских сборников» и передал собранные им кавказские материалы Н.Ф. Дубровину.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 169. Картон 51. Ед. хр. 23. Л. 3.

²¹ Письма А.В. Головина // Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 138.

²² НИОР РГБ. Ф. 169. Картон 1. Ед. хр. 12. Милютин Дмитрий Алексеевич «Воспоминания о Кавказе. 1839». Альбом рисунков. 92 л.

После гибели Александра II, новый император Александр III предложил Милютину занять пост наместника и главнокомандующего войсками на Кавказе. Но он отказался и подал прошение об отставке. С тех пор Милютин почти безвыездно жил в своем маленьком имении Симеиз на южном берегу Крыма.

«Человек большого ума и обширных знаний»²³, – так характеризовал Милютину известный советский историк П.А. Зайончковский. В истории он останется как реформатор военного ведомства и вооруженных сил империи. Одновременно следует подчеркнуть, что его практическая деятельность на Кавказе, его плодотворные идеи по решению кавказской проблемы помогли умиротворению края и привели к его окончательному включению в общегосударственное пространство империи.

Таким образом, судьба Милютина оказалась связанной с Кавказом в конце 1830-х – 1850-е гг., когда военное противостояние в регионе достигло апогея и постепенно стремилось к своему завершению. В различных ипостасях: в качестве офицера Генерального штаба, отправленного туда в служебную командировку (1839 г.), начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории (1843–1844 гг.), профессора Военной академии, преподававшего курс военной статистики Кавказа (1845–1855 гг.), начальник штаба Кавказской армии (1856–1859 гг.) Милютин искренне пытался разобраться в сути происходивших в регионе событий и стремился найти выход из сложившегося кризиса. Будучи проводником имперской идеи, он выступал за активную и энергичную политику самодержавия на Кавказе и лично принимал участие в ее реализации, как силой оружия, так и посредством мирных преобразований.

Кавказская война решительным образом повлияла на военные представления Милютина и его дальнейшую реформаторскую деятельность, главным итогом которой стал отказ от устаревшей и неэффективной рекрутчины и создание армии европейского образца. Одновременно, Кавказ подпитывал развитие творческих способностей Милютина и способствовал его раскрытию как талантливого военного аналитика, историка и художника-любителя. Наконец, именно с Кавказом связаны важные вехи его личной биографии: начало семейной жизни и рождение первенца.

Summary

The paper focuses on the Caucasus War influence on the development of personal traits of famous Russian Empire builders. At the expense of the Minister for War of the Russian Empire D.A. Milutin biography we show how the service on the Caucasus can be taken as a starting point in his career. The War had either influenced much on the military ideas of D.A. Milutin. The experience he gained off the Caucasus was of an utter use for the military reform of the Minister. The region had also developed the investigative activity of Milutin and triggered his talents as a military strategist, Historian and an amateur artist.

Литература

1. Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – Москва: Время, 2014. – 512 с.
2. Жерихина Е.И. и др. Д.А. Милютин: министр, военачальник, ученый. – Санкт-Петербург: Издательство «Аврора», 2016. – 416 с.
3. Зайончковский П.А. Д.А. Милютин. Биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. – Москва: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1947. Т.1. С. 5–72.
4. Захарова Л.Г. Кавказ в «Воспоминаниях» генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина // Северный Кавказ в истории России. XIX в. Сборник статей. – Москва, 2004. – С. 106–117.
5. Колосовская Т.А. Д.А. Милютин и его кавказские материалы: О первых опытах создания военно-политической истории Кавказа // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2017. – № 1 (22). – С. 9–19.

²³ Зайончковский П.А. Д.А. Милютин: биографический очерк // Дневник Д.А. Милютина. Москва, 1947. Т. 1. С. 65.

6. Копытко В.К. и др. Д.А. Милютин – ученый, военачальник, военный министр России // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 6. – С. 79–86.
7. Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856 / ред. Л.Г. Захарова. – Москва: «Российский Архив», 2000. – 527 с.
8. Милютин Д.А. Воспоминания 1856–1860 / ред. Л.Г. Захарова. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
9. Милютин Д.А. Воспоминания, 1816–1843 / ред. Л.Г. Захарова. – Москва: «Российский Архив», 1997. – 500 с.
10. Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – Москва: Animi Fortitudo, 2005. – 320 с.
11. Урушадзе А.Т. Кавказская война. Семь историй. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2018. – 336 с.

Ливцов В. А.
г. Орел

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЛОВСКОГО ДВОРЯНИНА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА ДО КАВКАЗСКИХ ВОЙН

Ключевые слова: генерал А.П. Ермолов, Отечественная война 1812 г., Российская Империя, роль личности в истории

А.П. Ермолов (1777–1861) – генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, участник трех войн с Наполеоном, кавалер всех российских орденов, обладатель золотого оружия и самая популярная фигура в русской армии начала XIX в. происходил из старинной, небогатой орловской дворянской семьи. Сам себя он называл Чингизидом (потомком Чингисхана) и действительно по отцовской линии вёл своё происхождение от представителей крещеной татарской знати. Кроме того, по линии матери, был в родстве с известным деятелем екатерининской эпохи светлейшим князем Г. Потемкиным Таврическим, с героями войны 1812 г. Н. Раевским и Д. Давыдовым [7, С. 8].

Чести быть одним из самых известных людей России первой половины XIX в. он добился участием в войнах, государственным умом, независимым характером. «Ты ратный брат, ты жизнь полкам», – писал об А. Ермолове после битвы при Бородино поэт В.А. Жуковский. «Сфинксом новейшего времени» называл его дипломат и драматург Александр Грибоедов. «Я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком», – обращался к Ермолову поэт А.С. Пушкин. По мнению адъютанта А.П. Ермолова – будущего декабриста М.Л. Фонвизина, биография Алексея Петровича – «беспристрастно и умно написанная, была бы под стать Плутарховым жизнеописаниям знаменитых людей Греции и Рима» [13, С.9-10].

Алексей Петрович происходил из старинной, но обедневшей дворянской семьи Орловской губернии. Предки Ермолова числились в дворянских списках по Московской, Орловской, Калужской и Пензенской губерниям. По линии чиновной иерархии в XVII веке они не занимали должности выше стольников, а в следующем веке уже имели в своем роду генералов.

Отец будущего полководца, орловский помещик Петр Алексеевич Ермолов (1742–1833), первоначально служил в армии. В 1778 году, в год рождения единственного сына, он в чине майора по болезни вышел в отставку. Затем занимал должность правителя канцелярии генерал-прокурора А. Самойлова. С воцарением Павла I, Петр Алексеевич подвергся опале и был выслан в Орел, где потом долгое время председательствовал в палате гражданского суда. В браке он состоял с Марией Денисовной Каховской (урожденной Давыдовой), родной теткой будущего прославленного поэта и партизана в войне с Наполеоном, Дениса Давыдова [22].

Усадьба Ермоловых располагалась в селе (ранее оно именовалось сельцом) Лукьянчиково близ города Орла и издавна принадлежала роду Ермоловых.

Известно, что «помещик артиллерии майор Петр Алексеев сын Ермолов» предпринимал настойчивые попытки обеспечить безбедное существование детям Алексею и Анне. Он прикупал соседние земли к своему, тогда уже существовавшему, небольшому имению «во Мценской округе в селе Лукьянчиково и деревне Вепринцево». По четвертой переписи 1782 года в нём было 45 крестьян, в том числе 12 дворовых людей [18].

Здесь прошло детство будущего полководца. Сам он вспоминал, что одним из его наиболее ярких детских впечатлений было пребывание в родительском доме. «У нас была печка оштукату-

ренная, – писал он, – и на ней была нарисована Церера с рогом изобилия. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. В этом виде я помню эту фигуру и направление трещины, а мне было всего только 4 1/2 года» [12, с. 22].

Здесь же началась и учёба будущего генерала. В биографическом очерке о «достопамятном орловце» известный писатель Николай Лесков отмечал: «Первоначальным учителем А. П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей (Степанович – авт.), который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца...» [8, С. 17].

От отца, умного и несколько сурового в обращении с людьми человека, Алексей Петрович унаследовал «серьезный, деловой склад ума». А живое остроумие и колкость языка перешли к нему от матери, которая, по выражению современника, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире» [11].

Домашнее образование А. Ермолова было продолжено в семье родственника – орловского помещика Щербинина, а затем в доме Левина. В 1784 году мальчика отправили в Благородный московский университетский пансион, где он провел семь лет. Впоследствии он дополнил свое образование большой начитанностью «Бедное состояние семьи моей не допустило дать мне нужное образование», – однажды посетовал Алексей Петрович [14].

По обычаю того времени, еще в малолетстве, с января 1787 года, он был записан в службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Став взрослым, в чине капитана состоял адъютантом при генерал-прокуроре А. Самойлове, затем, не удовлетворенный этой службой, перешел в артиллерию. Большая часть жизни Ермолова будет связана с этим родом войск [4].

В 1794 году молодой артиллерийский офицер в составе войск Суворова действовал против повстанцев в Польше, за отвагу при штурме Праги (предместье Варшавы) двадцатилетний капитан артиллерии из рук А. В. Суворова получил орден святого Георгия 4-го класса, чем впоследствии особенно гордился. В 1795–1796 годах А. Ермолов участвовал в боях против французов в Италии, походе в Персию. Затем был в Персидском походе армии В. Зубова. За доблесть при штурме Дербента награжден орденом святого Владимира 4-го класса и чином подполковника [3].

Военная карьера Ермолова неожиданно прервалась в 1798 г.: 28 ноября за участие в офицерском политическом кружке «Вольнодумцы» он был арестован в г. Несвиже. Освобожденный, вскоре он вновь был арестован в начале 1799 г., заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости и осужден на вечную ссылку, в Костромскую губернию (к счастью, она закончилась со смертью императора Павла). А. Ермолов обвинялся в соучастии в деятельности заговорщической группы, возглавлявшейся отставным полковником А.М. Каховским, старшим сводным братом А. Ермолова по матери от первого брака. Ходили слухи, будто «заговорщики» не только вели вольнолюбивые разговоры и читали Гольбаха, Монтескье, Вольтера, радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», но и имели намерение поднять армию против законного государя. В Костроме Ермолов часто проводил время в обществе другого опального – казачьего генерала М. Платова. Указом от 15 марта 1801 года вступившего на престол Александра I «О прощении людей» Алексей Петрович был помилован.

Он приезжает в Орел к отцу, который как раз в это время решил заменить обветшавшую деревянную церковь в своем селе Лукьянчикове. В декабре 1801 года статский советник П.А. Ермолов обратился с прошением об этом к Орловскому и Севскому епископу Досифею. В прошении Петр Алексеевич сообщал, что «состоящая вотчина его Орловской округи в селе Лукьянчиково во имя Покрова пресвятыя Богородицы деревянная церковь за давним построением пришла уже в ветхость». Поэтому, он, решив «перестроить оную вновь деревянным же зданием на каменном фундаменте», заблаговременно заготовил значительную часть необходимых строительных материалов. В мае Синод «во уважение означенных причин» удовлетворил эту просьбу. И церковь была построена. Многие годы спустя местные крестьяне называли ее Ермоловской, так как в ней находился большой портрет знаменитого героя Отечественной войны 1812 года [15, С. 201].

По возвращении из ссылки А. Ермолов получил в командование конноартиллерийскую роту в Вильно. Несмотря на прилежную службу, Ермолов имел несчастье не понравиться инспектору всей артиллерии генералу А.А. Аракчееву. При проверке роты тот измучил солдат и офицеров придирами, когда же в конце он выразил удовлетворение содержанием в роте лошадей, Ермолов мрачно ответил: «Жаль, ваше сиятельство, что в армии репутация офицера часто зависит от скотов». Аракчеев долго не мог простить Ермолову такого сарказма. «Мне остается, – говорил Алексей Петрович, – или выйти в отставку, или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги добыть себе все мною потерянное». Ожидание войны оказалось недолгим [6, С. 71].

В 1805 году, с началом русско-австро-французской войны, рота А. Ермолова вошла в состав армии М. Кутузова и заслужила высокую оценку своими действиями в кампании. За мужество и распорядительность в сражении под Аустерлицем Алексей Петрович получил чин полковника. В русско-прусско-французской войне 1806-1807 годов он проявил себя доблестным артиллерийским командиром, отличился в сражениях и боях под Голыминым, Морунгеном, Прейсиш-Эйлау, Гутштадтом, Гейльсбергом, Фридландом. В сражении под Прейсиш-Эйлау Ермолов отослал лошадей и передки орудий в тыл, заявив подчиненным, что «об отступлении и помышлять не должно». Под Гейльсбергом в ответ на замечание, что французы близко и пора открывать огонь, ответил: «Я буду стрелять, когда различу белокурых от черноволосых» [2]. В сражении под Фридландом находился в самом пекле битвы, чудом остался жив. Получил за подвиги три ордена и золотую шпагу, но из-за недоброжелательного отношения Аракчеева остался без чина генерал-майора, к которому его дважды представлял сам брат царя – Константин Павлович. Ермолов хотел уйти из армии, но ценивший его Александр I воспрепятствовал этому [10, С. 27].

После объяснений с Ермоловым Аракчеев переменял к нему свое отношение и с тех пор стал ему покровительствовать. В 1809 году Алексей Петрович получил чин генерал-майора и назначение инспектором конноартиллерийских рот, затем стал командиром отряда резервных войск на юго-западных границах. Молодой горячий генерал не раз просился поехать на театр войны с Турцией, но не получил на это разрешения. В 1811 году его перевели в Петербург командиром гвардейской артиллерийской бригады.

С началом Отечественной войны 1812 г. Ермолов был назначен начальником штаба 1-й Западной армии, которой командовал бывший военный министр России Барклай-де-Толли. Как и командующий 2-й Западной армией П. Багратион, Алексей Петрович тяготился отступлением и планом Барклая, но все же смирял свое самолюбие «во имя пользы отечества». По личной просьбе Александра I писал ему обо всем происходившем. Как начальник штаба, он много сделал для сглаживания отношений между Барклаем-де-Толли и Багратионом и для успешного соединения двух армий под Смоленском; явился организатором обороны этого города, затем удачно руководил войсками в бою при Лубине, был произведен в генерал-лейтенанты [10, С. 46].

В сражении у Бородино Ермолов находился при главнокомандующем М. Кутузове. В разгар битвы Кутузов направил его на левый фланг, во 2-ю армию, где был тяжело ранен Багратион, и Ермолов помог преодолеть там смятение войск. Увидев, что центральная батарея Раевского взята французами, он организовал контратаку, отбил батарею и руководил ее обороной. «Гибельна была потеря времени, – вспоминал он позднее – и я приказал... идти за мною развернутым фронтом, думая остановить отступающих... Несмотря на крутизну восхода, приказал я... атаковать штыками...» «Это был не бой, а бойня...», – вспоминали очевидцы. По собственному признанию А. Ермолова, ведя в атаку, он периодически вытаскивал из кармана горсть солдатских «георгиевских крестов» и бросал вперед по нескольку из них, а множество стремились за ними. Высота была возвращена, лишь французский генерал Бонами снискал пощаду и был живой взят в плен...» [9, С. 67] «Сим подвигом Ермолов спас армию, – вспоминал Н. Муравьев-Карский, – сам он был ранен в шею; рана его была не тяжелая, но он не мог далее оставаться и уехал...» М. Барклай-де-Толли, в подчинении которого находилась «батарея Раевского», в рапорте на имя М. Кутузова, просил главнокомандующего удостоить А. Ермолова ордена св. Георгия 2-го класса. Ку-

тузов высоко ценил боевые качества Ермолова, но, считая его доверенным лицом императора, не очень благоволил к нему. За Бородино главнокомандующий ограничился орденом святой Анны 1 – го класса, а орденом святого Георгия 2-й степени высочайшим повелением был награжден сам Барклай. В свою очередь, энергичный Ермолов сетовал на оборонительную стратегию Кутузова и вызвал его неудовольствие, когда на военном совете в Филях высказался против оставления Москвы без сражения.

«Ермолов в битве дерется как лев, а чуть сабля в ножны, никто от него не узнает, что он участвовал в бою. Он очень умен, всегда весел, очень остер и весьма часто до дерзости», отзывался о генерале любивший его и ему покровительствовавший великий князь Константин Павлович. [1, с. 33].

После Бородинского сражения и ухода из Москвы А.П. Ермолов был назначен начальником объединенного штаба двух армий – 1-й и 2-й. Он сыграл видную роль в сражении под Малоярославцем, где отдавал распоряжения от имени главнокомандующего. Выдвинув корпус Дохтурова на Калужскую дорогу, он преградил путь армии Наполеона и сражался весь день до подхода главных сил. В результате, Наполеон был вынужден отступить по разоренной Смоленской дороге.

После перехода через реку Неман А. Ермолов возглавил артиллерию всех союзных армий, с апреля 1813 года командовал различными соединениями, русскими и прусскими гвардейскими корпусами. В 1813 – 1814 годах умело действовал в сражении под Бауценом, покрыл себя славой в битве под Кульмом, в боях за Париж руководил гренадерским корпусом, награжден орденом святого Георгия 2-го класса.

Великий русский поэт В.А. Жуковский в изданной в 1813 году поэме «Певец во стане русских воинов» так написал о полководце:

Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам... [1, с. 50].

После войны с Наполеоном, в конце 1815 года Алексей Петрович на несколько месяцев приезжает в своё орловское имение навестить родителей. В своем письме он шутил: «Я заслепил глаза здесь алмазами; что за прекраснейший народ живёт в провинциях! Я, как приехавши, налепил три свои звезды, так и думают, что я Бог знает, что за человек. Насилу в 10 дней мог уверить, что я ничего не значу...» В конце письма – краткое трогательное признание: «Отечество моё – Орёл» [11, С. 113; 12, С. 51].

По возвращении в Россию Ермолов был рекомендован Аракчеевым на пост военного министра. «Правда, он начнет с того, – говорил Аракчеев, – что перегрызется со всеми, но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы впоследствии оправдали».

Александр I предпочел дать 38-летнему генералу другую должность – 6 апреля 1816 года он назначен командиром Отдельного Грузинского (с августа 1820 года Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью Грузии, Астраханской и Кавказской губерний и в то же время чрезвычайным и полномочным послом в Персии. Через два года он был произведен в генералы от инфантерии [5].

Здесь А. Ермолов служит около 10 лет. Вторжение персидских войск в пределы Грузии в 1826 г. послужило для Николая I поводом к обвинению Ермолова в непредусмотрительности и к посылке на Кавказ генерала Паскевича с особыми полномочиями от царя. Поручив Паскевичу командование войсками, Ермолов вскоре подал прошение об отставке. Весной 1827 года император отдал распоряжение военному министру: «Уволить генерала от инфантерии Ермолова от командования Отдельным Кавказским корпусом...» [19].

Так, едва достигнув 50-летнего возраста, человек кипучей энергии, А. Ермолов оказался обреченным на бездействие и затем более 30 лет прожил в Москве и Орле. Известный поэт И. Крылов откликнулся на отставку Ермолова баснями «Конь» и «Булат» – о неумении плохого наездника использовать прекрасного боевого коня и о булатном клинке, заброшенном и ржавеющем без пользы [16, С. 103].

После вынужденной отставки Ермолов вновь приехал к отцу в Орловское село Лукьянчиково. 28 июня он сообщал одному из своих друзей: «15-го числа прибыл в деревню отца моего. Старика моего нашел я весьма слабым... Не утешает его и мое положение. Все сие нелегко переносить человеку за 80 лет!.. Скажу вам о себе: я здоров, собираюсь заниматься хозяйством, о котором пресмешные имею понятия, но не так велико состояние и не весьма многосложно управление, чтобы, наконец, и я не сделался экономом... Соседей у меня мало, и еще менее порядочных; те, коих знал я в ребячестве моем, по естественному порядку, перемерли, и я здесь совершенно в чужой земле; больших знакомств, я делать не намерен». Тогда же, в августе 1827 года, в Лукьянчиково приезжал Д.В. Давыдов, знаменитый поэт-партизан, двоюродный брат А. Ермолова. Своему старому приятелю А.А. Закревскому он писал – «Он не грустен, не сердит и как будто выбитый с винта, на коем он вертелся 38 лет славной службы! Кажется, однако, что начинает кое-как привыкать к безмятежной жизни ... Там же строит он маленькую хижину...». Через год – к осени 1828 года дом в деревне был построен. А. Ермолов поселился в нём с сыновьями Виктором, Клавдием и Севером [16].

В то же время отец генерала также строит себе дом в Орле. Ещё осенью 1827 года Алексей Петрович писал: «Старик мой строит себе маленький домик близ церкви и жилища архиерея, с которым он дружен, и там намерен кончить дни свои...». В этом здании иногда останавливался и сам А. Ермолов и его посещал, правящий в то время епископ Гавриил (Розанов). Этот дом на бывшей улице Заострожной, а ныне Ермолова, без разобранного в 1840-е годы мезонина, сохранился до наших дней. Он описан современниками, в том числе и в романе «Некуда» Н.С. Лескова (в главе «Генерал Стрепетов»). В начале XX века было принято решение купить у новых владельцев дом П. А. Ермолова и создать там музей, но помешала мировая война. В соответствии с постановлением СМ РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624, это здание было принято под охрану, «как памятник государственного значения» [17].

В Орле на Борисоглебской улице Алексей Петрович также начал строить для себя еще один новый дом. Об этом он написал в своём письме бывшему сослуживцу П.А. Кикину: «...живу со стариком моим в деревне ... Здесь я иностранец, вышедший на берега Африканские. Как всё пусто и дико! Люди с состоянием живут в столице, с умеренным прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орел кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими. Невзирая на всё сие, я строю каменный двухэтажный дом в городе». В задуманном флигеле генерал решил поместить свою богатую библиотеку. Он любил читать и переплетать книги. О том, что Ермолов «в просвещении стал с веком наравне», свидетельствуют многочисленные пометы на страницах книг из его библиотеки, хранящихся в составе научной библиотеки имени А.М. Горького Московского государственного университета [12, с. 33].

В доме на Борисоглебской Алексей Петрович останавливался во время приездов в Орёл из деревни, и его ещё в начале XX века орловцы называли «генеральским». Однажды, во время приезда в Орёл он увидел, что дивизионный командир с офицерами приготовит ему почести, но отказался их принять. В этом здании произошла и встреча А. Ермолова с А. Пушкиным, приехавшим в Орел специально, чтобы увидеть полководца. За опальным генералом следила жандармерия, регулярно доносившая в Петербург сведения о военачальнике, но встречи с Пушкиным никто не заметил. Не случайно А.В. Суворов утверждал, что Ермолов «хитер, хитер! умен, умен! Никто его не проведет!». А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», – отмечал: «...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал, таким образом, двести верст лишних, зато увидел Ермолова. Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в 8 часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал». Позже А. Ермолов продиктует и заверит свои воспоминания о встрече с великим поэтом. Он отмечал, что А. Пушкин был у него 3 раза и что первые слова, которые он сказал, войдя в дом полководца, были: «Мне стыдно

бы было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым». В другом месте своего «Путешествия в Арзрум», А. Пушкин писал: «Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зелёном черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе» [21]. В письме Д.В. Давыдова к П.В. Вяземскому приводятся слова А. Ермолова: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения». Пробыв в Орле два дня, А. Пушкин покинул город, но уже из Тифлиса, отзываясь о встрече с полководцем, он под сильным впечатлением писал Ф.И. Толстому, что Ермолов «был до крайности мил». На месте, где был когда-то расположен дом – место встречи великого поэта и полководца, в 1992 году была установлена мемориальная доска с изображением поэта и военачальника.

На родной земле, кроме воспитания детей, полководец, по свидетельству Д.В. Давыдова, «начал заниматься приведением в порядок записок своих» и составлением «Материалов для истории войны 1812 года». Уже в 1833 году А.С. Пушкин в письме А. Ермолову, утверждал, что его слава принадлежит России, и просил чести быть их издателем [8, с. 16].

В Орловской губернии А. Ермолов вел замкнутую жизнь. Изредка выезжал в город, где наско-ро на 10-15 минут заезжал к губернатору, вице-губернатору, предводителю дворянства, родственникам и друзьям. Один из его визитов запомнил писатель В.П. Бурнашев, в то время, 15-летний мальчик. К его отцу приехал Алексей Петрович, «на пошивнях», с тройкой лошадей, в медвежьей шубе, «сильный, бодрый, величественный, широкоплечий, широкогрудый, почти без шеи, с массой темных волос, венчавших морщинистое открытое высокое чело, в скромном синем фраке, с солдатским Георгием в петлице ...». Иногда генерал посещал театр «... всегда в чёрном фраке и без орденов...». Современники отмечали, что «Мрачный его вид, изобличающий душевное беспокорство, явно противоречил хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно им желаемой...»

Орловский период жизни генерала продолжался около трех лет. Уважение российского общества к опальному полководцу сохранялось, поэтому Николай I в 1830 году вновь принял Алексея Петровича на службу, с назначением членом Государственного Совета. Однако от участия в заседаниях совета А. Ермолов уклонялся. Он изредка выезжал инспектировать войска и присутствовать на военных смотрах [19].

В 1832 году умирает отец А. Ермолова. Сын, как и завещал отец, похоронил его у «правого алтаря» Орловской Троицкой церкви, которую тот любил посещать. В том же году, определив сыновей учиться, Алексей Петрович, желая быть поближе к ним, купил под Москвой имение Осоргино и дом в Москве на Самотеке и туда переселился. После ввода в наследство, в феврале 1837 году он продает орловские имения.

В 1837 г. Ермолов был пожалован генералом от артиллерии. По личным росписям в Книге Орловского Дворянского Депутатского Собрания, сделанным им, мы знаем о его приездах в родной город 13 апреля 1837, 12 августа 1840 и в 1841 году. Видимо эти приезды были связаны с улаживанием хозяйственных вопросов и продажей имений [14].

В свои последние годы генерал: «...вставал в шесть часов, и тотчас одевался, не зная никогда ни шлафрока, ни туфлей, ни спальных сапог; надевал свой казинетовый сюртук и садился за стол в кабинете. Туда подавался ему чай. Он занимался, читал письма, принимал просителей. Обедал в три часа: щи, пирог, жаркое, – вот и все. Любил вообще соленое. Вечером пил чай, две чашки с хлебом, и любил сидеть долго, за полночь смотреть на игру в карты, оставляя гостей... Был очень

бережлив, расчетлив, но не скуп; денег не любил иметь при себе. Из всех своих сбережений сохранил он порядочное наследство четверем своим сыновьям [12, с. 79].

Он никогда почти не бывал болен до старости. Занемог в марте 1861 года. Перед смертью, выразил желание быть похороненным в Троицкой кладбищенской церкви города Орла, близ могилы своего отца. Скончался он 11 апреля 1861 года, сидя в кресле. Отпевание было в г. Москве в храме Христа Спасителя и 13 апреля в цинковом гробу тело полководца направилось в г. Орел. Гроб прибыл в Орёл 16 апреля и был поставлен для поклонения в Крестовоздвиженском храме. 18 апреля состоялись его похороны [1, с. 13].

Деятельность А. Ермолова до периода Кавказских войн показывает формирование его характера и воинских навыков, позволяя лучше понять его службу на Кавказе.

Резюме

Статья посвящена важнейшему этапу биографии генерала А.П. Ермолова, предшествующему его назначению командиром Кавказского корпуса. Автор предпринимает попытку комплексного анализа фактов и обстоятельств, которые в наибольшей степени повлияли на формирование военных и государственно-политических взглядов будущего главнокомандующего на Кавказе. Особое внимание уделяется событиям, связанным с пребыванием Алексея Петровича в Орловской губернии. Участие в Отечественной войне 1812 г. стало важнейшей вехой биографии Ермолова, поворотным моментом в военной карьере, определившим его последующее становление не только как талантливого полководца, стратега, но также как государственного деятеля. Война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. принесли А.П. Ермолову славу одного из самых известных героев в ратной истории Отечества начала XIX века.

Литература

- 1) Алексей Петрович Ермолов и Орловский край: библиогр. указ. / Орл. обл. науч. универс. публ. б-ка им. И.А. Бунина, отд. краевед. док.; [сост. А.А. Абрамова; ред. М.В. Игнатова, В.А. Щекотихина]. – Орел: Изд. Дом «ОРЛИК», 2012. – 160 с.
- 2) Бочарников И.В. А.П. Ермолов: стратег и дипломат // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 12. – С. 39–43.
- 3) Бочарников И.В. «Он рождён командовать армиями» // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 3. – С. 68–73.
- 4) Глиноецкий Н.П. Краткая биография генерала от артиллерии Ермолова // Военный сборник. – 1861. Т. 19. № 5. Отд. неофиц. – С. 247-258.
- 5) Голдобин И.А. Кавказская война: предыстория. Ермоловский период / И. А. Голдобин // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 5(62). – С. 469-479
- 6) Гордин Я.А. Алексей Ермолов: Солдат и его империя. – В 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2012, т. 1 – 656 с., т.2 – 592 с.
- 7) Гордин Я.А. Ермолов / Яков Гордин. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 600[8] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1373)
- 8) Его слава принадлежит России [Текст]: А.П. Ермолов: страницы жизни / Владимир Власов; [сост. и ред. Е.Н. Ашихмина]. – Орел: Издательство А.В. Воробьев, 2008. – 106 с.
- 9) Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 года / А.П. Ермолов. – Лондон: Типография кн. Петра Владимировича Долгорукова, 1863. – 225 с.
- 10) Ермолов А.П. Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года / А.П. Ермолов. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 149 с. – (Мемуары замечательных людей).

- 11) Записки А.П. Ермолова, 1798-1826 / А.П. Ермолов; [составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.А. Федорова]. – Москва: Высшая школа, 1991. – 462 с.
- 12) Матвеев В.П. Алексей Ермолов / В. П. Матвеев. – Орел: Орловская региональная академия государственной службы, 2011. – 104 с. – (Выдающиеся люди Орловской губернии).
- 13) Михайлов О.Н. Генерал Ермолов: Исторический роман; Переписка А.П. Ермолова с П.Х. Граббе. – Москва: ИТРК, 2002. – 608 с. – (Библиотека исторического романа).
- 14) Неизвестная биография А.П. Ермолова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В.М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. – С. 191–201. – [Т.] VII.
- 15) Погодин М.И. Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове. В книге Историко-критические отрывки. Т. 2. – М., 1867. – 450 с.
- 16) Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Садов Юрий Валентинович. – Санкт-Петербург, 2006. – 220 с.
- 17) Семина Н.Б. Памятники генералу А.П. Ермолову в мемориальном пространстве России: история, идеология, эстетика / Н.Б. Семина // Актуальные проблемы монументального искусства: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 марта 2022 года / Под редакцией Д.О. Антипиной, Р.А. Бахтиярова, С.Н. Крылова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. – С. 117-123.
- 18) Слесаренок И.В. Оценка роли А.П. Ермолова в истории Кавказа в советской и современной историографии // Вестник ЧГУ. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-roli-a-p-ermolova-v-istorii-kavkaza-v-sovetskoj-i-sovremennoj-istoriografii>.
- 19) Тебиев Б.К. Сенаторское расследование деятельности генерала А.П. Ермолова на Кавказе / Б. К. Тебиев // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2015. – № 4(36). – С. 2.
- 20) Толчинская Т.И. Деятельность генерала А.П. Ермолова и его влияние на обустройство Кавказских Минеральных Вод / Т. И. Толчинская // В мире научных исследований: Материалы II Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2013 года. – Краснодар: Академия знаний, 2013. – С. 156-164.
- 21) Федосеева Л.Д. Ермолов на Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ermolov-na-kavkaze>.
- 22) Экштут С.А. Алексей Ермолов // Родина. – 1994. № 3/4. – С. 30-35.

Мамчуева Ф.О.
г. Черкесск

ТРАГИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Ключевые слова: Кавказская война, карачаевские герои, историко-эпическая песня, Хасаутинское сражение, песня-плач.

Пристальный интерес многих историков, фольклористов, этнографов и литературоведов к изучению Кавказской войны неслучаен и объясним. Исследования, отражающие данный аспект нашли достойное применение в устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев, в историко-героических песнях (тарих эм джигит джырла) конца XVIII – XIX века. Серьезная работа проводилась в 50–60-е годы XX века по собиранию и публикации карачаево-балкарских исторических песен, таких как – «Хасаука», «Большой Хож» («Уллу Хож») «Карачаевские герои» (Къарачай джигитле)). Речь идет о фольклорном сборнике под названием «Эски къарачай джырла» («Старинные карачаевские песни»), изданном в 1940 году, в городе Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск) М.А. Дудовым и Х.О. Лайпановым¹. После возвращения карачаевцев на родину, в 1958 году, под редакцией Х.О. Лайпанова появляется новый сборник «Эски къарачай-малкъар халкъ джырла» («Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев»)².

Неоценимый вклад в изучение фольклорного наследия карачаевского и балкарского народов, в его жанровую характеристику внесла известный карачаевский литературовед А.И. Караева в работе «О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа». Особенно ценными являются ее исследования, касающиеся периода Кавказской войны. Ряд материалов, связанных с данным аспектом были отмечены в фольклорном сборнике «Карачаевские народные песни»³. Различные варианты карачаево-балкарских исторических песен описываемого периода представлены в антологии карачаевской поэзии (1965, 2006 гг.)⁴.

Героический эпос – один из уникальнейших пластов песенной культуры карачаевцев и балкарцев, посвященные событиям Кавказской войны XIX века, были представлены в таких песнях как – «Хасаука», «Большой Хож» («Уллу Хож») «Карачаевские герои» (Къарачай джигитле)).

Историко-эпическая песня «Хасаука» посвящена исторической битве карачаевцев у теснины Хасаука в 1828 г. с царскими войсками под командованием генерала Эммануэля. «Во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов владение Карачаем, как стратегически важным пунктом, приобрело особое значение. В связи с этим русское командование предприняло в октябре 1828 года поход в горы»⁵.

¹ Карачаевские старинные песни / Сост. М.А. Дудов, Х.О. Лайпанов. – Микоян-Шахар, 1940. – 92 с.

² Старинные песни карачаевцев и балкарцев (Эски къарачай-малкъар джырла) на карачаевском языке. / Сост. Х.О. Лайпанов / Черкесск.: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 96 с.

³ Карачаевские народные песни (на карачаевском языке) / Составители С.А. Гочияева, Р.А.-К. Ортабаева, Х.И. Суюнчев /. – М: Главная редакция восточной литературы, 1969. – 277 с

⁴ Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) на карачаевском языке / Сост. М.О. Акбаев, Х.Б. Байрамукова, Н.М. Кагиева / – Ставрополь.: Ставропольское книжное издательство, 1965. – 424 с.; Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) на карачаевском языке / Сост. Ф.И. Байрамукова, А.А. Акбаев; Под ред. Т.М. Хаджиевой/. – М: Эльбрусид, 2006. – 624 с.

⁵ Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957. – С. 34.

Четко организованная экспедиция Эммануэля распределила свои силы таким образом, что часть войск – отряд Антропова осталась на Кубани, на Каменном мосту – «откуда начинался опасный подъем через ущелье Аман-Ныхыт» (с карач: «Гибельный путь»), непроходимый для артиллерии», другая часть войск – с снабженной артиллерией под командованием генерала Эммануэля сосредоточили свои силы со стороны Кисловодской линии⁶.

Карачаевцы, сконцентрировав свои силы Каменного моста на Кубани, надеялись, что вторжение будет с этого направления. При активном участии местных князей карачаевца Амантыша Дудова и полковника-кабардинца Атажуко Атажукина Эммануэль главные силы двумя колоннами, двинул к Карачаю. «Одна колонна, под руководством Эммануэля, шла из Бургустана по реке Эшкакону и оттуда в ущельем Подкумка: другая – генерала-майора Турчанинова – из Кабарды, от урочища «Каменного Моста», по левому берегу реки, через ущелье Хасаутское». На одной из террас, идущих диадемой вокруг его белой короны 19-го числа соединились обе колонны У этой террасы – высота более семи тысяч футов и она называется Эль-Джурган-Сырт. После непродолжительной перестрелки, цепь, состоящая из частей Тенгинского полка, заставила карачаевцев покинуть эту позицию. «Последние заняли высокую гор Хасаука, покрытую от подошвы до самой вершины, почти на протяжении трех верст, хвойным лесом и усеянную огромными облаками скал. Эммануэль приказал штурмовать гору»⁷.

Хасаутское сражение продлилось 12 часов. Потерпев поражение, карачаевцам пришлось отступить, а в 7 часов вечера горцы «были сбиты с занимаемых ими высот» при помощи артиллерийских орудий⁸. Карачай был завоеван «при самом упорном сопротивлении гордых карачаевцев, дотоле никем еще не побежденных», – писал Н. Голицын в своем исследовании «Жизнеописание генерала Эммануэля»⁹

Несмотря на численное преимущество врага и неравные силы жители аула стали как один в его защиту – такова вторая часть песни «Хасаука». Следует отметить, что историчность данной песни подтверждается наличием в ней различных исторических документов: «донесением генерала Эммануэля, прошением карачаевцев и речью Крымшамхалова в присутствии генерала и офицеров»¹⁰.

Песня «Хасаука» начинается страстным монологом призывом, боевым кличем, обращенным к народу:

Къычырады Дауле – хахай къуугъун!
Къарачайны шохун, барын джуугъун
Чакъырыгъыз, – бизге дженъил джетсинле,
Къара кюнде бир болушлукъ этсинле
«Хахай, тревога» кричит Дауле!
Друзей Карачая, всех родственников,
Зовите – пусть к нам быстро примчатся,
В этот черный день пусть помогут.

(Подстрочный перевод Ф.О. Мамчуевой).

Песня проникнута словами ненависти и гнева, адресованные царю и его приспешникам – горским князьям:

⁶ Джанкезова М.А.-А. Жанр исторической песни в карачаево-балкарской поэзии. – Черкесск, КЧИГИ, 2020. – С. 90.

⁷ Алиев У.Д. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск, 1991. – С. 89.; Джанкезова М.А.-А. Жанр исторической песни в карачаево-балкарской поэзии. – Черкесск, КЧИГИ, 2020. – С. 90–91.

⁸ Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. – Ставрополь, 1994. – С. 337.

⁹ Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала Эммануэля. Т. 1. – Нальчик, 2001. – С. 112.

¹⁰ Дьячков-Тарасов А. «Заметки о Карачае и карачаевцах». / «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1898, вып. 25.

Къанлы патчах кѣб артыкълыкъ этеди,
 Марджа, джашла, патчах аскер джетеди.
 Патчахлыкъды этибизден тоймагъан,
 Тар ёзенде джашаргъа къоймагъан.
 Кровавый царь совершает много насилий,
 Скорее, друзья, царское войско подходит.
 Никак нашим мясом царизм не насытится,
 В тесных ущельях жить нам не дает¹¹.

(Подстрочный перевод Ф.О. Мамчуевой).

Отряд, который направлялся к верховьям Кубани, под руководством командующего на линии от Черномории до Астрахани генералом Эмануэлем легко ориентировался благодаря помощи карачаевца-князя Амантыша Дудова и кабардинского князя Атажукина.

Сказитель, описывая трагические события, происходившие в Хасауке, показывает свое отношение к соплеменникам, предавших свой народ. Лексика песни это подтверждает: «княжеский выродок», «может нас продать»:

Джау киргенди – Хасаукагъа келгенди,
 Таб джолланы Амантишден билгенди.
 Чанка бийди бизни сатыб къоярыкъ,
 Къарачайны багъасындан тоярыкъ¹².

Враг пришел, проник в Хасаука,
 Разведаль верные дороги у Амантиша,
 Это он, княжеский выродок, может продать нас,
 Насытиться ценою проданного Карачая

(Подстрочный перевод А. И. Караевой).

Историческая песня «Уллу Хож» / «Хож элни джыры» («Большой Хож», «Песня села Хож») посвящена массовому истреблению беззащитных жителей адыгского аула Ходзь, расположенному в верховьях реки Лабы. «В песне нашла отражения жестокая расправа царских войск в апреле 1868 г. над жителями одного из аулов закубанских кабардинцев, расположенных на р. Ходзь. Связанные общей клятвой, они решили умереть, но не исполнять требований военного начальства о разоружении и переселении на новое место»¹³.

Существуют различные варианты этой песни. Два варианта этой песни – «Песня о реке Ходзь» и «Большой Хож»¹⁴ представлены в книге «Адыгские песни времен Кавказской войны. (К 150-летию окончания Кавказской войны)»¹⁵.

Действительно в основу этих песен вошли реальные события, варварского уничтожения царскими солдатами адыгского (черкесского) аула Ходзь в 1859 году. Понимая боль братского народа, карачаевские сказители решили воспеть трагические страницы происходивших событий на

¹¹ Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) / Сост. М.О. Акбаев, Х.Б. Байрамукова, Н.М. Кагиева. – Ставрополь, 1965. – С. 81.

¹² Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) / Сост. М.О. Акбаев, Х.Б. Байрамукова, Н.М. Кагиева. – Ставрополь, 1965. – С. 81.

¹³ Мамонтова А.В. Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. / Ученые записки КНИИ. Т. 2. Нальчик, 1947. – С.66.

¹⁴ Песня о реке Ходзь. // Адыгские песни времен Кавказской войны. К 150-летию окончания Кавказской войны; Большой Хож. – Нальчик.: ООО «Печатный двор», 2024. – С. 590–591; С. 592–593.

¹⁵ Адыгские песни времен Кавказской войны. – К 150-летию окончания Кавказской войны – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2024. – 656 с.

родном языке и создали песню плач по героически погибшим жителям села Хож (Ходзь). И в 1958 году выходит фольклорный сборник под названием «Старинные песни карачаевцев и балкарцев» («Эски кьарачай-малкьар джырла») ¹⁶, в котором была опубликована карачаево-балкарская историко-героическая песня «Уллу Хож». На реальность исторических событий указывают следующие факторы: место проведения сражения, подвиг сестер Уркуят и Байдымат и жестокость генерала Карохова:

...Семь дней без остановки льется красная кровь
Ой, в селении Хож семь красавиц воюют
Особенно две красавицы ведут войну:
Первая дочь Хожи – Байдымат, Вторая – Уркуят ¹⁷...

Внезапное нападение царских войск на жителей аула Хож, их не остановило. Но следует отметить, что жителей, оказавших сопротивление уничтожали в первую очередь. Несмотря на их неравные силы, жители села: женщины, оставив малолетних детей, с оружием в руках присоединились к мужчинам и оказали героическое сопротивление против царских войск и его помощников:

На камни, на берегу брызнула кровь
И девушки присоединились в войне к парням
Идет война, пропитывая землю кровью.
Заставляя женщин и девушек сесть на коней...

Используя художественно-изобразительные средства, сказитель-певец показывает чудовищный и жестокий характер массового истребления аула Хож (Ходзь). Сказитель высказывает свое отношение к исполнителям этой акции – «семь дней лилась кровь»; «рожденный от собаки – сбросив детей в яму поджигает их», «заставляют избивать их палками»:

Русский царь используя насилие
направил на нас своих солдат.
Равнины окутал туман,
Это не туман, это дым, который вышел из орудий,
Попадая в селенье загораются искря
Дымоходы горят как масляные свечи
Дети остаются под копытами лошадей.
Генерал Карох, рожденный от собаки,
Сбросив всех детей в яму поджигает их,
Таким образом, заслуживая любовь царя,
Непокорных красивых черкешенок оголив(раздев наголо)
Заставляют избивать их палками ¹⁸.

Песня-плач «Большой Хож» передает настроения сказителя, его боль и сострадание мирным жителям, ставшими жертвами варварской акции царских войск и испытавших на себе жесткие и ужасные издевательства солдат над детьми, женщинами и всеми жителями аула Хож. Сказитель

¹⁶ Старинные песни карачаевцев и балкарцев» («Эски кьарачай-малкьар джырла») на карачаевском языке. / Сост. Х.О. Лайпанов / Черкесск.: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – С. 50–53.

¹⁷ Там же. – С. 51.

¹⁸ Старинные песни карачаевцев и балкарцев» («Эски кьарачай-малкьар джырла»), на карачаевском языке. / Сост. Х.О. Лайпанов / Черкесск.: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – С. 51.

Оказав героическое сопротивление, все они погибли в неравном бою. Начальник Кубанской области в своем донесении наместнику Кавказа, подчеркивая «отчаянную оборону фанатиков», писал о «страшной картине», которую являли собой тела «изрубленных женщин и детей»¹⁹. Сказитель достоверно описывает эпизоды этой ужасной операции, уничтожая все на своем пути, солдаты не пожалели ни детей, ни беременных женщин, почти во всех вариантах описаны сцены насилия и убийства, часто упоминаются штыки, или оружие:

Мы не пустили бы царей к себе, если бы место, где мы живем
Было бы крепким, как у карачаевского народа (крепким, сильным и защищенным),
мы еще 10 лет воевали бы, если бы место, где мы живем,
было бы непроходимым (неприступным) морем у Терека....
Лежат бездыханные, некому скроить нам саваны,
Мучаемся от жажды, не находя воды,
Золотое ружье отнесли и повесили на буковое дерево,
Пролитую нашу кровь лижут безродные псы,
Женщины и девушки селенья Хож
Взяв кинжалы идут на войну
Оставив воду Хож...
Жестокие солдаты окружили и охраняют нас,
Замедлив воды Хож телами

Следовательно, анализируя карачаево-балкарские историко-героические песни времен Кавказской войны следует помнить, что это реальные события тех трагических лет – это поэтическое осмысление национальной истории, в основе которой важные размышления о преемственности исторической памяти.

Таким образом, в результате анализа карачаево-балкарских историко-героических песен времен Кавказской войны следует отметить, что в исследуемых фольклорных произведениях отражены исторические события, в которые были втянуты почти все народы Кавказа: карачаевцы, балкарцы и черкесы (адыги). Речь идет о песне «Хасаука», в которой с исторической достоверностью и точностью были отражены подлинные факты хасаукинского сражения, отдельные имена реальных героев, отличившихся в бою, таких как Умар, Дауле, Кайтук и Эбекку. А историко-героическая песня «Уллу Хож» – это одна из последних песен времен Кавказской войны, в которой карачаевский сказитель передал чувство восхищения горянками-красавицами, сражавшимися против варварской политики царизма, за свободу и независимость своей Родины. Основная тематика анализируемых песен – любовь народа к Родине, ценою жизни спасти ее от вражеского ига.

Summary

Thus, as a result of analyzing Karachai-Balkar historical and heroic songs of the Caucasian War, it should be noted that the folklore works under study reflect historical events in which almost all peoples of the Caucasus were involved: Karachais, Balkars and Circassians (Adygs). We are talking about the song «Khasauka», in which the true facts of the Khasauka battle and the individual names of real heroes who distinguished themselves in the battle, such as Umar, Daule, Kaituk and Ebekku, were reflected with historical accuracy and precision. And the historical-heroic song «Ullu Khozh» is one of the last songs of the Caucasian War, in which the Karachay narrator conveyed the feeling of admiration for the

¹⁹ Песня о реке Ходзь. // Адыгские песни времен Кавказской войны». К 150-летию окончания Кавказской войны. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2024. – С. 591; Мамонтова А.В. Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. / Ученые записки КНИИ. Т. 2. Нальчик, 1947. – С. 66.

beautiful Goryon women who fought against the barbaric policy of tsarism and for the freedom and independence of their homeland. The main theme of the analyzed songs is the love of the people for their Motherland, to save it from the enemy yoke at the cost of their lives.

Литература

1. Алиев У.Д. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск, 1991. – 120 с.
2. Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) на карачаевском языке / Сост. М.О. Акбаев, Х.Б. Байрамукова, Н.М. Кагиева / – Ставрополь.: Ставропольское книжное издательство, 1965. – 424 с.
3. Антология карачаевской поэзии (Къарачай поэзияны антологиясы) на карачаевском языке / Сост. Ф.И. Байрамукова, А.А. Акбаев; Под ред. Т.М. Хаджиевой / – М: Эльбрусид, 2006. – 624 с.
4. Адыгские песни времен Кавказской войны. – К 150-летию окончания Кавказской войны – Нальчик.: ООО «Печатный двор», 2014 . – 656 с..
5. Большой Хож // Адыгские песни времен Кавказской войны. К 150-летию окончания Кавказской войны. – Нальчик.: ООО «Печатный двор», 2024 . – С.592-593.
6. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала Емануеля. Т.1. – Нальчик, 2001. – 286 с.
7. Джанкезова М.А.-А. Жанр исторической песни в карачаево-балкарской поэзии. – Черкесск, КЧИГИ, 2020. – 152 с.
8. Дьячков-Тарасов А. «Заметки о Карачае и карачаевцах». / «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тиф лис, 1898, вып.25.
9. Караева А.И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. – Черкесск.: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1961. – 60с.
10. Карачаевские народные песни на карачаевском языке / Составители С.А. Гочияева, Р.А.-К. Ортабаева, Х.И. Суюнчев / – М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. – 277 с.
11. Мамонтова А.В. Восстание закубанских кабардинцев в 1868г. / Ученые записки КНИИ. Т.2. Нальчик, 1947. – С.66
12. Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957.
13. Песня о реке Ходзь. // Адыгские песни времен Кавказской войны. К 150-летию окончания Кавказской войны. – Нальчик.: ООО «Печатный двор», 2024 . – С.590-591.
14. Потто В.А. Кавказская война. Т.5. – Ставрополь, 1994. – С.337.
15. Старинные песни карачаевцев и балкарцев (Эски къарачай-малкъар джырла) на карачаевском языке. / Сост. Х.О. Лайпанов / Черкесск.: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 96 с.

Мусхаджиев С-Х. Х.
г. Майкоп

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ЗИГЗАГИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: Кавказская война, историография, имамат, готрцы Кавказа.

Истоки изучения этой проблемы имели прагматический характер и были связаны с Кавказской войной XIX в., ставшей вооруженной борьбой горцев Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа против экспансионистской политики Российской империи. Термин «освободительное движение» для характеристики борьбы горцев начинает широко использоваться в отечественной историографии только в XX в., когда теоретико-методологическая база исторического знания получает существенное развитие.

Дореволюционные русские авторы, обращавшиеся к исследуемой теме, являлись в основном публицистами, военными чиновниками и офицерами русской армии [1]. Вместе с тем, они затрагивали идейно-политические вопросы и воздействие религиозного фактора, в частности ислама, на борьбу горцев. Для идеологической поддержки военно-колониальных мероприятий самодержавия утверждался тезис о приверженности «фанатическому» учению мюридизма – доктрине, служившей, по мнению Р.А. Фадеева, «выражением главной страсти и главной черты исламизма, ненависти к неверным» [2]. Такие аргументы оправдывали завоевательную политику России на Северном Кавказе исторической необходимостью, естественными государственными интересами и «цивилизаторской миссией».

Особенно ценной является концепция, изложенная в работе А. Руновского, написанная на основании бесед с Шамилем в 60-е гг. XIX в. [3]. В ней в интерпретации русского офицера дается видение лидером освободительного движения Дагестана и Чечни сущности идейных догм движения.

Параллельно с практиками из числа государственных чиновников и военных, которых интересовал только реальный ислам, именно во второй половине XIX в. появляются первые попытки академических ориенталистских исследований [4]. Работы авторов-востоковедов основывались на хорошем знании теоретических основ ислама, конфессиональной специфики, глубоком анализе суфизма, как мистико-аскетического течения в исламе, получившего широкое распространение на Кавказе в рассматриваемый период.

Профессиональные русские историки XIX в. сравнительно мало затрагивали Кавказскую войну и движение горцев. Для них она оставалась злободневным сюжетом реальной жизни. Официальные имперские идеологические установки, требования цензуры также препятствовали системному и объективному изучению этой проблемы.

Вместе с тем, проведенный историографический анализ дореволюционных исследований позволяет сделать вывод, что работы, затрагивающие рассматриваемую проблему, имеют серьезные достоинства. Усилиями публицистов, востоковедов, военных авторов был накоплен огромный фактический материал. Они заложили основы изучения многих аспектов сложной темы истории Кавказской войны, выявили солидную и прочную источниковедческую базу для последующей разработки проблемы.

Советские историки, в отличие от дореволюционных русских авторов, значительно расширили исследовательские масштабы движения горцев, из частного вопроса, интересного преимущественно официальным военным лицам на Кавказе и ученым-востоковедам, данная проблема

становится значительным явлением не только историографии северокавказского региона, но и всей советской исторической науки. Особенностью советской историографии движения горцев стала строгая приверженность единой методологической основе – марксистской теоретической модели, которая оставалась неизменной почти семьдесят лет.

Источниковая база значительно возросла благодаря изучению арабоязычных документов, относящихся к рассматриваемой теме, углубился научный анализ источников, документов. Однако, несмотря на это, оценка освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.) и роли в нем ислама в современной (советской и постсоветской) отечественной историографии неоднократно претерпевала серьезные изменения. В соответствии с этим необходимо выделить следующие периоды: первый период с 20-х гг. до середины 40-х гг.; второй – со второй половины 40-х гг. до середины 50-х гг.; третий – с середины 50-х гг. до середины 60-х гг.; четвертый – с середины 60-х гг. до второй половины 80-х гг.; пятый – с конца 80-х гг. XX в. до начала XXI в.

Для понимания подхода советских историков 20-х гг. прошлого века к оценке движения горцев необходимо учитывать, что наряду с научным методом они придерживались и идеологических принципов классового подхода и партийности. Предпринимались попытки спроецировать марксистскую формационную схему на хозяйственно-экономическую и социальную организацию горцев, проявившуюся в период освободительного движения конца XVIII – первой половины XIX в. [5].

Утверждалось, что «базисные» и «надстроечные» процессы в горской среде получили определенные импульсы благодаря активизации колонизаторской политики царской России, сопротивление которой вылилось в «антиколониально – антифеодальное» движение, имевшее ярко выраженное национально-освободительное и классовое содержание. Особо подчеркивался тезис, что борьба горцев носила справедливый и героический характер. Высокой исторической оценки удостоивались и руководители движения: шейх Мансур, Шамиль и Мухаммед-Амин. Что касается роли ислама, то «взрыв религиозного энтузиазма» назывался одним из факторов консолидации «разноязычных племен кавказского хребта» [6].

Серьезных успехов в 20 – 30-е гг. XX в. достигла советская школа востоковедов. Под руководством известных ученых началась работа по выявлению и изданию новых ранее неизвестных письменных источников о движении горцев [7]. Большое значение имел выход работы, автором которой являлся ближайший сподвижник Шамиля [8].

В этот период молодое поколение советских историков-марксистов основное внимание по исследуемой проблеме уделяло вопросам военного и идейно-политического характера, классовому аспекту, участию отдельных этнических образований в освободительном движении [9]. В целом первая советская концепция освободительного движения горцев, которая сложилась на основе марксистской методологической базы с утверждением новой государственной идеологии, оставалась неизменной с 1920-х до середины 1940-х гг.

В историографии второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. заметно усиливается влияние идеолого-пропагандистских факторов. Началась переоценка истории взаимоотношений России с народами, ставшими частью этого государства, в том числе и с народами северокавказского региона. Вооруженная борьба против Российской империи, даже и освободительная, стала нежелательным сюжетом в исследовании истории складывания единого государства. Свою роль в пересмотре устоявшихся подходов сыграла и резкая критика взглядов академика М.Н. Покровского – первого крупного советского ученого, затронувшего проблему освободительного движения горцев. Методы партийного диктата и прямое вмешательство первых государственных лиц в отечественную историческую науку не имело ничего общего с научными подходами [10].

Своеобразным оформлением официальных установок по исследуемой проблеме стала статья первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багирова, опубликованная в партийно-политическом журнале «Большевик» [11]. Без соответствующего научного анализа и учета богатого

исторического материала автор назвал движение горцев реакционным, Шамиль был объявлен иностранным агентом, проводником «воинствующего», «фанатичного» учения мюридизма, лишённого широкой социальной базы и выражавшего интересы узкого круга феодально-клерикальной знати.

Новый подход внедрялся в директивной форме постановлениями, резолюциями и специальными мероприятиями. Так, в сентябре 1950 г. Президиум АН СССР принял специальное постановление «Об антимарксистской оценке движения мюридизма Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР». Работы, вышедшие в эти годы, не отличались содержательностью и аргументированностью, учитывая официальную изначальную заданность подходов [12]. В это время не появилось ни одного серьёзного монографического исследования по движению горцев. Наиболее заметным достижением в историографии проблемы стал сборник документальных материалов, подбор которого проводился искусственно и тенденциозно [13].

Историки-профессионалы, исследовавшие различные аспекты Кавказской войны, подверглись колоссальному идеологическому и психологическому диктату. Открыто не имея возможности отказать от официально заданной концепции, они, тем не менее, не стали ее активно развивать и наполнять. Попытки рационального и профессионального подхода отечественных исследователей дали свои результаты. Уже в 1955 г. появляется статья А.В. Фадеева «О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе», где подчеркивается социально-массовый характер борьбы горцев и предлагается обсудить некоторые актуальные аспекты проблемы [14].

В условиях «оттепели», когда прямое администрирование исторической науки ослабло, активно развернулось научное обсуждение темы освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). В октябре и декабре 1956 г. состоялись научные сессии сначала Дагфилиала АН СССР, потом и Института истории СССР АН СССР. Ученые региональных и центральных школ пришли к однозначным выводам: движение северокавказских горцев было массовым и антиколониальным и не могло быть инспирировано из-за рубежа [15]. Вместе с тем «реабилитация» исследуемой проблемы оказалась не до конца последовательной и логичной.

На существенное оживление исследовательской работы в отечественной историографии в течение десятилетия, с середины 1950-х до середины 1960-х гг., указывает появление значительного количества публикаций, статей, работ, в которых подвергалась аргументированной критике предшествующая конъюнктурная схема по исследуемой проблеме. Серьезное внимание уделялось вопросам политики Российского государства до Кавказской войны и в ходе завоевания северокавказского региона, социально-экономическому развитию горского общества, социальной основе и особенностям освободительного движения в разных районах Северного Кавказа [16]. Следствием плодотворной работы стал выход в свет сборника источников и материалов, в который было включено немало новоизвлеченных архивных документов [17].

Особенно интересным историографическим событием данного периода представляется монографическая работа профессора Н.А. Смирнова [18]. Именно в ней обстоятельно, на богатой источниковой базе исследуются вопросы, связанные с религиозной идеологией движения горцев, ее сущность и содержание. Однако она не лишена конъюнктурности и идеологизированности подхода.

После динамичного исследовательского «порыва» со второй половины 1960-х гг. происходит заметный спад научной работы по изучаемой проблеме. В центральных и местных периодических изданиях почти исчезли статьи по теме движения горцев, не стали выходить монографии. Одним словом, освободительное движение на Северном Кавказе перестало быть самостоятельным направлением советского кавказоведения. На его изучение было наложено негласное табу партийным руководством, как в центре, так и на местах. Реализация этой конъюнктурной, сугубо идеологической задачи приняла широкий и обязательный характер, что не способствовало объективному и профессиональному изучению многих сложных проблем отечественной истории.

Несмотря на явное доминирование «единственно верной» концепции [19], изучение отдельных аспектов освободительного движения горцев и Кавказской войны не прекращалось. Особенности исследований середины 1960-х – второй половины 1980-х гг. по рассматриваемой проблеме стало изменение исследовательских акцентов таким образом, что приоритетное значение стало отводиться изучению прогрессивных последствий присоединения Северного Кавказа к Российской империи. Терминологическая дозированность стала характерной чертой многих работ этого периода (понятия «освободительное движение», «Кавказская война» использовались ограниченно и с определенными оговорками). В этом ряду стоит и деперсонализация освободительного движения, выражавшаяся в отсутствии историко-биографических портретов и характеристики руководителей борьбы горцев.

В рамках общей советской исторической школы в латентной форме продолжалась дискуссия между сторонниками двух подходов, каждый из которых основывался на соответствующей концептуальной и аналитической базе с расхождениями в трактовке источников. Согласно первому подходу, борьба горцев – это народно-освободительное и антифеодальное движение против царизма и его местных классовых союзников, в котором мюридизм являлся позитивной религиозной идеологией, а Шамиль героическим и прогрессивным лидером, объединившим дагестанские и чеченские общины в сильную государственно-теократическую систему – Имамат [20].

Другой подход основывался на тезисе, что борьба горцев есть проявление «военно-набеговой системы» и «экспансии горцев» как результат закономерных сдвигов, связанных с развитием дофеодальных отношений и генезисом феодализма. Религиозному фактору в этой конструкции отводилась негативная роль. По мнению ряда авторов, мюридизм представлял собой идеологию переходного периода, носителями которой являлись «консервативные слои» горского общества, «поддерживаемые извне» и выступавшие против активизации русско-северокавказских отношений [21].

Несмотря на существенные особенности, свойственные каждому из вышеуказанных подходов, общим для них оставалась претензия на утверждение своей версии в качестве единственно научной и приверженность единому методологическому инструментарию – марксистской теории, хотя налицо были явные различия в умении применять ее к рассматриваемой проблеме.

В конце 80-х гг. XX в. демократические процессы в стране оказали свое влияние и на историческую науку. Ситуация творческой, исследовательской свободы открыла широкие возможности для глубокого и объективного изучения узловых проблем Кавказской войны. Первые публикации носили полемический характер, основной аспект был смещен на критику предшествующих «негативных» и «ошибочных» концепций [22]. Традиционная ориентация исследователей на «позитивные» или «негативные» оценки и устоявшиеся клише серьезно сковывали научный поиск исторической истины.

Значительный вклад в улучшение координации исследовательской работы, в анализ и оценку уровня разработки проблемы внесли научные конференции в Махачкале (июнь 1989 г.), Кошхетабле (апрель 1990 г.), Нальчике (октябрь 1990 г.), Грозном (май 1992 г.), Краснодаре (май 1994 г.). Характерной чертой историографии конца 80-х гг. XX в. до начала XXI в. стало ее региональное деление на национальные школы: адыгскую, дагестанскую и чеченскую, каждая из которых отдавала приоритет изучению освободительного движения в своем крае. Несомненно и то, что на такой подход оказали влияние процессы национального возрождения и политической суверенизации.

Исследования адыгской школы, представленные учеными Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Краснодарского края концентрировались на широком круге важных проблем: освободительная борьба адыгов в XIX в. и деятельность среди них посланников-наибов Шамиля, формирование и характер политики Российской империи на Северо-Западном Кавказе, место Черкесии в международных отношениях в рассматриваемый период, последствия Кавказской войны и вынужденное переселение адыгов в Османскую империю. Эти проблемы основательно

исследуются в работах А.Х. Касумова, В.Х. Кажарова, А.Д. Панеша, А.Ю. Чирга, С.Г. Кудаевой и др. [23].

В исследовательских акцентах дагестанской школы приоритетное значение отводится изучению военно-политической и идейно-религиозной деятельности Шамиля, генезису и сущности идеологии движения горцев, также выявлению и изданию арабоязычных документов и материалов по рассматриваемому периоду [24].

В работах по освободительному движению конца XVIII – первой половины XIX в. внимание чеченских авторов главным образом обращено на исследование проблемы личности, в первую очередь лидеров в лице имамов и шейхов, также героев «второго звена» наибов и ближайших сподвижников руководителей борьбы горцев. Важное место уделяется также изучению идейно-религиозной основы горского движения суфизма – мюридизма, его философско-этического и социально-политического содержания [25].

Национально-территориальная акцентуация исследовательского интереса северокавказских историков несколько не умаляет значимости их работ, а только расширяет круг изучаемых проблем, включая такие аспекты освободительного движения горцев, которые ранее оставались на периферии историографического внимания в силу наличия диктата официальной конъюнктурной концепции.

П.И. Тахнаева в своём историографическом обзоре темы кавказской войны приходит к выводу, что отечественная (русская) историография изначально развивалась под сильнейшим партийно-идеологическим прессом и демонстрирует, что «проблематика темы по настоящее время продолжает оставаться одной из самых малоизученных и спорных, вызывая многочисленные вопросы, провоцируя всевозможные околонучные спекуляции. При всей обширности и многогранности, историография в постсоветский период оказалась не в состоянии ответить на многочисленные запросы, связанные с подъемом национального самосознания и попыток использования национальной истории народов Кавказа в политико-спекулятивных целях.» [26]

Современные исследования региональных историков отличает избыточная политизированность, тенденциозная трактовка и интерпретация источников (с произвольной подборкой последних), приближая их по содержанию к научно-популярному формату «культурно-политической (идеологической) борьбы». Достаточно беглого историографического обзора, чтобы понять – едва ли не все вопросы, связанные с процессом включения Кавказа в состав Российской империи, Кавказской войны, продолжают оставаться дискуссионными в силу ее специфического состояния: если до начала 1980-х годов история включения Кавказа в состав Российской империи, исследование Кавказской войны, вследствие длительных жестких идеологических ограничений, находилось в состоянии глубокого кризиса; с 1990-х гг. носила болезненно-актуальный и политизированный характер; постсоветская историографическая ситуация так и не сумела выйти из кризиса, оставшись в плену противоречивых идеологем и клише «добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России», «дружбы народов России и Кавказа», «антифеодального, национально-освободительного движения» и «сопротивления свободолюбивых горцев колониальному порабощению».

Отдельного внимания заслуживает и кубанская школа специалистов по истории казачества и горцев, среди которых видное место занимает доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета О.В. Матвеев. Анализируя тему историографии Кавказской войны, он отмечает: «Важным итогом и уроком противостояния версий о жестокой колониальной российской царской политике и о провоцирующей роли дикого разбойничьего мира горцев, от которого Россия вынуждена была обороняться, стало осознание того, что накопление стандартного набора аргументов не способствует продвижению вперед. Поэтому заслуживает внимания концептуальные усилия последних десятилетий, часто не заметные на фоне продолжающейся войны историографий, но несущие позитивный заряд, способный помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепциях Кавказская война рассматрива-

ется не как поле классического вооруженного столкновения, а как пространство сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки [27].

Серьезную лепту в разработку отдельных аспектов Кавказской войны внес петербургский ученый Я.А. Гордин [28]. Группа исследователей под его руководством опубликовала целую серию сборников, где содержатся интересные материалы и большое количество разнообразных документов (XVIII – XIX вв.) как официальных, так и неофициальных, свидетельствующих о разных подходах к проблеме вхождения Северного Кавказа в пространство Российской империи [29].

Современная отечественная историография отличается значительными наработками в сфере научного изучения и объективного освещения истории освободительного движения на Северном Кавказе. Отказ от ее догматического толкования в духе официальной концепции оказал конструктивное воздействие на появление разнообразных подходов к теме и изданию фундаментальных исследований, которые ранее считались несоответствующими «идеологическому заказу» [230].

Особый интерес представляют работы М.М. Блиева и В.В. Дегоева, основанные на обширном материале прикладного и теоретического характера, которые отличаются важным преимуществом – теоретико-методологическим плюрализмом. В исследованиях последовательно развивается мысль о формационных истоках Кавказской войны и нетрадиционный для кавказоведения подход к проблеме персонального фактора (на примере Шамиля) в системе властных технологий [31].

Дальнейшее развитие историографии проблемы, углубление ее концепции, привлечение новых документов и материалов, хранящихся в зарубежных архивохранилищах, способны обеспечить наиболее полное освещение этой многоаспектной темы.

Проведенный обстоятельный историографический анализ свидетельствует о том, что различные аспекты исследуемой темы имеют длительную, сложную и обширную историографию. Особенности историографической ситуации, связанные с длительным господством официальной конъюнктурной схемы и доминированием концепций, основанных на теоретическом монизме, актуализируют задачу создания комплексного исследования по истории Кавказской войны, изучения идейно-религиозного, политического и интеграционного факторов, ставших важнейшими компонентами движения горцев.

Несмотря на всю сложность и многомерность темы Кавказской войны, ее длительная историографическая традиция, характеризующаяся порой диаметрально противоположными подходами и выводами, все же выявила общую черту, которая заключается в доминировании идеологических императивов и эмоциональных оценок над трезвым научным анализом и профессиональной глубиной.

Кавказская война – это не математическая задача, для правильного решения которой необходимо подобрать нужную «методологическую схему». Стремление создать «единственно верную» концепцию Кавказской войны будет означать новый виток идеологизации и кризиса научного исследования проблемы. Нельзя не согласиться с выводом профессора В.В. Дегоева о том, что «молодому поколению российских ученых, не обремененному старыми «правилами игры» в историю, предоставлен шанс для творческого прорыва в сферу принципиально иного восприятия Кавказской войны и качественно иной системы профессионального мышления» [32].

Резюме

Тема Кавказской войны отличается богатыми, сложными и противоречивыми тенденциями исследования в российской историографии. Важнейшей особенностью отечественной историографии стало доминирование идеологических и конъюнктурных установок над объективным и научным анализом данной проблемы.

Summary

The theme of the Caucasian war differs by its rich, complicated and contradictory tendencies of research in the Russian historiography. The domination of the ideological and current arrangements on the objective scientific analysis of the present problem became the most important feature of the native historiography.

Литература

- 1) Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. М., 1860; Романовский Д.И. Кавказ и кавказская война. СПб., 1860.
- 2) Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. М., 1860, с.32.
- 3) Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. Тифлис, 1863.
- 4) Казембек М.А. Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990; Крымский А.Е. Очерк развития суфизма. М., 1896; Позднев Д. Дerviши в мусульманском мире. Оренбург, 1886.
- 5) Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923; Раенко-Туранский Я. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927.
- 6) Покровский М.Н. Указ. соч., с.206.
- 7) Крачковский И.Ю. Неизданные письма Шамиля // Записки института востоковедения АН СССР. Л., 1933. №2, с.1-7; Генко А.И. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1939. №2, с. 21-36.
- 8) Магомед-Тагир. Три имама // Сборник материалов описаний местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып.45.
- 9) Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. №5; Покровский Н.И. Краткий обзор имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. 1933. №6-7; Его же. Мюридизм у власти («теократическая держава Шамиля») // Историк-марксист. М., 1934. №2; Бушуев С.К. Государственная система имамата Шамиля. // Историк-марксист. М., 1937. №5-6; Скитский Б.В. Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля. Владикавказ, 1930; Его же. Социальный характер движения имам Мансура. Орджоникидзе, 1932; Фадеев А.В. Убухи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М., Л., 1935. №4.
- 10) Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. №11, с.134-140.
- 11) Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. №13.
- 12) Смирнов Н.А. Характерные черты идеологии мюридизма. М., 1956; Его же. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. №10; Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1951. №9; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX века). М., 1955.
- 13) Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.
- 14) Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе // Вопросы истории. 1956. №6, с.67-77.
- 15) К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1957. №1, с. 195-196.
- 16) Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. №3, с.75-84; Покровский М.В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40-60-х годах XIX века // Вопросы истории. 1957. №2, с.62-74; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958.

- 17) Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в. Махачкала, 1959.
- 18) Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
- 19) Боков Ф.П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Теоретико-методологический аспект. Грозный, 1990.
- 20) Ибрагимбеи Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971; Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975; Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. №4.
- 21) Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. №2; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. №3; Атеистическое и интернациональное воспитание в преподавании исторических дисциплин. Сборник научно-методических материалов. Грозный, 1988.
- 22) Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Указ. соч.; Магомедов Р.М. Движение горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1989. №3; Ибрагимбеи Х.-М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов // Вопросы истории. 1990. №6.
- 23) Черкесия в XIX веке. Сборник статей. Майкоп, 1991; Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.) Сборник статей. Майкоп, 1995; Кудаева С.Г. Огнем и железом. Вынужденное переселение адыгов в Османскую империю (20-70 гг. XIX в.). Майкоп, 1998; Берзедж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; Чирг А.Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. Майкоп, 2013; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). Майкоп, 2006; Мухаджиев С. Х. Исламский узел Кавказской войны. Майкоп, 2006.
- 24) Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в.: материалы всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. Махачкала, 1994; Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала, 1990; Рамазанов Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2003. Доного Х.-М. Ордена Шамиля. Махачкала, 1995; Омаров Х.А. Сто писем Шамиля. Махачкала, 1997.
- 25) Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991; Акаев В. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994; Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный, 1999; Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). Грозный, 2006. Гапуров Ш. А., Товсултанов Р. А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско – горской трагедии XIX века). Нальчик, 2007.
- 26) Тахнаева П. И. Имамат Шамиля в современной историографии. Рец.: Дадаев Ю. У. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с. // Историческая экспертиза. 2016. №1. С. 200–219
- 27) Матвеев О.В. От воюющих крайностей к концепциям взаимопознания: некоторые итоги уроки изучения Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. / отв. ред. Т. В. Коваленко; редкол. И. И. Горлова, А. В. Крюков, Н. А. Костина. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 20 – 35.
- 28) Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
- 29) Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. Кавказская война: истоки и начало 1770-1820. СПб., 2002; Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
- 30) Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М., 2000.

31) Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003.

32) Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003, с.295.

Мирзоев А.С.
г. Сухум

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И ВЫСЕЛЕНИЕ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ (причины, этапы, квалификация переселенцев)

Ключевые слова: черкесский вопрос, Северный Кавказ, Россия, российская экспансия, Черное море.

Кавказская война, продолжавшаяся около 100 лет (1763–1864), имела для народов Центрального и Северо-Западного Кавказа (черкесов, абазин, абхазов, убыхов) трагические последствия. Если бы не было массового изгнания этих народов с родины, Кавказская война вошла бы в историю как один из многих масштабных кровопролитных конфликтов. Но лишение родины сотен тысяч людей, их массовая гибель в ходе войны и выселения ставят эту войну в разряд тяжелых военных преступлений и преступлений против человечности, последствия которых болезненно сказываются и по сей день¹. Вследствие Кавказской войны 90% черкесского народа оказалось изгнано с исторической родины, не менее половины из числа переселенцев погибло. Черкесский вопрос остается в ряду нерешенных острых современных этнополитических проблем.

Сама война велась со стороны российской армии с нарушениями существовавших в то время общепринятых европейских законов и обычаев войны. Соблюдение этих законов предполагало исключение наиболее жестоких способов и средств ведения войны, а также обеспечение защиты гражданского населения. Однако из-за отступления российской армии, как от норм своего устава, так и от общепринятых на то время европейских правил ведения войны, были уничтожены сотни тысяч людей, прежде всего, беззащитного гражданского населения². Демографические потери черкесов в ходе самой Кавказской войны трудно оценить. Считается, что население в среднем увеличивается в 10 раз за 100 лет. Если все черкесское население по нашим подсчетам к концу XVIII в. составляло свыше 1 млн, то к моменту завершения Кавказской войны оно было около 1 млн³. Т.е. оно должно было достичь не менее 10 млн., но из-за последствий столетней войны численность населения не только не увеличилось, но даже сократилось. К примеру, население Кабарды к концу XVIII в. составлявшее около 300 тыс., к 1825 г. сократилось до 25 тыс. чел.

Причины Кавказской войны были, прежде всего, геополитические. Со времени Петра I, когда Россия стала империей, перед ней стояли задачи территориальных приобретений на двух направлениях: западном и восточном. Расширение Российской империи в западном направлении к XIX в. стало иметь мало перспектив, по сравнению с восточным, в связи с тем, что здесь Россия столкнулась с коллективным сопротивлением западных держав, значительно опережавших её в социально-экономическом, политическом и военно-технологическом развитии. Особенно ярко это продемонстрировало поражение России в Крымской войне (1853–1856). С захватом в последней четверти XVIII в. части территории Польши, Российская империя фактически исчерпала свои возможности расширения в этом направлении. Дальнейшее продвижение на Запад привело бы к войне с коалицией ведущих европейских государств, к которой Россия была не готова. Оставалось второе направ-

¹ Кушхов Х.С. Кавказская война и международное право // «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления». Материалы круглого стола. Нальчик, ООО «Тетраграф», 2013. С. 15.

² Озова Ф.А. О новациях периода Кавказской войны в законодательстве России (1820–1864 гг.) // Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск-Черкесск: РИА-КМВ, 2013. С. 227.

³ Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых, 2021. С. 182.

ление – восточное. Конечной целью в этом направлении был выход к водам Индийского океана – с одной стороны, а с другой – превращение бассейна Черного моря во внутреннее российское море с установлением контроля над проливами (Босфор и Дарданеллы), отвоевание у турок-османов Константинополя – древней столицы Византийской православной империи. Политическая программа Петра I была завещана последующим правителям Российского государства. Последние никогда не оставляли мечты своего предшественника о создании великой империи – владычицы морей и океанов, покровительницы всего православного мира. Тезис о Москве как о третьем Риме как идеологическое обоснование внешней политики русского государства был заложен ещё в царствование Ивана Васильевича (Грозного) в XVI в. Начало реализации геополитических планов в восточном направлении положил сам Петр I, совершивший в 1722 г. Персидский (Каспийский) поход, в результате которого к России были присоединены прикаспийские области, принадлежащие Ирану. Видя угрозу своим индийским колониям со стороны России, Англия противодействовала ей, оказывая влияние на внешнюю и внутреннюю политику Османской империи и Ирана. После того, как Россия сравнительно легко захватила закавказские владения Турции и Ирана, в результате нескольких русско-турецких и русско-персидских войн, к ней было присоединено Закавказье – территории современных Грузии, Армении и Азербайджана. Завоеванные территории отделял от России Северный Кавказ. До середины XVIII в. империя довольствовалась простой лояльностью местных владетелей (прежде всего Кабарды и Дагестана), обеспечивающих безопасность коммуникаций с Закавказьем через подконтрольные им территории. Фактический их политический статус можно обозначить как протекторат со стороны России. Пока Россия была недостаточно сильна в этом регионе, а её геополитические соперники в лице Турции, Крымского ханства и Ирана могли ещё довольно энергично противодействовать ей, империя старалась поддерживать такой формат отношений. Но с середины XVIII в. Российская империя, достигшая пика своего могущества, начала в одностороннем порядке менять сложившуюся практику отношений с феодальными владениями в регионе, переходя от политики поддержания союзнических отношений и протектората к политике жесткого включения в административно-политическую систему империи, с ликвидацией политического и территориального суверенитета. В результате Россия ввязалась в войну, которая продолжалась сто лет. Российская экспансия в южном направлении остановилась у границ Афганистана подписанием 27 февраля (11 марта) 1895 г. в Лондоне договоренностей между Россией и Великобританией о разделе сфер влияния на Памире. Часть Памира отошла к Афганистану, часть к Российской империи. От Индии Российскую империю отделял Афганистан. Таким образом, потеряв на Кавказе 100 лет, Россия смогла реализовать геополитическую программу, сформулированную ещё при Петре I лишь отчасти. Пройдя пик своего могущества в XVIII в., к середине XIX, когда стал актуальным так называемый «Восточный вопрос», заключавшийся в соперничестве за раздел владений Османской империи ведущими мировыми державами, Россия и здесь уже была не в состоянии решить его в свою пользу.

Первой испытала на себе последствия российской экспансионистской политики Кабарда – феодальное княжество, занимавшее важное стратегическое положение на Центральном Кавказе и контролировавшее транспортные коммуникации с Закавказьем. Кроме того она имела большое политическое влияние на родственных ей черкесов Западного Кавказа, а ряд горских народов (абазины, балкарцы, карачаевцы, осетины, карабулаки) находились в политической и экономической зависимости от кабардинских князей. Поэтому покорение Северного Кавказа Российской империей начала с Кабарды. Процесс лишения суверенитета Кабарды и ее завоевания занял более 50 лет с 1763 по 1822 г. В результате войн, многочисленных карательных экспедиций, эпидемий чумы и холеры, блокады, население Кабарды к моменту ее окончательного покорения к 1825 г. сократилось в 10 раз, а территория на 2/3. В Кабарде была установлена полная российская юрисдикция, а сама она отрезана кордонами от Восточного Кавказа и Западного. Во время Кавказской войны российское командование разделило территорию Северного Кавказа на три театра военных действий: Правый фланг, Центр, Левый фланг. Правый фланг был направлен против черкесов, абазин и убыхов, проживавших от Кубани до Черного моря, до границ Абхазского княжества по р. Бзыбь. Центр был

направлен против Кабарды и зависимых от нее народов Центрального Кавказа (ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев, карабулаков). Левый фланг направлен против народов Чечни и Дагестана.

Выселение черкесов в Османскую империю стало результатом Кавказской войны и колониальной политики Российской империи. Для изучения этого процесса необходимо его разделить на этапы по хронологии, а самих переселенцев на категории – по характеру переселения и квалификации переселенцев (беженцы, эмигранты, перемещенные лица).

Следует отметить, что черкесская община Османской империи образовалась задолго до массовой депортации черкесов в Османскую империю, имевшей место в 1862–1865 гг. Ее формирование имело многовековую историю и было результатом интенсивных торговых, экономических, военно-политических связей Черкесии с Османским государством. В результате существования развитых институтов военного отходничества (наемничества), выезда на службу, военного рабства, матримониальных связей черкесских аристократических домов с султанами, когда их черкесские жены и матери продвигали при дворе и в армии своих родственников, значительное число черкесов вошло в военно-управленческий класс турецкого государства. Численность черкесской общины в Османской империи до их массового выселения можно определить только приблизительно. По нашему мнению она не превышала 50 тыс. чел.

По итогам очередной русско-турецкой войны 14 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, согласно которому Османская империя отказывалась от притязаний на Черкесию и передавала России все земли от Кубани до побережья Черного моря. Россия получила юридические права на фактическое присоединение этих территорий. Черкесские лидеры не признали правомерность такого соглашения. Как отмечал К. Маркс, «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама. Черкесия всегда была... независима от Порты...»⁴. Черкесия и до 1829 г. не раз подвергалась массированным вторжениям российских войск, сопровождавшимся уничтожением населения и всей системы жизнеобеспечения⁵. К 1825 г. потери закубанских черкесов, по свидетельству их представителей, в продолжение 25 лет войны, составили 25225 чел⁶. Интенсивность боевых действий, а, следовательно, материальные и людские потери после 1829 г. увеличились многократно. Российская империя, получившая юридические права на Северо-Западный Кавказ, могла вести его завоевание без опасения открытого вмешательства и противодействия других держав. Император Николай I перед военными в лице главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала И.Ф. Паскевича поставил задачу: «Кончив... одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁷. Эскалация войны сопровождалась значительными людскими и материальными потерями среди западных черкесов и переселившихся к ним непокорных кабардинцев, получивших в русских документах наименование беглых, вольных кабардинцев, а в среде самих черкесов – хаджретов. Стали проявляться признаки усталости населения от губительных последствий войны⁸. На Западном Кавказе появляется новая категория населения – беженцы. Так в современном международном праве именуется лица, покинувшие страну, в которой они постоянно проживали, в результате пресле-

⁴ Маркс К. Лорд Пармельстон. Статья восьмая // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат. 1957. – Т. 9. С. 417–418.

⁵ Хотко С.Х. Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века. На основании новых архивных документов из РГВИА // Архивы и общество. Научно-просветительский журнал исторических, общественнополитических и социально-культурных проблем. – Нальчик, 2015. – № 35. – С. 9.

⁶ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Часть 2-я. Под руководством начальника штаба Кавказского военного округа ген.-лейт. Н.Н. Белявского, составленном в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. Время Алексея Петровича Ермолова. 1816–1826 годы. – Тифлис. Типография штаба Кавказского военного округа, 1904. С. 404.

⁷ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. – Санкт-Петербург: тип. лит. Р. Голике, 1888–1904. – Т. 2. – 1894. С. 229.

⁸ Алоев Т.Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 64–65

дований, военных действий или иных чрезвычайных обстоятельств⁹. Эти, люди, переселялись с Западного Кавказа в Турцию, спасаясь от ужасов и бедствий Кавказской войны. Они не имели российских паспортов, переселялись на турецких судах, нелегально пристававших к берегам воюющей Черкесии¹⁰ и, по прибытии в турецкие порты, на таможенных пограничных пунктах регистрировались именно как беженцы – по османской бюрократической терминологии «ильтльджа». В связи с этим представляют интерес документы, извлеченные из Османского архива Турции¹¹. В одном из них – в прошении, поданном кабардинским князем Магомет Аш Атажукиным¹² на имя султана 28 апреля 1835 г., он, от имени кабардинских хаджретов, проживавших в Закубанье, а также тех кабардинских хаджретов и черкесов, которые, спасаясь от войны, ко времени его прибытия в Турцию уже находились здесь, просит содействия в их расселении в удобных для ведения сельского хозяйства районах османской империи¹³. Речь шла о размещении около 1000 семей (около 5000 чел.) беженцев и создании поселений из кабардинцев и черкесов¹⁴. Т.о., этот документ свидетельствует, что процесс переселения черкесов в пределы Османской империи имел место уже в 30-х гг. XIX в., задолго до 1858 г., считающегося в дореволюционной и современной российской историографии началом переселенческого процесса. При этом следует отметить, что он не носил масштабного характера – речь идет о нескольких тысячах переселенцев. Переселение происходило с территории независимой Черкесии, не подконтрольной российской военной администрации, но регулярно подвергавшейся набегам российских войск. Эти люди по своему статусу являлись беженцами и таковыми рассматривались османским правительством; их следует отличать от других, позднее появившихся категорий переселенцев – эмигрантов и перемещенных (депортированных) лиц.

К эмиграции следует отнести переселенческий процесс, имевший место с 1858 по 1861 гг., осуществлявшийся через подконтрольные России порты (Тамань и Новороссийск), с выдачей мигрантам российских паспортов. О том, что само российское правительство начало процесса переселения черкесов в пределы Османской империи относилось к 1858 г., свидетельствует письмо командующего Кавказской армией князя Г.Д. Орбелиани к командующему войсками Кубанской области Н.И. Евдокимову от 11 сентября 1862 г., в котором сообщается: «начавшееся в 1858 году переселение мусульман наших в Турцию было предметом весьма деятельной дипломатической переписки нашего правительства с турецким. Рассмотрев эту переписку, я увидел, что Порты не только никогда не изъявляла желания принимать к себе наших выходцев, но постоянно жаловалась на затруднения, в которое ставит их прибытие большими массами. Турецкое министерство неоднократно обращалось через нашего посланника и к нашему министру иностранных дел и к наместнику Кавказскому с настойчивыми просьбами остановить эти переселения. Эти жалобы и требования были нами отклонены под тем предлогом, что правительство наше не выселяет мусульман, а только дает им отпуска для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, Турецкое правительство не будет возражать, запрещение подобных

⁹ Международное право: [Учеб. для вузов по спец. "Правоведение" / Г.И. Тункин, Д.И. Фельдман, И.И. Лукашук и др.]; Отв. ред. Г.И. Тункин. – М.: Юрид. лит., 1982. С. 142.

¹⁰ Прибрежная часть Западного Кавказа блокировалась российским флотом.

¹¹ ДГАОА. Дж. ДХ. 137-6832

¹² Лидер кабардинских хаджретов Магомет Аш Атажукин находился в Османской империи весной-летом 1835 г. Ф.Ф. Торнау сообщал, что Атажукин совершил поездку в Константинополь в 1835 г. с целью лечения раненной руки (Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау: воспоминания и документы. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. С. 291).

¹³ Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 2/2022. С. 49.

¹⁴ Османские документы всегда отмечают отдельно кабардинцев и черкесов, Кабарду и Черкесию. Возможно, это связано с тем, что Кабарда как государственное образование до XVIII в. признавалась обеими империями – Российской и Османской и никогда по международному праву не считалась частью Османской империи. Территория же за Кубанью, в Османских документах Черкизистан, а в русских – Черкесия – считалась формально находящейся в ведении Османской империи до 1829 г.

отпусков мы не считаем возможным. Так как переселенцы отправлялись на свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возразить против этой меры, тем более что и размеры переселения скоро уменьшились. Теперь, когда переселенцы начнут снова прибывать во множестве на судах, зафрахтованных казною, а не на собственный счет, переселение получит совсем иной вид. И мы уже не будем иметь права отклонять жалобы под предлогом столь же благовидным, как и прежде»¹⁵. В этот период, с 1858 по 1861 г., переселение черкесов не носило такого массового характера, какое оно приняло с 1862 г. – в последние годы Кавказской войны. Оно совершалось с территории, контролируемой колониальной администрацией, проходило в мирных условиях и не имело прямого принудительного характера. В это время переселилось менее 100 тыс. чел., выезд переселенцев осуществлялся через российские порты, с выдачей мигрантам российских паспортов под видом паломничества в святые места¹⁶. Основную массу переселившихся составляли ногайцы, черкесов и абазин среди них было не более 15 тыс. чел. Большая часть из них были жителями Кабарды, находившейся под полным российским контролем. По всем формальным признакам этих переселенцев можно отнести к категории эмигрантов.

С 1862 г. лозунг «поездки на поклонение гробу Магомеда», под которым прикрывалось выселение «горцев», был отброшен. Теперь, когда военная администрация начала активную деятельность по насильственному выселению черкесов, оно носило характер не эмиграции, а депортации. Выселение основной массы черкесского населения Северо-Западного Кавказа произошло в период с 1862 по 1865 гг. (около миллиона человек), проводилось посредством войсковых операций российской армии и имело для черкесов принудительный характер. По современной юридической терминологии этих переселенцев, депортированных с территории исторического проживания, можно отнести к категории «перемещенных лиц», а сам этот процесс квалифицировать как депортацию.

Последний проект завоевания закубанской части Черкесии был утвержден на совещании, созванном главнокомандующим Кавказской армией А.И. Барятинским во Владикавказе 3 октября 1860 г. На этом совещании большинством был поддержан план предложенный командующим войсками Кубанской области генералом Н.И. Евдокимовым, предусматривавший полное «очищение» Западной Черкесии от адыгов и её заселение казачьим населением. В сентябре 1861 г. состоялась встреча российского императора Александра II с черкесскими депутатами, на которой им был предъявлен ультиматум – в течение месяца оставить свои земли и выселиться туда, куда им укажет царское правительство. В противном случае с первых чисел октября войска возобновляли широкомасштабные военные действия, со всеми вытекающими последствиями (уничтожением сопротивляющихся, захватом мирного населения в качестве военнопленных, уничтожением жилищ, посевов, угоном скота). Понимая несопоставимость своих сил и наступающей русской армии (под конец войны её численность на Западном Кавказе доходила до 200 тысяч человек) лидеры черкесского сопротивления соглашались на все условия, прося только не выселять их с мест своего проживания¹⁷. Но со стороны императора они встретили жесткий отказ. Начальник главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютин отмечал, что завоевание Кавказа производилось одним из двух способов. «1) Покорение местных жителей с оставлением их на занимаемых землях или 2) отнятием у жителей земель и водворением на них победителей». Первый способ применялся по преимуществу к народам Восточного Кавказа, «к закубанским же черкесам... подобную систему действий, применить невозможно»¹⁸. Надо сказать, что подавляющее большинство черкесов отвергло российский ультиматум; не собиралось оставлять Родину, и было решительно настроено защищать свои земли. Лидеры черкесов надеялись путем проведения экстренных мер военно-политического, административного и дипломатического характера отстоять свою неза-

¹⁵ АКАК. С. 1010–1012

¹⁶ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов вторая половина XIX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000. С. 37.

¹⁷ Трагические... С. 122, 140, 154.

¹⁸ АКАК, с. 762.

висимость. Только 60 тыс. из них согласилось переселиться на Кубанскую низменность. Остальное черкесское население оставалось на территории между Белореченской кордонной линией и побережьем Черного моря¹⁹. Данная территория не контролировалась российскими войсками – её завоевание и изгнание жившего на ней населения должны были проходить одновременно. Вытеснение населения с гор к побережью Черного моря и выселение в Турцию ускорило окончание войны и обеспечивало безопасность владения Россией Северо-Западным Кавказом. Военное командование было заинтересовано в выселении черкесов не на кубанскую плоскость, а именно в Турцию и делало для этого всё возможное. Как отмечал А.Л. Зиссерман, кавказский наместник А.И. Барятинский, вместе с Н.И. Евдокимовым, «находили более полезным совсем вытеснить горцев в Турцию, чем переводить их на плоскость, если бы они даже пожелали этого»²⁰. Войска вытесняли население из гор не в сторону Кубани, а со стороны Кубани к морскому берегу, откуда им не оставалось ничего другого, кроме как уходить в Турцию²¹. Горцы, не переселившиеся до октября 1861 г. на указанные правительством земли, но не желавшие покинуть Кавказ, рассматривались как военнопленные, т.е. они лишались всех личных и гражданских прав²². По особым правилам, действовавшим во время Кавказской войны, в качестве военнопленных рассматривалась не только мужская часть населения, ведущая вооруженную борьбу, но и всё гражданское население, включая женщин, детей и стариков. Если пленных воинов отправляли на каторгу или в арестантские роты, то их семьям грозила отправка в Россию и раздача в качестве крепостных в помещичьи хозяйства. Такая перспектива не оставляла черкесам выбора²³. Как свидетельствуют источники, даже на те остатки черкесского населения (менее 100 тысяч человек), которому первоначально разрешили поселиться на Кубанской низменности, Евдокимов «смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни»²⁴. Как вспоминал А.Л. Зиссерман, Евдокимов «и на левом, и на правом крыле Кавказской линии стоял за систему поселения казаков, что и приводил в исполнение на левом по возможности, а на правом – решительно, для чего и стремился, во что бы то ни стало, выгнать горцев в Турцию...»²⁵.

Чтобы ускорить решение вопроса о депортации черкесов и предотвратить препятствия со стороны турецкого правительства, в 1860 г. в Стамбул выехал ген.-майор М.Т. Лорис-Меликов. Он добился согласия Порты на приём черкесских изгнанников «...не разом, а малыми партиями»²⁶. В период интенсивных боевых действий (1862–1864) в Турцию была депортирована основная масса коренного населения Северо-Западного Кавказа. Так как количество выселяемых исчислялось сотнями тысяч, наместником Кавказа была передана просьба русскому поверенному в делах в Константинополе «употребить все усилия к тому, чтобы Порта не препятствовала ... в этом деле»²⁷. М.Т. Лорис-Меликов поставил в известность всех турецких судовладельцев, что они могут, не опасаясь ареста²⁸ и даже без таможенного досмотра приставать не только к портам, но и ко всему черноморскому побережью для погрузки черкесов²⁹. Так как этих судов было недостаточно для перевозки скопившейся на бере-

¹⁹ Трагические... С. 122, 143.

²⁰ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А. Барятинский // Русский архив. Кн.І. Вып.ІІ. М., 1889. С. 246, 269

²¹ Там же, с. 177.

²² Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 226.

²³ Трагические... С. 97.

²⁴ Венюков М. Кавказские воспоминания // Русский Архив. Кн.І. М., 1880. С. 435–436.

²⁵ Трагические ... С. 248

²⁶ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989. С. 165.

²⁷ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 206.

²⁸ На черноморском побережье под российским контролем к 1860 г. оставались только укрепления Константиновское (бывший Новороссийск) и Тамань. Само побережье международными соглашениями с 1829 г. признавалось принадлежащим России и блокировалось крейсирующей вдоль берега Черного моря эскадрой и все суда, причаливавшие к берегу воюющей Черкесии захватывались как контрабандные. Они подлежали конфискации, а их экипажи подвергались аресту.

²⁹ Трагические... С. 75, 84.

гу моря огромной массы населения, было принято решение за счет российской казны зафрахтовать дополнительное количество судов, с тем чтобы ускорить выселение, «... что совершенно согласно с нашими видами и может весьма ускорить окончательное покорение всего Кавказа»³⁰.

Возникает вопрос, каким образом царское правительство добилось согласия Порты принять изгоняемых черкесов? Ещё в период с 1858 по 1861 г., когда выселение кавказцев не носило массового характера, и оно проводилось под видом паломничества, Османское правительство, испытывавшее большие затруднения с приёмом этих переселенцев, неоднократно просило российское руководство остановить этот процесс³¹. С 1862 г. речь шла о сотнях тысяч переселенцев, прибывавших в больших массах в анатолийские порты. Для того, чтобы прояснить, каким образом было получено согласие Порты на принятие изгоняемых черкесов, необходимо коснуться сути так называемого «восточного вопроса» и той сложной геополитической комбинации интересов и противоречий, сложившейся между странами, заинтересованными в нём. Дело в том, что Османская империя в это время находилась в тяжелейшем социально-экономическом и политическом кризисе и фактически утратила возможность проводить самостоятельную внешнюю политику, которая зависела от позиций в «восточном вопросе» Англии, Франции и России. Сам же «восточный вопрос» заключался в том, что огромная Османская империя находилась на грани развала и, если она ещё существовала, то только потому, что три великие державы (Англия, Франция и Россия) не начинали дележа, ввиду того обстоятельства, что каждая из них желала получить «кусочек» побольше из бывших османских владений, нежели остальные конкуренты. За многие десятилетия консенсус между ними никак не складывался. Инициирование же раздела даже при несогласии одной стороны было не возможно, так как Турция приобретала в лице этой державы своего союзника. Россия, вначале поддерживавшая идею раздела, с начала XIX в. стала проводить политику, направленную на сохранение Османской империи, дожидаясь складывания для себя более благоприятной внешнеполитической конъюнктуры. Все предложения Франции к России о полном разделе отвергались, так как России было выгодно иметь соседом слабую Турцию, чем Францию, утвердившуюся на развалинах Османской империи³². Учитывая то обстоятельство, что Турция в значительной степени зависела от России, выступавшей гарантом её целостности и активно влиявшей на внутреннюю и внешнюю политику османского правительства, М.Т. Лорис-Меликову, посланному в Стамбул со специальной миссией, не составило особого труда добиться согласия турецкого руководства на приём черкесских изгнанников. Официальное согласие Порты на приём «горцев» было вынужденным и дано было в результате сильного дипломатического давления, оказанного на неё русским правительством³³.

Таким образом, на основании выше изложенного, можно заключить, что все черкесское население, переселившееся в Османскую империю, следует разделить на три категории: беженцев, эмигрантов и депортированных лиц. Первая категория, появившаяся в ходе Кавказской войны в 30-е гг. XIX в. была немногочисленной – около 5 тыс. чел. Эмигрантами следует считать черкесов, переселившихся под видом совершения паломничества с 1858 по 1861 гг. и позже, с 1865 г. вплоть до 1917 г. Их общее количество не превышало 80 тыс. чел. Выселение основной массы черкесского населения с Северо-Западного Кавказа (около 1 млн. чел.) следует признать депортацией, а самих переселенцев отнести к категории вынужденных переселенцев.

Резюме

Выселение народов Центрального и Северо-Западного Кавказа (черкесов, абазин, абхазов, убыхов) в Османскую империю явилось следствием Кавказской войны (1763–1864) и имело для них трагические последствия. Лишение родины сотен тысяч людей, их массовая гибель в ходе

³⁰ Там же, с. 84.

³¹ Там же, с. 37.

³² Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XIX вв. М., 1978. С. 62.

³³ АКАК, с.1011.

войны и выселения ставят эту войну в разряд тяжелых военных преступлений и преступлений против человечности. Все черкесское население, переселившееся в Османскую империю, следует разделить на три категории: беженцев, эмигрантов и депортированных лиц. Первая категория, появившаяся в ходе Кавказской войны в 30-е гг. XIX в. была немногочисленной – около 5 тысяч человек. Эмигрантами следует считать черкесов, переселившихся под видом совершения паломничества с 1858 по 1861 годы и позже, с 1865 вплоть до 1917 года. Их общее количество не превышало 80 тысяч человек. Выселение основной массы черкесского населения с Северо-Западного Кавказа (около 1 миллиона человек) следует признать депортацией, а самих переселенцев отнести к категории вынужденных переселенцев.

Summary

The expulsion of the peoples of the Central and Northwestern Caucasus (Circassians, Abazas, Abkhazians, Ubykhs) to the Ottoman Empire was a consequence of the Caucasian War (1763–1864) and had tragic consequences for them. The deprivation of their homeland of hundreds of thousands of people, their mass deaths during the war and evictions place this war in the category of serious war crimes and crimes against humanity. The entire Circassian population that moved to the Ottoman Empire should be divided into three categories: refugees, emigrants and deportees. The first category that appeared during the Caucasian War in the 30-s. XIX century was not numerous – about 5 thousand people. The Circassians who moved under the guise of making a pilgrimage from 1858 to 1861 should be considered emigrants. and later, from 1865 until 1917 Their total number did not exceed 80 thousand people. The eviction of the bulk of the Circassian population from the North-West Caucasus (about 1 million people) should be recognized as deportation, and the migrants themselves should be classified as forced migrants.

Литература

1. Акты, собранные Кавказскою Археографической комиссией (АКАК). Т.ХII. Ч.II. Тифлис, 1904.
2. Алоев Т.Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик, 2017.
3. Венюков М. Кавказские воспоминания // Русский Архив. Кн.І. М.,1880.
4. Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XIX вв. М.,1978.
5. ДГАОА – Дирекция государственных архивов (Османский архив). Стамбул.
6. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.
7. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.І. Вып.ІІ. М.,1889.
8. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989.
9. Кушхов Х.С. Кавказская война и международное право // «Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления». Материалы круглого стола. Нальчик, 2013. С. 9–19.
10. Маркс К. Лорд Пармельстон. Статья восьмая // Маркс К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1957. – Т. 9.
11. Международное право: [Учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Г.И. Тункин, Д.И. Фельдман, И.И. Лукашук и др.]; Отв. ред. Г.И. Тункин. – М., 1982.
12. Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология, периодизация // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). КБИГИ РАН. Нальчик, 2014. С.133–163.
13. Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик, 2021.

14. Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 2 / 2022. С. 54–37.
15. Озова Ф.А. О новациях периода Кавказской войны в законодательстве России (1820–1864 гг.) // Очерки политической истории Черкесии. Пятигорск-Черкесск: РИА-КМВ, 2013. С. 224–239.
16. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау: воспоминания и документы. Нальчик, 1999.
17. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX века): сборник документов и материалов. Нальчик, 2000.
18. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Часть 2-я. Тифлис, 1904.
19. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.
20. Хотко С.Х. Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века. На основании новых архивных документов из РГВИА // Архивы и общество. Нальчик, 2015. № 35. С. 8–55.
21. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов. Т. 1–7. – Санкт-Петербург, 1894. Т. 2.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАБАРДЕ В НАЧАЛЕ XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Адыгэ-хабзэ, Кабарда, Русско-Турецкая война, военные действия.

Настоящая статья посвящена не установлению численности населения Кабарды в начале XIX в., а выявлению повлиявших на нее факторов. Такой подход требует восстановления как можно более полной фактографии событий.

Командующий Кубанским корпусом и начальник Кавказской линии, генерал-аншеф И. В. Гудович 28 февраля 1792 г. представил Екатерине II проект введения в Кабарде родовых судов и расправ, который был подписан 13 июня 1792 г.¹ Утвердив проект генерала И. В. Гудовича, императрица обусловила нововведение «непременным желанием и согласиём кабардинцев добровольно принять таковые, воспретив всякие насильственные действия к водворению проектированных учреждений»². Императорский указ был воспринят позитивно. Князья, урки и священнослужители Большой Кабарды в конце сентября 1792 г. уведомили генерала И. В. Гудовича, что предложение о введении в их стране родовых судов и расправ принято «за благо с крайним удовольствием»³. Правящие круги Малой Кабарды также извещали, что введением родовых судов и расправ остались «весьма довольны»⁴.

Введение судов нового типа вполне коррелировало с существовавшим в судебной системе Черкесии принципом альтернативности⁵. Судопроизводство в них по всем делам, за исключением уголовных, предполагалось осуществлять на основе норм собственного законоположения черкесов Адыгэ хабзэ, уголовные дела – на основе законов Российской империи⁶. Таким образом, введение родовых судов и расправ было воспринято кабардинским обществом как введение еще одного типа суда.

Когда в ноябре 1793 г. родовые суды и расправы заработали, обнаружилось, что им сопутствуют и другие нововведения, носившие императивный характер. Эти запреты предусматривали ограничения в свободе передвижения: кабардинцам было запрещено отлучаться из своих селений без дозволения главного воинского начальника в крае⁷; запрещалось «созывать общественные собрания без особого на то повеления и распоряжения родовых судов и расправ»⁸, так как попечение о делах всего общества сделалось их прерогативой⁹. Запрет на свободу собраний делал невоз-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 23. 1815–1816 гг. С. 305–308. № 17025.

² Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. С. 125.

³ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: В 4 т. (далее – Черкесы...) / Сост. Р. У. Туганов. Т. 4. 1787–1791 гг. Нальчик, 2004. С. 65.

⁴ Черкесы... Т. 4. С. 65.

⁵ Озова Ф. А. Ш. Б. Ногмов о судебной системе традиционного черкесского общества // Кавказология. 2019. № 4. С. 26.

⁶ Черкесы... Нальчик, 1996. Т. 2. 1763–1774 гг. С. 66.

⁷ Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России... С. 125.

⁸ Там же.

⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 267.

возможным функционирование сословно-представительных органов Кабарды (хасэ) и всей системы судопроизводства (временных третейских судов тхьэрыгуэ хасэ и постоянных княжеских судов хе / хей). Также «было стеснено исполнение обычаев гостеприимства, куначества, предоставления убежища и пр.»¹⁰.

Ситуацию усугубило то, что всякое нарушение этих мер грозило беспрецедентными для черкесского общества строгими наказаниями. Несмотря на то, что в родовых судах и расправах изначально не предполагалось участие российских чиновников, в кабардинские селения были командированы «по одному чиновнику с несколькими числом казаков»¹¹. Введение родовых судов и расправ привело, как писал П. Г. Бутков, к «потрясению коренных обычаев»¹² кабардинцев.

Через четыре месяца после нововведений, в феврале 1794 г., в Кабарде «начались волнения и неповиновение родовым судам и расправам»¹³. Протест на первых порах выражался в неподчинении ставших символами перемен родовым судам и расправам, и миграции в горы значительной части населения. «На “запрещенных собраниях” выдвигалось требование “сделать один духовный суд”»¹⁴, т. е. для наведения порядка кабардинцы были готовы отказаться от традиции альтернативности судопроизводства.

В 1803 г. ситуация с выборами в родовые суды и расправы еще больше осложнилась в связи постройкой «в недрах жилищ»¹⁵ кабардинцев Кисловодского укрепления. До начала строительства командующий войсками Кавказской линии (официально его должность называлась: инспектор кавалерии Кавказской инспекции и начальник войск Кавказской линии), генерал-лейтенант Д. Д. Шепелев (начало 1803 – март 1804)¹⁶ должен был организовать в Кабарде выборы в связи с окончанием в мае 1803 г. полномочий членов родовых судов и расправ¹⁷. Однако их пришлось отложить из-за отъезда наиболее влиятельных кабардинских князей за Кубань. Возвращение последних совпало с началом строительства Кисловодского укрепления (конец мая – октябрь 1803 г.), изымавшего из хозяйственного оборота кабардинцев очередную порцию пашен и пастбищ, а также перекрывшего им главный путь в горы, «куда в летние месяцы пригоняли принадлежащий им скот»¹⁸. В контексте этих событий кабардинцы категорически отказались от выборов. В Кабарде началось движение, ставшее впоследствии известным как *Шариатское движение*. Оно выдвинуло на историческую арену ранее неизвестный для Черкесии «тип общественных деятелей – религиозных реформаторов из числа знати»¹⁹. К ним, прежде всего, следует отнести князя Адильгирея Хатокшоко / Атажукова / Атажукина (начало 1750–1807) и первостепенного уорка эфенди Исхака Абукова (...–1807). Они предприняли ряд шагов по осуществлению демократических социально-политических реформ кабардинского общества с целью его консолидации про-

¹⁰ Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института литературы и истории. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 47.

¹¹ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 89.

¹² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Извлечения. С. 267.

¹³ Там же. С. 269.

¹⁴ Кажаров В. Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 405.

¹⁵ Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (далее – АИГИ КБНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 75.

¹⁶ Имя и отчество генерала Шепелева в документах не названо. В. И. Потто отмечал, что он находился в этой должности короткое время: с момента отъезда генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга с Кавказа до приезда генерала-лейтенанта Г. И. Глазенапа в качестве инспектора кавалерии Кавказской инспекции и начальника войск Кавказской линии, т. е. с начала 1803 г. по март 1804 г. Судя по косвенным данным речь шла о Дмитрие Дмитриевиче Шепелеве (1771–1741), хотя в его официальной биографии нет сведений об упоминаемой должности.

¹⁷ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 74.

¹⁸ Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 117.

¹⁹ Кажаров В. Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны / Отв. ред. В. Х. Кажаров. Нальчик, 2005. С. 47.

тив внешней экспансии. Вместо родовых судов и расправ, влияние которых здесь признавалось генералом Д. Д. Шепелевым «ничтожным»²⁰, было решено реформировать исконную черкесскую систему судопроизводства, приведя ее в соответствие с законами шариата.

Борьба начальников Кавказской линии за возобновление в Кабарде работы родовых судов и расправ, продолжалась на протяжении 1803–1809 гг. Генерал Д. Д. Шепелев отмечал, что 4 октября 1803 г. инспектор Кавказской линии, астраханский генерал-губернатор, главнокомандующий в Грузии, генерал-лейтенант П. Д. Цицианов (1802–1806) предписал ему: «Что как кабардинцы не хотят сделать выбора судей, то изъявляет мне согласие свое на принуждение их отрядом войск»²¹. Однако генерал Д. Д. Шепелев медлил с экспедицией. Его останавливали два обстоятельства. С одной стороны, он опасался вводить войска из-за появившихся в Кабарде случаев заболевания холерой²², а с другой стороны, – морально-этические соображения. Он писал позднее в рапорте императору Александру I (1805), что от этого похода его предостерегло отсутствие «низкого честолюбия в произведении, так сказать домашней войны и в поражении сих подданных России»²³.

Из этого же рапорта следует, что пик эпидемии холеры пришелся на период с осени 1803 до января – февраля 1804 г. включительно²⁴. Другая важная информация, содержащаяся здесь: косвенные данные о народонаселении Кабарды до эпидемии, в 1803 г.: 8 000 семейств²⁵. Следует отметить, что сохранились также косвенные данные о населении Кабарды после эпидемии. Они принадлежат полковнику И. Л. Дебу (в будущем генерал-майор, начальник левого (1813–1816) и правого (1816–1825) флангов Кавказской линии), который «по выпискам, учиненным в 1804 г.»²⁶ свидетельствует, что в Большой Кабарде было 50 000 дворов, а в Малой – 15 000²⁷. Третье важное свидетельство по исследуемому вопросу: цифра убыли населения в результате эпидемии. Она содержится в речи полковника русской службы, кабардинского князя И. Т. Атажукина / Хатокшоко (прототип главного героя поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей», старший брат лидера Шариатского движения А. Т. Хатокшоко), произнесенной им трижды в Кабарде в 1805 и 1806 гг. на народных собраниях (хасэ). Он констатировал, что эпидемия уменьшила население Кабарды «почти вполовину»²⁸. Соответственно, из сведений генерала Д. Д. Шепелева, полковников И. Л. Дебу и князя И. Т. Атажукина можно заключить, что до эпидемии в Кабарде насчитывалось, соответственно, 8000 семейств (Д. Д. Шепелев) 130 000 дворов (И. Л. Дебу). (На первый взгляд, между данными генерала Д. Д. Шепелева и полковника И. Л. Дебу масштабная разница, но необходимо оговориться, что в силу особенностей социальной организации черкесского общества следует различать исторические термины *семейство* и *двор*). В исторической памяти кабардинцев эпидемия холеры осени 1803 – января-февраля 1804 гг. также запечатлелась как одна из самых опустошительных²⁹. Эти данные сохранились в контексте сведений о последовавших за эпидемией событиях, о которых мы скажем ниже.

²⁰ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 74.

²¹ Там же. Л. 78.

²² В документах она называется «чумой», «моровой язвой», «заразительной болезнью». В русском языке эти термины имели две семантики: 1) эпидемическая болезнь вообще и 2) в более узком значении – собственно чуму в медицинском ее понимании. (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное издание). СПб., 1996. Т. 4: [С–V]). Такова же семантика лексемы *емынэ* и в черкесском языке: 1) в универсальном значении – эпидемия инфекционной болезни и 2) и в более узком – «чума». Р. У. Туганов, изучив обстоятельно этот вопрос, считал, что в начале XIX в. в Кабарде свирепствовала эпидемия холеры. (АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16).

²³ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 79, 80.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 79.

²⁶ Дебу И. Л. О Кавказской линии... С. 117.

²⁷ Там же.

²⁸ Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков... С. 57.

²⁹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 57. Эпидемию холеры в Кабарде осени 1803 – января-февраля 1804 гг. можно сопоставить по катастрофическим последствиям с пандемией чумы в Европе (Черная смерть), пик которой пришелся на 1346–1353 гг. и унесшей жизни 30–60 % населения европейских стран, в том числе Руси и Черкесии.

Промедление с экспедицией в Кабарду стоило генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву должности. Он был отстранен с формулировкой: «Монаршее неудовольствие <...> за слабое и медленное выполнение обязанностей»³⁰. На место опального генерала был назначен генерал-лейтенант Г. И. Глазенап (назначен: 13 ноября 1803 г. / приступил к должности: 29 марта 1804 г. – 1806). В отличие от своего щепетильного предшественника, новый начальник войск Кавказской линии не был обременен нравственными императивами. Практически все время своего командования на линии генерал Г. И. Глазенап провел в карательных акциях, направленных на решение вопроса возобновления деятельности родовых судов и расправ и прекращение внутреннего реформирования Кабарды. Одна из экспедиций генерала И. В. Глазенапа в долину реки Кумбалеевки в мае 1804 г. запечатлена в исторической памяти черкесов. Именно в связи с ней родилась пословица: «”Емынэм къелар Хъумбэлейм ехъыж” (“Что осталось после чумы, уносит р. Кумбалеевка”))»³¹, сделавшая наименование этой реки иносказательным символом жестокой расправы.

8 февраля 1806 г. под Баку в результате заговора местной аристократии был убит генерал от инфантерии (1804) князь П. Д. Цицианов. После него главнокомандующим войсками Кавказской линии, в третий раз, был назначен генерал-аншеф И. В. Гудович (1806–1809). Он отправил в отставку начальника войск Кавказской линии генерала Г. И. Глазенапа и назначил на его место генерала от инфантерии С. А. Булгакова (1806–1810).

В условиях начавшейся Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. кабардинцы поддержали Россию³². Кабардинское войско из трех тысяч первоклассных воинов, во главе которого были также лидеры Шариатского движения князь Адильгирей Хатокшоко, эфенди Исхак Абуков, участвовали в военных акциях российских войск³³. Управляющий делами Кабарды, генерал-майор И. П. Дельпоццо (1805–1809) отмечал полную лояльность правящих кругов Кабарды к властям Кавказской линии³⁴. Тем не менее, отношения сторон развивались в какой-то параллельной плоскости: как бы кабардинские правящие круги не демонстрировали лояльность – она была недостаточна. Особенное раздражение вызывали внутренние реформы в Кабарде, продиктованные имманентными процессами общественного развития, актуализированные в значительной степени последствиями эпидемии холеры осени 1803 – зимы 1804 г. – фактически демографической катастрофы.

Хасэшхуэ / сословно-представительное собрание Кабарды приняло «Народное условие, сделанное в 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев», на законодательном уровне закрепившее реформы, направленные на нивелирование губительных последствий эпидемии. Были изменены многие нормы во взаимоотношениях сословий, «Народное условие...» стало «новым *modus vivendi* между отдельными классами»³⁵, разграничены компетенции адата / хабзэ, шариата и российских законов. Ст. 22, 23, 24 должны были предотвратить окончательную депопуляцию населения Кабарды путем запрета на свободное переселение юридически свободных сословий. Также были зафиксированы изменения «отношений привилегированных сословий к подвластным»³⁶. Модификации коснулись института великого князя, названного здесь на турецкий манер *валием* (ст. 26), и судебной системы Кабарды. Ст. 26, 27 зафиксировали трансформацию постоянных княжеских судов в Кабарде в *духовные суды*. Соответственно, поменялось и наименование судов: исконное черкесское *хе / хей* было заменено на *мехкеме*³⁷.

³⁰ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 73.

³¹ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды... С. 57.

³² Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее – АКАК) / Под ред. Ад. Берже: В 12 т. Т. 3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И. В. Гудовича (1806–1809). Тифлис, 1869. С. 651, 652.

³³ Там же. С. 649, 650.

³⁴ Там же. С. 649.

³⁵ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 48, 49.

³⁶ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев... Вып. 1. С. 50.

³⁷ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик, 1994. С. 164.

Однако в вопросах межсословных отношений, как свидетельствует ст. 20, для зависимых сословий («черни») продолжал действовать безальтернативно суд на основе адатов / хабзэ. Дела, касающиеся «народа» (представители свободных сословий), за исключением межсословных споров между князьями и уорками, могли по желанию сторон разбираться как по адату / хабзэ, так и по шариату³⁸.

В ответ на реформы, в конце 1806 – начале 1807 г., все связи Кабарды с внешним миром были целиком прерваны двойной цепью кордонов и карантинных застав. Карантинная система функционировала под непосредственным начальством самого генерала С. А. Булгакова, стоявшего во главе созданной специальной комиссии по борьбе с холерой³⁹. Под предлогом защиты населения Кавказской линии «от чумы» генерал С. А. Булгаков приказал: «Пресечь всякое сообщение на всех пунктах линии, как с горцами, так и с теми народами, кои хотя малейшую имеют с ними связь; для чего по всей линии усилить кордоны, так чтобы горцы нигде не могли прокрасться»⁴⁰. Как сообщал позднее он сам в рапорте генералу А. П. Тормасову (15.06.1809) в течение 2-х лет связи с кабардинцами были пресечены «совершенно»⁴¹, т. е. в течение 1807–1809 гг., а «в особенностях с прошлого лета» (лето 1808 г. – *О. Ф.*). Сами же кабардинцы в 1809 г. говорили о трех годах «заточения»⁴². В 1809 г., уже задним числом, генерал С. А. Булгаков, оправдывал блокаду Кабарды в рапорте к новому главнокомандующему войсками в Грузии и на Кавказской линии, генералу от кавалерии А. П. Тормасову (1809–1811) тем, что «в 1806 и начале 1807 года» в Кабарде «всюду» свирепствовала «язва»⁴³.

Однако, как свидетельствуют официальные документы, в момент установления генералом С. А. Булгаковым блокады Кабарды не было даже единичных случаев заболевания холерой. Об этом говорится в рапортах управляющего делами Кабарды, генерала И. П. Дельпоццо. 15 февраля 1807 г. он докладывал (рапорт № 68) генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу о полном прекращении случаев заболевания холерой в Кабарде: «По бытности моей сего февраля с 10-го по сие число в Большой Кабарде в обеих фамилиях Джембулатовой, Мисотовой, Атажуковой и испытании лично всех бывших собраниях Кабардинцев относительно заразительной болезни оказалось, что уже оной болезни во всей Большой Кабарде не существует и совершенно прекратилась будет времени более 3-х месяцев. В Малой Кабарде после отправленного к в. с. от 6 января рапорта по сие время, по доходящим ко мне сведениям состоит благополучно»⁴⁴. Тем не менее, проезд через булгаковские кордоны на пашни и пастбища оказался в конце 1806 – начале 1807 г. невозможен. Жалобы кабардинцев по этому поводу были обобщены генералом И. П. Дельпоццо и доложены генералу С. А. Булгакову⁴⁵.

Именно с именем генерала С. А. Булгакова связывали свои бедствия кабардинцы, когда писали через несколько лет императору, что закрытие Кавказской линии привело к голоду в 1807–1809 гг.⁴⁶. На его фоне обессиленные люди стали жертвами болезней, в том числе и инфекционных. В 1808 г. в Кабарде возобновилась эпидемия холеры⁴⁷. Именно из-за корреляции в перечисленных

³⁸ Там же. С. 163.

³⁹ *Туганов Р. У.* Измаил-бей: исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. Нальчик, 1972. С. 74.

⁴⁰ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 98.

⁴¹ АКАК. Т. 4. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от кавалерии А. П. Тормасова (1809–1811). Тифлис, 1870. Т. 4. С. 844.

⁴² Там же. С. 883.

⁴³ Там же. С. 821.

⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 647. В 1811 г., когда дело дошло до Александра I, генерал И. П. Дельпоццо, противореча своим рапортам, пытался оправдать генерала Булгакова, отдавшего приказ о блокаде, утверждая, что жалоба кабардинцев о том, что в отсутствие чумы в 1806–1807 гг. им запретили всякое сообщение с Кавказской линией, – «несправедлива» (АКАК. Т. 4. С. 879).

⁴⁵ АКАК. Т. 3. С. 653–655.

⁴⁶ Там же. С. 882; *Туганов Р. У.* Измаил-бей... С. 75.

⁴⁷ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4 а. Л. 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об.

событиях (голод и инфекционные заболевания) представители гражданской администрации императора на Кавказе прямо обвиняли генерала С. А. Булгакова в «появлении чумы»⁴⁸ в подведомственных им землях. Кавказский гражданский губернатор Н. М. Картвелин (1806–1809) писал 23 марта 1808 г. на имя министра внутренних дел князя А. Б. Куракина о злоупотреблениях генерала С. А. Булгакова, в том числе и в создании абсолютного информационного вакуума. Н. М. Картвелин отмечал: «Но общая здесь система есть все скрывать»⁴⁹. Письмо заканчивалось словами: «Все оное представляю вашему сиятельству с доверенностию, что не подвержен буду мщению генерала Булгакова, от коего я всего ожидать должен»⁵⁰. Таким образом, очевидна та атмосфера страха и запугивания, которую генерал С. А. Булгаков создал не только для кабардинцев, но и для всех жителей Линии, что даже кавказский губернатор ожидает от него «всего».

По данным генерала И. П. Дельпоццо в результате, прежде всего голода, от бывшего населения Кабарды осталась «почти только десятая доля»⁵¹, главнокомандующий А. П. Тормасов (1809–1812) писал в одном документе об убыли $\approx 70\%$ ($2/3$ ⁵²), в другом – $\approx 80\%$ ($4/5$ ⁵³). Голод продолжался в Кабарде и в 1810, и в 1811 г.

В 1810 г. здесь также имели место военные действия. В 1809 г. генерал С. А. Булгаков обратился к кабардинцам, обещая «хлеба и соли»⁵⁴, выставив ряд условий и среди них следующие: 1) возобновление присяги кабардинцев императору и «безмолвное послушание к нему, как к главнокомандующему на Линии»⁵⁵; 2) чтобы допустили себя осмотреть, чтобы удостовериться не имеется ли между ними «заразительной болезни»⁵⁶. На что ему было отвечено, как позднее указывалось в «Инструкции от народа Кабардинского избранным депутатам к Высочайшему Российскому Двору»: 1) «Кабардинский народ верности ко Всероссийскому Престолу не нарушал и должное повиновение к нему, как к начальнику на Линии, соблюдает»⁵⁷ и 2) в народе нет никаких признаков заразы, в чем ему как начальнику легко удостовериться, «но допустить сделать осмотр народу <...> обнаженными, по дикости наших простолудинов, мы убедить противу нравственности не в состоянии»⁵⁸.

14 апреля 1810 г. генерал С. А. Булгаков вступил в Кабарду с войсками, взяв предварительно разрешение генерала А. П. Тормасова на переселение 2000 семей кабардинцев из податных сословий на Линию. Однако по прибытию на место генерал С. А. Булгаков обнаружил, что все население ушло за Кубань. В течение 10 дней он пытался его обнаружить, сжигая все попадавшиеся на пути селения. Информация об учиненном генералом С. А. Булгаковым в Кабарде и в Закубанье погроме дошла до Санкт-Петербурга. Военный министр Российской империи Б. де Толли сообщал в своем письме генералу А. П. Тормасову (24.08.1810, № 295), что император Александр I «приостановился утвердить» вопрос о пожаловании генералу С. А. Булгакову ордена св. Александра Невского, так как «разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников, Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечности перешел границы своей обязанности. Если верить известиям, то экспедиция против кабардинцев и закубанцев состояла в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их,

⁴⁸ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. 1887. С. 636.

⁴⁹ АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 4 а. Л. 1 об., 2.

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.

⁵¹ Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. / Сост. Р. У. Туганов. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 14.

⁵² АКАК. Т. 4. С. 829.

⁵³ Там же. С. 845.

⁵⁴ Туганов Р. У. Измаил-бей... С. 105.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ АКАК. Т. 4. С. 883.

⁵⁸ Там же.

и вообще обращение его с соседними семи народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том крае спокойствия»⁵⁹.

7 сентября 1810 г. состоялся высочайший рескрипт на имя генерал-майора, барона Н. И. Вердеревского. Ему было приказано на правах генерал-губернатора и на основании ревизионной инструкции сенаторам отправиться на Кавказ и произвести ревизию Астраханской и Кавказской области, в ведении которой находились связанные с Кабардой дела. По ее итогам в декабре 1810 г. генерал С. А. Булгаков «как взяточник и казнокрад, а также за превышение власти и другие злоупотребления»⁶⁰ был смещен с должности командующего войсками Кавказской линией.

Таким образом, из приведенных здесь сведений следует, что на демографическую ситуацию в Кабарде в начале XIX в. оказали влияние несколько факторов: вспышки холеры, голод и военные действия. Наибольший урон нанесла эпидемия холеры осени 1803 – января-февраля 1804 г. Первой причиной высокой смертности в Кабарде в 1807–1809 гг. стал голод, а во вторую очередь – возникшая на его фоне вспышка холеры летом 1808 г.

Summary

In historiography, when describing the demographic situation in Kabarda, a significant place belongs to the data of the manager of Kabarda, Major General I. P. Delpozso. However, in addition to them, there is also information from the commander of the Caucasian Line troops, Lieutenant General D. D. Shepelyev, Colonel I. L. Debu, as well as a colonel of the Russian service, Kabardian prince I. Atazhukin, who was in Kabarda on behalf of Emperor Alexander I. The totality of information from available documents provides grounds for a new interpretation of the tragic events of 1803–1809. It turns out that the demographic situation was influenced by several factors: a cholera epidemic, famine, military action. The degree of their influence varied in different years: in 1803–1804. Cholera was rampant, and in 1806–1809 the greatest mortality rate was caused by famine.

Литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / Под ред. председ. комиссии Ад. Берже: В 12 т. Т. 3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И. В. Гудовича (1806–1809). – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1869. – 760 с.

2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / Под ред. председ. комиссии Ад. Берже: В 12 т. Т. 4. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от кавалерии А. П. Тормасова (1809–1811). – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1870. – 1011 с.

3. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 16.

4. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4 а.

5. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Извлечения. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. — 355 с.

6. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. – Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. – 464 с.

7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное издание). – СПб.: Диамант, 1996. Т. 4: [С–V]. — 683 с.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6190. Л. 2.

⁶⁰ *Туганов Р. У.* Измаил-бей... С. 122.

8. *Дебу И. Л.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу. С 1816 по 1826 год. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829.
9. *Дзамихов К. Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 167 с.
10. *Кажаров В. Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. Вып. III. – С. 398–436.
11. *Кажаров В. Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны / Отв. ред. В. Х. Кажаров. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – С. 29–86.
12. *Косвен М. О.* Кабардинский патриот Измаил Атажуков // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института литературы и истории. – Майкоп, 1957. Т. 1. – С. 43–68.
13. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд., 1965. – 420 с.
14. *Леонтович Ф. И.* Адагы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса: Тип. П. А. Зеленаго, 1882. – 396 с.
15. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т. Х. Кумыков. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
16. *Озова Ф. А. Ш. Б.* Ногмов о судебной системе традиционного черкесского общества // Кавказология. 2019. № 4. – С. 26–36.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. (ПСЗРИ-1). – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 23. 1815–1816 гг. – 1167 с.
18. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. 1887. – 380 с.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6190.
20. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. / Сост. Р. У. Туганов. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. – 323 с.
21. *Туганов Р. У.* Измаил-бей: исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 175 с.
22. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: В 4 т. / Сост. Р. У. Туганов. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 2. 1763–1774 гг. – 505 с. (Далее – Черкесы...)
23. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II: В 4 т. / Сост. Р. У. Туганов. Т. 4. 1787–1791 гг. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 447 с.

Пахомчик С.А.
г. Тюмень

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: Советский Союз, Российская Федерация, Северный Кавказ, Абхазия, Южная Осетия, Кавказская война.

Кавказская война середины 19 века (1817-1864 гг.) по длительности была довольно продолжительной. В результате этой военной кампании к России отошли земли Северного Кавказа. В течение всей кампании происходили битвы и стычки российской армии с различными государствами и народами Кавказа. Основные военные действия происходили в Черкесии, Дагестане и Чечне. При этом Кавказская война пересекалась с Русско-Персидской (1826-1828гг) и Русско-Турецкой (1828-1829гг) войнами, которые закончились победами России [1].

Понятие «Кавказская война» введено в 1860 году российским военным историком и публицистом, современником боевых действий Фадеевым Р. В в его книге «Шестьдесят лет Кавказской войны». В качестве аналога в современных исследованиях используется также понятие «Русско-Кавказская война», но в большинстве случаев применяется первый вариант, так как Россия воевала не с одним государством, а со множеством народов. В историографии царской России боевые действия на Северном Кавказе, в том числе с Ираном и Османской империей, рассматривались как нечто единое. Дореволюционные и советские историки вплоть до 1940-х годов предпочитали термин «Кавказские войны», подразумевая процесс присоединения земель от Кубани и Терека до границ с Турцией и Ираном.

После распада Советского Союза и образования Российской Федерации в автономных субъектах России усилились сепаратистские тенденции. Это отразилось и на отношении к событиям на Северном Кавказе (в частности к Кавказской войне), на их оценке. Встречаются также термины «Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа», «Кавказско-горская война» и обозначения локальных кавказских войн: «русско-кабардинская (1763–1825)», «русско-чечено-дагестанская (1829–1859)» и другие. На языках кавказских народов война имеет разные названия. Так, у адыгов она называется «джэурзауэ», что означает «война с неверными», у чеченцев – «Iа-зот» – война газавата.

Систематическое продвижение на Кавказе Россия начала в XVIII веке. Со строительством в 1735 году Кизляра началось возведение Кавказской линии укреплений. В 1763 году был основан Моздок. После русско-турецкой войны 1768-1774 годов императрица Екатерина Вторая издала указ о строительстве линии форпостов. К 1785 году с основанием Владикавказа строительство линии было окончено. После присоединения Крыма к России в 1783 году земли к северу от Кубани, где проживали ногайцы, перешли к России. Опасаясь переселения в Сибирь, ногайцы подняли восстание, подавленное А.В. Суворовым. С подавлением данного восстания Российской Империи открылся путь к колонизации степного Предкавказья. Значительная часть ногайцев переселилась в Османскую империю, остальные откочевали в северный Дагестан.

Актом 1792 года Екатерина II пожаловала Черноморскому войску земли от Тамани до устья реки Лабы. В следующем, 1793 году, был основан войсковой город Екатеринодар (ныне г. Краснодар) и ряд казачьих станиц. С окончанием русско-турецкой войны 1787-1792 годов началось усиление Кавказской линии и строительство новых казачьих станиц. Терек и Верхняя Кубань

заселялись донскими казаками, а правый берег Кубани, от Усть-Лабинской крепости до берегов Азовского и Черного морей, заселялся черноморскими казаками [2].

По завершении войны в 1864 году на Кавказе установился хрупкий мир, чему способствовало закрепление России в Закавказье, ослабление возможностей для получения мусульманами Кавказа финансовой и вооружённой поддержки от своих единомышленников. Спокойствие на Северном Кавказе обеспечивало присутствие хорошо организованного, обученного и вооружённого казачьего войска. В 1877 году во время очередной русско-турецкой войны горцы Чечни и Дагестана подняли восстание против российской власти, но были разгромлены.

В 1917 году была провозглашено независимое государство горских народов (Союз Горцев, а затем Горская республика). Она охватывала территории Дагестана, Ингушетии, Чечни, Осетии, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Ногайских степей, в некоторый период Абхазии. Республика просуществовала до 1920 года, когда власть на Северном Кавказе захватили большевики при поддержке Красной армии. Также в 1918–1921 годах существовали независимые грузинское и азербайджанское государства, чьи территории были присоединены к СССР в результате военных операций Красной армии.

После установления советской власти на Северном Кавказе межэтническая напряженность не прекратилась. В первой половине 1920-х прошли массовые восстания в Дагестане и Чечне. В 1940–1944 годах вспыхнуло восстание Хасана Исраилова на территории Чечено-Ингушетии, отдельные сторонники которого боролись с советской властью вплоть до 1976 года.

В 1990-х годах Кавказская война также использовалась сепаратистскими силами как весомый аргумент в борьбе с Россией.

После распада СССР часть кавказских народов получила независимость: возникли признанные мировым сообществом Грузия, Армения, Азербайджан и частично признанные Абхазия и Южная Осетия.

События Кавказской войны отражены в произведениях ряда российских классиков литературы. В разные периоды в Кавказской войне участвовали Лев Толстой, Михаил Лермонтов, Александр Бестужев-Марлинский и другие классики, в чьём творчестве Кавказ сыграл заметную роль.

Дважды Кавказ посещал А.С. Пушкин. В русской поэзии под влиянием романтизма прослеживается восхищение экзотическим кавказским краем и его народами. По отношению к войне в литературе встречаются как имперские мотивы, например, у А. Пушкина, восхваляющие русские завоевания, так и протестные, например, у Л. Толстого. Тему бессмысленности жестокого кровопролития поднимал Лермонтов в стихотворении «Валерик», посвященном битве при Валерике, в которой поэт лично принимал участие.

Лев Николаевич Толстой оказался на Кавказе во время Кавказской войны случайно. Но тем не менее кавказский период его жизни стал одним из главных в его жизни. Именно здесь он впервые получил первый военный опыт и понял, как несправедлива война и насколько хрупка человеческая жизнь в военных условиях. Именно на Кавказе написал он первый свой рассказ «Набег» и в последствии повесть «Хаджи-Мурат», которую смог закончить лишь в 1900-х годах. Писал он ее долго, целых восемь лет, с 1896 по 1904гг. Писатель тщательно изучал жизнь, сказания, предания, обычаи и верования, религиозные обряды, одежду, пищу, оружие народов Кавказа. Он прорабатывал воспоминания участников боев, исследования специалистов-военных, материалы записок, составленные из рассказов и показаний Хаджи-Мурата – второго после Шамиля (по мнению Л. Толстого) действующего лица Кавказской компании. Огромная подготовительная работа не пропала даром. Исследователи творчества Толстого Л.Н. отмечали чрезвычайную документальную основу повести. Использовал писатель конечно же свои личные наблюдения и переживания, свою память и воображения, которые он впитал на Кавказе. Ведь два года, с 1851 по 1853, он прожил на Кавказе. Это были как раз годы отчаянной борьбы горцев с царскими войсками. Будучи непосредственным участником кавказских событий, он изучил обстановку борьбы в горах и природу Кавказа. Как раз они, личные наблюдения

и полученные ощущения, подробности и составили силу и жизнь повести. Он воспроизвел в своем произведении детали с пронзительной остротой художественного зрения и сообщил происходящим событиям несокрушимую убедительность событий, совершенного на его глазах. В произведении Л. Н. Толстой с филигранной точностью описывает вождя горцев Шамиля, Хаджи-Мурата, Гамзата и др. Язык повести служит воплощению исторической правды, реалистическому описанию действующих лиц, характеризующих их социальную сущность. «Ухватистый» – по выражению А.П. Чехова, язык Льва Толстого с необычайной правдивостью передал эпоху, отраженную в произведении. Лев Толстой считал помещичий строй царской России «одним сплошным ужаснейшим преступлением». Он считал, что он виноват в том, что русские солдаты были вынуждены воевать со «славными ребятами-горцами». Среди других произведений Толстого кавказской тематики можно отметить кавказскую повесть «Казачья жизнь», повесть «Кавказский пленник» и др. [5].

А.С. Пушкин посещал Кавказ в 1820 и в 1829 г. Он был одним из первых, кто описывал Кавказ по собственным наблюдениям. Из путешествия 1820 г. осталось не слишком много записей. Основные произведения, дневниковые записи и письма, в которых А.С. Пушкин говорит о Кавказе, относятся к поездке 1829 года. Первые воспоминания о регионе – это общие наблюдения, описание красот, восхищение краем. Второе же путешествие стало поводом к осмыслению сложной и противоречивой обстановки на Кавказе. В сентябре 1820 года Пушкин в письме брату Льву говорит: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои – излишними». Пушкин восхищается делом генерала и в своей поэме «Кавказский пленник»:

«Но се – Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идёт Ермолов!»

Поэту нравится регион, его тайна, дикость и неизведанность. Ему, светскому человеку из столицы, в удовольствие риск и опасность: «Хотя черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа – они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению», – писал Пушкин А.С. В 1820-м Кавказ для Пушкина – начало больших завоеваний и открытий России. Он видит край как важный геополитический плацдарм. Он уверен, что завоевание Кавказа решит многие политические и экономические проблемы не только России, но и Европы: «Должно надеяться, что эта завоёванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии».

У Пушкина А.С. есть поэма «Кавказский пленник». Пушкин А.С. в «Кавказском пленнике» писал:

«Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал».

Поэма «Кавказский пленник», положившая начало в русской литературе теме плена и пленничества, поначалу называлась «Кавказ». В поэме в полной мере проявился гений пушкинского воображения, способность угадывать и воссоздавать по некоторым приметам, о которых слышал из рассказов очевидцев, особенности черкесского быта, настоящей жизни в ауле:

«Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длан...»

Описание внешности черкеса давало представление о его моральных качествах:

«Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный...»

Летом 1829 года Пушкину предстояло своими глазами увидеть настоящую войну. Его мечта сбылась в Закавказье, где армия генерала Паскевича вела бои с османскими войсками. Город в современной Турции был занят в день победы при Полтаве, которой писатель посвятил поэму. А какие воспоминания он оставил о собственном военном опыте?

Впечатления А. С. Пушкина от поездок на Северный Кавказ в 1820 и 1829 годах нашли глубокое отражение в его творчестве. Величественная природа этих мест, быт и нравы горских народов вдохновили поэта на создание поэм «Кавказский пленник» и «Тазит» (незавершённая), свыше десятка шедевров его лирики посвящены кавказской теме. Северному Кавказу посвящена первая глава «Путешествия в Арзрум». В ее основу легли путевые записи поэта во время странствования. Пушкин рассказывает в них о встрече и разговорах с Ермоловым, описывает маршрут следования, сравнивая знакомые ему места по первой поездке с их нынешним состоянием. К впечатлениям 1829 года относится также план поэмы «Русская девушка и черкес». В сентябре 1831 года Пушкин приступает к работе над романом «На Кавказских водах», в основу которого легли его кавказские впечатления. Сохранилось начало первой главы, с описанием отъезда помещицы Томской с больной дочерью Машей на Кавказ. В трех вариантах плана романа в качестве героев названы современники поэта – прославившийся своей храбростью на Кавказе декабрист А. И. Якубович, семья Римских-Корсаковых и другие. Роман должен был дать не только изображение беспечной, праздной жизни помещиков на водах, но и затронуть горскую тему. В планах упоминаются «кунак», «уздень», «казачка-черкешенка». К сожалению, роман остался незаконченным.

Значение Кавказа для творчества Пушкина было огромно. Об этом еще при жизни поэта писал Н. В. Гоголь в следующих проникновенных строках: «Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России прерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с тех пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию. Рисует ли он боевую схватку чеченца с казаком – слог его молния; он так же блещет, как сверкающие сабли, и летит быстрее самой битвы. Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душой и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом...»

Александр Сергеевич Пушкин – первооткрыватель Кавказа в русской поэзии. Для самого поэта величавая романтическая природа юга, бурные события Кавказской войны, жизнь горцев сделали источником тем, сюжетов, прежде не испытанного вдохновения. Он писал:

«Забытый светом и молвою, Далече от берегов Невы, Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы. Над их вершинами крутыми, На скате каменных стремнин, Питаюсь чувствами немymi И чудной прелестью картин»

Природы дикой и угрюмой...». И затем, продолжал:

«Я видел Азии бесплодные пределы, Кавказа дальний край, долины обгорелы, Жилище дикое черкесских табунов, Подкумка знойный брег, пустынные вершины, Обвитые венцом летучих облаков, И закубанские равнины! Ужасный край чудес!... Там жаркие ручьи! Кипят в утёсах раскалённых, Благословенные струи! Надежда верная болезнью изнурённых.»

Два месяца длилось первое пребывание поэта на Кавказе. Здесь он переживал тяжёлые дни изгнания, здесь нашёл дружественную поддержку, здесь полюбил дику величественную природу гордого Кавказа.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин подробно описывает свой путь от Георгиевска до Владикавказа и Ларса и дорожные впечатления от посещения этих мест. Он знакомится с древними памятниками горских народов, их бытом и нравами.

В поэтических описаниях Кавказа Пушкин достиг вершин художественного реализма. Под впечатлением этого путешествия написаны «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «Дон», «Калмычке», «Дорожные жалобы», «Тазит», «Путешествие Онегина», незаконченный «Роман на Кавказских водах» и монументально-величественная панорама «Кавказ».

Проза А. С. Пушкина представлена такими произведениями как: «Кавказский пленник», «Кавказ», «Обвал», «Путешествия в Арзрум» и др. [4].

Для М.Ю. Лермонтова Кавказ с детских лет стал источником вдохновения. Еще будучи ребенком, посетив впервые его, он влюбился в этот край. Кавказу посвящены крупные поэмы автора: «Измаил-Бей», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бестунжи», «Хаджы-Абрек», «Беглец» и др., а так же баллада «Дары Терека», написанные в основном в 1830-е годы. В 1840 г. выходит его основное прозаическое произведение – роман «Герой нашего времени», год спустя – второе издание этого романа. В.Г. Белинский в своей второй рецензии на этот роман писал: «...в «Герое нашего времени» вы видите повседневную жизнь обитателей Кавказа, видите ее в повести и драмы нашего времени...» В 1840-е годы выходят стихотворные произведения: «Туча», «Мцири», «Демон» и т.д. Последний очерк М. Лермонтова «Кавказец» [3].

Многие произведения Михаила Юрьевича, как прозаические, так и стихотворные, ярко отображают реалии Кавказской войны и нравы военнослужащих. Ведь из 27 лет своей жизни, более двух лет он провел на Кавказе. Он жил и служил на Кавказе в 1837 и 1840-1841 гг. участвовал в экспедиции против Шамиля.

Известны произведения А. А. Бестужева-Марлинского «Кавказские повести», посвященные Кавказу, включающие в себя: «Аммалат-Бек», «Мулла Нур» и др.

Можно констатировать, что русскими классиками было написано огромное количество произведений художественной литературы, отражающих события Кавказской войны. В них раскрывалась суть происходящих там событий.

Резюме

В статье отражены основные моменты истории Кавказской войны 19 столетия. Показана роль Российского государства в решении конфликтных ситуаций на Кавказе. Межэтнические отношения народов, населяющих этот регион во все времена, были очень непростые. Их часто сопровождали межэтнические конфликты, которые разрешались войнами. Не исключением явилась Кавказская война 1817-1864 гг.

Показан вклад русских классиков литературы в отражении событий, происходящих на Кавказе во время военных операций начала и середины 19 века.

Отмечены наиболее яркие произведения таких писателей и поэтов как: Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. Приведены главные произведения вышеназванных писателей и основные события, отраженные в них. Показаны народы, проживающие на Кавказе и их яркий колорит. Рассказано о традициях, верованиях, религии, обрядах, преданиях, быте, фольклоре народов Кавказа в конфликтных ситуациях.

Summary

The article reflects the main points in the history of the Caucasian War of the 19th century. The role of the Russian state in resolving conflict situations in the Caucasus is shown. Interethnic relations between the peoples inhabiting this region at all times were very difficult. They were often accompanied by interethnic conflicts, which were resolved by wars. The Caucasian War of 1817-1864 was no exception.

The contribution of Russian classics of literature is shown in reflecting the events taking place in the Caucasus during military operations of the early and mid-19th century.

The most striking works of such writers and poets as: L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov and others. The main works of the above-mentioned writers and the main events are given.

The main works of the above-mentioned writers and the main events reflected in them are given. The peoples living in the Caucasus and their bright colors are shown. It tells about the traditions, beliefs, religion, rituals, legends, life, folklore of the peoples of the Caucasus in conflict situations.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров – М: Советская энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993 – с. 519 – 1628 с. «Кавказская война 1817-1864, воен. действия рус. войск против Чечни, горн. Дагестана и Сев.-Зап. Кавказа с целью их покорения».

2. Военная энциклопедия: в 8 т. / Председатель Главной редакционной комиссии П. С. Грачёв – М: Воениздат, 1995 – Т. 3: «Д» – Квартирьер. – с. 437. – 543 с. «Кавказская война 1817-64 гг., военные действия, связанные с присоединением территории Чечни, Горного Дагестана, Северо-Западного Кавказа к России».

3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4-х томах. – М.: Правда, 1986.

4. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах – М: Художественная литература, 1985.

5. Толстой Л.Н. Кавказский пленник; Хаджи-Мурат/Лев Толстой. – М: Эксмо, 2021 – 320 с.

Панеш А.Д.
г. Майкоп

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА КАК СЛОЖНОЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Ключевые слова: Россия, Кавказская война, отечественная историография, черноморское побережье, Крымская война, адыгское общество, западные адыги, российско-адыгские отношения.

В истории всего человечества войны являлись всегда страшным бедствием, оставляющим кровавую память и тяжелое наследие потомкам. Однако, вопреки простой логике, прошлое обычно не становится, как говорили уже древние римляне, «учителем жизни», а само может как бы превращаться в источник новых межэтнических или конфессиональных противостояний и конфликтов. Несмотря на это, горький опыт войн заставляет людей все глубже задумываться над этим вселенским бедствием, искать пути согласия, примирения и взаимного прощения. Похоже на то, что и на территории бывшей Российской империи и Советского Союза начинает пробуждаться осознание необходимости вступления на путь «исторического консенсуса» между народами. В пользу этого говорят ежегодно проводимые Дни памяти жертвам Кавказской войны. Состоявшиеся в этом году научно-практические конференции были посвящены 160-й годовщине со дня окончания Кавказской войны. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Республике Абхазия, на Кубани и в Адыгее местная администрация совместно с общественностью воздали должное героям прошлого, павшим в этой жестокой истребительной войне. Сама история Кавказской войны, напоминающая о трагических событиях прошлого, должна призывать не к конфронтации, а к укреплению дружественных отношений между народами Северного Кавказа и остальной России.

Проблемы Кавказской войны являются предметом пристального интереса не одного поколения исследователей. При этом на протяжении довольно длительного времени его содержательная динамика, приоритетность тех или иных аспектов изучения, а также профессиональные оценки зависели, а зачастую и продолжают зависеть, от господствующих идеологических предпочтений государства. И только в последние десятилетия, благодаря изменениям, произошедшим в развитии, как самой исторической науки, так и политического климата в стране, появились реальные возможности более взвешенного подхода к пониманию сложных процессов, происходивших в период Кавказской войны.

Развитие отечественной историографии последних лет демонстрирует значительно меньшую ангажированность исследовательской практики в этом направлении, хотя и не снижает остроты научных дискуссий.

Важнейший этап в изучении проблем Кавказской войны связан с именем выдающегося абхазского ученого Георгия Алексеевича Дзидзария. Впервые в отечественной историографии он провел комплексное исследование трагических последствий Кавказской войны. Фундаментальный труд ученого посвящен вопросам вынужденного переселения абхазов и адыгов на завершающем этапе военных действий на Северо-Западном Кавказе.¹ Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников, Г. А. Дзидзария показал истинные масштабы мухаджирства абхазов и адыгов.

¹ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975.

В 1976 г. увидела свет монография Георгия Алексеевича, посвященная жизни и деятельности Ф. Ф. Торнау, одного из ярких представителей прогрессивного русского офицерства периода Кавказской войны.² Работа основана на обширном документальном материале.

События Кавказской войны протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой внешнеполитической обстановки на Северо-Западном Кавказе. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие двух основных сил – России и Османской империи. В условиях столь сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения адыгов с сопредельными государствами складывались по-разному и имели неоднозначный характер. Одни из этнотерриториальных групп адыгов оказывались так или иначе в сфере влияния России, а другие – Турции. В этих условиях адыгам приходилось вести вооруженную борьбу за свою самостоятельность.

Взаимоотношения адыгов с Россией не были равнозначными на всем протяжении первой половины, середины и начала второй половины XIX в. Серьезное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Важную роль играл и общий геополитический курс, проводившийся на Кавказе. При этом выявляется определенная закономерность: влияния смены и чередования жесткой и более сбалансированной политической и военной линии на характер российско-адыгских отношений. В этом смысле достоин внимания тот факт, что проводившаяся в первой четверти XIX в. генералом А. П. Ермоловым и вызывавшая осуждение прогрессивных кругов России жестокая военно-карательная политика привела к вооруженной конфронтации с адыгами. Замена в дальнейшем такой политики более умеренным курсом способствовала некоторой стабилизации российско-адыгских отношений.³

Характер отношений Западной Черкесии с Россией определялся политикой Османской империи на Северо-Западном Кавказе. Адыги оставались в сфере влияния Турции, на Черноморском побережье располагались османские крепости Анапа и Суджук-кале. Однако зависимость черкесов от Турции была номинальной, авторитет и влияние Порты основывались на религии и широко развивавшихся торговых связях.⁴

Во второй половине 20-х гг. XIX в. Порта активизирует свои действия на Северо – Западном Кавказе. На повестку дня османской политики встает вопрос об укреплении позиций в регионе активным распространением ислама и объединением адыгов. Для этой цели со специальной миссией в Анапу был направлен Хаджи-Хасан Чечен-оглу, приложивший немало усилий для политической консолидации адыгов.⁵ По свидетельству Хан-Гирея, турецкий сановник пользовался уважением адыгов и «он старался узнавать малейшие подробности о крае, для управления или, вернее сказать, покорения которого был прислан; он расспрашивал о местных обычаях и, как ни странно, о древних песнях и преданиях, которые, по его словам, и весьма основательным, должны иметь сильное влияние на дух воинственного народа, лишенного писаной истории».⁶

В своей деятельности Хасан-паша добивался того, чтобы адыги принесли присягу на верность турецкому султану и обязались подчиниться законам Порты. Проповедуя религиозные идеи, он требовал, чтобы черкесы при разбирательствах частных и общественных дел руководствовались шариатом.

Турецкий сановник, имевший определенные успехи в деле укрепления позиций Порты на Северо-Западном Кавказе, оказался в поле зрения российской военной администрации на Кавказе. В сообщении командиру Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевичу отмечалось, что деятельность Чечен-оглу «имела невыгодное влияние на сближение наше с закубанцами, кои в

² Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.

³ Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 135.

⁴ Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII-60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. С. 65.

⁵ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 873.

⁶ Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. С. 531.

настоящее время хотя не оказывают нам никаких неприязненных поступков, но видимо от нас удаляются, прилепляясь к турецкому правительству».⁷

В рассматриваемое время важным фактором российско-адыгских отношений являлась торговля на Черноморском побережье. Еще в 1816 г. российский коммерсант генуэзского происхождения Р. А. Скасси развернул активную деятельность по налаживанию взаимовыгодной торговли с адыгами. В 1821 г. он возглавил «Попечительство торговли с черкесами и абазинцами».

Для подрыва российского влияния в Западной Черкесии Хасан-паша всячески стремился стеснить деятельность российского коммерсанта. Со своей стороны Скасси также принимал энергичные меры для ослабления влияния турецкого эмиссара. Следует отметить, что своеобразное противостояние Хасан-паши и Скасси явилось одним из ярких выражений торгово-экономического соперничества между Россией и Турцией на Черноморском побережье.

Для укрепления своих позиций Хасан-паша пытался учредить у адыгов шариатское судопроизводство. Предложения анапского паши активно обсуждались на собрании шапсугов и натухайцев, проходившем летом 1826 г. Заявление адыгских вождей было категоричным: «...мы желаем быть мусульманами, но по нашей доброй воле, и насилу мы никого не слушаем и слушать не будем».⁸ Анализ конфессиональной ситуации, сложившейся в Причерноморской Черкесии позволяет констатировать, что пропаганда и внедрение здесь исламской идеологии проходило значительно медленнее, чем на Северо-Восточном Кавказе.

Определенное влияние на обстановку в северо-западном регионе оказала Крымская война 1853-1856 гг. Англия и Франция пытались использовать местное горское население в борьбе с Россией. В 1854 г. лорд Пальмерстон вынашивал планы создания независимого Черкесского государства. Другие западные политики делали ставку на создание Черкесского государства под эгидой Англии, либо под протекторатом Османской империи. Большие надежды Турция, Англия и Франция возлагали на шамилевского наиба Мухаммеда Амина, действовавшего на Северо-Западном Кавказе.⁹ Однако их расчеты на привлечение адыгов на свою сторону в войне с Россией не привели к успеху. Населявшие Закубанье адыги и другие кавказские народы не поддержали намерений Турции и ее западных союзников вовлечь их в войну с Россией на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа. Попытка турецких властей заставить адыгов принять «подданство» Османской империи была пресечена ими самым решительным образом. Даже захват в 1855 г. Анапы оккупационным корпусом Турции и союзников по Крымской войне не отразился на решимости адыгов не принимать участия в войне с Россией. Парижский мирный договор (1856 г.), несмотря на поражение России в Крымской войне, признал право на владение ею Черноморским побережьем Северо-Западного Кавказа.

Характер отношений России с Черкесией определялся политикой имамата на Северо-Западном Кавказе. Однако формирование здесь идеологии освободительного движения проходило значительно медленнее, чем в Чечне и Дагестане. Адыгское общество не имело достаточной идеологической базы для быстрого распространения религиозных учений, вокруг которых объединялись вольные общества Дагестана. Слабостью позиций ислама на Северо-Западном Кавказе и среди западных адыгов объясняется тот факт, что хотя «мусульманский фактор» сыграл здесь определенную роль, но он не был решающим в их борьбе за свою независимость. Идеология ислама послужила религиозной оболочкой для политической консолидации и борьбы адыгов за свою самостоятельность.

Проникновение адептов ислама в адыгскую среду усилило напряженность в их взаимоотношениях с Россией в условиях Кавказской войны. Вместе с тем деятельность наибов Шамиля в Черкесии носила самостоятельный характер и не направлялась агентурой Османской империи.

⁷ АКАК. Т. VII. С. 873.

⁸ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 1.

⁹ Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60-х гг. XIX в. (Сборник документов и материалов). Махачкала, 1998.

Внедрение исламских идей в адыгскую среду не было гладким процессом, а сопровождалось внутренними эксцессами и борьбой между различными феодально-клановыми группировками. Постепенно это вылилось в противостояние двух основных направлений, возглавленных Мухаммедом Амином и Сефер-беем Заноко.

Российско-адыгские отношения нельзя изображать как сплошное противостояние, так как они не имели однообразного характера в различные периоды исследуемой эпохи. Взаимоотношения между Россией и Черкесией определялись сложным переплетением конкретно-исторических факторов. Значительное влияние на их сущность оказывала геополитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Характер русско-адыгских отношений вытекал главным образом из особенностей взаимодействия России с Османской империей, Англией, Францией и другими странами Западной Европы. В равной степени это касается и адыго-турецких отношений, которые не носили однозначного характера и отличались подчас неприязнью и даже враждебностью.

Неоднозначно складывались отношения адыгов и с имаматом Шамиля. Взаимодействие двух центров освободительного движения имело свои особенности. Не имея постоянных контактов с адыгами, Шамиль вынужден был ограничиваться перепиской с Мухаммедом Амином.¹⁰ Деятельность наибов Шамиля в Закубанье была направлена на дальнейшую политическую консолидацию адыгов в борьбе за свою независимость. Идеи ислама послужили объективно определенным фактором расширения фронта освободительного движения северокавказских народов. Вместе с тем идеология и практика ислама в силу социокультурных особенностей развития адыгского общества не получили здесь достаточно широкого распространения.

Российско-адыгские отношения зависели в той или иной мере и от характера социально-экономического развития Черкесии. Сложные внутренние процессы, протекавшие в среде адыгов, влияли на них в прямой либо косвенной форме. Особое значение при этом имели социальные конфликты, происходившие между адыгской феодальной знатью и рядовыми массами крестьянства. Классовая борьба среди адыгов оказывала влияние на политическую ориентацию различных их групп и сословий.

В первой половине XIX в. у западных адыгов господствовали феодальные отношения. Отличительной чертой адыгского феодализма являлось существование двух типов феодальных обществ – «аристократического» и «демократического». В результате длительной борьбы шапсугских, натухайских и абадзехских крестьян власть феодальной аристократии была свергнута.¹¹ У «аристократических» субэтносов сохранялось княжеское управление. Народное правление, установившееся у шапсугов, натухайцев и абадзехов явилось политической предпосылкой реформаторского движения в годы наибства Мухаммеда Амина. Именно среди этих субэтносов идеология наиба получила наибольшее распространение.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царской России в XIX в. носила народно-освободительный характер. Она представляла собой широкое движение, в котором принимали участие все социальные слои Черкесии. Боевые действия адыгов в большинстве случаев возглавлялись князьями, дворянами, старшинами, которые, нередко выражали общенациональные настроения. Активным участником освободительного движения являлось мусульманское духовенство. Сопrotивление адыгов колониальной политике царизма вылилось в народно-освободительное движение.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царизма была связана и с движением горцев под руководством Шамиля. Движение горцев Чечни и Дагестана с 40-х гг. XIX в. имело ярко выраженную тенденцию к расширению связей с другими очагами освободительной борьбы. Шамиль, всячески стремившийся объединить северокавказских горцев, направлял к западным ады-

¹⁰ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006

¹¹ Чирг А. Ю. Указ. соч. С. 48-54.

гам своих наибов. Они прилагали огромные усилия для политической консолидации черкесов. Наибы добивались также переустройства общественной жизни адыгов на основе шариата. Однако первые наибы Хаджи Мухаммед и Сулейман Эфенди добились незначительных успехов в деле общественного переустройства западных адыгов, а в распространении шариата они прибегли к насильственным методам. Не проявили наибы гибкости и в вопросе о правах сословий, что послужило основной причиной их неудач. Деятельность Хаджи Мухаммеда и Сулеймана Эфендия укрепила позиции мусульманского духовенства и объективно подготовила почву для реформаторской деятельности Мухаммеда Амина.

Западные адыги давно проявляли стремление к политической консолидации. Народное собрание на Пшехе, дефтер 1831 г. и Адагумское собрание 1848 г. были первыми их попытками к объединению. Мухаммед Амин продолжил этот курс и в отличие от своих предшественников сумел добиться консолидации значительной части адыгских субэтнотосов. Третий наиб проводил более гибкую и осторожную политику.

Мухаммед Амин появляется на Северо-Западном Кавказе в момент наибольшей политической активности западных адыгов. Проведенные им преобразования придали освободительному движению западных адыгов более организованный и сплоченный характер. Однако деструктивное воздействие Кавказской войны не позволило адыгам прочно объединиться и создать государственность. Наметившаяся в ходе освободительного движения тенденция к сплочению в единую народность не смогла в полной мере реализоваться. Процессы политической консолидации в Черкесии протекали довольно сложно и противоречиво. Это объясняется действием многих факторов, как внутренних, так и внешних. Их соотношение во многом зависело от конкретной социально-экономической, политической и геополитической ситуации.

Всестороннее исследование сущности российско-адыгских отношений периода Кавказской войны требует объективного и непредвзятого анализа политики России на Кавказе. В разные периоды военного противостояния российскому правительству приходилось вносить значительные коррективы в свою стратегию и тактику в регионе. Во многом это объяснялось незнанием правящими кругами страны кавказской реальности. В этом отношении заслуживает внимания миссия Хан-Гирея на Северный Кавказ в 1837-1839 гг. Именно ему была отведена главная роль в подготовке поездки Николая I на Кавказ. В своей записке на имя военного министра Хан-Гирей предлагал более активное взаимодействие русских властей с черкесской знатью в аристократических субэтнотосах. Петербург давно придерживался этой тактики, но особого успеха она не имела.

При внимательном изучении данной записки мы видим, что у официального Петербурга и у Хан-Гирея совершенно разные представления о тактике взаимоотношений с адыгами. «В самом деле, – пишет Хан-Гирей, – нельзя же ожидать перехода к нам наших врагов, когда они ничего не видят у нас для себя утешительного: мы от них требуем покорности..., обещаем старания о их благосостоянии, требования наши в настоящем, а обещания в будущем...».¹² Данное высказывание характеризует степень понимания Хан-Гиреем перспектив русско-адыгских отношений, а главное, он признает необходимость взвешенной и сбалансированной политики в Западной Черкесии.

Российско-адыгские отношения в период Кавказской войны имели свои особенности. Во-первых, адыги достаточно четко представляли цели и задачи военной экспансии царизма и хорошо ориентировались во внешнеполитической ситуации. Во-вторых, ситуация в Западной Черкесии во многом осложнялась незнанием военными властями внутренней логики поведения адыгов.

В освободительном движении западных адыгов имелось два направления, возглавлявшиеся Мухаммедом Амином и Сефер-беем Заного. Придерживаясь разных политических ориентации, они разобщали силы адыгов.

Борьба адыгов за независимость имела свои особенности. Во-первых, в ней не было ярко выраженной исламской религиозной оболочки. Во-вторых, большинство представителей класса фе-

¹² Гордин Я. А. Указ. соч. С. 214.

одалов и многочисленное крестьянство выступили как одна сила в стремлении отстоять свою независимость. В ходе народно-освободительного движения пробуждалось национальное сознание западных адыгов, возрастало их стремление к сплочению в единое политическое целое. Этот процесс имел общедемократическое содержание.

История российско-адыгских отношений XIX в. представляет значительный интерес для изучения особенностей и закономерностей политического и социально-экономического развития народов Северного Кавказа. Вместе с тем она заслуживает пристального внимания как одна из страниц исторического взаимодействия России и Кавказа.

Summary

May 21st is a Day of Remembrance and Sorrow for all Circassians. In accordance with the decision of the authorities of the Republic of Adygea dated May 16, 1990, May 21 is celebrated annually as the Day of Remembrance of all those killed in the Caucasian War. In this war, due to the fault of tsarism, not only the Circassians became victims, but also ordinary Russian people, whom the tsar drove in military uniform to the Caucasus. This day is celebrated annually in the republics of the North Caucasus, as well as in those countries where representatives of the Adyghe diaspora live. Celebrating this day, the peoples of Adygea honor the memory of those killed in that distant war and express their desire to live in peace, friendship and harmony.

The article examines the main factors of Russian-Adyghe relations during the Caucasian War. The influence of the geopolitical situation in the North-West Caucasus on the nature of the relationship of the Circassians with Russia and Turkey is shown.

литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 873.
2. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.
3. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1975.
4. Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.
5. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006.
6. Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60-х гг. XIX в. (Сборник документов и материалов). Махачкала, 1998.
7. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. С. 531.
8. Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII-60-е гг. XIXв.). Майкоп, 2002.
9. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953.

Соловьева Н.Г.
г. Черкесск

ПЕСНИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ ВРЕМЕН КАВКАЗКОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

Ключевые слова: кубанские казаки, Кавказская война, этнокультурное осмысление, маркер идентичности.

Keywords: Kuban Cossacks, Caucasian war, ethnocultural understanding, identity marker.

Песенное наследие народов России и близлежащих их соседей является единым этнокультурным полем исторического событийного ряда. Оно, находясь в основании фундамента строящегося русского мира, во многом определило его специфические характеристики, которые позволяют и сегодня судить об общем векторе цивилизационного развития многоликой России. Некоторые песни содержат как эксклюзивные, так и общие сведения о становлении и развитии государственности, рассказывают о главных, значимых исторических вехах, повлиявших на судьбы всего общества, а так же отдельно взятых семей, их членов.

Песни времен Кавказской войны давно уже стали фольклорным достоянием многих этносов и субэтносов. О важности привлечения фольклорного материала для исследования обозначенной проблемы отмечалось О.А. Гудимовой: «Неоднозначно отношение ученых к событиям Кавказской войны, которая оставила глубокий след в исторической памяти народов. Это далекое для нас время было трагическим для всех этносов Кавказа, вовлеченных в нее. Что чувствовали, о чем переживали, что перенесли наши народы, даже разведенные судьбой по разные стороны? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть их не только с точки зрения официальной истории, но и привлечь различные фольклорные материалы, возникшие в этот период в народной среде и оставленные потомкам».¹ Изучение песен кубанских казаков времен Кавказской войны актуально в свете комплексного освещения данной научной проблемы. Немаловажен и аспект выявления этнокультурного наполнения, связанного с ментальностью и эмоциональным сопереживанием, осмыслением отдельно взятых событий и военных действий в целом. При этом проблема отрешения от предвзятости суждений, имеющих место быть в свободном историко-культурном пространстве относительно Кавказской войны – также одна из актуальных задач, которую предстоит решить.

Кавказская война – трагическая страница истории, которая современными исследователями оценивается неоднозначно. Бесспорно и то, что она легла тяжелым бременем на обе стороны, участвующие в ней. Роль казачества в Кавказской войне, как одной из военизированной и особо дисциплинированной части «военнообязанных Российской империи», велика. Выполняя приказы беспрекословно, казаки заслужили славу отменных воинов, защищающих интересы российского государства. При этом положительные и отрицательные стороны участия казачества в военных действиях, «шаткость» суждений по этому поводу, мешают давать взвешенные однозначные ответы на вопросы: «Кто прав?» и «Кто виноват?». Внимание на осмысление самими казаками Кавказской войны, некоторых ее событий, сегодня, как и прежде, не сфокусировано. Научные исследования в этом направлении в должной мере не проводятся. А особая эмоциональная со-

¹ Гудимова О.А. Женщины и Кавказская война (на материале исторических и лирических песен) // Вопросы образования и науки в XXI веке: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 29 апреля 2013 г. Часть 7. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. – С. 56.

ставляющая совместно с практической информативностью казачьей песни во многом позволяет судить о реальном положении дел на военном поле действий, а также о жизни казаков-домочадцев, оставшихся в годы Кавказской войны без кормильцев. О жанре исторических песен так писал А.А. Ахлаков: «героико-историческая поэзия создается как отклик на текущие события, как народная оценка их. Песни возникают на основе фактов и явлений реальной действительности; ею, этой действительностью, обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом их художественно-эстетическая природа и специфика».² К такой песни можно отнести песню «Вы кубанцы-молодцы, славные ребята»,³ вначале которой говорится о боевом прошлом казаков:

«Ой, вы, кубанцы-молодцы,
Славные ребята.
Ой, разудалые бойцы,
Да мы дралися славно».

Затем начинается повествование о ходе военных действий. В простой стихотворной форме указывается география события – «сторона чеченская» и его хронология – церковный православный праздник крещения, а также акцентируется участие казаков, в том числе персональное – Круковского, в пленении Шамиля:

«Ой, за Венгером, али за большим
В стороне чеченской
Шамиль двинулся с ордой
В светлый день крещенский.

Мы пошли ему навстречу,
Круковский был с нами.
Закричали все «Ура!»
Шамиля поймали».

Особый интерес вызывает отношение к Шамилю. Типичный песенный сюжет о расставании кубанского казака с родной сторонешкой, который неизменно сопряжен и с прощанием с любимой с голубыми глазами, длинной косой и т.п. переносится в указанной песне и на повествование о расставании Шамиля с «крутыми горами» и «марушками» с черными бровями. Этот прием свидетельствует не только, что данная песня относится именно к казачьему репертуару, но и приравнивает Шамиля к традиционному образу казака, что также опосредованно указывает на близость ментальных установок казаков и горцев:

«Распрощайся ты Шамиль
С крутыми горами,
Оставляй своих марушек
С черными бровями».

Рассуждение о дальнейшей судьбе Шамиля и роли в ней российского царя показывает особое отношение кубанского казачества к власти в России, о безапелляционности решения всех вопросов и дальнейшей обязательности их исполнения.

² Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев [Текст] / Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала: [б. и.], 1968 [вып. дан. 1969]. – С. 67-68.

³ Из архива директора школьного музея станицы Красногорской Синиченко В.В. / Станица Красногорская. Усть-Джегутинский район. Карачаево-Черкесская Республика. Запись Соловьевой Н.Г., 2023 г.

«А сам ты Шамиль пойдеш
К царю на расправу,
Если царь тебя простит,
Счастье твое будет.

Если царь тебя простит,
Милостив ты будеш,
Если царь тебя накажет,
Наказанный будеш».

Следует указать и на то, что относительно краткая форма смысловой передачи историко-культурной информации в данной казачьей песне позволяет довольно широко судить о личных суждениях кубанских казаков как о событиях Кавказской войны, в частности пленении Шамиля, так и об этнокультурной идентичности кубанского казачества в целом. Она прослеживается в специфических приемах написания песни, указанной выше, а также в озвучивании социокультурной принадлежности казачества к военному сословию. Все это позволяет говорить о том, что песни кубанских казаков времен Кавказкой войны являются достоверными историческими источниками, свидетельствующими об их этнокультурном осмыслении российской истории, и одновременно выступают в роли специфических маркеров их музыкальной культуры и кубанского казачества в целом.

О нелегкой служивой жизни казака, сопряженной с неминуемой разлукой с любимой девушкой, в том числе ассоциирующейся с земным миром, и постоянным ожиданием смерти говорить в целом комплексе лирических песен кубанских казаков. Так, в песне «Йихав козак на войноньку»⁴ говорить о судьбе казака и молодой казачки, провожающей его на службу:

«Йихав козак на войноньку,
Сказав: «Прощай, дивчинонька.
Прощай, дивчина чернобровонька,
Я йидиу в чужую сторононьку. (Третья и четвертая строки – 2 р.)

Дай же, дивчино, хустыну.
Може, в бою я затыну».
Тэмной ночи скрылся очи,
Та й ще ж на чужой сторононьки. (Третья и четвертая строки – 2 р.)

Дала дивчина хустыну,
Козак у бою загынув.
Тэмной ночи скрылыся очи,
Та й ще ж на чужой сторононьки. (Третья и четвертая строки – 2 р.)

Нэхто нэ чуче, нэ баче,
Дэ лэжить тило козаче,
Тилько черный ворон сыдыть на могылэ,
Сыдыть та й сумнэнько кряче. (Третья и четвертая строки – 2 р.)»

Гибель казака, часто предрешенная самой сутью «казачьего жизненного предназначения» – несением военной службы, была трагедией для его близких членов семьи, а также для любимой девушки. Оставшись без своего суженного, ей приходилось выходить замуж без любви.

⁴ Захарченко В.Г. Народные песни Кубани: Сборник. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1987. – С. 40.

«Добрии люды насылу
Взялы хорошу дивчину.
Там сэрэд поля гнэться тополя,
Та ще ж на козацьку могылу. (Третья и четвертая строки – 2 р.)»

Нельзя не отметить, что безымянная могила в казачьем песенном искусстве традиционно сопровождалась описанием ее запущенности и элементами природного ландшафта, в данном случае гнущихся к могиле тополей. Трагичность, эмоциональный накал и одновременно информативность о казачестве, его сути как таковой, через песню объясняло многое, в том числе и участие казаков в Кавказской войне. Предопределенность и судьбоносность исторического событийного ряда указывало на особое место казачества в становлении и упрочении российской государственности. При этом они – казачество и официальная власть, невзирая на средства достижения целей, всегда находились бок обок.

Кавказская война унесла много жизней разных народов, казачества в том числе, что нашло выражение в их традиционном песенном искусстве. Определенное место в нем отводилось боевому коню – соратнику и другу. Казак ведал ему свои горести, «исповедовался» в последний миг жизни.

«Как за реченькою за Кубанушкою
Казак раненый лежал,
Над собой коня держал.

Казак раненый лежал,
Над собой коня держал,
Коня к древу привязал,
Полынь-травушку рвал.

Коня к дереву привязывал,
Полынь-травушку рвал.
Полынь-травушку рвал.
Во пучочки вязал.

Полынь-травушку рвал,
Во пучочки вязал,
Во пучочки вязал,
На огоньшек клал.

Во пучочки вязал.
На огоньшек клал.
На огоньшек клал.
На золицу пережигал.

На огоньшек клал,
На золицу пережигал.
На золицу пережигал.
Свои раны засыпал.

На золицу пережигал.
Свои раны засыпал:

«Уж вы, раны мои.
Вы кровавые.

Уж вы, раны мои.
Вы кровавые.
Вы до сердца дошли,
Сердце кровью облили.

Вы до сердца дошли,
Сердце кровью облили».
Умирая, казак
Коню сказывал...».⁵

Таким образом, песни кубанских казаков времен Кавказской войны могут и должны использоваться как источники этнокультурного осмысления российской истории. Они не только достоверные свидетели исторических событий прошлых лет, своеобразные этнокультурные маркеры идентичности, но и средства передачи общих духовных, ментальных переживаний о судьбе народов, оформивших современный русский мир в широком смысле слова. Нельзя не согласиться со следующим высказыванием: «...историю не перепишешь, и самое лучшее, что с нею можно сделать, – принимать все как есть, не забывая об уроках, которые надо из этого непременно извлечь. Народная память, отраженная в фольклоре, именно этому и служит».⁶

Резюме

В статье исследуются песни кубанских казаков как источники историко-культурного восприятия событий Кавказской войны. Особое внимание уделяется анализу фольклорных текстов, которые не только являются достоверными историческими источниками, но и передают общее эмоциональное состояние, определяющее отношение к указанным событиям, истории российского государства и места казачества в ней. В песнях кубанских казаков отчетливо прослеживаются и традиционные этнокультурные установки, маркирующие данную группу российского казачества. Песни кубанских казаков времен Кавказской войны как часть музыкальной культуры являются средствами передачи духовных, ментальных переживаний о судьбе народов, оформивших современный русский мир.

Summary

The article examines the songs of the Kuban Cossacks as sources of historical and cultural perception of the events of the Caucasian War. Special attention is paid to the analysis of folklore texts, which are not only reliable historical sources, but also convey the general emotional state that determines the attitude to these events, the history of the Russian state and the place of the Cossacks in it. The songs of the Kuban Cossacks clearly show the traditional ethno-cultural attitudes that mark this group of Russian Cossacks. Songs of the Kuban Cossacks of the Caucasian War as part of musical culture are a means of conveying spiritual, mental experiences about the fate of the peoples who shaped the modern Russian world.

⁵ Захарченко В.Г. Народные песни Кубани: Сборник. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1987. – С. 55.

⁶ Готов А.М., Кажаров В.Х., Шериева Н.Г. Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. – С. 7.

Литература

1. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев [Текст] / Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала: [б. и.], 1968 [вып. дан. 1969]. – 225 с.
2. Гудимова О.А. Женщины и Кавказская война (на материале исторических и лирических песен) // Вопросы образования и науки в XXI веке: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 29 апреля 2013 г. Часть 7. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. – С. 56-57.
3. Гутов А.М., Кажаров В.Х., Шериева Н.Г. Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. – 436 с.
4. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани: Сборник. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1987. – 320 с.
5. Из архива директора школьного музея станицы Красногорской Синиченко В.В. / Станица Красногорская. Усть-Джегутинский район. Карачаево-Черкесская Республика. Запись Соловьевой Н.Г., 2023 г.

Сефербеков Р.И.
Г. Махачкала

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1859 г. – первая четверть XXI в.): 165 ЛЕТ В СОСТАВЕ РОССИИ¹

Ключевые слова: Россия и Дагестан; последствия Кавказской войны; история России в новое, советское и новейшее время; российские и советские модернизации.

Key words: Russia and Dagestan; consequences of the Caucasian War; history of Russia in modern, Soviet and modern times; Russian and Soviet modernizations.

События второй половины XIX в. – завершение в 1859 г. Кавказской войны на Восточном Кавказе и в 1864 г. – на Западном Кавказе – привели к окончательному присоединению Северного Кавказа в состав Российской империи². Следует отметить, что военные события на Кавказе в 20–60-х гг. XIX в., противостояние России с горскими обществами и «военно-теократическим государством «имамат Шамиля» на Северо-Восточном Кавказе³, а также с адыгами Северо-Западного Кавказа⁴, получили неоднозначную оценку в дореволюционной⁵, советской⁶ и новейшей российской⁷ и зарубежной⁸ литературе.

Многолетнее кровавое противостояние, завершившееся победой русского оружия, имело тяжелые последствия для горцев Дагестана как в экономическом, так и психологическом аспекте. Был нанесен урон генофонду народов Дагестана⁹. Состояние фрустрации, охватившее дагестанское общество, выразилось во всевозможных слухах о том, что русские готовят наложение непомерных податей, рекрутский набор горцев, притеснение мусульманской религии, христианизацию Кавказа с целью постепенного обрусения «туземцев», их обезоруживания, что последними расценивалось как обещание¹⁰.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1971 г.). М.: Наука, 1988. С. 184–201.

³ Там же. С. 136–161.

⁴ Там же. С. 161–172.

⁵ См.: *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.; *Каспари А.А.* Покорённый Кавказ (сборник). М.: Центрполиграф, 1904. 428 с.

⁶ См.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Всесоюзная научная конференция, 20-22 июня 1989 г.: тезисы докладов и сообщений. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. 190 с.

⁷ См.: *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Предисл. *Н.Н. Покровского*, введ. и прим. *В.Г. Гаджиева*. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.; Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИ-ГИ РАН, 2014. 197 с.; *Потто В. А.* Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М.: Центрполиграф, 2018. 1231 с.; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 6-ти томах. М.: Центрполиграф, 2019. Т. 1–6.

⁸ См.: *Гаммер Моше.* Шамиль: Мусульманское сопротивление царизму, завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-Пресс, 1998. 510 с.

⁹ *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времён до конца XX века. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 108.

¹⁰ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. С. 160.

Говоря о последствиях Кавказской войны необходимо подчеркнуть и то, что, несмотря на насильственный характер интеграции в состав Российской империи, Дагестан получил мощный импульс для своего последующего развития. До присоединения к России это был край, раздробленный на ряд феодальных образований и союзов вольных обществ¹¹, с ярко выраженными пережитками родоплеменных отношений и многоукладной экономикой. Постепенное проникновение элементов капиталистических отношений постепенно разрушило феодальные формы хозяйствования и вековую патриархальную замкнутость, а следовательно, ускорило социально-экономическое развитие Дагестана¹².

После окончания военных действий царизм приступил к «обустройству» вновь завоеванного края. Начинается этап так называемой «реформаторской» деятельности, направленной на унификацию управленческих институтов Дагестана в рамках единой империи¹³: «практически во всех сферах жизни дагестанского и северокавказского общества всё реальнее стала проявляться цивилизующая роль России»¹⁴. Эта унификация выразилась в проведении административно-судебной (создание Дагестанской области, судебная реформа, ликвидация ханств и рабства, реформа сельского управления) и аграрной реформ¹⁵.

Несмотря на поражение горцев в Кавказской войне, как это ни парадоксально, перед ними открылась широкая историческая перспектива, навсегда избавившая от притязаний со стороны Ирана и Турции, ускорив поступательное движение истории народов региона к новым более высоким экономическим, социальным и духовным рубежам¹⁶.

С включением Северного Кавказа в административно-политическую систему Российской империи военная культура горцев утратила социокультурный контекст, в котором она культивировалась столетиями.

Часть горской аристократии нашло возможность реализации своей генетической предрасположенности к военной деятельности путем поступления на российскую военную службу или в местные правоохранительные органы. Способом реализации своего воинского духа стало для них участие в военных кампаниях России второй половины XIX – начала XX в., в службе в различных воинских соединениях, формировавшихся российским правительством. Одной из тенденций трансформации военной культуры горцев Северного Кавказа стало восприятие российских идеологических и институциональных армейских принципов и атрибутов (долг, присяга, субординация), которые в определенной мере были идентичны принципам кодекса их чести. Высокую престижность приобретали новые маркеры воинских достижений, выраженные в офицерских званиях, наградах и т.п. Эти воинские отличия, принятые в российской армии, заменили прежние традиционные стимулы в виде славы, почета, увековечивания подвигов в величальных, историко-героических песнях и др. проявлениях общественного призвания¹⁷.

Вместе с тем в 60–70-е гг. XIX в. на Северном Кавказе обострились классовые противоречия, результатом которых явились многочисленные выступления народных масс. Горское крестьянство было недовольно ростом феодальных податей и повинностей, налоговым прессом самодержавия, гнётом и насилием феодалов, и произволом царских чиновников. Недовольны были и некоторые

¹¹ См.: Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 378 с.; он же. Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. (Трансформация, дифференциация, региональные особенности). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 560 с.

¹² История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией... С. 161.

¹³ Там же.

¹⁴ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. С. 486.

¹⁵ История Дагестана с древнейших времён до наших дней. В 2-х томах. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 534–549.

¹⁶ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. С. 485.

¹⁷ Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. С. 358.

представители класса феодалов, чьи права были ущемлены самодержавием¹⁸. Стремление властей ограничить действия шариата, вытеснить его и заменить адатом, наносило сильный удар по положению мусульманского духовенства. Боязнь лишиться экономических и политических привилегий играла важную роль в оппозиционности мусульманского духовенства по отношению к самодержавию¹⁹. Сеть заговоров на Северном Кавказе плели также эмиссары зарубежных государств, и прежде всего Оттоманская Порта и Англия. Антирусская подрывная деятельность особенно усилилась в канун и начало русско-турецкой войны²⁰. В этой обстановке летом 1877 г. в Чечне и Дагестане вспыхнуло восстание, которое осенью того же года было жестоко подавлено царской администрацией²¹.

Несовпадение интересов главных движущих сил антифеодального и антиколониального восстания было одной из причин его поражения²².

Изучение восстания 1877–1878 гг. в Чечне и Дагестане показывает, что в отличие от шамилевского периода оно, несмотря на элементы крестьянской войны, так и не приобрело общенационального характера. В силу объективно сложившихся обстоятельств восстание было обречено на поражение: большая часть населения Чечни и Дагестана видела перспективу в дальнейшей интеграции с более сильной и развитой Россией²³.

На рубеже XIX–XX вв. в социально-экономической и политической жизни дагестанцев произошли серьезные изменения: завершилось военное завоевание Дагестана Российской империей, окончательно была ликвидирована феодальная раздробленность, образована единая административная система в рамках областного военно-народного управления. Вовлечение народов края в водоворот российского капитализма являлся главной причиной развития Дагестана в этот период. Складывавшаяся веками феодальная модель хозяйственной и общественной жизни подверглась коренной перестройке. Главными признаками проникновения капиталистических отношений в социально-экономическую жизнь народов Дагестана явились появление городов²⁴ и фабрично-заводской промышленности, проникновение капитализма в аграрное производство, появление новых характерных для рыночного хозяйства сословно-классовых структур²⁵.

В начале XX в. находящийся в составе России Дагестан всё сильнее втягивался на путь капиталистического развития. Однако буржуазные отношения в сельском хозяйстве Дагестане развивались медленно, трудно и он оставался слабо развитой аграрной окраиной России²⁶.

Большое влияние на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в Дагестане оказали Великая Октябрьская революция²⁷ и Гражданская война²⁸.

¹⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1971 г.). С. 288.

¹⁹ Мусаев М.А. Мусульманское духовенство 60–70-х гг. XIX в. и восстание 1877 г. в Дагестане. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 77.

²⁰ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1971 г.). С. 288.

²¹ Там же. С. 289–290; Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времён до конца XX века. С. 133.

²² История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией... С. 244.

²³ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. С. 385.

²⁴ См.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 275 с.

²⁵ История Дагестана с древнейших времён до наших дней. В 2-х томах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. Т. 2. С. 19–20.

²⁶ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2006. Кн. 1. С. 591.

²⁷ См.: Аликберов Г.А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. 216 с.; Сефербеков Р.И., Халидова О.Б. Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 137–142.

²⁸ См.: Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т; Дагестанское гос. изд-во, 1927. 236 с.; Аликберов Г.А., Гаджиев А.С., Каикаев Б.О., Эмиров Н.П. Борьба за власть советов в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 283 с.; Гаджиев А.-Г.С. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 353 с.

Следует отметить, что установление советской власти в Дагестане носило ожесточенный характер²⁹: в 1920–1925 гг. вспыхнуло несколько антисоветских восстаний, руководимых представителями мусульманского духовенства и бывшими царскими офицерами. Причинами восстания были злоупотребления новых властей, политика продразвёрстки и террора. Восстание охватило половину Дагестана, а в январе 1921 года распространилось на горную часть соседней Чечни³⁰.

В годы НЭПа и первые десятилетия советской власти большое влияние на ускорение темпов роста промышленности и сельского хозяйства Дагестана оказали модернизационные процессы³¹. Темпы роста производства промышленной продукции в Дагестане были даже выше, чем в целом по стране: ежегодный её прирост в республике за 1932–1937 гг. в среднем составлял 21,9%, в то время как по СССР – 17,1%. В 1937 г. в Дагестане функционировало 205 крупных и 1534 мелких предприятий, на которых работали 26 тыс. человек, 40% которых представляли коренные народы республики. Переход края с мелко крестьянским хозяйством на индустриальный путь развития за небольшой срок следует признать уникальным явлением, достигнутым благодаря огромной финансово-экономической, материально-технической помощи союзного центра, не только поставившего республике современное оборудование, но и перебрасывавшего сюда целые заводы и фабрики, направлявшего на строящиеся промышленные объекты высококвалифицированных специалистов. Одновременно с этим шла подготовка квалифицированных рабочих из числа дагестанцев. Модернизация не обошла и сельское хозяйство. Она была направлена на обеспечение населения продовольствием и промышленным сырьём³².

Решение этой задачи виделось в объединении на добровольных началах мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные. На практике коллективизация была осуществлена в основном командно-административными методами, обеспечивающими её проведение форсированными методами. В результате этого к 1937 г. в Дагестане коллективизация была в основном завершена. Колхозы страны обеспечили необходимое производство товарного зерна, значительная часть которого шла на экспорт за границу. На вырученные от продажи зерна средства приобретались необходимые для индустриализации страны машины и оборудование. В этом плане коллективизацию можно считать одним из рычагов большевистской модернизации³³.

Форсирование темпов коллективизации и перегибы при её проведении в Дагестане привели к антиколхозным выступлениям³⁴.

Не обошли стороной Дагестан и репрессии 30-х гг. XX века³⁵.

Особенно большие испытания на долю советского народа выпали в годы Великой Отечественной войны, в которой дагестанцы приняли активное участие: десятки тысяч жителей Дагестана ушли на фронт, а народное хозяйство республики было перестроено на военный лад, трудящиеся

²⁹ См.: *Тодорский А. И.* Красная армия в горах: Действия в Дагестане. М.: Воен. вестник, 1924. 187 с.

³⁰ См.: *Чернобаев А. А.* Дагестан в огне // С винтовкой и пером. М.: Московский рабочий, 1984. 192 с.; *Bennigsen-Broxup Marie.* The Last Ghazawat: The 1920–1921 Uprising // The North Caucasus barrier: the Russian advance towards the Muslim world. New York: St. Martin's Press, 1992. P. 112–145; *Карпов Ю. Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.; *Какагаганов Г.И., Матиев Т.Х., Болдырев Ю.Ф.* Повстанческое движение в Дагестане и Терской области в 1920–1925 гг. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. Магас, 2019. № 1. С. 35–46; *Доного Х.М.* Особенности повстанческой борьбы в Дагестане и Чечне в 1922–1925 годах // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические проблемы, уроки для современности / Сб. научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 306–316.

³¹ См.: *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 163–168.

³² *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 591.

³³ Там же. С. 592.

³⁴ См.: Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 268 с.

³⁵ См.: Репрессии 30-х годов в Дагестане: (Документы и материалы). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 1997. 528 с.

были мобилизованы для оказания помощи фронту, эвакуированному населению, семьям военнослужащих и освобожденным районам страны³⁶.

В годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) дагестанцы восстанавливали пострадавшее от войны народное хозяйство республики и страны³⁷, а в пятую, шестую пятилетки и в семилетку – существенно нарастили темпы экономического роста³⁸. В целом вторую половину XX в. – 1987 г. (время относительной общественно-политической и социально-экономической стабильности, несмотря на разрушительные землетрясения 1966 г. и 1970 г.) можно считать периодом наивысшего расцвета экономики и культуры Дагестана³⁹. В эти годы высокими темпами развивались промышленность, сельское хозяйство, социальная, культурная и образовательная сфера республики⁴⁰.

Начавшаяся во второй половине 80-х гг. XX в. «перестройка», направленная на ускорение социально-экономического развития СССР, привела к совершенно иным результатам и завершилась распадом Советского Союза. В результате страна в своем экономическом развитии скатилась назад и вернулась на стадию примитивного капитализма.

Провозглашение государственного суверенитета Российской Федерации стало началом нового этапа российской истории. Политические процессы, происходившие на Северном Кавказе вслед за суверенитетом России, приобрели этнический характер. Кроме Кабардино-Балкарии и Дагестана, все остальные республики провозгласили о своем суверенитете. Во всех республиках кроме Дагестана была принята президентская форма правления во главе с избираемым главой республики. В Дагестане дольше всех в регионе сохранялись советские органы власти. В июле 1994 г. ДАССР была переименована в Республику Дагестан, а Верховный Совет был преобразован в Народное Собрание. Высшим органом исполнительной власти стал Государственный Совет, в который входили представители 14 коренных народностей. Главой республики являлся председатель Госсовета. В начале XXI в. Дагестан также перешел к президентской форме правления, сравнявшись с остальными республиками Северного Кавказа⁴¹.

В новой геополитической ситуации Дагестан оказался самым южным форпостом России, граничащим с Азербайджаном и Грузией. По Каспийскому морю Дагестан имел большие возможности для развития торгово-экономического сотрудничества с Казахстаном, Туркменистаном и Ираном. В этом была заинтересована и Россия, которая через Дагестан могла усилить свое влияние на эти страны⁴².

³⁶ См.: Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ИПЦ ДГУ, 1995. 765 с.; Дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции «Немеркнувший подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21 апреля 2000 г.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 299 с.; Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы): К 60-летию победы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. 776 с.

³⁷ История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Т. 2. С. 298–313.

³⁸ Там же. С. 313–331.

³⁹ Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И. Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Кавказология. 2018. № 1. С. 131–156.

⁴⁰ См.: Даниялов Г.Д. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965 гг.). М.: Наука, 1966. 365 с.; Османов А.И., Искендеров Г.А. Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70–80-е годы XX века). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1997. 360 с.; Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1998. 307 с.; Амирханова М.М. Социальное развитие дагестанского села (70-е годы XX века). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 113 с.; Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 384 с.; Искендеров Г.А., Талибова Д.Б. Социально-экономическое развитие дагестанского села (1950–1985 гг.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 320 с.; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана нового и новейшего времени (статьи, доклады, выступления). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 736 с.

⁴¹ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ООО «ДИНЭМ», 2007. Кн. 2. 6С. 592.

⁴² Там же.

Наличие в шельфе Каспийского моря больших запасов углеводородного сырья и уникальное географическое положение Страны гор вызвали повышенный интерес США и западноевропейских стран, надеявшихся привлечь к решению своих «глобальных геополитических, геоэкономических и геостратегических задач» местные политические силы⁴³. Такие попытки предпринимались, но они закончились провалом⁴⁴.

Распад СССР вселил новые надежды тем, кто мечтал о Кавказе. Финалом этого послужили события августа 1999 г., когда сформированные в Чечне хорошо вооруженные отряды под руководством Ш. Басаева и Э. Хаттаба вторглись в Дагестан, чтобы провозгласить здесь создание «исламского халифата»⁴⁵. Но организаторы этой провокации просчитались и непрошенные гости, потерпев фиаско, покинули Дагестан. Как отмечал в этой связи В.А. Тишков, «со стороны может показаться парадоксальным, но это факт. Дагестан имеет сегодня больше всего мечетей и дает 80% всех паломников России, выезжающих в Мекку. И в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности»⁴⁶.

В настоящее время являясь «южным форпостом» России и занимая ключевое положение на Северном Кавказе, Дагестан определяет основные векторы развития большинства республик региона с точки зрения перспектив российской государственности и сохранения территориальной целостности Российской Федерации⁴⁷.

Основополагающие показатели демографической статистики (прежде всего – численность и состав населения) с момента образования Дагестанской области и по настоящее время выглядят следующим образом: в 1868 г. (вместе с кумыкским и ногайским населением входящим тогда в Терской области) оно составляло 460.401 человек; по переписи населения 1897 г. (территория Дагестанской области – 26.132,4 кв. вёрст) – 571.154 чел.; на 1 января 1902 г. – 50.986 чел.; в 1917 г. – 635.974 чел.; по переписи населения 1926 г. (территория ДАССР – 58.150.6 кв. км) – 703.064 чел.; по переписи населения 1939 г. – 930.3 тыс. чел., по переписи населения 1959 г. – 1.062.5 тыс. чел.; по переписи населения 1970 г. – 1.428.5 тыс. чел.; по переписи населения 1979 г. (территория ДАССР – 50.315 кв. км) – 1.627.2 тыс. чел.; по переписи населения 1989 г. – 1.802.2 чел.⁴⁸.

К началу 2010 г. численность населения РД составляла 2.737.300 человек (1,9% населения РФ, 29,6% – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)). По численности населения Дагестан занимал первое место среди семи республик и краев Северо-Кавказского федерального округа и 11-е место в Российской Федерации⁴⁹. На 1 января 2024 г. численность населения Республики Дагестан составила 3.221 тыс. человек⁵⁰.

Как это видно из приведенных данных, в новое, советское и новейшее время наблюдается устойчивый рост населения края, а в последние годы – повышение качества жизни населения⁵¹.

⁴³ Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН, 2006. С. 25–26.

⁴⁴ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ООО «ДИНЭМ», 2007. Кн. 2. С. 593.

⁴⁵ Тишков В.А. Российский Кавказ. Книга для политиков. М.: Росинформгрупп, 2007. С. 140.

⁴⁶ Тишков В.А., Чешко С.В. Предисловие // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 6.

⁴⁷ Гаджимурадова З.М. Феноменология этнического самосознания дагестанцев (в ретроспективе истории и в начале XXI века). Махачкала: Даггоспедуниверситет; Изд-во «Алеф», 2022. С. 4.

⁴⁸ Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.): Статистический справочник. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2001. С. 33, 34, 46–65, 72–75, 154–156, 158–159.

⁴⁹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11-ти т. Т. 4. Кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 441.

⁵⁰ Во всех республиках Северного Кавказа наблюдается естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://easily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).

⁵¹ Естественный прирост на Северном Кавказе развевается культом потребления – социолог [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://easily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).

И это на фоне продолжающейся многие годы общероссийской «демографической ямы», старения нации, низкого коэффициента рождаемости, превышения роста количества умирающих над рождающимися. По мнению специалистов, такая тенденция продлится до 2035 года⁵².

Таким образом, с момента вхождения Дагестана в состав России и по настоящее время произошло семикратное увеличение численности населения Дагестана. И это несмотря на многочисленные сопровождающиеся значительной убылью населения события, связанные с войнами (восстание 1877 г., участие дагестанцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг., Первой мировой войне 1914–1918 гг., Гражданской войне 1918–1920 гг., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и др.) и социально-экономическими катаклизмами, происходившими в нашей стране за последние 165 лет. Всё это свидетельствует о правильности сделанного народами Дагестана после окончания Кавказской войны выбора – нахождения в составе Российской Федерации. «Дагестан никогда добровольно в Россию не входил и никогда добровольно из России не выйдет», – эти слова великого советского и российского поэта Расула Гамзатова как никогда актуальны сегодня и определяют основной вектор цивилизационного развития Дагестана на ближайшую перспективу.

Резюме

В статье освещаются экономические и политические последствия вхождения Дагестана в состав России начиная с момента окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе и вплоть до нашего времени. Это событие имело большое прогрессивное значение для судеб дагестанских народов. Находившиеся на стадии феодализма народы Дагестана были втянуты в экономическое, правовое и культурное поле капиталистической России, что предопределило бурное развитие в крае буржуазных отношений в промышленности и аграрной сфере. Будучи частью Российской империи, а впоследствии и СССР, дагестанцы принимали активное участие во всех значимых общественно-политических событиях страны. Особенно большой расцвет экономики и культуры Дагестана наблюдался в 1960–1980-е гг. После распада Советского Союза и смены парадигмы государственного и общественного устройства России народы Дагестана выразили своё желание оставаться в её составе. В новой геополитической ситуации Дагестан оказался самым южным форпостом России, через который Российская Федерация защищает свои геоэкономические и геостратегические интересы в регионе.

Summary

The article highlights the economic and political consequences of Dagestan's entry into Russia, starting from the end of the Caucasian War in the North-Eastern Caucasus and up to our time. This event had great progressive significance for the destinies of the Dagestan peoples. The peoples of Dagestan, who were at the stage of feudalism, were drawn into the economic, legal and cultural field of capitalist Russia, which predetermined the rapid development of bourgeois relations in the region in industry and the agricultural sector. Being part of the Russian Empire, and subsequently the USSR, Dagestanis took an active part in all significant socio-political events in the country. A particularly great flourishing of the economy and culture of Dagestan was observed in the 1960–1980s. After the collapse of the Soviet Union and a paradigm shift in the state and social structure of Russia, the peoples of Dagestan expressed their desire to remain part of it. In the new geopolitical situation, Dagestan turned out to be the southernmost outpost of Russia, through which the Russian Federation protects its geoeconomic and geostrategic interests in the region.

⁵² Мальцева Елена. Рождаемость в России будет падать до 2035 г. [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства [URA.RU](https://ura.ru); URL: <https://ura.news/news/1052749221> (дата обращения: 29.03.2024).

Литература

1. *Алиев Б.Г.* Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 378 с.
2. *Алиев Б.Г.* Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. (Трансформация, дифференциация, региональные особенности). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 560 с.
3. *Аликберов Г.А., Гаджиев А.С., Кашкаев Б.О., Эмиров Н.П.* Борьба за власть советов в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 283 с.
4. *Аликберов Г.А.* Революция и гражданская война в Дагестане: Хроника важнейших событий. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. 216 с.
5. *Амирханова М.М.* Социальное развитие дагестанского села (70-е годы XX века). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 113 с.
6. *Арухов З.С.* Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала: Издательство Дагестанского научного центра РАН, 2006. 250 с.
7. *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 996 с.
8. *Bennigsen-Broxup Marie.* The Last Ghazawat: The 1920–1921 Uprising // The North Caucasus barrier: the Russian advance towards the Muslim world. New York: St. Martin's Press, 1992. P. 112–145.
9. *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 591 с.
10. *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И.* Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Кавказология. 2018. № 1. С. 131–156.
11. Во всех республиках Северного Кавказа наблюдается естественный прирост населения [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://eadaily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).
12. *Гаджиев А-Г.С.* Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1963. 353 с.
13. *Гаджимурадова З.М.* Феноменология этнического самосознания дагестанцев (в ретроспективе истории и в начале XXI века). Махачкала: Даггоспедуниверситет; Изд-во «Алеф», 2022. 344 с.
14. *Гаммер Моше.* Шамиль: Мусульманское сопротивление царизму, завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-Пресс, 1998. 510 с.
15. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 275 с.
16. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Документы и материалы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ИПЦ ДГУ, 1995. 765 с.
17. Дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции «Немеркнущий подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21 апреля 2000 г.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 299 с.
18. *Даниялов Г.Д.* Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965 гг.). М.: Наука, 1966. 365 с.
19. *Доного Х.М.* Особенности повстанческой борьбы в Дагестане и Чечне в 1922–1925 годах // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические проблемы, уроки для современности / Сб. научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 306–316.
20. *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 6-ти томах. М.: Центрполиграф, 2019. Т. 1–6.
21. Естественный прирост на Северном Кавказе разьедается культом потребления – социолог [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Eurasia Daily; URL: <https://eadaily.com/ru/information/about> (дата обращения: 28.03.2024).
22. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. В 2-х томах. М.: Наука, 2004. Т. 1. 627 с.

23. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. В 2-х томах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 2005. Т. 2. 664 с.
24. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
25. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1971 г.) / Отв. ред. *А.Л. Нарочницкий*. М.: Наука, 1988. 659 с.
26. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11-ти т. Т. 4. Кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
27. Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 197 с.
28. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 2006. 519 с.
29. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана нового и новейшего времени (статьи, доклады, выступления). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2013. 736 с.
30. *Какагасанов Г.И., Матиев Т.Х., Болдырев Ю.Ф.* Повстанческое движение в Дагестане и Терской области в 1920-1925 гг. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. Магас, 2019. № 1. С. 35–46.
31. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
32. *Каспары А.А.* Покорённый Кавказ (сборник). М.: Центрполиграф, 1904. 428 с.
33. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 268 с.
34. *Мальцева Елена.* Рождаемость в России будет падать до 2035 г. [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства URA.RU; URL: <https://ura.news/news/1052749221> (дата обращения: 29.03.2024).
35. *Мирзабеков М.Я.* Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1998. 307 с.
36. *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
37. *Мусаев М.А.* Мусульманское духовенство 60–70-х гг. XIX в. и восстание 1877 г. в Дагестане. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. 152 с.
38. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Всесоюзная научная конференция, 20-22 июня 1989 г.: тезисы докладов и сообщений. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. 190 с.
39. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы): К 60-летию победы. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005. 776 с.
40. *Османов А.И., Искендеров Г.А.* Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70–80-е годы XX века). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1997. 360 с.
41. *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2006. Кн. 1. 600 с.
42. *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; ООО «ДИНЭМ», 2007. Кн. 2. 622 с.
43. *Османов А.И.* Население Дагестана с древнейших времён до конца XX века. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 448 с.
44. *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Предисл. *Н.Н. Покровского*, введ. и прим. *В.Г. Гаджиева*. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.
45. *Потто В. А.* Кавказская война. В очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М.: Центрполиграф, 2018. 1231 с.

46. Репрессии 30-х годов в Дагестане: (Документы и материалы). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Юпитер», 1997. 528 с.
47. Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.): Статистический справочник. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; изд-во «Юпитер», 2001. 190 с.
48. *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 137–142.
49. *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т.; Дагестанское гос. изд-во, 1927. 236 с.
50. *Тишков В.А., Чешко С.В.* Предисловие // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 5–7.
51. *Тишков В.А.* Российский Кавказ: Книга для политиков. М.: Росинформагротех, 2007. 384 с.
52. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-Походная Тип. Главного Штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.

Ткаченко Д.С.
г. Ставрополь

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Ключевые слова: Кавказ, офицер, горцы, разведчик, экспедиция, Абхазия, мемуары.

Конец 1820-1830-е годы стали временем разрастания масштабов Кавказской войны. Горцы Северо-Западного Кавказа, не имевшие государственных структур и регулярных армий, разделенные на отдельные сообщества, старались по возможности избегать прямого столкновения с превосходящими по своей огневой мощью российскими силами, а вместо этого практиковать партизанские методы ведения войны. В этих условиях военные операции со стороны России перерастали в самую сложную форму ведения колониальных войн. По справедливой оценке Ч. Коллвелла, «когда нет правителя, которого можно подчинить, нет столицы, которую можно осадить, нет организованной армии, которую можно разгромить, нет укреплений или крупных населенных пунктов, которые можно захватить, то не так-то просто найти цель»¹ для военного удара. Вооруженные силы европейской страны вынуждены в этом случае иметь дело с опасным противником, у которого всегда есть «возможность скрыться в зарослях и именно характер природы делает операции против них невероятно трудными». В этих условиях необычайно большую роль стало играть знание о той местности и тех людях, с которыми империи пришлось вести затяжной конфликт.

В связи с этим, с конца 1820-х гг. российское командование пришло к мысли о необходимости организации изучения неподконтрольной ей территории Кавказа. Реализация этой задачи, обычно возлагалась на офицеров Генерального штаба. «На офицеров Генерального Штаба, – говорилось в одной из инструкций, – возложено правительством приобретение и беспрестанное пополнение сведений о крае, в котором происходят действия»².

В 30-е гг. сбор разрозненных сведений о горцах перерос в особое направление изучения Северокавказского региона. Из числа подготовленных офицеров выдвигались военные разведчики, направляемые, как правило, негласно, на территорию «немирных горцев». Их задачи не ограничивались только описанием рельефа местности. Офицеры обращали внимание на самый разнообразный этнографический, исторический, литературный материалы.

Для многих военных разведчиков пребывание в Закубании закончилось трагически, они были узнаны горцами. Так, один из разведчиков, посланный И.Ф. Паскевичем в 1829 г. в Закубанье отмечал, что он остался единственным выжившим из четырех офицеров, отобранных для выполнения миссии³.

Печально так же закончилась и авантюра нового командующего Кавказским корпусом Г.В. Розена. Он летом 1834 г. планировал подыскать человека из числа ссыльных польских студентов, который был мог пройти по побережью до Геленджика и составить описание «о странах им проезжаемых; о народах оные обитающие, свойствах их характера, обычаях и их к нам располо-

¹ Callwell C.E. Small wars. Their principles and practice. London: War Office, 1906. – P. 40.

² Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825-1909 гг. – СПб., 1910. – С. 34.

³ Сакович П.М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк. 1800-1877 // Русская старина. 1878. №6. С. 298.

жении; доставить описание проезжаемой им дороги, все удобства и неудобства оной»⁴. Военная составляющая в задании превалировала над остальным: командование интересовало, есть ли в регионе дороги и можно ли провести по берегу пушки, не обстреляют ли колонну из леса и, главное – есть ли «места, удобные для десанта»⁵. Разведчик по прибытию в Геленджик должен был сразу составить письменное описание увиденного, приложив по возможности нарисованную им же карту и отправиться обратно в Абхазию по пройденному пути, проверяя собранные сведения. Задуманное мероприятие в целом содержало большую долю авантюры, вызванную слабым знанием и противника, и региона, в котором предстояло действовать. Отсутствие каких-либо документов, описывающих ход экспедиции, говорит о ее провале. Он, несомненно, заставил российское командование прийти к мысли о необходимости использовать как разведчиков не ссыльных поляков, а российских офицеров Генштаба, имевших специальную подготовку.

Одним из первых российских офицеров, который смог удачно завершить свою миссию, стал Г.В. Новицкий, направленный весной 1830 г. в Закубанье. В его задачу входила разведка дорог в регионе, по которым могли бы действовать российские войска. Заручившись поддержкой шапсугских старшин, Новицкий решил выдавать себя за слугу горского феодала Аббата Убыха, вести наблюдения на неподконтрольной российским войскам территории. «Не зная хорошо языка горских племен, – писал он, – я изучил выговор только необходимых при встрече с горцами слов»⁶, надеясь, что в соответствии с горским этикетом, слугу не станут ни о чем расспрашивать в присутствии его хозяина.

Вместе с тем, разведчику следовало соблюдать предельную осторожность, чтобы случайно не выдать своего российского происхождения. Г.В. Новицкий описывает произошедший с ним случай, когда, заснув в одном из домов, он случайно «выдвинул из-под себя ногу. Хотя она была обута в чевяк, но выпуклость изгиба большого пальца свидетельствовала, что она испорчена сапогом»⁷. По строению ноги он тут же был опознан как «не черкес» и только своевременное вмешательство верного проводника, спасло разведчика от разоблачения.

На территории горцев разведчик должен был максимально изучить топографию. Выйдя из Анапы, ему следовало подняться к Абину, затем, спуститься к Суджук-Кальской бухте и от нее, по «местности, известной под названием «Шехурейк» (круглая земля)», выйти к Бакинскому или Атакумскому ущелью, откуда, проникнуть в Закубанье⁸. Свой маршрут разведчик описал как в официальных донесениях⁹, так и в своих мемуарах¹⁰. «Не вдаваясь в подробности моих каждодневных переездов, – писал он впоследствии, – скажу, что мой путь продолжался по предгорьям, более, или менее параллельным главному хребту, и я ... осмотрел перевалы по рекам Убину и Псекупсу через главный хребет к Черному морю»¹¹.

Зная о пребывании разведчиков на своей территории, «немирные» горцы старались их поймать для того, чтобы получить выкуп. «По истокам рек Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков нельзя было и думать подниматься, потому что протяжения по ним до главного хребта были громадны и населены обществами, незнакомыми проводникам; а между тем Новицкого беспокоило тревожное предчувствие, как бы шапсуги не хватились за отсутствие Аббаты и не открыли тайного предприятия»¹², – описывал экспедицию Новицкого позднее П.М. Сакович. Поэтому для возвращения на Линию разведчик избрал более длинный путь через верховья Кубани.

⁴ Государственный исторический музей (ГИМ). Ф.6. Оп.1. Д. 63. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 50 об.

⁶ Новицкий Г.В. Новицкий Г.В. Воспоминания воспитанника первого выпуска артиллерийского училища // Военный сборник. 1871. №2. С. 296.

⁷ Там же. С. 298.

⁸ Там же. С. 296-297.

⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4 Д. 377. Л. 38 – 47 Об.

¹⁰ Новицкий Г.В. Указ. соч. С. 296-297.

¹¹ Там же. С. 300.

¹² Сакович П.М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк. 1800-1877 // Русская старина. 1878. №6. С. 289.

Итоги его деятельности имели прежде всего военно-стратегическое значение. Описания местности и возможных дорог командование использовало для организации военной экспедиции, в ходе которой на землях Закубанья было основано новое Афипское укрепление¹³. Г.В. Новицкий не только вычертил путеводные маршруты для войск, но и предложил план колонизации земель в треугольнике между Анапой, Новороссийском и Кубанью, реализованный позднее российским командованием. При этом, современники, отзываясь о проекте, отмечали, что он несколькими десятилетиями ранее, предвосхищал события 1862-1864 гг., предшествовавших окончанию войны на Северо-западном Кавказе.

Военное освоение горских территорий было активно продолжено во второй половине 30-х гг. XIX в. «Пример Новицкого не остался без подражателей, и в тридцатых годах несколько офицеров генерального штаба рисковало проникать в горы для собирания топографических и этнографических сведений. Так, в 1834 г. штабс-капитан князь Шаховский проник из Мингрелии через Сванетию и снеговой хребет в землю карачаевцев, а в 1835 г. исследовал верховья Терека и Кубани, за что получил орден св. Анны 2-й степени»¹⁴.

Наиболее значимой по своему масштабу стала деятельность следующего офицера Генерального штаба – Ф.Ф. Торнау, организовавшему в 1834-1836 гг. три разведывательные экспедиции в Закубанье и на Черноморское побережье. Задача, которую предстояло ему решить, была гораздо сложнее, чем у предшественника. «Я должен был, – вспоминал он позднее, – проникнуть в середину самого густого черкесского населения, встревоженного и раздраженного опасностью, угрожавшей ему с двух сторон, вследствие появления наших войск в Абхазии и за Кубанью. Мне предстояло осмотреть не одну какую-нибудь дорогу, а весьма значительное пространство в горах, жить и путешествовать долгое время между неприятелем, которого сметливая недоверчивость равнялась вражде к нам, и не изменить себе ни одним словом или движением, несвойственным горцу»¹⁵.

В официальном рапорте в военное министерство Обер-квартирмейстер Кавказского корпуса Х.Х. Ховен приводит объяснение мотивов как ведения разведки на побережье, так и выбора кандидатуры разведчика. Он сообщает, что целью посылки Ф.Ф. Торнау являлась не непосредственная рекогносцировка мест будущих десантных операций, как это представляется читателям мемуаров разведчика¹⁶, а исследование местности для «проложения сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря от Редут-Кале до Анапы, дабы тем совершенно отрезать непокорных горских народов от всякого на них влияния от иностранных Держав»¹⁷. То, что о характере театра предстоящих действий командование имело лишь самое общее представление, говорят как мемуары Ф.Ф. Торнау¹⁸, так и официальный рапорт¹⁹.

Рапорты Ховена и мемуары Торнау описывают мероприятия офицера в Абхазии: его попытки найти лояльных к Российским властям горских владетелей, которые могли бы представить нужные сведения. Результатом деятельности офицера стала его аналитическая справка: «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих», датированная 1835 годом²⁰. Сведения, содержащиеся в ней, в последующем использовались самим Ф.Ф. Торнау при написании той части его мемуаров, которая была посвящена времени пребывания офицера в этой части Кавказа и подготовки его к дальнейшим разведывательным экспедициям.

¹³ Новицкий Г.В. Указ. соч. С. 306.

¹⁴ История русского Генерального штаба. 1826-1855 гг. /Сост. Генерального штаба генерал-лейтенант Н.П. Глиноцкий. Т. II. СПб., 1894. С. 203.

¹⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2008. С. 179-180.

¹⁶ Там же. С. 177-178.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.846. Оп.16 Д.6302. Л.1.

¹⁸ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 178

¹⁹ Там же. Л. 1 – 1 об.

²⁰ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д. 18509.

Помимо разведки дороги, офицер в своих рапортах сообщал и о настроениях ближайших к Абхазии горских обществ, а также анализировал возможные методы их подчинения²¹. Находясь в приграничной полосе, Ф.Ф. Торнау составил подробное описание местности вокруг мыса Адлер. Отчет умалчивает о том, каким способом он раздобыл требуемые сведения – лично осмотрев местность, или путем расспросов бывших там абхазцев. Мемуары разведчика вообще курьезным образом указывают, что сведения об этом месте он собирал только во вторую экспедицию²². Однако, сведения, переданные им корпусному обер-квартирмейстеру, отмечают не только характер местности, состояние морского побережья, местных жителей, но и рекомендуют наиболее удобный пункт для организации десантной экспедиции.

Военно-стратегические сведения, добытые разведчиком, были найдены заслуживающими внимания²³, но для реализации миссии Торнау они не представляли прямой выгоды: выяснилось, что приграничные абхазские и черкесские общества находятся во вражде и в силу этого, более точные сведения, «мирные» горцы-информаторы были не в состоянии предоставить.

В связи с этим, российский офицер принялся разрабатывать рискованный план тайного проникновения на неподконтрольную российским войскам территорию за рекой Бзыбь, куда он хотел попасть обходным путем. Первой экспедицией Торнау должен был стать переход из Абхазии на северную сторону Кавказского хребта, а второй – уже с Кавказской Линии через все Закубанье на Черноморское побережье. Мемуары и официальная документация рассказывают о поисках проводников для обеих экспедиций, которыми должны были стать лояльные жители приграничных абхазских селений, а затем – абазинские князья Лоовы²⁴.

Отчеты Торнау, гораздо подробнее, чем его мемуары показывают разработку им легенды, которая должна была прикрывать его появление на территории «немирных» горцев. Первоначально русский разведчик предложил крайне рискованный вариант: он хотел предложить князьям Лоовым «пригласить его к себе в аул для сохранения тайны и перед людьми их броситься на него, обезоружить и потом вести как пленного к мысу Адлеру и дальше берегом к Анапе на вымен семейства их, о котором они всегда могут сказать, что до них дошли слухи о нахождении его в Анапе, а оттуда на Линию и обратно в Абхазию»²⁵. Позднее, он сам отказался от такого плана.

Первая экспедиция Ф.Ф. Торнау смогла лишь частично реализовать поставленные командованием цели. В рапорте Генерал-Квартирмейстеру Главного штаба, Х.Х. Ховен пишет, что разведчик 1 июля 1835 г. после месячного пребывания в горах, прибыл в Пятигорск. Ховен отмечал, что из-за вражды приграничных обществ, разведчик смог только частично выполнить свою миссию и осмотреть только часть дороги. После трехдневного перехода через Главный Кавказский хребет, он смог спуститься к Зеленчуку, а затем, добрался до истоков р. Уруп²⁶. В красочной форме Ф.Ф. Торнау позднее описал детали своего перехода в мемуарах.

Проводником Торнау для второй экспедиции на Черноморское побережье стал ногайский князь Карамурзин. «Князь сей, дабы отклонить подозрение горцев, сделавшихся чрезвычайно осторожными и недоверчивыми с открытия военных действий за Кубанью, назвал барона Турнау своим гостем из Чеченцев, коих язык вовсе неизвестен за Кубанью, а предлог поездки к берегу Черного моря объявил продажу невольницы и намерение бежать в Турцию»²⁷. Эту версию разведчик конкретизирует в своих мемуарах, добавляя, что идея выдавать русского офицера за чеченского абрека имела огромное преимущество: помимо того, что она обеспечивала разведчику относительную безопасность, она так же хорошо маскировала особенности его поведения.

²¹ Там же. Л. 4 об.

²² Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 315 – 316.

²³ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6302. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 12-14.

²⁵ Там же. Л.3 Об.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 14 Об.

Английский военный разведчик Артур Конолли, действовавший в Средней Азии практически в одно время с миссией Ф.Ф. Торнау, заметил, что европеец, пытающийся, переодевшись выдать себя за местного жителя «все-же вряд ли может надеяться избежать разоблачения, ведь даже если он и будет знаком со всеми образами идиом туземного языка, его стиль разговаривать, манеры: сидеть, ходить и ездить верхом, – короче, весь его облик отличаются от Азиата, а само-по себе усилие, которое он прилагает чтобы себя не выдать, дает дополнительный повод для того, чтобы его сразу заметили»²⁸. В случае же с Ф.Ф. Торнау, образ чеченца – достаточно экзотичный для Северо-Западного Кавказа, объяснял не только незнание местного языка, но и слабое владение татарским, а также маскировал излишний интерес разведчика ко всему, что его окружало.

Ход второй экспедиции Ф.Ф. Торнау к Черноморскому побережью не описан в текущем делопроизводстве квартирмейстерства. Он прослеживается по краткому отчету о ней Г.В. Розена перед военным министром Чернышовым²⁹, мемуарам самого разведчика³⁰ и его рапорту – «Подробное описание проезда с Линии через хребет Кавказских гор и по берегу Черного моря от р. Соче до р. Бзыба в сентябре месяце 1835 года»³¹, приобщенному к аналитическим материалам. Однако, Ф.Ф. Торнау не смог пройти вдоль всей береговой линии, как это планировалось раньше, а ограничился только юго-западным участком, составив обстоятельный рапорт – «Описание части Восточного берега Черного моря от реки Бзыба до реки Саше»³².

Это обстоятельное описание было составлено разведчиком уже после завершения своей экспедиции, из которой он вынес множество самых разнообразных сведений, начиная от топографии мест, их природных богатств и заканчивая очерками жизненного уклада населявших эту территорию садзов и убыхов. Успех второй экспедиции Торнау был отмечен Кавказским начальством, имперскими властями и даже лично самим императором Николаем I.

Последний, под впечатлением от успеха, через военного министра предписал Г.В. Розену продолжать военную разведку. Несмотря на то, что имя Ф.Ф. Торнау императором не упоминалось, однако именно его кандидатура пришла на ум начальству как опытного разведчика, способного довести исследование до конца.

Детали подготовки третьей экспедиции Ф.Ф. Торнау остаются до сих пор не до конца прояснены. Сам разведчик в мемуарах предпочел обойти «молчанием все мелочные, неприятные обстоятельства, предшествовавшие ... плену»³³, возлагая ответственность за провал миссии на командующего Кубанской линией Г.К. Засса, который по мнению офицера, подобрал ненадежных проводников. Представляется, что поручение одному и тому же человеку пройти по пути, очень близкому к его первым двум маршрутам и организовывая миссию по старому сценарию, являлись явными ошибками руководства Кавказской армии. Лицо Ф.Ф. Торнау сделалось слишком известным, а старая легенда прикрытия уже не годилась, так как чеченец Гасан, после его странного исчезновения в Абхазии, вызывал не меньше подозрений, чем русский офицер.

Явной ошибкой была и шумиха, поднятая вокруг Ф.Ф. Торнау местным начальством. Одни военные хвалили опытность разведчика, другие ревностно интриговали против его кандидатуры³⁴, но все вместе создавали у горцев, из которых вербовались проводники, образ значимой персоны, захватив которую в плен, можно рассчитывать на солидный выкуп. Среди же людей, живущих набеговой экономикой, по меткому наблюдению А. Конолли, допустившего в свое время ту же ошибку, «безопаснее прослыть лжецом, чем богачом»³⁵.

²⁸ Conolly A. Journey to the North of India. London, 1838. P. 168.

²⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6302. Л.14-18 Об.

³⁰ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 281-324.

³¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.18510. Л. 16-19.

³² РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.18510.

³³ Торнау Ф.Ф. Указ. Соч. С. 324.

³⁴ Торнау Ф.Ф. Указ. Соч. С. 324 – 325.

³⁵ Conolly A. Opp. Cit. P. 167.

Обстоятельства своего пленения российский разведчик детально описал в мемуарах³⁶, где оно целиком согласуется с официальным рапортом – «Журналом плена», представленным командованию по возвращению Ф.Ф. Торнау на Линию³⁷. Оба источника представляют картину так, что как только группа горцев вместе с Ф.Ф. Торнау вышла за пределы зоны контроля российских войск, разведчик был немедленно схвачен, обезоружен и ограблен. Мемуары разведчика субъективны и наполнены красочными деталями³⁸.

Описание основных вех пребывания Ф.Ф. Торнау в плену, оставленное им в яркой форме в мемуарах³⁹, так же согласуется с более сухим пересказом тех же фактов, изложенных в официальном «Журнале плена»⁴⁰. В последнем, не акцентируя внимание на своих отношениях с черкешенкой Аслан-Коз, составляющих видную часть воспоминаний автора, Ф.Ф. Торнау сконцентрировался на описании тягот своего положения, попыток бегства из плена и анализе обстановки в Закубанье.

Попытки бегства из плена, последняя из которых увенчалась успехом, описаны разведчиком, помимо мемуаров, в его официальном рапорте⁴¹, а факт возвращения на Линию зафиксирован генералом Граббе в «журнале военных происшествий», выписку из которого передали квартирмейстеру генерального штаба Ф.Ф. Шуберту⁴².

Сам же Ф.Ф. Торнау был вызван в Петербург, куда он по воле Николая I должен был явиться «по отобранию от сего офицера на Линии всех нужных сведений о положении Горских народов, между коими он находился столь долгое время, ... как для отдохновения, так и для многих объяснений»⁴³.

Итогом плена стала справка – «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингура», сохранившаяся в двух разных списках⁴⁴. В целом, офицер смог собрать богатую и разноплановую информацию, которая в перспективе помогала не только в проведении текущих военных мероприятий в регионе, но и могла стать основой для разработки мирных методов воздействия на живущие в нем народы. Сведения о жизни и укладе горских племен в перспективе позволяли отказаться от демонизации образа кавказских жителей, для начала диалога между ними и имперскими властями. Однако, имперские власти на рубеже 30-40 гг. XIX в. твердо придерживались избранной ими силовой политики.

Summary

The paper focuses on the history of the secret survey expeditions performed by the servicemen of the Caucasus Corps in 1820-1830. The author headlines that first missions looked more like an ill-organised adventure, but when being run by the General Staff officers they achieved highly appreciated results.

The paper either gives the analysis of the documents prepared by the scouts. They gave the commanding staff the opportunity either to run the military activity on the terrain or to start contemplating on the issues of the non-violent methods of counterinsurgency.

Литература

1. Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825-1909 гг. СПб., 1910. 349 с.

³⁶ Торнау Ф.Ф. Указ. Соч. С.335-337.

³⁷ РГВИА, ф. 38, Оп.7, д. 17. Л. 15-15 об.

³⁸ Торнау Ф.Ф. Указ. Соч. С. 336.

³⁹ Там же. С. 337 – 420.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 17. Л. 15-23.

⁴¹ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 17. Л. 20-23.

⁴² Там же. Л. 41.

⁴³ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 17. Л. 1.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 17. Л. 24 – 47 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18511.

2. Государственный исторический музей (ГИМ). Ф.6. Оп.1. Д. 63.
3. История русского Генерального штаба. 1826-1855гг. /Сост. Генерального штаба генерал-лейтенант Н.П. Глиноецкий. – Т. II. – СПб., 1894. – 289 с.
4. Новицкий Г.В. Воспоминания воспитанника первого выпуска артиллерийского училища// Военный сборник. 1871. №2. – С. 287-308.
5. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4 Д. 377.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп.7. Д. 17.
7. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д. 18509.
8. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.18510.
9. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6302.
10. Сакович П.М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк. 1800-1877 // Русская старина. 1878. №6. С. 276 – 300.
11. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2008. – 456 с.
12. Callwell С.Е. Small Wars. Their Principles and Practice. London: War Office, 1906. – 576 p.
13. Conolly A. Journey to the North of India. – London, 1838. – 218 p.

Умаров Д. В.
г. Грозный

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Россия, горские народы Северного Кавказа, ярмарки, торговые пункты, таможенные правила, именные указы.

Key words: Russia, mountain peoples of the North Caucasus, fairs, trading points, customs rules, personal decrees.

Движение Российской империи на Кавказ неизбежно активизировало развитие торговых отношений во всем их многообразии: стихийно определялись наиболее удобные торговые площадки, как правило карантины и таможенные посты, вокруг которых концентрировалась торговля, с не менее стихийно формирующимися ценами и правилами.

Со временем, естественным образом возникла необходимость регламентации торговых отношений, которая выливалась в высочайше утвержденные правила. Механизмы, поощряющие торговлю с горцами, закреплялись законодательно. Так, еще в 1821 г. Александр I утвердил «Правила для торговых сношений с черкесами и абадзинами».

23 ноября 1836 г. Николай I утвердил мнение Государственного Совета «О способах поощрения торговли с Горскими народами в Кавказской области». В документе указывалось, что для «поощрения торговли с Горскими народами в Кавказской области при укреплениях, находящихся за карантинною линией, <...> мещанам, которые заведут в Кавказской области, при укреплениях за карантинною линией, прочную торговлю, с некоторою там оседлостью, прожив не менее трех лет постоянно, предоставлять пользоваться, до возвращения их к прежним обществам, *полными правами купечества 3-й гильдии*, между коими заключается, по общим законам, и *освобождение от рекрутства*, доколе кто в сем состоянии остается»[1].

Принятие этого закона довольно показательно, поскольку вторая половина 1830-х гг. была временем активных боевых действий, связанных с формированием имамата. Конечно, на фоне военных действий, торговые отношения вынужденно регламентировались имперской администрацией. Однако формулировки о том, что «Экономическому развитию края мешали всевозможные ограничения и запреты царской администрации» и торговые отношения развивались исключительно благодаря непосредственному участию горцев, казаков и жители прилинейных городов и сел, представляется несколько упрощенной[2]. Даже в самые острые периоды военных действий экономические связи между горцами и линейными казаками и прочими участниками торговых отношений, продолжали сохраняться. И как мы видим, «царская администрация» этому способствовала.

Например, торговля казаков с черкесами сразу же была поставлена в особые условия, тесно связанные с кордонной службой. Эти торговые пункты на кубанской линии служили одновременно и лавками, и магазинами, и таможней, и карантинном, и наблюдательными постами[3]. При этом, излишнее администрирование со стороны властей, так или иначе ограничивавшее торговые отношения с закубанскими черкесами, встречало со стороны казаков, особенно тех, которые находились на кордонной линии, глухое сопротивление[4].

Активно велась торговля с горцами в Моздоке, который был важным пунктом на пути из России в Закавказье. К концу 1830-х гг. центр торговли смещается в Ставрополь, а позже Владикавказ.

Примечательно, что решения о развитии торговых отношений принимались и на региональном уровне. Так, вскоре после взятия русскими войсками в 1828 г. крепости Анапы, началась ярмарочная торговля между гарнизоном и окрестным населением. В предписании атамана Черноморского казачьего войска А.Д. Бескровного говорилось: «По окончании переговоров, происходивших с натухайским простым народом, заключение с ним мирных условий и взятии аманатов, <...> предлагаю открыть с ними мену у полевых ворот Анапской крепости, которую производить два раза в неделю в понедельник и в четверг. О чем от меня объявлено мирному натухайскому народу, а Вы объявите о том российским купцам с тем, чтобы они, кто пожелает вывозили на место мены соль и прочие товары»[5].

Еще раз отметим, что даже в самые острые периоды противостояния, торговые отношения между горцами и русскими продолжались. Примечательно, что в условиях военного противостояния, шеф жандармов и руководитель III Отделения СЕИВК А.Х. Бенкендорф, получал информацию о развитии торговых отношений. Информация о торговле на Кавказе также шла в Министерство финансов к Е.Ф. Канкрину.

После начала активной фазы войны империи с имаматом Шамиля, таможенные правила ужесточили. В марте 1835 г. состоялся именной указ «Правила для таможенного надзора по Кавказской линии», в котором подчеркивалось, что несмотря на военные действия, торговля между горцами и русскими купцами «допускается беспошлинно и по словесному объявлению», а товары из России «пропускаются через Кавказскую линию свободно и беспошлинно, по поверхностном осмотре».

При этом, в §14 детально прописывался перечень запрещенных товаров: «Российские банковые ассигнации и огнестрельные и холодное оружие, как-то: пушки, ружья, пистолеты, шпаги, сабли, кинжалы, штыки, копья или пики и вообще оружие всякого рода, а также снаряды военные, как-то: порох, селитра, пули, свинец, железо и сталь, ядра, кремни и т.п. запрещается отпускать к горцам по всей линии»[6]. При задержании упомянутых товаров они подлежали конфискации.

Однако жизнь немедленно внесла свои коррективы. Железо и сталь были жизненно необходимы горцам для изготовления различной утвари и сельскохозяйственных орудий. Конечно, военачальники-«кавказцы» не были столь наивны и прекрасно понимали, что часть этого железа и стали превратится в ружья и кинжалы, обращенные против русских солдат. Но к этому времени, когда горские племена начали делить на мирные и немирные, активно проводя на Кавказе политику разделения племен, необходимо было смягчить экономические санкции, затрагивавшие мирных горцев.

Поэтому уже через год после тотального запрета на продажу горцам железа и стали (март 1835 г.), в ноябре 1836 г. выходит новый именной указ о «Разрешении беспошлинного пропуска к мирным горским народам железа и стали». Отметим, что этот документ был пропущен через горнило Государственного совета, в котором заседали ветераны военно-административных битв. В Государственный совет документ представил Министр финансов Е.Ф. Канкрин. После всестороннего обсуждения его представление было признано «полезным для поощрения торговли с мирными горскими народами по Кавказской линии» и предлагалось «разрешить беспошлинный пропуск к ним запрещенных ныне к отпуску железа и стали, на том же основании, как пропускаются к ним прочие российские товары»[7]. В 1842 г. правила торговли с горцами железом и сталью были детализированы. В 1844 генерал В.И. Гурко разрешил пропускать мирным горцам железо и сталь, привозимые из России как в виде изделий, так и кусками, но только в Екатеринодар, в укрепления Усть-Лабинское и Прочноокопское, в станицы Невинномысскую и Екатеринодарскую на условиях, изданных в 1842 г. Особое внимание уделялось оружию, производимого и привозимого горцами на продажу в Кизляр. За 1842 г. «собственно горских изделий» было привезено: ружей – 1.363 шт.; пистолетов – 870; замков ружейных и пистолетных – 1.534; кинжалов – 1.554; огнив, ножей – 109; ножниц, натрусков роговых, патронов деревянных, чехлов ружейных, черкесок суконных – 767 шт.[8]

Конечно, эти правила несколько стесняли развитие торговли железом и сталью, но представляется, что при наличии сохранявшихся контрабандных каналов, особенно шедших через Шамхальство Тарковское, немирные горцы не испытывали недостатка в железе и стали.

По данным исследователя Х.А. Хизриева, численность торговцев-чеченцев, участвовавших в сделках по купле-продаже военного снаряжения на меновых дворах Северного Кавказа серьезно занижены. Так, по отчетным ведомостям на Амир-Аджиюртовском меновом дворе в 1847 г. приняли участие в сделках 1.530 чеченских торговцев. Ими было реализовано 2.018 ружей, 2.573 пистолетов, 3.746 кинжалов, 98 шашек и множество другого военного снаряжения[9].

Приведенные данные свидетельствуют, что к середине XIX в. ремесленное производство огнестрельного и холодного оружия на продажу и на заказ на территории Чечни заметно возросло. Следовательно, серьезного дефицита в железе и стали немирные горцы не испытывали. А русская администрация фактически закрывала глаза на контрабандные поставки немирным горцам железа и стали.

Во многих населенных пунктах появились цеховые организации оружейников с наличием мастеров, подмастерьев и учеников. Основными центрами оружейного производства стали Старые Атаги, Дарго, Ширч-юрт, Гордали, Вашендарой, Рикха. Примечательно, что оружие, производимое чеченскими мастерами, охотно покупали казаки.

Кроме железа и стали на Кавказ запрещались поставки пороха. Однако и тут были послабления под предлогом того, что мирным аулам необходимо защищаться от набегов немирных горцев.

В марте 1843 г. Временное отделение по делам Закавказского края информировало А.Х. Бенкендорфа «о мерах, принятых Попечителем над мирными горцами, приезжающими в г. Кизляр для работ, торговли и промыслов». В ведомости «товаров иностранного производства привозимым мирными горцами в прошлом 1842 г., в г. Кизляр для продажи», упоминаются: шелковые изделия – платки, тафинко, каниусы; бумажные изделия – бязь, кумач, одеяла, ситец, ковры шерстяные и т.д. Кроме этого, на продажу привозились фрукты «и прочие предметы, привезенные мирными горцами в 1842 г. на продажу в г. Кизляр». В документе подчеркивается, что «товары эти привезены большею частью горцами Северного Дагестана и преимущественно Тарковскими жителями»[10].

Кроме турецкого и персидского «импорта» в г. Кизляр везли горские «съестные припасы: мука пшеницы, пшено сарачинского, ячменю, луку, чесноку, черемши, рыбы сушеной, вязиги, масла коровьего, меду, воску, винограда, фруктов разного рода, птиц разных, лошадей»[11]. Активно продавался скот: «в продолжение 1842 г. было приведено мирными горцами, в г. Кизляр, под извозом вещей и товаров и под с ездом их самих: лошадей 1.399; быков 10.949»[12].

Горцы также продавали традиционные бурки – 486 шт. и медные кувшины – 290 шт.

Подобные объемы наглядно свидетельствуют об уровне развития горской кустарно-ремесленной продукции. Развитие торговых отношений в самых их разнообразных формах, способствовало возникновению среди горцев социального слоя предпринимателей, живших «торговыми оборотами» с русскими. Местные торговцы старались регламентировать свои связи с российскими рынками специальными соглашениями[13].

После провального даргинского похода князь М.С. Воронцов, инициировал развитие торговли с горцами, включая ярмарки, которые проводились в городах и некоторых селениях по всей Кавказской линии. К середине XIX в. на Кавказской линии и Ставропольской губернии на регулярной основе торговля шла на 41 ярмарке. С развитием торговли деньги стали все глубже проникать в экономику горского населения. Горцы стали реально ощущать преимущества мирных торговых сношений с русскими вместо постоянной военной напряженности, не всегда безопасных набегов, порой, невысокого качества товаров, получаемых от турецких купцов[14]. Например, в г. Георгиевске ежегодно проходили по две ярмарки: одна 9 мая, другая 1 октября.

Объективная потребность в развитии торговых отношений была такова, что малейшие послабления в политике имперских властей отзывались стремлением к развитию торговли. Желание

торговать преодолевало все границы, запреты и страх. Первые ярмарки 1845 г. были ориентированы, прежде всего, на мирных горцев. Но там были и «немирные» горцы, принимавшие на время проведения ярмарки статус мирных. Об этом было известно русскому командованию, но на это закрывали глаза, рассматривая это как некий позитивный сдвиг в отношениях с немирными горцами.

Источники показывают обоюдную заинтересованность сторон в развитии и укреплении торговли в рассматриваемый период. Русские хлопчатобумажные ткани, железо и изделия из него, разного рода краски, бумага, продукция крестьянской промышленности, а также продукты питания (пшеница, масло коровье и постное, сахар, соль и другие) находили широкий спрос на Северо-Восточном Кавказе[15]. В свою очередь русские купцы вывозили из региона в большом количестве фрукты, орехи, рыбу, звериные шкуры, шелк-сырец, марену и прочее[16].

В циркуляре командующего Черноморской кордонной линией Г.А. Рашпиля начальникам частей кордонной линии о порядке пропуска горцев на Благовещенскую ярмарку в город Екатеринодар указывалось, что: «дозволяется пропуск из-за Кубани в город на ярмарку *всех вообще мирных и немирных закубанских горцев* в течение 6 дней, с 20-го по 26 марта, на следующих основаниях». И далее перечисляется 18 пунктов, которыми регламентировалось их участие в торговле на ярмарке[17].

В результате в рапорте В.С. Корсуна – начальника черкасского стана на Екатеринодарской Троицкой ярмарке, продолжавшейся с 29 мая по 4 июня 1845 г., командующему Черноморской кордонной линией Г.А. Рашпилю (12 июня 1845 г.), отмечалось, что 30 мая на ярмарке было: «мирных» закубанцев – 7.205 человек, «немирных» – 2.595 человек на 3.251 арбе с 120 голов скота и 98 лошадей для продажи. Горцами было продано товаров на 13.550 руб., куплено и вывезено за Кубань на 22.504 руб. разного товара[18]. Порядок на ярмарке нарушен не был. Горцы остались всем довольны и просили о допущении их на последующие ярмарки.

Такая же ситуация с мирными и немирными горцами была на Благовещенской ярмарке в Екатеринодаре в 1845 г. Тем самым, фактически решались не только экономические, но и политические задачи: «дабы расположить их к убеждению в потребности миролюбивого сближения с нами»[19].

Фактор присутствия на ярмарках немирных горцев имел и некую дипломатическую составляющую. Поскольку на ярмарках присутствовали тысячи людей, то наряду с торговыми сделками, обеими сторонами могли решаться вопросы сбора разведывательной информации, вербовки и выкупа пленных.

Вся информация о торговых оборотах в форме кратких отчетов и ведомостей, отправлялась в Петербург, где аккумулировалась в Кавказском комитете, который в свою очередь информировал все заинтересованные стороны: А.Х. Бенкендорфа (Отдельный Корпус жандармов и III отделение СЕИВК) и Е.Ф. Канкрин (Департамент внешней торговли Министерства финансов)[20].

Анализ ситуации, сложившейся вокруг меновых дворов, вылился в высочайше утвержденное в феврале 1846 г. «Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии»[21]. В документе декларировалось, что главная цель «меновых сношений с горцами» состоит *в приобретении доверия горцев* и приобщении их к «полезным и необходимым для них потребностям». Количество меновых дворов определялось наместником Кавказа. Все меновые дворы подчинялись Главному попечителю Кавказских меновых сношений с горцами, который, в свою очередь, подчинялся наместнику на Кавказе. Постепенно в первой половине 1850-х гг. меновая торговля на Кавказской линии была прекращена. Структуры Менового попечительства упразднили в 1855 г. и торговые отношения с горцами были объявлены свободными. С этого времени товарообмен с горскими народами Закубанья велся через ярмарки и базары.

Позже, ярмарки начали проводить не только на Кавказской линии, но и в Затеречье, например, рядом с крепостью Грозной. Что характерно, об открытии этой ярмарки просили и «не-

мирные» горцы. Так, в 1850 г. начальник левого фланга сообщал командующему Кавказскими войсками, что несколько человек почтеннейших горцев и горцев из богатейших фамилий с разрешения Шамиля в начале 1850 г. приезжали в Грозную с просьбой об учреждении один раз в месяц трехдневного торгового ярмарки в окрестностях крепости. Первая такая ярмарка состоялась с 30 апреля по 3 мая 1850 г. На берег р. Сунжи прибыло до 500 арб «непокорных» чеченцев со своими женами и детьми[22].

Можно констатировать, что на протяжении всего периода наместничества князя М.С. Воронцова, несмотря на периодически вспыхивающие военные конфликты, ярмарочная торговля продолжала развиваться. Фактически это была *реализация важнейшей интеграционной составляющей*, последовательно проводимой М.С. Воронцовым.

Это вполне осознавалось современниками. Г. Иванов в статье «О сближении горцев с русскими на Кавказе» (1859), писал: «Гарнизон крепости, нуждаясь в жизненных припасах, *начал сближаться с горцами по торговым отношениям*: скот, куры, мед, масло, молоко, яйца, лук, ягоды, овчины для шапок и тулупов (курпей), бурки, сафьян и разные из него поделки (чевяки, патронташи), туземное сукно, нередко оружие и даже кукуруза и деревянные корневые трубочки, приносимые ежедневно в крепость горцами, находили немедленный сбыт. Неприхотливые жизненные требования горцев вполне окупались выручаемыми деньгами за продажу туземных произведений. Каждая женщина в продолжение четырехлетних месяцев продавала одних ягод, орехов и проч., что ей стоило только труда собирать, на 15–20 р. сер.; приблизительно можно определить, что семейство, пускаясь в торговый промысел, выручало до 125 р. сер. в год; имея при этом несколько голов скота, годовой посев ячменя и кукурузы вольные дрова и сено, естественно, что приобретенные торговлею деньги горцы могли употреблять прямо на улучшение своего быта. *Последствия сближения с русскими*, а через это развитие горской промышленности были очевидны – на мужчинах реже встречались лохмотья, у многих женщин завелись канаусовые бешметы, на детях стали появляться рубашки и чевяки вместо прежнего их природного костюма и старой папахи с отцовской головы...»[23].

После ухода с должности наместника князя М.С. Воронцова и начала нового витка военного противостояния, практика проведения регулярных ярмарок сошла на нет. О ярмарках 1856–1860 гг. сведений не имеется, а о ярмарках 1861, 1862, 1863 имеются сведения только о том, что они разрешались[24].

После «замирения» Кавказа, были отменены ряд законов «чрезвычайного характера», нацеленные на поощрение торговли с горцами. Так, в декабре 1861 г. исправляющий должность Наместника Кавказского генерал-адъютант князь Орбелиани просил Управляющего Кавказского комитета инициировать отмену закона 1836 г. предоставлявшего «при известных условиях торгующим в Ставропольской губернии и Дагестанской области свободу от рекрутства и платежа торговых пошлин». Мотивировалось это тем, что на Кавказе «теперь спокойствие и мир <...> земли немирных горцев колонизированы русскими и иностранными поселенцами», поэтому «законы не могут более сохранять свой силы» и его «следует отменить»[25]. Уже в апреле 1862 г. было принято решение об отмене закона.

Таким образом, можно констатировать, что ярмарки имели большое значение в деле постепенного вовлечения местного горского населения в рыночные отношения, проникновения в селения товарно-денежных отношений, развития торгово-экономических контактов России с народами Северо-Кавказского региона. Особенно следует отметить период с 1845 по 1854 гг. – время наместничества князя М.С. Воронцова, когда ярмарки последовательно рассматривались как элементы интеграционной политики, проводимой в регионе. В пореформенный период именно кавказские ярмарки оставались главными центрами торговли, которая все чаще рассматривалась представителями царской администрации в Петербурге и на Кавказе, как вариант универсального межкультурного диалога, наводившем на межличностном уровне мосты между разделенными войной народами.

Summary

The article notes that the movement of the Russian Empire to the Caucasus inevitably intensified the development of trade and economic relations in all their diversity: the most convenient trading platforms were spontaneously determined, usually quarantines and customs posts, around which trade was concentrated. The objective need to develop trade relations overcame all borders, prohibitions and fear.

Even during the most acute periods of hostilities, economic ties between the highlanders and linear Cossacks and other participants in trade relations continued to persist. Trade between the Cossacks and the Circassians was immediately put under special conditions, closely related to the cordon service. These trading posts on the Kuban line served simultaneously as shops, stores, customs, quarantine, and observation posts.

Since the 20s of the nineteenth century. There is a regulation of trade relations, which resulted in the highest approved rules.

The volumes of trade and the level of development of mountain handicraft products are analyzed. The development of trade relations in their most diverse forms contributed to the emergence among the highlanders of a social layer of entrepreneurs who lived in "trade turnover" with the Russians. The gradual involvement of the mountain population in market relations, the penetration of commodity-money relations into villages, and the development of trade and economic contacts between Russia and the peoples of the North Caucasus region are shown.

Литература

1. ПСЗРИ. 2 изд. Т.ХІ. Ч.ІІ. О способах поощрения торговли с Горскими народами в Кавказской области. № 9725. 23 ноября 1836 г. Этот закон действовал вплоть до 1862 г.
2. Адмисева Л.Д. К вопросу развития торговли и торговых отношений на Кавказской военной линии в начале XIX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №3А. С.45.
3. Ачмиз К.Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник АГУ. Вып.4. 2014. С.44.
4. Ачмиз К.Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник АГУ. Вып.4. 2014. С.44.
5. Федосеева Л.Д. Меновая торговля с горским населением на восточном берегу Черного моря в первой половине XIX в. // <https://cyberleninka.ru/article/n/menovaya-torgovlya-s-gorskim-naseleniem-na-vostochnom-beregu-chernogo-morya-v-pervoy-polovine-xix-v>. С.40.
6. ПСЗРИ. Изд. 2. Т. X. Ч. I. Запрещение пропускать к Горцам Российские Банковые ассигнации и оружие. №7951. 13 марта 1835 г.
7. ПСЗРИ. Изд. 2. Т. XI. Ч. II. Разрешение беспошлинного пропуска к мирным горским народам железа и стали. №9680. 4 ноября 1836 г.
8. РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.424. Л.4 // По отношению шефа жандармов о мерах, принятых Попечителем над мирными горцами, приезжающими в г. Кизляр для работ, торговли и промыслов. 1843.
9. <http://www.kniiran.ru/index.php/obyavleniya/77-novosti/1523-oruzhejnoe-proizvodstvo-v-chechne-v-seredine-xix-veka>
10. РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.424. Л.2 // По отношению шефа жандармов о мерах, принятых Попечителем над мирными горцами, приезжающими в г. Кизляр для работ, торговли и промыслов. 1843.
11. РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.424. Л.4 // По отношению шефа жандармов о мерах, принятых Попечителем над мирными горцами, приезжающими в г. Кизляр для работ, торговли и промыслов. 1843.

12. РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.424. Л.4 // По отношению шефа жандармов о мерах, принятых Попечителем над мирными горцами, приезжающими в г. Кизляр для работ, торговли и промыслов. 1843.
13. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С.92.
14. Ачмиз К.Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник АГУ. Вып.4. 2014. С.46.
15. Великая Е.В. О влиянии российско-горской торговли на хозяйство горцев Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века // Кант, №25, 2012. С.94.
16. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Ф.З. Феодаева. М.: Таус, 2008. С.277.
17. Цит. по: Федосеева Л.Д. Способы наказания и поощрения горцев в разгар Крымской войны // <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-nakazaniya-i-pooschreniya-gortsev-v-razgar-kavkazskoy-voyny>. С.55.
18. Шамрай В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами. С 1792 по 1864 г.г. // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1902. Т. 8. С.444.
19. Цит. по: Федосеева Л.Д. Способы наказания и поощрения горцев в разгар Крымской войны // <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-nakazaniya-i-pooschreniya-gortsev-v-razgar-kavkazskoy-voyny>. С.55.
20. РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.305. Л.1 // Отчеты и ведомости о ходе торговли в Закавказском крае и по Кавказской области и Черноморской береговой линии за 1845 г. 1846.
21. ПСЗРИ. Изд.2. Т.XXI. Ч. 1. Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии. №19708. 9 февраля 1846 г.
22. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века / Н.П. Гриценко. Издательство Ростовского университета. 1984. С.132-133.
23. Цит. по: Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда». 2005. С.593-594.
24. Федосеева Л.Д. Способы наказания и поощрения горцев в разгар Крымской войны // <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-nakazaniya-i-pooschreniya-gortsev-v-razgar-kavkazskoy-voyny>. С.55.
25. РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.21. Л.2 // Об отмене преимуществ, коими пользуются мещане, торгующие с горскими народами при укреплениях за карантинною линией в Ставропольской губернии и некоторых местах Дагестанской области. 1863.

Цвижба Л.И.
г. Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ КАВКАЗА В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ (на примере Абхазского княжества первой половины XIX века)

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, османская Турция, Абхазия, штаб, Русско-турецкая война, горное общество.

Кавказ был выгодным регионом в военно-политическом, экономическом и стратегическом значениях. К доминированию в этом пространстве во все времена стремились мировые державы – Персия, Османская и Российская империи. Активная политическая и военная экспансия этих стран в конце XVIII в. – начале XIX в. привели к господству на Кавказе Российской империи. Процесс покорения (присоединения, интегрирования) Кавказа в политику Российской империи в XIX веке был сложен. Использование различных методов введения Кавказа в состав Российской империи повлек за собой многотысячные жертвы народов Кавказа. В промежутках и в завершающей фазе войны были массовые исходы горцев с земель предков в Османскую империю. Турция, преследуя собственные политические видения истории народов Кавказа, умело подыгрывала сложившейся политической ситуации – столкновению интересов держав за право господства в этом регионе. Влияние Турции было наиболее значительным, так как ее присутствие на Черноморском побережье и на Кавказе было длительным, хотя и ослабевшим в конце XVIII века – начале XIX века. К Турции была благосклонна значительная часть народов Кавказа, в то же время была и другая часть, которая была проводником российской политики. Они служили в регулярных и иррегулярных частях русской армии, принимали активное участие в ее военных походах не только внутри страны, но и за ее пределами. Не являлось исключением и Абхазское княжество.

Процесс приведения в покорность народов Кавказа и интегрирования их в Российскую империю продолжался более 60 лет. Российская империя, продвигала определенную цель – иметь Кавказ покорным, заселенным преданными и христианского вероисповедания людьми. Здесь ключевую роль играла и Черноморская береговая линия. С утверждением русской власти на побережье, Россия пресекала сношения горцев с Турцией и приобретала выгодную позицию для продвижения вглубь горной части Кавказа. В методах, использовавшихся русской армией в период Кавказской войны, преобладал военный, что отражено в источниках того периода. Уничтожение аулов со спящими в домах людьми во время походов войск, вынужденное и насильственное выселение и переселение в Османскую Турцию, стали трагедией для Абхазии и родственных ей народов Западного Кавказа. О Кавказской войне (1817-1864) писали военные историки еще в XIX в., продолжается изучение и по настоящее время специалистами. Историография темы обширная, рамки публикации не позволяют остановиться на ней отдельно, но имена многих авторов прозвучат в данной работе в процессе изложения материала.

Присоединение народов Кавказа к России началось еще в XVI веке, но в конце XVIII века – в начале XIX века многие из них оставались независимыми, находясь под постоянной угрозой покорения султанской Турцией и Персией с одной стороны и Российской империи – с другой. В 70-х годах XVIII века владетельные князья Абхазии Шервашидзе (Чачба) проводили политику сближения с российским государством. Одним из выразителей этой идеи был владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе (Чачба), который вырос в Стамбуле, служил в султанских войсках, имел репутацию правоверного мусульманина, но после смерти дяди, владетеля Бзыбского округа Аб-

хазского княжества Зураба (Алибея), считавшегося в Турции мятежником и вероотступником, Келешбей вернулся в Абхазию, в Сухумскую крепость¹. Келешбей, «находясь под непосредственным покровительством Порты оттоманской, сделался сильнейшим в Абхазии, он неоднократно наводил страх на своих соседей», – сообщал командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Г.В. Розен военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышеву 5 июля 1834 г.² Келешбей, придя к власти в 80-е годы XVIII в., подчинил себе феодальную знать Абхазии. В 1803 г. он устанавливает связь с русским командованием на Кавказе, однако Россия, несмотря на заинтересованность в утверждении своего влияния в этом регионе, но учитывая сложные международные отношения, соблюдала осторожность³. Вскоре владетель Абхазии Келешбей идет на открытый разрыв с Портой, вступив в прямые переговоры с Россией. Историк Г.А. Дзидзария пишет, что в 1806 г. Келешбей возглавил общенародное восстание против султанской Турции и добился полной независимости Абхазского княжества. Более того, во время Русско-турецкой войны 1806-1812 годов Келешбей для содействия русским войскам и грузинским ополченцам в 1807 г. посылает в Поти отряд, а главное – он не дал турецкому командованию высадить десант на территории Абхазии и превратить ее в базу для своих военных операций⁴. Этот политический шаг окажется роковым для него. Келешбей будет убит при входе в свой сухумский дворец его старшим сыном Асланбеем по наущению Турции (20 мая) 1808 г. Сам же «отцеубийца» бежал в Турцию, о чем напишет командир Отдельного Кавказского корпуса военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышеву 5 июля 1834 г.⁵ Время отправления Асланбея в Турцию вызывает вопрос, скорее всего это произошло в 1810 г., после возведения на престол Георгия (Сафарбея), так как после Келешбея Асланбей возглавляет Абхазское княжество (2 мая 1808 – 10 июля 1810) и «неоднократно обращается к России с предложением о вступлении в ее подданство, но его в упор не слышали царские администраторы», кроме того, он «обращается к ним с письмами, в которых говорит о своей невинности и что убийство отца дело рук «посторонних»⁶. По вопросу об убийстве Келешбея есть разное мнение среди исследователей. Есть версия, что устранение Келешбея организовали турки, а исполнителем выступил его старший сын – Асланбей, по другой версии убийство владетеля Абхазского княжества было организовано правителями Мегрелии. В последнее время появилось предположение, что к устранению Келешбея имеет непосредственное отношение русская военная администрация, которую подстрекала правительница Мегрелии Нино Дадиани. Она таким способом прокладывала путь к княжескому престолу своему зятю Сафарбею – одному из младших сыновей Келешбея⁷.

Манифестом Александра I от 17 февраля 1810 г. было объявлено о вхождении Абхазского княжества в состав Российской империи⁸. Присоединение Абхазии к России было подкреплено занятием русскими войсками крепости Сухум-кале 11 июля 1810 г., в котором располагался турецкий гарнизон. Во время высадки десанта с моря гарнизон большей частью бежал в горы, при этом в плен попали 78 человек, потери русской эскадры: убитых 95 человек и 86 – раненых. Царское правительство главным абхазским владетелем признало Георгия (Сафарбея), который был произведен в чин генерал-майора, 11-тилетний сын его Дмитрий (Омар-бей) был отправлен на воспитание в Пажеский корпус в 1812 г.⁹ Г. Дзидзария об этом событии в своей монографии написал следующее: «В июне 1810 г. из Сухумской крепости был изгнан турецкий гарнизон. В этой

¹ Анчабадзе Г. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864 гг. Пособие к лекционному курсу. 2018. С. 20.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. Д. 6312. Л. 14об.

³ Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 8-9.

⁴ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 33.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. Д. 6312. Л. 15.

⁶ Лакоба С. Александр I: Асланбей и Сафарбей? (Историко-психологический очерк). Сухум, 2022. С.18.

⁷ Лакоба С. Абхазия после двух империй. XX-XXI вв. М., 2004. С.28-31; Чиковани Ю. Род абхазских князей Шервашидзе. (Историко-генеалогическое исследование). Тбилиси, 2007. С.15.

⁸ Акты Кавказ археографической комиссии. Т.4. Тифлис, 1866. С. 763-764.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6186. Ч. 4. Л. 240-242; Д. 6239. Л. 4; Ф. 414. Оп.1. Д. 301. Л. 7; Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001. С. 61-62.

операции решающую роль сыграли русские военно-морские десантные части. Командир отряда, флота капитан-лейтенант Додт, в своем донесении от 20 июля 1810 года отмечал: "...Живущие в окрестности Сухума жители приходили ко мне во множестве и просили покровительства, желая при том быть вечно в подданстве России". Асланбей же и наиболее преданные ему люди бежали в Турцию, потянув за собой немало связанных с ними людей. Надо сказать, что русское командование пыталось принять меры "для воспрепятствования к переселению абхазцев в Батум"¹⁰.

Акт присоединения Абхазского княжества к России в 1810 г. не означал, что население приняло его безоговорочно. Реально, процесс вхождения растянулся еще на 60 лет. Это время было трагическим для абхазского народа, т.к. многократно в различные уголки Абхазии приходили военные отряды, которые приводили не только к покорности населения, но и выселению за пределы родины.

19 февраля 1821 г. умирает князь Георгий (1780-1821), наследник Абхазского княжества Дмитрий (Омар-бей) находился еще в Петербурге. Пользуясь его отсутствием, феодалы, подстрекаемые Асланбеем и Гасанбеем (братья Георгия), и турецкими агентами, вооружившись против русских, поддержавших права законного наследника, готовились провозгласить владетелем Гасанбея, но генерал-лейтенант А.А. Вельяминов по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиана, объявил правительницей Абхазии вдову Георгия Тамару. Ей присягнули многие князья абхазские (речь об Абхазском округе, который называется еще и Сухумским), цебельдинские князья и дворяне и выдали аманатов в «знак верности и преданности России», следует из рапорта полковника В.О. Бебутова командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу А.П. Ермолову от 14 марта 1823 г.¹¹. В том же 1821 г. начался бунт сторонников Гасанбея, которые были склонны утвердить его владетелем, но бунт был подавлен отрядом М.Д. Горчакова и был возведен на престол с производством в чин полковника Дмитрий¹². В октябре 1822 г. Дмитрий был отравлен в собственном доме слугой Урусом Лакоба, владетелем Абхазии объявлен его брат Михаил (Хамут-бей) Шервашидзе¹³.

В то же время поверженные сторонники Асланбея покинули Абхазию, многие из них эмигрировали в Турцию со своими подвластными людьми. Сторонники власти были отмечены наградами, о чем следуют документы. По представлению командира Отдельного Кавказского корпуса Ермолова императором Александром I 19 апреля 1822 г. были пожалованы: мегрельский князь Николай Дадиани в генерал-майоры, цебельдинский князь Саларопа Маршани в капитаны, самурзаканский князь Темурква Анчабадзе в поручики и с жалованьем в 150 руб. в год серебром, мегрельский князь Георгий Дадиани – в подпоручики. Все они награждены «за отличную храбрость, оказанную им при усмирении Абхазского бунта и изгнании Аслан-бея»; князь Алибей Шервашидзе произведен в прапорщики «за усердие и похвальное поведение»¹⁴.

В 1824 г. вновь вспыхнуло восстание по всей Абхазии, инспирированное протурецки настроенной частью населения, направленное как против русского господства, которой требовалась спокойная и покорная Абхазия, так и против местной власти. Для подавления восстания был сформирован сводный отряд под командой генерала П.Д. Горчакова численностью в 1400 пехотинцев. Отряд действовал «огнем и мечом, щадя лишь дом владетеля», который находился в с. Лыхны [Соуксу] и охранялся двумя ротами войск¹⁵.

Гасанбей, еще при жизни отца Келешбея, «добровольно отказался от прав на владительство сам и от имени своих младших братьев в пользу Сефербея и за это получил в удел весь Абхазский округ» (впоследствии – Сухумский округ). Княгиня Тамара, используя свою близость к русской администрации, добилась высылки Гасан-бея (в 1821 г.) в Сибирь. Однако это вызвало большое

¹⁰ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетии. Сухуми, 1975. С.34.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6239. Л. 4; Ф. 414. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

¹² Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 8.

¹³ Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы ... С. 61.

¹⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 128. Д. 62. 1822 г. Л. 4-4об.

¹⁵ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 39. Л. 7-8об.; Ф. 846. Оп. 16. Д. 6312. Л.16; Ф. 414. Оп.1. Д. 39. Л. 2; Д. 301. Л.7-8.

возмущение абхазского населения и Тамара, «справедливо опасаясь возмездия, решила просить правительство о возвращении Гасан-бея из ссылки». По ходатайству графа И.Ф. Паскевича, он был возвращен на родину в 1827 г. Он, вернувшись из ссылки на родину, с небольшой своей абхазской дружиной служил с отличием в отряде генерал-майора К.О. Гессе и дослужился до чина майора и пенсионера ежегодного в 600 руб. серебром¹⁶. В 1837 г. Гасан-бей был отравлен крестьянином села Эшера Хакуцем Шамба¹⁷.

Интересное описание о Гасанбее оставил наместник Кавказа Н.Н. Муравьев в своих дневниковых записках: «Только в начале 1828-го года, уже при [И.Ф.] Паскевиче, отдыхая однажды в Душети после смотра, сделанного мною стоявшему там батальону Херсонского гренадерского полка моей бригады, я был нечаянно пробужден вошедшим в комнату красивым молодым человеком лет 28, в горской одежде и вооружении абхазца с легкою и белою чалмою на голове. То был мусульман Гасан-бей, возвращавшийся из Иркутска, где он несколько лет был в ссылке по распоряжению Ермолова, удалившего его из своего края за проступки, мне неизвестные, вероятно, некоторые сношения с турками, как они все имеют. Место Гасан-бея, владельца Абхазии, занимал уже племянник его, нынешний владелец Михаил Шервашидзе, коего права правительство признало законным. Гасан-бей был хорошо знаком в Иркутске с братом моим Александром, от коего привез мне письмо. Нечаянно случилось, что Гасан-бей, возвращаясь в Тифлис, проезжал через Душет в самое то время, как я там находился, вызван же он был из Сибири по ходатайству или же представлению Паскевича, которое вообще делал же противное предместника своего. Я редко видел такую приятную и приличную наружность, какую имел Гасан-бей. Он объяснялся по-русски, разговор его был скромный и приятный. Он у меня бывал несколько раз в Тифлисе, и я его истинно любил. Паскевич принял его хорошо и отправил его в свое поместье, но владельцем он уже более не был и не переменял веры своей. Его однакож уважали и ныне, сын его князь Дмитрий Шервашидзе [1818-1858], Лейб-гвардии Казачьего полка, полковник, христианин, в прошедшую войну усердно служил в рядах наших против близкого родственника своего князя Михаила, когда сей последний перешел к туркам. Дмитрий, надеявшийся по измене Михаила быть поставленным владельцем Абхазии, остался ныне подвластным сохранившему владение врагу своему, который еще упрекает его в измене к лицу своему и грозит разорением. И жизнь Дмитрия в безопасности. Слухи носились, что отец его умер не своею смертью¹⁸. Дмитрий «по слухам был отравлен Хамут-беем (Михаилом)», – пишет Ю. Чиковани в своем исследовании о роде абхазских князей Шервашидзе,¹⁹ хотя в справочниках по чинам военным отмечено, что исключен из списка умершим.

Что касается Хамут-бея (Михаила) Шервашидзе, поставленного владельцем Абхазии в возрасте 16-17 лет²⁰, по свидетельству матери владельца княгини Тамары, после отравления Дмитрия Урусом Лакоба «сей злодей, спустя несколько времени после смерти князя Дмитрия, покушался отравить князя Михаила и брата его Константина»²¹.

В период Русско-турецкой войны (1828-1829 гг.) владелец Абхазии Михаил Шервашидзе и его дядя майор Гасанбей, как подданные России, принимали участие в составе русской армии в боях против турецкой армии, за что заслужили соответствующие награждения. Документ, свидетельствующий об этом – донесение главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом

¹⁶ РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д. 301. Л. 7; Ф. 846. Оп. 16. Д. 6239. Л. 5.

¹⁷ Чиковани Ю. Род Абхазских князей Шервашидзе (Историко-генеалогическое исследование). Тбилиси. 2007. С. 17, 41, 42.

¹⁸ Дневник наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева. 1855 г. (копии): РГВИА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 155-155об.

¹⁹ Чиковани Ю. Род Абхазских князей Шервашидзе (Историко-генеалогическое исследование). Тбилиси. 2007. С. 50.

²⁰ Цвижба Л.И. Последний владелец Абхазии Михаил Чачба-Шервашидзе. К 150-летию со дня кончины (1806-1866) // Республика Абхазия, № 136 (3459). 2016.–26 декабря; №138 (3461). 2016. – 29 декабря; Владетели Абхазии Шервашидзе Чачба: личности в истории // Вторые международные иналиповские чтения (Сухум, 11-13 октября 2011 г. Сухум, 2016. С. 294-315.

²¹ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 39. Л. 7об., 8об.

И.Ф. Паскевича-Эриванского управляющему Главным штабом Его Императорского Величества генерал-адъютанту графу Чернышеву от 21 декабря 1829 г. содержит следующее: «<...> Владелец Абхазии Михал Шервашидзе и дядя его, состоящий по кавалерии майор князь Гасан-бей Шервашидзе, имеющий также свой удел и весьма большой вес между абхазцами магометанского вероисповедания, в нынешней войне против турок, с подвластными им народами²², состоя в отряде генерал-майора [К.Ф.] Гессе, действовали с большим отличием и ознаменовали себя новыми опытами усердия и преданности к нашему правительству. Управляя абхазцами, мудрыми и благонамеренными их внушениями, дикой и буйной сей народ, над коим усилия орудия нашего часто оставались без успеха, во время минувшей кампании удержан в границах спокойствия и повиновения. Сверх сего князь Гасан-бей Шервашидзе, пользуясь в особенности совершенною доверенностью не только абхазских народов, но и по сношениям своим с горцами, уважением сих буйных племен, в политических преднамерениях наших, может в свое время и в том краю, оказать нам важные услуги. <...> Убеждаясь столь отличными и большими заслугами князей Шервашидзевых, я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, исходатайствовать всемилостивейшее соизволение государя императора на перевод майора князя Михаила Шервашидзе Лейб-гвардии в Преображенский полк, как награду, которую владетель Абхазии испрашивает себе в знак особенной милости, а дядя его, состоящему по кавалерии майору князю Гасан-бею Шервашидзе, пенсион соответственный его званию, по 600 рублей серебром в год по смерть. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич Эриванский». 21 января 1830 г. последовало «высочайшее соизволение на испрашиваемое» Паскевичем о Шервашидзе²³.

Михаил является одним из непосредственных фигурантов Кавказской войны и последним владельцем Абхазии (14 февраля 1823 – 1864 г.). Его политическая биография вызывает много вопросов, на многие из которых нет однозначного ответа, как, например, обвинения, которые обсуждались в среде кавказского начальства во время Крымской войны (1853-1856 гг.), когда эвакуация русских гарнизонов из Абхазии за реку Ингур была возложена на Михаила Шервашидзе. Таким образом, под его командованием из Абхазии были выведены 5 батальонов Черноморской береговой линии 19 марта 1854 г., а 5 апреля уже они были переправлены через реку Ингур на соединение с Ингурским отрядом²⁴. В этом промежутке времени Абхазия была оставлена беззащитной и без владетеля, а русское командование отвергло составленный им план обороны Абхазии от высадки турецкого десанта, в котором главная роль отводилась абхазскому ополчению во главе с ним при незначительной поддержке русских войск. Неоднозначное положение Михаила, больше похожее на то, что кавказское начальство старалось держать его около себя, такое состояние вынудило его принимать собственное решение. Так, он прибывает в апреле 1855 г. в Очамчиры, где «провел совещание с близкими людьми, итогом которого стала отправка делегации к Мустафа-паше, высадившемуся с отрядом в Сухуме. Владетель объявил о желании остаться нейтральным между воюющими странами...»²⁵. Вокруг Михаила было много слухов, недоверий в его верности России. Он в сложной ситуации, оказавшись между воюющими державами, и вынужден быть за пределами Абхазии. Муравьев в своих записках о Михаиле пишет: «По выводе наших войск из Абхазии он желал быть начальником Гурийского отряда, чтобы абхазцы видели его на пределах своих в могуществе. Обманутый в своих ожиданиях он страдал от незначительности своего положения в виду враждебного ему мингрельского дома и подвластных ему абхазцев...», ссылаясь на военного министра генерал-лейтенанта В.А. Долгорукого, который писал, что Шервашидзе хитрит для того только, чтобы приберечь себе тот или другой выход, смотря по

²² Полагаю, что количество подвластных, бывших с ними в походе, должно быть более 300 человек. – примеч. Л. Цвижба.

²³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. Д. 27. 1830 г. Л.1-1об.

²⁴ Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы ... С.70.

²⁵ Салакая С. Ш. Михаил Чачба-Шервашидзе в годы Крымской войны // Вторые международные иналиповские чтения (Сухум, 11-13 октября 2011 г.). Сухум, 2016. С. 167-172.

тому, какой оборот примет война²⁶. С поражением турецких войск возник вопрос возвращения русских частей в ранее оставленные места дислокации на Черноморской береговой линии. Эта ответственная миссия была возложена на владельца Абхазии. Так, 10 июля 1856 г. русские войска под начальством Михаила войдут в разрушенный город Сухум²⁷.

Муравьев делает противоречивые выводы о Михаиле: «Кн[язь] Шервашидзе не увлекается никаким чувством привязанности или преданности. Он никогда не любил русских, он не любит турок. Он недавно говорил кн[язю] Дато Гуриель: Я не считаю человеком того, который дает себя обмануть туркам. Он был предан в бозе почившему Императору [Николай I. 18.02.1855], но эта преданность имела характер личной привязанности, а не преданности вассала к монарху. С кончиною царя разорвалась сердечная связь, привязывавшая его к престолу. С тех пор его внушают эгоизм, честолюбие, его увлекают обстоятельства или порывы своенравия»²⁸.

Покорение (интегрирование) Абхазии в Российскую империю продолжается. Экспедиции военных отрядов русской армии, в которых принимают участие и иррегулярные формирования (милиции округов Абхазии, дружины) «окажут действительную помощь» в этом. Владелец Абхазии Михаил Шервашидзе был сторонником приведения в покорность России регионов Абхазии, действуя разными способами, стараясь сохранить, как мне видится, не только народ, но родину: переговорами, назначением аманатов от обществ в знак их покорности империи, участием в походах в составе русской армий, когда и ситуация ставила его в безвыходное положение, как, например, в период Крымской войны (1853-1856 гг.) – (См. выше – Л.Цвижба).

Экспедиции в горные общества – Цебельду и Дал в 1837 г., направленные на покорение их, происходил и в том числе и при содействии мегрельского ополчения (650 чел.), имеретинской дружины (240 чел.), гурийской милиции (60 чел.), абхазской дружины (300 чел.)²⁹. Следующий военный поход в Дал состоялся в период с 24 декабря 1840 г. по 9 января 1841 г. под командованием полковника (60 чел.) Н.Н. Муравьева и при участии абхазской и самурзаканской милиций. Результатом воздействия на дальцев «силой оружия» стало выселение (переселение) в другие регионы Абхазии 500 семей³⁰. Самурзаканская милиция состояла из 500 человек пеших и конных, под начальством поручика Кирилова 1-го³¹. За свои услуги, оказанные «при водворении спокойствия» в Дале, они были награждены знаменем, а сами милиционеры, отличившиеся в экспедиции, получили различные награды³². Генерал Головин 23 января 1841 г. в донесении военному министру А.И. Чернышову писал, что «самурзаканские милиции изъясняют высочайшее усердие и не знают опасностей и по первому его требованию явились в числе от 600 до 700 человек» для участия в походе в Дал³³. Следует отметить, что численность Самурзаканской милиции представлена разными данными. В решимости и храбрости их нет сомнения, что подтверждают наградные списки, составленные на отличившихся в боях. Отряд русской армии, высаженный у селения Сочи в апреле 1838 г., в своих рядах имел и представителей Кавказа, как служивших в регулярных частях (Мингрельский егерский полк, Мингрельский Лейб-гвардии Казачий полк), так и в иррегулярных формированиях (мингрельская, гурийская, имеретинская, абхазская дружины). Многие из них, за отличия в действиях против горцев 13 апреля 1838 г., были награждены чинами и знаками отличия. Например, находившийся при Отдельном Кавказском корпусе владелец Абхазии генерал-майор М. Шервашидзе, награжден орденом Св. Станислава 1 ст., владелец Мегре-

²⁶ Дневник наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева. 1855 г.: РГВИА. Ф. 169, Оп. 1. Д. 4. Л. 586, 586об.

²⁷ Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы ... С.70

²⁸ Дневник наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева. 1855 г.: РГВИА. Ф. 169, Оп.1. Д.4. Л.588об.-589.

²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6331. Л.3-3об; Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М., 2019. С.33-42.

³⁰ Цвижба Л.И. Страницы истории Абхазии (покорение Дала) // Анналы. Вып.1V. М., 1996. С.78-103; Вып. V – VI. М., 1996. С. 60-79.

³¹ РГВИА. Ф. 846. оп. 16. Д. 6392. Л. 37-42об.

³² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 882. Л. 1-1об.

³³ РГВИА. Ф. 846. оп. 16. Д. 6392. Л. 25-31.

лии штабс-ротмистр Мингрельского Лейб-гвардии Казачьего полка князь Дадияни произведен в чин ротмистра, Мингрельского егерского полка подпоручик Соломон Званба награжден орденом Св. Анны 3 ст.³⁴. Состоявшие в Мингрельской дружине милиционеры (награждены 33 человека): урядник, прапорщик кн. Зураб Чхотуа награжден орденом Св. Анны 4 ст., дворянин Кацо Учанович Маргания произведен в чин прапорщика (1839 г.)³⁵, Пахвал Бежанович Маргания и князь Бут Иахметович Емухвари – серебряными медалями с надписью «За храбрость», Гиго Паатович Гобечия – знаком отличия военного ордена³⁶.

Не без помощи владетеля Абхазии М. Шервашидзе джигетские князья и дворяне Хамышевы изъявили желание принести присягу на верноподданство России. Как следует из рапорта исправляющего должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майор И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Г.А. Головину от 6 мая 1841 г. хамышевцы, проживавшие между укреплениями Св. Духа и Навагинским стали проявлять враждебное отношение к России, «подобно всем своим соседям джигетам и убыхам». М. Шервашидзе, совершая неоднократные набеги с ведома и согласия «местного начальства» на прибрежные, враждебные к России селения, заставил некоторых джигетов «изъявить склонность к покорности» в 1841 г.³⁷. В 1840 г. высокогорное общество Псху, в котором насчитывалось 11 селений, при содействии владетеля Абхазии М. Шервашидзе покорилось России. Жители приняли присягу на верноподданство государю императору. Но в 1843 г. экспедиция во главе с М. Шервашидзе заставила их вновь принять условия покорности, в том числе и то, что «в Псху не должны проживать недоброжелательные царизму люди, и все беглые русские и абхазцы должны быть выданы и впредь выдаваемы»³⁸. Об этой экспедиции М. Шервашидзе в рапорте на имя начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта А.И. Будберга 8 января 1844 г. сообщал, что экспедиционный отряд выступил 26 декабря 1843 г. из Бамборы, в составе которого были 3700 милиционеров Абхазии. Владетель отмечал, что поход в Псху «не ознаменован сечами и перестрелками, но это подвиг терпения, бодрости и твердости духа. Русским не нужно доказывать, что они храбры и умеют бить врага, но здешние хищнические народы нуждались в уроках зимнего против них похода. Отныне между ними решено, кто летом заслужит гнев русских, тот зимою, когда ему негде скрыть ни семейства, ни имущества, увидит их у себя в гостях»³⁹. Из этого рапорта следует, что не было погибших во время экспедиции, но Михаил об этом походе пишет, восхваляя русских, которые «храбры и умеют бить врага».

Вновь войска поднимаются в Псху, но уже в 1859 г. и под командованием начальника войск в Абхазии генерал-майора М.Т. Лорис-Меликова, в составе которого были 5 сотен милиции Абхазского округа, 6 сотен из окрестностей с Ацы, 6 сотен цебельдинской милиции из деревни Гума. Следующие столкновения с псхувцами произойдут в 1860 г. и летом 1864 г.⁴⁰. Завершение установления российской власти на Кавказе произошло в урочище Гбаада 21 мая 1864 г. начался массовый исход горцев в Турцию и на Кубанскую равнину.

Владетель Абхазии Михаил Шервашидзе старался соответствовать статусу подданного Империи, но не вызывал доверие у властей. В 1864 г. главнокомандующим Кавказской армией великий князь Михаил в записке «О положении Абхазии» для представления военному министру Д.А. Милютину, излагал претензии к Михаилу Шервашидзе и что, благодаря ему, «Россия, вместо благодарной союзницы, приобрела в Абхазии непокорную и коварную рабу, готовую с распро-

³⁴ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 868. Л. 3об.

³⁵ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 868. Л. 10.

³⁶ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 868. Л.10-11.

³⁷ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д. 6435. Л. 2-3об.: Подробнее: Цвижба Л.И. Из истории присоединения народов Западного Кавказа // Кавказский сборник. Т.3 (35). М.: ИД «Русская панорама», 2006. С. 53-64.

³⁸ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С.393.

³⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д. 6540. Л. 6; Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы ... С. 66-68.

⁴⁰ Цвижба Л.И. Общество Псху в XIX веке // Эхо Кавказа. №3(6). 1994. С. 51-53.

стертыми объятиями принять каждого врага нашего, который явится у ее врагов...»⁴¹. Михаилу выражали открытое недоверие даже тогда, когда он пишет Д.А. Милютину 26 февраля 1864 г. следующее: «Здоровье мое с каждым днем слабеет и, чувствуя себя более не в силах заниматься никакими делами, прошу ходатайства вашего об увольнении меня от действительной службы...»⁴².

14 августа 1864 г. состоялось принятие Абхазии в непосредственное русское управление, и был решен вопрос об удалении из края Михаила Шервашидзе. Михаил болен и находился на минеральных водах в Ткварчели, но, поскольку на выезд его из Абхазии была «высочайшая воля» и она будет исполнена. А пока ему разрешили остаться еще некоторое время на родине – «в ожидании облегчения болезненных приступов»⁴³. Тем не менее, Михаил вынужден отправиться в путь, в ссылку, больным. 18 августа 1865 г. Воронежский губернатор сообщил военному министру, что Михаил Шервашидзе 17 августа благополучно прибыл в Воронеж⁴⁴, скончался он там же в апреле 1866 г.

Вхождение Абхазского княжества в состав России было сложным и трагичным, начиная с конца XVIII века, когда стало известно о благосклонности Келешбея Шервашидзе к России. Интриги, борьба за Абхазское княжество одних и утверждение своей власти на Кавказе другими сопровождалось убийством, отравлением, ссылкой членов владетельской семьи Шервашидзе. Несмотря на то, что многие в абхазском обществе добровольно присягнули российской власти, защищали ее интересы, погибая, получая ранения, награждения за свои услуги, участь наибольшей части абхазского населения была предпрешена: покорность, переселение, выселение за пределы Абхазии.

Summary

The article examines the political struggle in the Abkhazian principality, when Keleshbey Shervashidze, having come to power at the end of the XVIII century, turned to Russia with the question of joining it; the struggle of supporters and opponents of Keleshbey's political idea, including the Ottoman and Russian Empires, the Megrelian Principality. The murder of Keleshbey in 1808, the entry of Abkhazia into Russia in 1810. and military expeditions of Russian troops, which included local formations aimed at bringing Abkhazian societies into submission, as well as the role of the ruler of Abkhazia, Mikhail Shervashidze, who served Russia faithfully, nevertheless, the empire expressed distrust of him. After the end of the Caucasian War (May 21, 1864), the seriously ill Mikhail was exiled to Voronezh, where he died soon after.

Литература

1. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 169, Оп.1. Д.4. Л.588об.-589
2. РГВИА. Ф. 395. Оп. 128. Д. 62. 1822 г.; Оп. 136. Д. 27. 1830 г.
3. РГВИА. Ф. 414. Оп.1. Д. 39, 301.
4. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 39.
5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6186. Ч. 4; Оп.16. Д. 6239, 6312, 6331, 6392, 6540
6. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 882. Л. 1-1об.
7. Акты Кавказ археографической комиссии. Т.4. Тифлис, 1866.
8. Анчабадзе Г. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864 гг. Пособие к лекционному курсу. 2018.
9. Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958.

⁴¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 463. Л. 8-9об.

⁴² РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 463. Л. 88.

⁴³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 463. Л. 33-35.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 463. Л. 138.

10. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
11. Дневник наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева. 1855 г. (копии): РГВИА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 155-155об.
12. Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М., 2019.
13. Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
14. Лакоба С. Александр I: Асланбей и Сафарбей? (Историко-психологический очерк). Сухум, 2022.
15. Лакоба С. Абхазия после двух империй. XX-XXI вв. М., 2004.
16. Салакая С. Ш. Михаил Чачба-Шервашидзе в годы Крымской войны // Вторые международные иналиповские чтения (Сухум, 11-13 октября 2011 г.). Сухум, 2016. С. 167-172.
17. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.
18. Цвижба Л.И. Общество Псху в XIX веке // Эхо Кавказа. №3(6). 1994. С. 51-53.
19. Цвижба Л.И. Страницы истории Абхазии (покорение Дала) // Анналы. Вып.1V. М., 1996. С.78-103; Вып. V – VI. М., 1996. С. 60-79.
20. Цвижба Л.И. Из истории присоединения народов Западного Кавказа // Кавказский сборник. Т.3 (35). М.: ИД «Русская панорама», 2006. С. 53-64.
21. Цвижба Л.И. Последний владетель Абхазии Михаил Чачба-Шервашидзе. К 150-летию со дня кончины (1806-1866) // Республика Абхазия, № 136 (3459). 2016.–26 декабря; №138 (3461). 2016. – 29 декабря;
22. Цвижба Л.И. Владетели Абхазии Шервашидзе Чачба: личности в истории // Вторые международные иналиповские чтения (Сухум, 11-13 октября 2011 г. Сухум, 2016. С. 294-315.
23. Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001.
24. Чиковани Ю. Род абхазских князей Шервашидзе. (Историко-генеалогическое исследование). Тбилиси, 2007.

Хаджиева М.Х.
г. Карачаевск

ОБМУНДИРОВАНИЕ, АМУНИЦИЯ И ОСНАЩЕНИЕ КАРАЧАЕВЦЕВ ПЕРИОДА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: карачаево-балкарская одежда, военно-бытовой комплекс одежды, амуниция, оснащение.

Мужчина карачаевец в период Кавказской войны был одет в удобный, добротнo скроенный и сшитый комплект одежды. Мужская одежда – *аскер* араб. /*чериу* тюрк. *кийим* – легкая и многослойная, она отличалась особыми эксплуатационными характеристиками, обеспечивающими высокий уровень защиты и комфорта в условиях высокогорья.

В исследуемый период в обмундирование входили следующие предметы: головной убор папаха *бёрк*, башлык *башлыкъ*, черкеска *чепкен*, бешмет *къаптал*, бурка *джамчы*, шуба *тери тон*, укороченная войлочная бурка с капюшоном и рукавами *гебенек*, нижнее белье *ич кёлек* / *ич кёнчек*», верхняя рубашка и брюки *тыш кёлек/тыш кёнчек*, войлочные наколенники *ышым*, обувь из сафьяна *чарык* и сыромятной кожи *чабыр*.

Следует отметить, что специальной военной формы у карачаево-балкарского воина, не было. Представленный выше комплект мужской одежды, не является униформой, это одежда военно-бытового и походного назначения, которая соответствовала образу жизни, климатическим и географическим особенностям Северо-Западного Кавказа.

Надо отметить, что «прежде чем предстать как окончательно сложившийся ансамбль (XVIII – первая половина XIX в.), северокавказский костюм претерпел воздействие со стороны половцев, монголо-татар, турок-сельджуков, турок-османов и персов»¹. Особое место в одежде карачаевцев занимает традиционный карачаево-балкарский *чепкен*. *Чепкен/черкеску*, шили как из домотканого сукна *чепкенлик*, так и тканей иноземного производства *схарла*. *Что же касается цветовой гаммы чепкена, это* черный, серый, белый и бурый, как подчеркнул информант «цвет однотонного камуфляжа»². А также традиционный мужской костюм отражал эстетические и морально-этические воззрения народа.

Мужской классический чепкен отличался высоким качеством материала и кроя, он плотно обхватывал тело воина, расширяясь книзу. Как писал К.М. Текеев «на талии она (черкеска М.Х.) застегивалась справа налево встык на пять-шесть узелковых пуговиц и петель из тесьмы. Нередко она имела, кроме того, потайные металлические крючки. В таких случаях узелковые пуговицы имели просто декоративное значение. Под застежку с левой стороны подшивалась узкая планка длиной 10-12 см из того же сукна, что и черкеска, чтобы не было видно нижней одежды. По линии талии, с изнанки, к черкеске подшивалась широкая тесьма, которая застегивалась на металлический крючок»³. Наличие крепежной фурнитуры в виде крючков повышало функциональность готового изделия и обеспечивало удобство. Использование деталей и дополнительных элементов придавало одежде завершенный вид.

¹ Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII-XVII веков: реконструкция этносоциальной истории: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.06 / Ин-т археологии РАН]. – Москва, 2007. – 1096 с. [Электронный ресурс]. URL Диссертация на тему «Костюм населения Северного...» dissercat.com (Дата обращения: 15.06.2021)

² Полевая запись Хаджиевой М.Х. 2008 г., г. Карачаевск, Карачаево-Черкесской республики / инф. Богатырев Х.А. 1949 г.р.

³ Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы / Традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989. — С. 354

Благодаря расширяющимся внизу клиньям полы черкески запахивались (на тюркский манер) справа налево и не расходились⁴. На материале могильника Амгата VII-X вв. мы можем отметить, что фрагменты одежды, которые демонстрируют, что запах является достаточно важной характеристикой. Левый запах отличал «варварский» западный мир от цивилизованного Китая. Выделение левого запаха как признака варварского костюма случайным не было, так как в китайской одежде он символизировал потусторонний мир в погребальном обряде⁵.

Как пишет З.В. Доде: «На фреске Нузальской часовни по тюркской моде одеты ктиторы: у всех кафтаны с левосторонним запахом»⁶. Интересно, что по тюркской моде одеты и оруженосцы византийского императора Иоанна VI Кантакузина на миниатюре XIV в., изображающей придворную церемонию [Boucher, p. 152, pict. 243].

Надо отметить, что амуниция включала минимум *предметов*: пояс с набором из серебра *белибау*, обеспечивающий удобное ношение индивидуального вооружения – такого как колющие и режущие предметы (шашка, кинжал, огнестрельное оружие *саут-саба*).

По мнению В.Д. Кубарева, боевой пояс – «первостепенная деталь мужского воинского снаряжения»⁷. К наборному поясу «прикреплялась небольшая, украшенная инкрустацией, коробочка из кости или дерева *джилик орун* – сальница, предназначенная для хранения смазки для поддержания в порядке ружья, кинжала и другого оружия. К поясу же прикреплялась и *добра* – небольшая сумочка из кожи или плотной ткани, украшенная различным орнаментом. Она служила для хранения пуль⁸. Как подчеркнула З.В. Доде: «Распространение наборных поясов относится к VII в. и связывается с тюрками»⁹. «На фоне довольно многочисленных и выразительных тюркских и хазарских поясных наборов подобные изделия гунно-сарматского времени не столь заметны¹⁰. Но надо отметить, что скифские портупейные и защитные пояса были украшены «различными металлическими пластинками и бляшками, как правило, выполненными в зверином стиле»¹¹. Также отметим «сложные кожаные пояса, украшенные бляхами, с которых свешивались кольца, были в быту у центральноазиатских гуннов¹². «Подобные пояса с бляшками в зверином стиле были найдены в скифских курганах ещё в конце XIX в.»¹³.

Базовый комплект снаряжения карачаевского ополчения включал сумки *хурджун*, которые предназначались для провизии и боеприпасов, а также личных вещей. Защитные чехлы из войлока и шкур животных («например, барсучью) шкуру»¹⁴, использовали для сохранения функционала огнестрельного оружия. Надо отметить, что готовые порции пороха хранили в специальных нагрудных кармашках, называемых газыри. Как отмечает И.М. Мизиев: «Газырей было четырнадцать, редко восемнадцать. Внутри них находились порох (от), трут (кьюу), кресало (чакьгыч), тампон (жула), лекарство, бальзам из трав и меда (балхам), крохотный ножичек для обработ-

⁴ Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы... Там же. – С. 354

⁵ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 136 с.

⁶ Доде З.В. Там же. С. 55.

⁷ Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск; 1979. – С. 55.

⁸ Мизиев И.М. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. в 3 т. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. – С.64.

⁹ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа... Там же. с.106

¹⁰ Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. – I в. н.э. – М: 1980. – С. 17.

¹¹ Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. // Новосибирск: НГУ. 1990. 164 с. В.Н. Добжанский, 1990 <http://kronk.spb.ru/library/dobzhansky-vn-1990-1.htm>

¹² Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: 1970. С. 144-155.

¹³ ОАК за 1890 г. Спб., 1893. С. 4-5, рис. 1-2; Бобринский А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – СПб., 1901. Т. 3. – С. 96.

¹⁴ Бларамберг И. [Электронный ресурс] Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. arsuara.info/book/export/html/673 (Дата обращения: 19.02.2024)

ки ран или бритья волос (жюлгюч), и такой же крохотный напильник (эгеу)»¹⁵. Надо отметить, что с «появлением пятизарядной винтовки они (газыри М.Х.) превратились в простые украшения, за ними сохранилось тюркское древнее название хазыр – «готовый»¹⁶.

Важным и необходимым предметом обмундирования была войлочная одежда – бурка *джамчы*. Многофункциональный войлочный «плащ» *джамчы* изготавливали из черной, бурой, реже белой шерсти. Исследователь А. Кавказов писал, что «черный плащ» еще со времен Геродота пользовался неизменным успехом»¹⁷. «Как нам кажется, свое первоначальное распространение эти бурки могли иметь среди воинов тюрков»¹⁸, отмечал Махмуд ал-Кашгари. Обратит внимание следует на бурки, в которые «одеты персонажи на рельефах мавзолея ... Поскольку шубы иногда носили внакидку, на рельефах изображения большой шубы и бурки практически одинаковы»¹⁹.

В исследуемый период «бурки, башлыки, черкески и прочая модная «татаромания» (так иронически называли современники склонность к ношению горского костюма и вооружения) по-прежнему пользовались популярностью у офицеров и даже нижних чинов, при полном безмолвии положения 1848 г. на этот счет»²⁰. Надо отметить, что форма императорских войск на Кавказе постепенно под влиянием горской материальной культуры трансформировалась: «Бурка же, войлочный плащ без рукавов, стала практически неотъемлемой деталью кавалерии русской императорской армии и служила верой и правдой и в Первую мировую, и в Гражданскую войны. Не зря канонический образ Василия Чапаева — именно в бурке. Бурка не только защищала от непогоды и служила укрытием на привале, но и могла отразить пулю или стрелу на излёте, скользящий удар холодным оружием — настолько плотной её делали»²¹.

Следующая теплая и легкая одежда карачаевских мужчин войлочный плащ – *гебенек*, с капюшоном и рукавами, застегивающаяся до талии на пуговицы. Посреди степи в снегу и метели, как описывал Рашид-ад-Дин, все войско Угэдей-каана «...надело валяные из войлока капенеки и село на коней»²², сокрушив силы противника. Рашиду ад-Дину вторила народная карачаево-балкарская поговорка: «*Кебин кийген кьайтмайды, гебенек кийген келеди*» (Одевший саван – не вернется, одевший гебенек – возвратится)²³. Войлочная одежда, изготавливалась из особой шерсти карачаевской породы овец, *гебенек* устойчив к внешним воздействиям, включая ветер и мороз, сохраняет тепло, не деформируется и достаточно долго не промокает, к тому же она прочная на разрыв и истирание.

Завершает мужской военно-бытовой походный костюмный комплекс – меховая шапка *чырпа бёрк* и остроконечный суконный капюшон башлык *башлыкъ*. Башлыкъ – древний головной убор составляющий комплект с шапкой. Функция башлыка, защита головы от холода и осадков. Сам «термин *башлыкъ* образован путем присоединения к тюркской основе *баиш* «го-

¹⁵ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М. Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – с.240.

¹⁶ Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII-XVIII вв. – Нальчик, 1991. – С. 61.

¹⁷ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает / Журнал «Советский Северный Кавказ». – Ростов-на-Дону: 1931. №1. — С. 26.

¹⁸ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина. – М.: 2010. – С.19.

¹⁹ Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 88.

²⁰ Влияние кавказских народов на костюм и снаряжение войск кавказского корпуса [Электронный ресурс] https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5447 (Дата обращения: 19.05.2022).

²¹ Нечитайлов М.В. [Электронный ресурс] https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5447. (Дата обращения: 19.05.2022).

²² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 2. М.-Л. АН СССР. 1952. [Электронный ресурс] vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3... (Дата обращения: 19.05.2022).

²³ Шаманов И.М. К истории домашних промыслов карачаевцев / Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. (Вторая половина XIX века) Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. – Черкесск: 1972. – С.32.

лова) аффикса – *лыкъ*. «Баш» – это «голова», «башлык» – «головной убор», «наголовник»²⁴. Надо отметить, что прообраз башлыка был описан как предмет одежды еще у саков – «азиатских скифов» в довольно раннее время, – более двух с половиной тысячелетий назад²⁵. С.И. Руденко отмечает, что: «...Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо»²⁶. С.А. Яценко приводит таблицу костюмов скифских воинов-стрелков рубежа 6-5 вв. до н.э. по материалам вазовой живописи²⁷. «Таковыми же костюмами пользовались гунны в 5 в. н.э. Их можно видеть, например, на росписях базилики времен Остготского королевства в Равенне под предводительством Теодорика Великого»²⁸. «Башлык близко напоминает формы головных уборов, покрывающих плечи на скифских изваяниях прикубанского типа, а также на изваяниях в горах Тянь-Шаня и окрестностях Иссык-Куля»²⁹.

Некоторые исследователи предполагают, что башлык стал прообразом будёновки, хотя более традиционная теория видит в ее прототипе древнерусский шлем-шишак, не случайно же исходное название этого головного убора было «богатырка»³⁰. Но, как отмечают исследователи «восточный термин «богатырь» утвердился в русском употреблении не ранее XV в.»³¹. Макс Фасмер пишет что слово «богатырь» «заимствовано из древне-тюркского *baγatur* (откуда и венгерское *bator* «смелый») дунайско-булг. *βαγάτορ*, тур., чагат. *batur* «смелый, военачальник», киргиз. *баатыр* «герой», «храбрец», шор. *paγattyр* «герой», монг. *bagatur*, калм. *bātr*».³²

Вероятно, прообразом шлема-шишака был жёсткий и мягкий тюркский остроконечный суконный капюшон – башлык.

Надо отметить, что карачаево-балкарский костюм по своей конструкции, построением силуэта, покрою, расположения деталей, а также вида материи и фурнитуры, у всех сословий практически одинаковый. Значительные отличия можно отметить в вооружении (холодное и огнестрельное), в основном высшего сословия. Оружие *саут-саба* аристократов отличалось инновационными техническими характеристиками и конечно утонченным декором огнестрельного и холодного оружия. Как отметила Е. Н. Студенецкая: «Обычно вооружение не входит в понятие костюма. Но для народов Кавказа необходимо сделать исключение. Комплекс мужской одежды на Северном Кавказе нельзя рассматривать, не уделив хотя бы минимального внимания оружию и воинскому снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали»³³.

К оружию карачаево-балкарский народ относился бережно, ценили такие свойства оружия, как надежность и удобство, точность и дальноточность, ну и об эстетике также не забывали.

²⁴ Успенский Л.В. Почему не иначе?: этимологический словарь школьника [Электронный ресурс] Школьный этимологический онлайн-словарь... | ΛΓΩ lexicography.online > Словарь Успенского vostlit.info > Texts/rus16/Rasidaddin_3... (Дата обращения: 19.02.2024)

²⁵ Гаджиева С.Ш.. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2005. – С. 93

²⁶ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: 1953. – С.102.

²⁷ Яценко С.А. Костюмы скифских воинов-стрелков в Афинах на рубеже 6-5 вв. до н.э. по материалам вазовой живописи / Античная цивилизация варварский мир. – Краснодар (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар: 8-11 июня 1999 г.) – С.24-32.

²⁸ Рахимжанова Л.Ш. Сакские остроконечные головные уборы в Европе. [Электронный ресурс] Сакские остроконечные головные уборы в Европе cyberleninka.ru > Научные статьи > ...-golovnye-ubory-v-evrope (Дата обращения: 19.02.2024)

²⁹ Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. – Нальчик: 1995. – с.24.

³⁰ Савельев А. Е. Для воина – идеально [Электронный ресурс] История национального костюма...kuban.aif.ru > dontknows/catalog/istoriya... (Дата обращения: 19.02.2024)

³¹ Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – С. 44.; Скржинская Е. Ч. Комментарий к тексту и переводу Барбаро // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. – Л.: Наука, 1971. – С. 172.

³² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. – М.: 1986, – с. 183.

³³ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XIX вв. М., 1989 С.190.

«К тому же оружие выступало как важный вещный атрибут»³⁴. Все это отразилось в песне «Сарыбий и Карабий»:³⁵

Алтынлы деп алада бир болады,
Ол тура болур гёбел кийизге чулгъанып,
Къара от бла сампал ташы
Чарламазча булгъанып.

Есть у них золоченое /ружье/,
Видимо, обернут в нежный войлок,
Чтобы черный порох и кремень курка
В беспорядке не дали осечки

Описывая свою поездку по Кавказу Г.Ю. Клапрот отмечает, что карачаевцы «живут в очень чистых, выстроенных из сосновых бревен домах... Их оружие состоит из ружей, пистолетов, сабель и кинжалов...»³⁶. Следующий источник сообщает: «Все они (карачаевцы М.Х.) лица приятного, рослы, стройны, отличные наездники и вооружены ружьями, пистолетами, кинжалами, шашками; сверх того, в нагайке у каждого был заткнут нож»³⁷. И. Ф. Бларамберг, выдающийся ученый-кавказовед, отмечал, что в «1830-е годы основной комплекс индивидуального вооружения карачаевца и балкарца состоял из ружья, пистолета, шашки и кинжала»³⁸. Следует обратить внимание на то, что в «карачаево-балкарской военной лексике сохранился большой пласт терминов, связанных с огнестрельным вооружением: пистолет – *гёрох*, *хомпара*, *тапанча*»³⁹.

Как свидетельствует источник, карачаевцы «в первой трети XIX в. пользовались «длинным ружьем с албанским прикладом»; а также иногда брали «две палки, связанные вместе ремнем, чтобы ставить на них ружье». Использовался также шомпол *саба* для ружья из твердого дерева с железным наконечником («они накручивают на него тряпку, которой чистят ружье после каждого выстрела»⁴⁰. «Албанские ружья действительно имели довольно длинный ствол (122–140 см) при калибре 14-18 мм»⁴¹. Также И.Ф. Бларамберг сообщал об импорте горцами вооружения из Турции⁴².

По словам военного историка, генерала В.А. Потто, в сражении при Хасауке карачаевцы были вооружены нарезным оружием. В ходе военных действий вырывались белые клубы дыма, в котором сверкали «длинные стволы карачаевских винтовок», которые имели «некоторый перевес над огнем наших гладкоствольных ружей»⁴³. Одним из героев Хасаукинского сражения был Умар Бо-

³⁴ Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: власть и общество – С.135.

³⁵ Карачаево-балкарский фольклор / Къарачай-малкъар фольклор. Сост., автор вступит. ст. Т.М. Хаджиева. Хрестоматия. — Нальчик: Эль-Фа. 1996. — 592 с.

³⁶ Путешествие по Кавказу и Грузии [Электронный ресурс] [vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3...](http://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820...vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3...) (Дата обращения: 19.02.2024)

³⁷ Поездка к южному склону Эльборуса // Библиотека для чтения. Т. 97. — СПб., 1849. — С. 57-104.

³⁸ Бларамберг, И. [Электронный ресурс] Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. arsuara.info/book/export/html/673 (Дата обращения: 19.02.2024)

³⁹ Карачаевцы: Историко-этнографический очерк / ред. И.М. Шаманов, В.П. Невская, Е.Н. Студенецкая; ред. Л.И. Лавров. — Черкесск: 1978. — С.84. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея / Э.Г. Аствацатурян. — СПб.: Атлант, 2002. — 335 с.

⁴⁰ Бларамберг, И. [Электронный ресурс] Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. arsuara.info/book/export/html/673 (Дата обращения: 19.02.2024)

⁴¹ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. — СПб.: ТПГ «Атлант», 2002. — С. 251

⁴² Бларамберг И. [Электронный ресурс] Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. arsuara.info/book/export/html/673 (Дата обращения: 19.02.2024)

⁴³ Потто В.А. Василий Потто. [Электронный ресурс] XXVII. Покорение карачаевцев. statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-5--... (Дата обращения: 19.02.2024)

гатырев, предок героя Советского Союза Харуна Умаровича Богатырева. Надо отметить, что род Богатыревых дал три национальных героя Карачая, три защитника его. Первый из них Татаркъан Батдаевич, второй Умар, третий Харун⁴⁴. «А также следует сказать о том, что «первым начал изготовление пороха и огнестрельного оружия в Карачае, сын Татаркъана Баракъ»⁴⁵. Об Умаре, и о самом сражении в народе сложены песни «Хасаука» и «Умар». В песне «Хасаука» поется о том, что Умар Богатырев стрелял с такой частотой, что дым от двух выстрелов из его длинного ружья сливался в один «эки атыб тютюнюн бир этиучю Умар»⁴⁶.

В следующей песне «Умар» отмечена беззаветная любовь героя к своей Родине. В строчках песни говорится об осторожных свойствах карачаевской бурки, изготовленной невестой героя. Бурка *джамчы*, имела способность сдерживать рубящие сабельные и шашечные удары, и отчасти, она защищала даже от пуль, выпущенных из гладкоствольного оружия. Но, не в этот раз.

Юсюндемеди аны къара джамчысы,
Чырмалдымы огъесе ол атына,
Къайда тамды къаныны арт тамчысы...

Была ли на нем его черная бурка,
Или она не была приторочена к его коню,
Где упала последняя капля его крови...⁴⁷.

В традиционном карачаево-балкарском обществе считалось позорно не выйти на защиту Родины, изменить присяге, нарушить клятву. Карачаевцы всегда стояли на страже Родины. Г.А. Эммануэль сравнивал присоединение Карачая с захватом персами легендарного Фермопильского прохода. «Термопилы Северного Кавказа, – писал генерал, – взяты нашими войсками, и оплот Карачаева у подошвы Эльбруса для всех горских народов, враждебных против России, помощью Божией и храбростью войск, под личным моим предводительством разрушен»⁴⁸.

Значимость похода оценила столичная пресса: «Блистательный успех предполагает путь к успокоению всего края Кавказского... Пример покорения сего народа, почитавшегося у всех горских жителей самым непобедимым, дает прочим подумать о возможности повторить с ними таковое же происшествие»⁴⁹. Карачай был завоеван «при самом упорном сопротивлении гордых карачаевцев, дотоле никем еще не побежденных», – писал Н.Б. Голицын⁵⁰, известный биограф Эммануэля.

Как подчеркнул В.А.Потто «С карачаевцами обошлись как с воюющей, а не как с усмиряемой стороной»⁵¹. Таким образом, Карачаевское княжество вошло в состав Российской империи. Надо отметить, что из карачаевского народа «вышло немало государственных служащих, офицеров, а также лиц, получивших высшее юридическое, медицинское и другое образование. Были среди них и награжденные высшим российским военным орденом Святого Георгия, георгиевским оружием, также кавалеры различных орденов и медалей, большинство которых были получены

⁴⁴ Байрамкулов А.М. Сколько знаменитых карачаев (карчей) было. — Ставрополь: 2000. — С.133.

⁴⁵ Хаджиева М.Х. Генеалогическое исследование «Его свободные сыны». —Кисловодск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2004. — с.18.

⁴⁶ Аланский историко-героический эпос. В трех томах. / составление, предисловие и комментарии М.Ч.Джуртубаев. Т.3. — Нальчик: ООО Тетрограф, 2015. —С.111.

⁴⁷ Аланский историко-героический эпос. Там же. С.105.

⁴⁸ Российский Государственный Военно-исторический архив. ФВУА (военно-ученого архива). [14, Д. 6231. Л. 123 – 124 об.].

⁴⁹ Газета «Северная пчела».1828. №140.22ноября. [Электронный ресурс]. URL 1828, №140 (22 нояб.) Северная Пчела 1828, №140...rusneb.ru>catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_... (Дата обращения:18.06.2021)

⁵⁰ Очерки политической истории народов Северного... [Электронный ресурс]. UR (Дата обращения:17.12.2023)

⁵¹ Потто В.А. Василий Потто. [Электронный ресурс] XXVII. Покорение карачаевцев. statehistory.ru>books/Kavkazskaya voyna Tom-5... (Дата обращения: 19.02.2024)

за участие в Крымской кампании, Русско-турецкой (1877-1878 гг.), Русско-японской и в Первой мировой войнах⁵². С началом Великой Отечественной войны вместе со всеми народами Советского Союза карачаевцы встали на защиту Родины. Перед лицом опасности карачаевцы и балкарцы продемонстрировали верность Отчизне. Высшими государственными наградами отмечена деятельность военнослужащих карачаевцев, проявивших мужество и героизм при выполнении боевых задач в ходе специальной военной операции, продолжая победные традиции предков.

Комплект одежды мужчины-карачаевца в исследуемый период оставался по-прежнему строгим и лаконичным. Костюм соответствовал естественным пропорциям фигуры человека, минимум деталей, функционально обусловленный декор, уравнивающий тонко мерцающее серебро оружия и традиционный пояс. Не последнее место занимало в гардеробе сочетаемость основного и дополнительных оттенков в костюме, пропорциональности их соотношений. Карачаево-балкарская мужская одежда, в основном представлена в минималистичной гамме: черный, серый, белый и бурый, что соответствовало обстановке.

Комплект одежды военно-бытового и походного назначения минимизировал риск получения ран, травм и других повреждений, а также позволял сохранить здоровье и жизнь. Амуниция обеспечивала удобное использование индивидуального вооружения – колющих и режущих предметов, огнестрельного оружия *саут-саба*, сумок *хурджун* для хранения провизии и боеприпасов, а также личных вещей. Чехлы из кожи, шкуры или войлока использовали для сохранения функционала огнестрельного оружия.

Резюме

В данной статье мы исследовали комплект мужской карачаево-балкарской одежды военно-бытового и походного назначения, а также снаряжение и вооружение. Через призму базового комплекта одежды и снаряжения, мы проследили историю формирования и становления некоторых элементов обмундирования и амуниции карачаево-балкарского народа периода Кавказской войны.

Литература

1. Аланский историко-героический эпос. В трех томах. / составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаев. Т.3. — Нальчик: ООО Тетраграф, 2015. С.111. —397 с.
2. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея / Э.Г. Аствацатурян. — СПб.: Атлант, 2002. — 335 с.
3. Байрамкулов А.М. Сколько знаменитых Карачаев было. — Ставрополь: 2000. — 237 с.
4. Бларамберг, И. [Электронный ресурс] Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. [arsuara.info>book/export/html/673](https://arsuara.info/book/export/html/673) (Дата обращения: 19.02.2024)
5. Бобринский А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Спб., 1901. Т. 3. С. 96. ОАК за 1890 г. Спб.: 1893. С. 4-5, рис. 1-2.
6. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. / В 2-х кн. Монография. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2000. — 368 с.
7. Газета «Северная пчела». 1828. №140.22ноября. [Электронный ресурс]. URL 1828, №140 (22 нояб.) Северная Пчела 1828, №140... [rusneb.ru>catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT...](https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT...) (Дата обращения: 18.06.2021)
8. Добжанский В.Н. [Электронный ресурс]. Наборные пояса кочевников Азии. // Новосибирск: НГУ. <http://kronk.spb.ru/library/dobzhansky-vn-1990-1.htm...> (Дата обращения: 18.02.2024)

⁵² Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. — М.: Наука, 2014. — С.7.

9. Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории. — М.: Восточная литература, 2001. — 136 с.
10. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины: II в. до н.э. — I в. н.э. — М.: 1980. С. 17.
11. Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М. Ч. Джуртубаева. — Нальчик: Эльбрус, 2005. — 576 с.
12. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает / Журнал «Советский Северный Кавказ». — Ростов-на Дону: 1931. №1. — С. 26.
13. Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. — М.: Наука, 2014. — 815 с.
14. Карачаевцы и балкарцы: Этнография. История. Археология / Координационно-методический центр «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН, 1999 г. — 383 с.
15. Карачаевцы: Историко-этнографический очерк / ред. И.М. Шаманов, В.П. Невская, Студенческая Е.Н.; ред. Л.И. Лавров. — Черкесск: 1978. — 336 с.
16. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М.: 1970. — С. 144-155.
17. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. — Новосибирск: 1979. — 120 с.
18. Карачаево-балкарский фольклор / Къарачай-малкъар фольклор. Сост., автор вступит. ст. Т.М. Хаджиева. Хрестоматия. — Нальчик: Эль-Фа. 1996. — 592 с.
19. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина. — М.: 2010. — 461 с.
20. Мизиев И.М. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева. в 3 т. — Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. — 368 с.
21. Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. / М-во образования КБР. — Нальчик: Эльбрус, 1995. — 111 с.
22. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая, XIII-XVIII вв.: Важнейшие этногенет. аспекты: в помощь учителям-историкам, краеведам, студентам и учащейся молодежи / М-во нар. образования КБССР. — Нальчик: Нарт, 1991. — 190 с.
23. Нечитайлов М.В. [Электронный ресурс] Влияние кавказских народов на костюм и снаряжение войск кавказского корпуса https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5447 Дата обращения: 19.02.2024).
24. Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы — Москва/Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. — 143 с.
25. Очерки политической истории народов Северного... [Электронный ресурс]. UR (Дата обращения: 17.12.2023)
26. Поездка к южному склону Эльборуса // Библиотека для чтения. Т. 97. — СПб., 1849. — С. 57-104.
27. Полевая запись Хаджиевой М.Х. 2008 г., г. Карачаевск, Карачаево-Черкесской республики / инф. Богатырев Х.А. 1949 г.р.
28. Потто В.А. Василий Потто. [Электронный ресурс] XXVII. Покорение карачаевцев. statehistory.ru/books/Kavkazskaya_voyna_Tom-5... (Дата обращения: 19.02.2024)
29. Путешествие по Кавказу и Грузии [Электронный ресурс] vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820... vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3... (Дата обращения: 19.02.2024)
30. Рахимжанова Л.Ш. Сакские остроконечные головные уборы в Европе. [Электронный ресурс] Сакские остроконечные головные уборы в Европе cyberleninka.ru «Научные статьи»... golovnye-ubory-v-evrope (Дата обращения: 19.02.2024)
31. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 2. М.-Л. АН СССР. 1952. [Электронный ресурс] vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3... (Дата обращения: 19.05.2022).

32. Российский Государственный Военно-исторический архив. ФВУА (военно-ученого архива). [14, Д. 6231. Л. 123 – 124 об.].
33. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.-Л.: 1953. — 402 с.
34. Савельев А. Для воина – идеально [Электронный ресурс] История национальногостюма...kuban.aif.ru>dontknows/catalog/istoriya_... Дата обращения: 19.05.2022).
35. Скржинская Е. Ч. Комментарий к тексту и переводу Барбаро // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. — Л.: Наука, 1971. — С. 172.
36. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. / Отв. ред. Г. А. Сергеева; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 1989. — 286 с.
37. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы / Традиционная система жизнеобеспечения.— М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989. — 448 с.
38. Успенский Л.В. Почему не иначе?: этимологический словарь школьника [Электронный ресурс] lexicography.online>Словарь Успенского>vostlit.info>Texts/rus16/Rasidaddin_3...(Дата обращения: 19.02.2024)
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. —М., 1986.
40. Хаджиева М.Х. Генеалогическое исследование: Его свободные сыны. —Кисловодск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2004. — 84 с.
41. Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века (Власть и общество) с.5-171. Карачаевцы и балкарцы: Этнография. История. Археология / Координационно-методический центр «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии РАН, М., 1999 г. —383 с.
42. Шаманов И.М. К истории домашних промыслов карачаевцев / Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. (Вторая половина XIX века) Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. —Черкесск, 1972. — 68 с.
43. Яценко С.А. Костюмы скифских воинов-стрелков в Афинах на рубеже 6-5 вв. до н.э. по материалам вазовой живописи / Античная цивилизация варварский мир. С. 24-32. Краснодар: Материалы 7-го археологического семинара. 08 – 11 июня 1999 г. — Краснодар, 2000. —147 с.

Ярков А.П.,
г. Тюмень

АБХАЗЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, абхазы, Северный Кавказ, Россия, диаспора.

Кавказская война коснулась, вполне очевидно, не только жителей этого региона, но и тех, кто побывал там в составе царских войск. Среди военнослужащих были и сибиряки, и те, кто продолжил свою деятельность в азиатской части России после войны. У каждого из них своё восприятие событий и «длина исторической памяти».

Говоря про уроженцев Северного Кавказа (в контексте изучения «абхазского вопроса») стоит отметить, что кавказцы являются и остаются не политическим, а историко-культурным конструктом. Касается это не только этнических абхазов (объединённых родным языком, но исповедующих разные религии). Показательно, для сопоставления, что под дагестанцами могли записаться при переписях населения многие из 16 малочисленных этносов Дагестана: андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багулалы, чамалалы, тиндалы, хваршинцы, дидойцы (цезы), гинухцы, бежтинцы, гунзибцы, арчинцы, кубачинцы, кайтагцы. Иные, живущие в различных субъектах Российской Федерации и за её пределами, и сейчас записаны аварцами, даргинцами.

Сложна и этническая картина Абхазии, но абхазы (апсуа) при наших опросах осенью 2023 г. определённо и точно указывали свою принадлежность (по происхождению), отделяясь от других кавказцев («нас нельзя путать»).

Отношение с Богом является «ядром» идентичности, хотя мировоззренческая «картина» весьма пёстрая. Согласно опросам, распределение конфессий в 2003 г. среди абхазов было таким: 60 % – христиане (в основном православные, но есть и католики); 16 % определили себя мусульманами; 3 % являются приверженцами абхазской религии¹; 5 % назвали себя язычниками; 8 % – атеисты и неверующие; 2 % – прочие конфессии. Заметим, что 6 % абхазов вообще затруднились ответить. Нам пока не удалось сопоставить ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке с тем, что происходило и происходит на Северном Кавказе.

Как известно, после присоединения Абхазии к России царское правительство и Русская православная церковь организовали «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Принятие ислама новыми группами абхазов было запрещено и наказывалось ссылкой, лишением родительских прав, штрафами, разводами. За выступление на стороне Османской империи в 1866–1877 г. около 30 абхазов высланы в разные регионы России, в т. ч. в Сибирь. В Тобольскую губернию в 1878 г. направлено под конвоем ещё 585 повстанцев². Осуждённые пожизненно после смягчения наказания определялись на жительство по месту каторги, закрепляясь вызванными с родины семьями или созданными заново. Предпочтительны были (при недостатке соплеменниц) единоверцы.

«Путешественники поневоле» были ограничены в правах. Прибывшие в Сибирь и на Дальний Восток в качестве каторжников и ссыльнопоселенцев для аборигенов (почти для всех) были «чужими», отличались антропологически (абхазы, как известно, принадлежат к балкано-кавказской малой расе южных европеоидов).

¹ Даже если формально считали себя христианами или мусульманами.

² Бортникова О.Н. Магометане Кавказа в тобольской ссылке и тюрьме (вторая пол. XIX в. // Сибирские татары: материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 2000. С. 174-175.

Если к кавказским единоверцам православные сибиряки относились терпимо, ставших «почти своими», то по отношению к мусульманам оно было настороженным. При наличии собственных мусульман (сибирских татар, башкир и других) приезжие официально в документах на русском языке были указаны кавказскими татарами, черкесами или турками. К началу XX в. бытовало понятие «турок». Оно имело несколько смыслов: это было и обобщённое наименование всех тюрок – мусульман; аналог – «мужик, крестьянин», тогда как подданных Османской империи из мусульман называли османами. Заметим, что курдов иногда именовали «горные турки», а «турок» у русских часто имел отрицательную коннотацию («бусурмане~турки»), переносимую на симпатизировавших Турции части абхазов, аджарцев и других.

Абхазов – мусульман правительство Российской империи высылало и в Османскую империю (махаджирство)³. Опустевшие земли стали заселяться христианами: русскими, армянами, греками.

На «маркеры» же всегда влияли внешние политические обстоятельства и стереотипы. Присутствуют они, например, у Ф.М. Достоевского в «Письмах из Мёртвого дома», у Д.Н. Мамина-Сибиряка в очерке «Варнаки» и у других очевидцев, повествовавших о кавказцах. Заметим, что в советский период, когда религиозная принадлежность игнорировалась, в переписи населения некоторые абхазы могли указать себя грузинами, поскольку жили в смешанных селениях или состояли в смешанном браке. Коснулось это и тех уроженцев Абхазии, кого направляли в Сибирь и на Дальний Восток в принудительном порядке для отбытия наказания. Некоторые остались здесь, уже освободившись⁴.

Ситуация для многих людей усложнилась в 1990-е гг., когда в ходе внутри грузино-абхазского вооружённого конфликта часть уроженцев Абхазской АССР (являлась частью Грузинской ССР) покинула города и селения, где ранее проживали их предки столетиями⁵. Очень медленно изменяется положение внутри Абхазии, отражаясь и на отношении среди мигрантов (и к ним) в Сибири и на Дальнем Востоке.

Численность абхазов здесь невелика и не учитывает статус беженцев. Сложно проследить время их выезда из Абхазии, хотя это важно для анализа групповой (конфессиональной, диаспоральной) составляющей ментальности мигранта.

Если в Российской Федерации в 2010 г. проживало 11 249 абхазов, то в Тюменской области (включая Ханты-Мансийский округ – Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ) их учтено 116 чел., в Сибирском федеральном округе – 275, в Дальневосточном федеральном округе – 93⁶. Отметим, что большинство из них закрепились в городах и городских посёлках, инкорпорируясь в местное урбанистическое сообщество. Специфические экономические, социально-психологические условия (в условиях «чужой», непривычной природно-климатической среды) формируют особую ментальность, национальный характер, «душу народа», живущего вдали от Кавказа.

Летом 2023 г. на Учредительном съезде Союза абхазской интеллигенции доктор филологических наук, академик АНА, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия В. Чирикба прояснил свою позицию по одной из проблем национального строительства – «концепции абхазской политической нации»⁷.

Включённое наблюдение позволяет сделать вывод, что родной язык менее сохраняется в условиях диаспоры, не подкрепляясь системой образования и «разорванными» коммуникациями.

³ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. С. 135.

⁴ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.

⁵ Показательно, что из-за военных действий на родовом кладбище в Абхазии похоронить не удалось и умершего в России водрузившего знамя Победы над рейхстагом Героя Советского Союза М.В. Кантария, о чём сожалеют и его земляки из грузин, живущие в Тюменской области.

⁶ Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам РФ. – http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

⁷ <https://apsnypress.info/ru/home/aspekt/item/5568-abkhazskaya-politicheskaya-natsiya>

Отчасти язык поддерживает соседство с другими мигрантами из числа родственных абазин⁸, адыгейцев, кабардинцев, черкесов, убыхов. Напротив, и в диаспоре пролегает «граница» между абхазами и грузинами, в том числе уроженцами одного района. Это становится элементами культивирования противостояния у молодёжи, в т. ч. рождённых вне Кавказа.

Иные традиции стойки и в диаспоре. Это формирует «ядро» самоощущения индивида. В сложившейся ситуации национальная кухня, формы проведения семейных праздников и воспитания детей позволяют поддерживать этническое самосознание.

Резюме

Статья посвящена особенностям жизни абхазов в Сибири и на Дальнем Востоке в сопоставлении с процессами, происходившими на их исторической родине – на Северном Кавказе.

⁸ Некоторые учёные считают абхазов и абазин единым этносом – абаза, живущего по обе стороны Кавказского хребта. – см.: https://petro-slavyanka.ru/abhazi_I_abhaziny/.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна – к.и.н., доцент, Доцент кафедры «История и культура народов Чечни», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А.Кадырова», исторический факультет, г. Грозный (Россия).

2. Анчабадзе Георгий Зурабович – д.и.н., профессор, Абхазский государственный университет, г. Сухум (Республика Абхазия).

3. Ахмадов Явус Зайндиевич – д.и.н, профессор гл.н.с. Института ИГИ АН Чеченской Республики, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный (Россия).

4. Байрамкулова Аминат Ахматовна – к.и.н., доцент, Ведущий научный сотрудник отдела истории народов Карачаево-Черкесии, РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований» им. Хапсирокова Х.Х.», г. Черкесск (Россия).

5. Бегеулов Рустам Маратович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск (Россия).

6. Булатов Айдер Аметович – к.ф.н., руководитель центра, Крымский научный центр этносоциальных и этноконфессиональных исследований, г. Симферополь (Россия).

7. Гаджиев Магомедкамиль Ордашович – к.и.н., член Региональной общественной организации «Аварская культурно-национальная автономия», Региональная общественная организация «Аварская культурно-национальная автономия», г. Махачкала (Россия).

8. Галбацев Сурхай Магомедович – преподаватель кафедры общеобразовательных и правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

9. Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор, академик АН ЧР, Главный научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики; Зав. кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики; Зав. кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный (Чеченская Республика).

10. Гумба Гурам Джотович – д.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, Абхазский государственный университет, г. Сухум (Республика Абхазия).

11. Гумба Михаил Вахтангович – к.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, Абхазский государственный университет, г. Сухум (Республика Абхазия).

12. Доного Хаджи-Мурад Муэждинович, доктор ист. наук, профессор, член Союза журналистов России, г. Махачкала (Республика Дагестан).

13. Квициния Мзиана Багратовна – к.ф.н., доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Абхазский государственный университет, г. Сухум (Республика Абхазия).

14. Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – д.и.н, профессор, заслуженный деятель науки РД и КЧР, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала (Россия).

15. Колосовская Татьяна Александровна – д.и.н., доцент, профессор кафедры истории России, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь (Россия).

16. Ливцов Виктор Анатольевич – д.и.н., проф., зам. директора «Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ», Среднерусский институт управления-филиал ФГБОУ ВО, член Общественной палаты Российской Федерации, г. Орел (Россия).

17. Магамадов Супьян Султанович – к.и.н., доцент, директор Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики; доцент кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики.

Кафедра музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г.Грозный (Чеченская Республика).

18. Мамчуева Фатима Османовна – к.ф.н., Ведущий научный сотрудник отдела литературы народов КЧР, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова (КЧИГИ), г. Черкесск (Карачаево-Черкесская Республика).

19. Мирзоев Асланбек Султанович – к.и.н., доцент, с.н.с. отдела этнологии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, г. Сухум (Республика Абхазия).

20. Мусхаджиев Саид-Хасан Хамзатович – канд. ист. н., доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «МГТУ» г. Майкоп (Республика Адыгея).

21. Мургазалиев Магомед Магомедмирзаевич – Заместитель руководителя Региональной общественной организации «Аварская культурно-национальная автономия», Региональная общественная организация «Аварская культурно-национальная автономия», г. Махачкала (Россия).

22. Озова Фатима Анатольевна – д.и.н., доцент, Заведующий Отделом истории народов КЧР, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова, г. Черкесск (Россия).

23. Пахомчик Сергей Алексеевич – к.э.н., доцент кафедры Менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (Россия).

24. Салакая Сослан Шотаевич – к.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии, Абхазский государственный университет, директор НИЦ «Абхазская Энциклопедия», г. Сухум (Республика Абхазия).

25. Сефербеков Руслан Ибрагимович – д.и.н., главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН. Г. Махачкала (Россия)

26. Соловьева Наталья Георгиевна – к.и.н., доцент, Ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов КЧР, РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова», г. Черкесск (Россия).

27. Ткаченко Дмитрий Сергеевич – д.и.н., доцент, профессор кафедры истории России, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь (Россия).

28. Умаров Джамбулат Вахидович – к.п.н., профессор., президент Академии наук Чеченской Республики; профессор кафедры истории и культуры Чечни ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», академия наук Чеченской Республики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный (Чеченская Республика)

29. Хаджиева Мадина Хамитовна – к.и.н., доцент, РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова». Отдел этнологии КЧР, г. Карачаевск (Россия).

30. Халидов Деньга Шахрудинович – к.ф.н., доцент, чл.-корр. Академии геополитических проблем (Москва), руководитель Центра гуманитарных исследований при Общероссийском общественном движении «Российский конгресс народов Кавказа» (РКНК), г. Махачкала (Республика Дагестан, РФ).

31. Цвижба Лариса Исиновна – к.и.н, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

32. Ярков Александр Павлович – д.и.н., проф., руководитель направления Координационного центра ТюмГУ, г. Тюмень (Россия).

Научное издание

В авторской редакции

**Жәларбжъаратәи атцаарадырратә конференция
Кавказтәи аибашъра: адоурыхтә лкаакәеи иахьатәи аамтәи**

**Международная научная конференция
«Кавказская война: уроки истории и современность»**

Посвящена памяти Г.А. Дзидзария

Материалы конференции

Редактор – *Дбар А.Я.*
Корректор – *Дбар А.Я.*
Компьютерный набор – *Мамедова О.В.*
Верстка – *Беренджи А.Ш.*